

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Под общей редакцией проф. А. А. Крубера

— I —

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

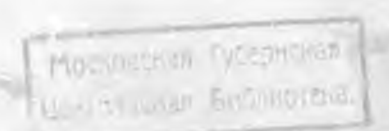
Популярная история географических открытий и путешествий

ТОМ III

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК И НАШЕ ВРЕМЯ

Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета допущено как пособие для преподавателей

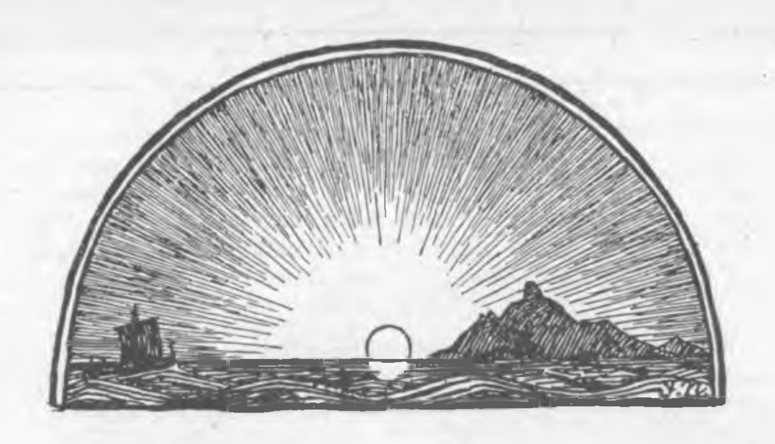
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Изд № 7180. Главлит № 28655. Напеч. 5000 экз.

1-я Образцовая типография. Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кругосветные путешествия в первую половину девятнадцатого столетия.

I.

Первые русские кругосветные путешествия.— Крузенштерн.— Головнин.

Несмотря на огромный прогресс в области землеведения в восемнадцатом веке, это столетие может считаться, однако, лишь подготовительной эпохой. Хотя в течение восемнадцатого столетия и были сделаны, как мы видели в предыдущем томе этого сочинения, весьма серьезные попытки исследования многих областей земного шара, тем не менее в восемнадцатом веке науки о Земле, в полном смысле этого слова, еще не существовало. Только в девятнадцатом веке, после целого ряда географических открытий, явилась возможность создания общей науки землеведения. Современная география представляет собой синтез всех предыдущих географических открытий; только благодаря неисчерпаемым материалам, которые доставили путешественники и исследователи, географы смогли дать общую картину поверхности земного шара.

Девятнадцатый век с большим правом, чем все другие, может быть назван веком *географических исследований*. Если в предыдущие столетия путешественники открыли почти все существующие на земном шаре материки и острова (за исключением Антарктиды), то внутренние области этих материков, по большей части, были совершенно неизвестны. На долю исследователей прошлого века и выпало—познакомить человечество с обширными внутренними странами Африки, Азии, Австралии и Аме-

рики. Эта задача была выполнена блестящим образом, и к началу двадцатого века на земном шаре осталось лишь незначительное количество белых мест, куда не ступала еще нога культурного человека. О наиболее выдающихся путешественниках-исследователях, представителях научного «завоевания» земли в XIX веке мы и расскажем на страницах этой книги.

Если мы начнем свой обзор великих географических завоеваний XIX века с морских путешествий, то мы должны будем констатировать, что в продолжение всего бурного периода Великой французской революции и в течение всей эпохи наполеоновских войн, англичане и французы временно прекращают снаряжение больших географических экспедиций. Вместо них на арену научных исследований выступают русские. В первые три десятилетия XIX века Россия снарядила целых пять больших кругосветных экспедиций. Мысль о снаряжении первой кругосветной *русской* экспедиции принадлежит знаменитому государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву [1]), сильно интересовавшемуся географическими и вообще научными вопросами. Канцлер Румянцев сумел убедить русское правительство в важности географических исследований; по его инициативе, а отчасти и на его средства были снаряжены первые русские кругосветные экспедиции. Воспользовавшись тем, что правительство решило послать в 1803 году особое посольство в Японию, Румянцев предложил Александру I послать это посольство морем и вместе с тем послать на этих кораблях необходимые товары в североамериканские русские колонии, получавшие до того времени все припасы из России через Сибирь и Охотское море.

Проект Румянцева был принят, и в 1803 году была снаряжена *первая* русская кругосветная экспедиция. Эта экспедиция состояла из двух кораблей—«Нева» и «Надежда». Начальство над экспедицией было поручено капитан-лейтенанту Ивану Федоровичу Крузенштерну, помощником которого был назначен капитан-лейтенант Лисянский.

Иван Федорович Крузенштерн родился 8 ноября 1770 года в Лифляндии. Первоначальное свое образование он получил в Ревельском реформатском училище, а потом поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге. Выпущенный из корпуса в мае 1788 года мичманом, Крузенштерн принимал участие в морских сражениях со шведами при Гохланде и Выборге. Произведенный в 1790 году в лейтенанты, Крузенштерн был послан вместе с другими одиннадцатью флотскими офицерами

---

[1]) Основателю «Румянцовского» Музея и библиотеки в Москве (ныне Всероссийская публичная библиотека имени т. Ленина).

в Англию, чтобы усовершенствоваться в мореходной науке. Крузенштерн пробыл на службе в английском флоте 6 лет, в течение которых он совершил плавания в Америку, Вест-Индию, Ост-Индию и к берегам Китая.

Когда Крузенштерн вернулся в Россию, правительство поручило ему купить в Англии два корабля для кругосветного плавания. 5 июня 1803 года Крузенштерн прибыл в Кронштадт с купленными судами—«Надеждой» и «Невой». 26 июня 1803 года экспедиция была уже готова и отправилась в плавание. Согласно плану экспедиции Крузенштерн должен был обогнуть мыс Гоорн и плыть затем на Сандвичевы острова. У Сандвичевых островов корабли должны были разъединиться. «Надежда» должна была итти на Камчатку и оставить там свой груз, чтобы затем плыть в Японию и отвезти туда посла Резанова и его спутников. Из Японии Крузенштерн должен был снова вернуться на Камчатку, нагрузить там свой корабль пушным товаром и отвезти его в Кантон для продажи. Другому кораблю — «Неве», под командой Лисянского, предписано было плыть с Сандвичевых островов к северо-западным берегам Америки, на остров Кадьяк, где находилась главная контора Российско-Американской компании. После зимовки на Кадьяке, «Нева» должна была нагрузиться также пушным товаром и прибыть в Кантон, чтобы встретиться с «Надеждой». Из Кантона оба корабля, взяв груз чая, должны были отправиться вместе в Россию мимо мыса Доброй Надежды.

Адмирал Крузенштерн.

На корабле «Надежда», кроме командира Крузенштерна, находились: лейтенанты Ратманов, Ромберг, Головачев, мичман Белингсгаузен, два врача, два естествоиспытателя, художник, астроном и 50 человек матросов, не считая посланника и его свиты. Перейдя 26 ноября экватор, Крузенштерн направился вдоль берегов Бразилии к югу. 3 марта 1804 года корабли обогнули мыс Гоорн, и русские моряки вошли в Великий

океан. В начале мая русские мореплаватели увидали перед собою группу островов, называемых Маркизскими. Корабли Крузенштерна пристали к одному из этих островов—Нукагиве. Здесь русские матросы впервые увидали дикарей; более всего матросов поразила татуировка дикарей, и многие из них просили туземцев Нукагивы сделать им какие-нибудь рисунки на руках.

Запасшись на Нукагиве плодами хлебного дерева, бананами, кокосовыми орехами и другими продуктами, Крузенштерн 18 мая вышел по направлению к Сандвичевым островам. 7 июля перед мореплавателями показался остров Гавайи. Плывя вдоль берега, мореплаватели любовались тропической растительностью острова; в тени многочисленных рощ кокосовых пальм, бананов и других тропических растений виднелись деревни и жилища туземцев; множество туземных лодок стояло у берега. Над всем островом господствовала величественная гора Мауна-Лоа, вершина которой почти всегда окутана облаками.

На Сандвичевых островах Крузенштерн и Лисянский, согласно инструкции, разъединились: Крузенштерн на «Надежде» направился прямо на Камчатку, а Лисянский на «Неве» пристал к Гавайи, в заливе Каракакоа. Русские были встречены гавайцами очень радушно; Лисянский и его спутники были приняты королем острова. Лисянский пробыл на Сандвичевых островах почти две недели и лишь 20 июля направился к Алеутским островам.

В это время Крузенштерн был уже на Камчатке, куда он прибыл почти ровно через год после выхода из Кронштадта. 30 августа Крузенштерн вышел из Камчатки и после сильнейшей бури 8 октября прибыл в Нагасаки, единственную японскую гавань, которая была в то время открыта для европейцев. Здесь Крузенштерну пришлось простоять целых полгода, так как японский император не хотел принимать русского посланника. За время стоянки в Нагасаки Крузенштерн исследовал близлежащее море и составил подробную карту залива.

Из Японии Крузенштерн снова направился на Камчатку и попутно произвел целый ряд исследований в Японском море. В это же время он исследовал побережье Сахалина и составил подробную карту этого острова. С Камчатки Крузенштерн направился вновь к Сахалину, а затем посетил остров Формозу и 20 ноября 1805 года бросил якорь в бухте Макао, где и обменял привезенные с Камчатки меха на чай. 2 декабря в Макао прибыл и Лисянский на «Неве» с Кадьяка.

9 февраля 1806 года оба корабля снялись с якоря и направились в Россию. Спустившись на юг и пройдя между Явою и Суматрой, мало исследованным в то время Зондским проливом, русские корабли направились к мысу Доброй Надежды.

9

7 августа 1806 года экспедиция прибыла благополучно в Кронштадт, пробыв в кругосветном плавании три года и 12 дней. Крузенштерн, как главный руководитель экспедиции, был принят Александром I, который приказал вычеканить медаль в память первого русского кругосветного плавания и издать составленное Крузенштерном описание путешествия с рисунками, картами и т. п. Эта книга Крузенштерна, имеющая заглавие «Вокруг Света», была тотчас же переведена на главнейшие европейские языки и поставила имя автора в ряды знаменитейших ученых мореплавателей.

После экспедиции Крузенштерна русское правительство снарядило в 1807 году новую экспедицию для исследования северной части Великого океана. Начальником этой экспедиции был назначен капитан Головнин, только что вернувшийся перед этим в Россию из Англии, где он служил в течение пяти лет в английском флоте.

Для плавания Головнину было дано одно небольшое судно «Диана».

Главной целью экспедиции Головнина было описание северной части Великого океана и в то же время установление пути на Дальний Восток из России мимо мыса Доброй Надежды. Выше мы видели, что Крузенштерн избрал путь из России на Камчатку мимо берегов Америки и мимо мыса Гоорн, Головнин же решил плыть вдоль берегов Африки и обогнуть мыс Доброй Надежды, чтобы выяснить, который путь на Дальний Восток будет наиболее удобным.

«Диана» покинула Кронштадтский порт 25 июля 1807 года. После недолгой остановки в Копенгагене и Портсмуте, «Диана» направилась к берегам Африки. Миновав благополучно Азорские острова и острова Зеленого мыса, «Диана» достигла мыса Доброй Надежды. Головнин решил сделать остановку в Столовой бухте, чтобы исправить некоторые повреждения на корабле и пополнить запасы провианта. Однако ему ничего не удалось сделать. На мысе Доброй Надежды его ожидала большая неприятность. После отъезда Головнина из России, между Россией и Англией произошел разрыв, и поэтому английский губернатор Капштадта тотчас по приходе «Дианы» в Столовую бухту отдал приказ арестовать русский корабль и объявил Головнину, что он и его спутники считаются английскими пленниками. Впрочем, губернатор позволил Головнину и всему экипажу «Дианы» жить на корабле.

Головнин прожил таким образом несколько месяцев. Не видя конца своему плену, он задумал бежать на «Диане». Однако выполнить эту задачу было не легко: «Диана» была отве-

дена в самую глубь Столовой бухты, и около нее стояли английские корабли. Кроме того, на «Диане» все паруса были убраны, и на борту почти не было провизии.

Несмотря на все это, Головнин 15 мая 1808 года решил попытаться осуществить свой план. В 6 $^1/_2$ часов вечера, во время дождя и тумана, Головнин приказал отрубить канаты у якорей, и на небольших парусах направился к выходу из бухты. Едва «Диана» сделала несколько сотен метров вперед, как со сторожевых английских судов раздались тревожные сигналы. Однако на «Диане» весь экипаж самоотверженно работал, переставлял паруса и исполнял приказания капитана. В 10 часов вечера «Диана» была уже в открытом море.

От мыса Доброй Надежды Головнин решил плыть прямо на восток и пройти мимо Новой Голландии с юга, чтобы избежать встречи с английскими судами. Затем, взяв курс на север, он хотел пройти мимо Новой Голландии и Новой Зеландии и оттуда мимо Каролинских островов плыть на Камчатку. Несмотря на то, что этот путь был очень длинен, а запасов провианта на корабле было очень мало, Головнину удалось выполнить свой план, и 23 сентября, после четырехмесячного плавания, «Диана» прибыла благополучно на Камчатку.

Головнин пробыл на Камчатке более двух лет, исследуя берег этого полуострова; с Камчатки, летом 1810 года, он совершил плавание к северо-западным берегам Америки. В 1811 году Головнину было поручено исследовать Курильские острова, Шантарские острова и Татарский пролив. Во время этого плавания Головнин остановился у японского острова Кунашира для того, чтобы сделать запас свежей воды. Японцы этого острова были тогда озлоблены против русских за нападение на их селение русских служащих Российско-Американской компании. Желая отомстить за это нападение, японцы заманили самого Головнина, мичмана Муро, штурмана Хлебникова и четырех матросов, связали им руки и заключили в крепость.

Оставшиеся на судне офицеры, видя, что Головнин и его спутники не возвращаются, собрались на совет, чтобы обсудить, как поступить в данном случае. На совете было решено, ввиду немногочисленности экипажа, не предпринимать враждебных действий против японцев, а скорее итти в Охотск и там обо всем случившемся уведомить гражданские власти. Перед уходом «Дианы» с Кунаширо, лейтенант Рикорд, заступивший пост капитана, приказал положить на берегу сундуки с вещами Головнина, Муро и Хлебникова и письмо, подписанное всеми офицерами.

Между тем японцы повезли связанных пленников в город Хакодате. Там их посадили в небольшие клетки, поставленные

в темном сарае, и через семь недель мучительного заключения привезли в город Матсмай. Здесь пленники решили спастись из плена бегством, добраться до берега моря, завладеть какой-либо рыбацкой лодкой и на ней достигнуть Камчатки. Однако это предприятие не увенчалось успехом; хотя Головнину и его товарищам и удалось бежать из тюрьмы, но на девятый день их скитания по горам и долинам острова Матсмая японцы поймали их и привели обратно в тюрьму. Головнин и его товарищи томились в плену у японцев 26 месяцев и 26 дней. Только 1 октября 1813 года в залив Хакодате пришла «Диана», и после долгих переговоров японские власти отпустили русских пленников. 3 ноября «Диана» прибыла в Петропавловскую гавань на Камчатке.

Капитан В. М. Головнин.

«В это время года,— говорит Головнин,— пустынная Камчатка со своими горами, сопками и лесами была покрыта глубоким снегом, но нам она показалась раем, потому что составляет часть России. Навстречу нам выехали знакомые офицеры, которые смотрели на нас, как на выходцев с «того света». С бо́льшей радостью они не могли бы встретить родных братьев».

22 июля 1814 года, т.-е. ровно через семь лет после начала экспедиции, «Диана» возвратилась в Петербург. Головнин, в награду за все понесенные им лишения, был произведен в капитаны второго ранга и получил пожизненную пенсию в 1500 рублей в год. Матросам, бывшим с Головниным в плену, были также назначены пожизненные пенсии, и им было разрешено выйти в отставку, когда они этого пожелают. Головнин составил подробное описание своего пребывания в плену у японцев; это сочинение было издано в 1819 году. Оно было переведено на многие европейские языки и обратило на себя особенное внимание в Англии, где, равно как и во Франции и в Германии, выдержало несколько изданий.

В 1816 году капитан Головнин был избран в почетные члены государственного адмиралтейства, а в 1817 году был назна-

чен начальником новой кругосветной экспедиции. 26 августа 1817 года Головнин отправился во второе кругосветное плавание на корабле «Камчатка» [1]). На этот раз он избрал путь мимо мыса Гоорн. Обследовав русские колонии в Северной Америке и определив географическое положение островов, принадлежавших России, Головнин, после остановки на Сандвичевых, Марианских и Молуккских островах, направился к мысу Доброй Надежды. В 1819 году он заходил на остров св. Елены, на котором в то время жил в заточении Наполеон I. 5 сентября 1818 года Головнин прибыл на «Камчатке» в Кронштадт, пробыв в плавании 2 года и 10 дней. Описание путешествия на «Камчатке» было издано Головниным в 1822 году в двух частях. В этом сочинении содержится много ценных указаний для моряков, а также есть любопытные сведения о Бразилии, Чили, Кадьяке, Калифорнии и о Сандвичевых островах. За свои заслуги Головнин получил чин вице-адмирала. Он умер от холеры в 1831 году.

Имя Головнина увековечено в названном в честь его заливе в Беринговом море; кроме того, именем Головнина назван пролив на Курильских островах, один мыс на материке Америки и гора на острове Новая Земля.

II.

Кругосветное путешествие Беллингсгаузена.— Исследование Беллингсгаузеном южных полярных морей.

После экспедиции Крузенштерна и Головнина русское правительство или Российско-Американская компания почти ежегодно снаряжали экспедиции на Камчатку и в северо-американские колонии. Все эти экспедиции держались маршрута Крузенштерна и поэтому не представляют большого интереса в научном отношении. Лишь один из учеников Крузенштерна и участник его экспедиции Фаддей Фаддеевич Беллингсгаузен решил продолжать дело исследования. В 1819 году под начальством Беллингсгаузена была снаряжена третья русская научная кругосветная экспедиция. Во время своего плавания Беллингсгаузен проник в совершенно неизвестные до того времени области и сделал много важных открытий.

Прежде чем говорить о плавании Беллингсгаузена, нам необходимо сказать несколько слов о личности этого выдающегося мореплавателя. Фаддей Фаддеевич Беллингсгаузен родился в 1779 году на острове Эзеле, входившем в состав Лифляндской

[1]) В этой экспедиции участвовал и знаменитый впоследствии русский мореплаватель и исследователь Фердинанд Петрович Врангель.

губернии. Беллингсгаузен с молодых лет полюбил море и с раннего детства стал мечтать о том, чтобы сделаться моряком. Видя такое стремление мальчика, родители отдали его в Петербургский морской корпус, который он и окончил в 1798 году. В 1803 году Беллингсгаузен совершил кругосветное плавание на корабле

Корабли Беллингсгаузена среди полярных льдов.

Крузенштерна в чине мичмана. Когда в 1819 году русское правительство решило снарядить новую кругосветную экспедицию, то Александр I назначил начальником этой экспедиции, по совету Крузенштерна, Беллингсгаузена. В план этой экспедиции входило также исследование южных полярных морей. Беллингсгаузену было указано в инструкции—спуститься как можно дальше к югу и продолжать свои исследования до самых высо-

ких широт, каких можно будет достигнуть. Беллингсгаузен должен был употребить все усилия, чтобы возможно ближе проникнуть к южному полюсу, отыскивая неизвестные земли.

В распоряжение Беллингсгаузена было дано два небольших судна—«Восток» и «Мирный»; командование на «Востоке» взял на себя Беллингсгаузен, а командиром «Мирного» был назначен лейтенант Лазарев. Экспедиция вышла из Кронштадта 4 июля 1819 года. 15 сентября Беллингсгаузен достиг уже острова Тенерифа, где сделал остановку в бухте Санта-Круц. Отсюда Беллингсгаузен направился к берегам Бразилии; 18 октября корабли перешли экватор, а 2 ноября экспедиция прибыла в Рио-де-Жанейро. Здесь корабли простояли 3 недели, чтобы дать возможность матросам отдохнуть от долгого плавания.

22 ноября Беллингсгаузен покинул порт Рио-де-Жанейро и направился на юг. 15 декабря мореплаватели увидели острова Валлиса и Георгия и, осмотрев их, открыли еще третий неизвестный до этого времени остров. Беллингсгаузен назвал его островом Анненкова в честь одного из своих офицеров. 20 декабря мореплаватели увидали первые плавающие льдины; температура с каждым днем понижалась; почти все время шел снег, и на море стоял густой туман. Несмотря на это Беллингсгаузен продолжал плыть вперед. Почти целый месяц русские корабли пробирались среди плавающих льдов и ледяных полей. 21 января 1820 года Беллингсгаузен достиг 69° 25′ южной широты. Дальнейшее плавание оказалось невозможным. Впереди кораблей виднелись сплошные ледяные поля и горы. Вследствие этого Беллингсгаузен отдал приказ плыть на северо-восток. После нескольких дней плавания Беллингсгаузен снова направился на юг. 5 февраля корабли перешли в третий раз южный полярный круг. На этот раз попадались лишь небольшие плавающие льдины, и Беллингсгаузену удалось достигнуть почти 70° южной широты. Дальнейший путь оказался снова невозможным по причине льдов, и Беллингсгаузен решил итти в Тасманию и в порт Джаксон, чтобы сделать необходимый ремонт судов. 27 марта корабли Беллингсгаузена были уже в виду берегов Австралии. 30 марта, после 4 месяцев и 11 дней непрерывного плавания в южных полярных морях, русские мореплаватели высадились в порте Джаксоне.

После 38-дневной стоянки в Австралии, 8 мая Беллингсгаузен отдал приказ выйти в море. На этот раз он решил, прежде чем плыть к полюсу, зайти на Новую Зеландию и к острову Опаро, открытому Ванкувером. 28 мая Беллингсгаузен пристал к берегу Новой Зеландии в заливе Королевы Шарлотты. На русские корабли тотчас же приехали на лодках туземцы. Остановив-

шись близ кораблей, новозеландцы начали что-то говорить. Так как русские ни слова не понимали и не умели говорить по-новозеландски, они стали объясняться с туземцами знаками. Сам Беллингсгаузен знаками приглашал туземцев взойти на корабль. После недолгих колебаний, туземцы поднялись на палубу. Один старик-туземец был, повидимому, главою местного племени. Беллингсгаузен обласкал его и подарил ему бисеру, зеркало и ножик. Потом он объяснил, что желает получить рыбы, назвав это слово по-новозеландски «гийка». Старик понял и, видимо, обрадовался. Он передал об этом своим спутникам, и те, смеясь, повторяли слово «гийка, гийка», знаками выказывая готовность доставить желаемое. На другой день, действительно, новозеландцы привезли много рыбы, которую русские выменяли у них на гвозди, зеркала и другие вещи.

В следующие дни Беллингсгаузен и другие офицеры посетили несколько туземных селений; новозеландцы не препятствовали осмотру их жилищ русскими и, получив подарки, показывали всю свою утварь и имущество. 4 июня русские корабли покинули Новую Зеландию и направились к Опаро, который входит в состав островов Дружбы. От Опаро Беллингсгаузен направился к Таити. Плавание от Новой Зеландии до Таити сопровождалось открытием целого ряда островов, из которых только немногие были известны Куку. Открытые Куком острова Беллингсгаузен назвал именами известных в то время русских государственных деятелей: графа Аракчеева, князя Волконского, генерала Ермолова, графа Милорадовича, Голенищева-Кутузова, Остен-Сакена, адмиралов Чичагова, Крузенштерна, Грейга.

22 июля русские корабли были уже на Таити. Перед взорами мореплавателей открылась великолепная панорама. Высокие горы, покрытые тропическими лесами, крутые утесы, зеленеющие равнины, рощи кокосовых пальм, бананов и хлебных деревьев,—все это создавало картину, до этого времени невиданную русскими моряками. Вскоре по прибытии русских судов к острову, на корабль Беллингсгаузена прибыла шлюпка, на которой находился человек, весь окутанный белым коленкором. Этот человек поднялся на палубу и передал Беллингсгаузену письмо на английском языке от короля острова Таити, Помарэ; в этом письме Помарэ приветствовал чужеземцев и приглашал к себе на остров. Оказалось, что на острове жили два матроса-европейца и один английский миссионер с женой. Один из матросов, американец Вильямс, долгое время служил на судах Российско-Американской компании и говорил по-русски. Благодаря Вильямсу русские могли легко войти в общение с таитянами.

Вскоре на корабль прибыл и сам король Помарэ со своею женой, дочерью и многочисленной свитой. Поднявшись на палубу, Помарэ подал Беллингсгаузену руку по европейскому обычаю, произнеся слово «юрана!», что на таитянском языке означало приветствие. Беллингсгаузен угостил короля и его спутников обедом. За обедом король, когда ему предлагали вина, прежде чем выпить, чокался и говорил: «Рушен (т.-е. за русских), Александр!». В разговоре он даже упомянул имя Наполеона, давая этим понять, что ему не чужды европейские дела.

При отъезде с корабля, король пригласил всех офицеров к себе на обед. Матросы, в свою очередь, получив от командиров разрешение сойти на берег, вскоре установили самые дружественные отношения с таитянами, беспрерывно обмениваясь с ними восклицанием «юрана!», «юрана!» («привет»). Когда русские корабли готовились к отплытию, многие островитяне убедительно просили взять их с собою в Россию, но Беллингсгаузен строго приказал не брать на корабли ни одного таитянина. 27 июля русские мореплаватели покинули гостеприимный остров. С Таити Беллингсгаузен взял курс снова к Австралии, откуда он намеревался сделать еще раз попытку проникнуть к южному полюсу.

31 октября 1820 года Беллингсгаузен отплыл на юг и уже 17 ноября достиг острова Маквари. 27 ноября корабли прошли 60° южной широты и встретили первые плавающие льдины. 1 декабря суда Беллингсгаузена едва не были затерты льдом. 2 декабря разразилась сильная буря. За густым туманом и хлопьями снега суда каждую минуту рисковали разбиться о ледяные горы. В течение целого дня «Восток» и «Мирный» не видали друг друга, и с кораблей не были слышны сигналы. Экипажи готовились уже к гибели среди льдов полярного океана.

Однако на следующий день небо прояснилось, показалось солнце, и мореплаватели ободрились. 13 декабря русские корабли в четвертый раз перешли за южный полярный круг. Пробираясь все время среди ледяных полей и ледяных айсбергов, Беллингсгаузен не терял надежды, что льды скоро кончатся, и он увидит перед собою свободное море. Однако 14 декабря ледяные поля сомкнулись совершенно и преградили дальнейший путь вперед. Вследствие этого Беллингсгаузен вынужден был взять курс на север. 26 декабря Беллингсгаузен снова взял курс на юг, достиг широты, до которой удалось добраться Куку, и вступил в совершенно неисследованные области. 10 января мореплаватели увидали перед собою большой остров, который Беллингсгаузен назвал островом Петра I, создателя русского флота. 17 января Беллингсгаузен открыл берег другого большого

острова, названного им Землей Александра I, как инициатора экспедиции.

Убедившись в невозможности обойти землю [1]) Александра I, Беллингсгаузен решил итти на Новую Шотландию, открытую в 1819 году английским капитаном одного купеческого брига, Смитом. Беллингсгаузен хотел проверить, точно ли это материк, лежащий у полюса, или же только остров. Дойдя до Новой Шотландии, Беллингсгаузен обошел ее и убедился, что перед ним не материк, а остров. Плывя далее, он встретил еще целый ряд неизвестных до того времени островов. Всем этим вновь открытым островам Беллингсгаузен дал названия по имени местностей, где происходили важные битвы во время войны 1812 — 1814 г.г.— «Бородино», «Малый Ярославец», «Смоленск», «Березина», «Полоцк», «Лейпциг» «Ватерлоо».

Ф. Ф. Беллингсгаузен.

Беллингсгаузен хотел было продолжать свои исследования, но его корабль «Восток» был сильно поврежден льдами. После совета с офицерами, Беллингсгаузен решился плыть в Рио-де-Жанейро, чтобы оттуда отправиться в Россию. 27 февраля 1821 года «Восток» и «Мирный» благополучно достигли Рио-де-Жанейро. В Рио-де-Жанейро русские суда простояли более двух месяцев, так как для плавания в Россию они нуждались в большом ремонте.

После остановки в Лиссабоне оба корабля 20 июля 1821 года вступили в Балтийское море, а 24 июля прибыли в Кронштадт. Все плавание продолжалось 3 года и 20 дней, при чем якорной стоянки было всего 224 дня. Во время плавания суда сделали приблизительно 92.252 километра, т.-е. расстояние, превосходящее слишком в два раза величину земной окружности. Беллингсгаузеном было открыто 29 островов и одна коралловая мель.

---

[1]) Позднейшие исследователи установили, что открытая Беллингсгаузеном земля Александра I представляет не остров, как думал Беллингсгаузен, а берег Антарктического материка.

По своем возвращении Беллингсгаузен принялся за обработку своих путевых заметок. Описание путешествия Беллингсгаузена вышло в 1831 году в двух томах под заглавием: «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 г.г. на шлюпах «Восток» и «Мирный».

III.

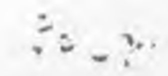
Кругосветное плавание Коцебу на корабле «Рюрик».— Кругосветное путешествие Литке.

Выше мы упоминали, что государственный канцлер Н. П. Румянцев, сильно интересовавшийся географическими вопросами, много способствовал снаряжению первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна. Война 1812 года заставила русское правительство временно оставить снаряжение новых экспедиций. Но канцлер Румянцев, сознавая важность географических исследований, решил продолжать начатое дело, и в 1815 году на свой счет снарядил новую экспедицию в Великий океан. Главной целью этой экспедиции было разрешение старого вопроса об отыскании северо-западного прохода из Атлантического океана в Великий. Так как все попытки найти этот проход, следуя из Атлантического океана мимо северных берегов Америки, не привели ни к чему, то Румянцев составил проект обогнуть Америку, следуя из Берингова пролива в Атлантический океан.

По совету адмирала Крузенштерна, Румянцев пригласил в начальники экспедиции лейтенанта Оттона Евстафьевича Коцебу, который принимал участие в первом кругосветном плавании Крузенштерна. Румянцев заказал в Або (в Финляндии) специальный корабль для экспедиции, которому он дал наименование «Рюрик». Экипаж «Рюрика» состоял из капитана, двух лейтенантов, трех штурманов, 22 матросов, 1 доктора, 1 художника и двух естествоиспытателей, из которых один был молодой немецкий ученый (француз по происхождению) Адальберт Шамиссо, сделавшийся потом известным поэтом.

30 июля 1815 года «Рюрик» вышел из Кронштадтского порта в море. 28 октября 1815 года «Рюрик» достиг острова Тенерифа, где Коцебу сделал остановку в бухте Санта-Круц. Покинув Тенериф 1 ноября, «Рюрик» направился к берегам Бразилии. 28 ноября «Рюрик» перешел экватор. Событие это было отпраздновано обычным порядком, т.-е. выстрелами из пушек и взаимными поздравлениями.

Выдержав сильнейшую бурю у берегов Бразилии, «Рюрик» 16 января обогнул мыс Горн. Сделав остановку в бухте Кон-

сепсион, Коцебу направился затем на остров Пасхи. В этой области океана Коцебу удалось открыть несколько небольших необитаемых островов, названных им островами «Рюрика». От острова Пасхи Коцебу направился на север, чтобы заблаговременно прибыть на Камчатку. После трехмесячного плавания по океану «Рюрик» 19 июня вошел в Петропавловскую гавань на Камчатке.

Тотчас же по прибытии на Камчатку Коцебу стал готовиться к главной цели своего путешествия—к отысканию прохода из

Ф. П. Литке.

Великого океана в Атлантический. В половине июля «Рюрик» вышел в Берингово море и взял курс на север. Миновав острова Гвоздева, Коцебу достиг Восточного мыса (ныне Дежнева) и бросил якорь. Через несколько дней «Рюрик» вышел в Ледовитый океан, но здесь был захвачен сильной бурей, так что после этой бури он вынужден был итти на остров Уналашку для ремонта. Пробыв на Уналашке одну неделю и исправив некоторые повреждения, Коцебу 15 сентября пошел в Калифорнию и 1 октября бросил якорь в бухте Сан-Франциско. Здесь он хотел дать отдых матросам и сделать некоторые запасы. Из Калифорнии Коцебу направился к Сандвичевым островам, а оттуда на остров

Кадьяк, чтобы снова попытаться обогнуть Америку с севера. 10 июля «Рюрик» уже находился при выходе в Ледовитый океан; однако и на этот раз «Рюрику» не удалось проникнуть далеко на север. Сам Коцебу сильно заболел, и поэтому решено было вернуться на Уналашку. На Уналашке Коцебу поправился. Но недостаток съестных припасов и дурное состояние «Рюрика», требовавшего большого ремонта, не позволили продолжать исследования. На совете было постановлено вернуться в Россию, зайдя предварительно на Филиппинские острова, чтобы запастись провиантом.

16 августа «Рюрик» покинул Уналашку. После шестимесячного плавания по океану «Рюрик» в начале марта достиг мыса Доброй Надежды, где Коцебу сделал остановку. 13 апреля «Рюрик» оставил Столовую бухту и 3 августа 1818 года благополучно прибыл в Петербург.

Хотя Коцебу и не удалось выполнить возложенную на него Румянцевым задачу, но тем не менее это путешествие много способствовало обогащению науки. Естествоиспытателем Шамиссо было собрано около 2500 различных растений, были собраны ценные сведения по языкознанию, этнографии и религии обитателей островов Великого океана. По возвращении из плавания Коцебу был назначен капитаном, и вскоре ему было поручено начальство над новой кругосветной экспедицией.

На этот раз русское правительство снарядило фрегат «Предприятие» для обследования северо-западных берегов Америки. Коцебу вышел на «Предприятии» 15 августа 1823 года из Кронштадта. Он направился в Великий океан снова мимо мыса Гоорн. В архипелаге Помоту он открыл несколько островов, которым он дал названия—«Предприятие», «Аракчеев», «Румянцев», «Паллизер». После трехлетнего плавания «Предприятие» благополучно возвратилось в Кронштадт 10 июля 1826 года.

Заканчивая наш обзор русских кругосветных путешествий. мы должны упомянуть еще об одном выдающемся русском мореплавателе первой половины XIX столетия, о Федоре Петровиче Литке. Литке своими исследованиями внес очень много в географическую науку и тем самым способствовал ее развитию.

Федор Петрович Литке родился 17 сент. 1797 г. в Петербурге. Когда ему исполнилось 15 лет, он выдержал экзамен на гардемарина и поступил во флот. В 1817 году он перешел на шлюп «Камчатка», который под командой капитана Головнина был отправлен в кругосветное плавание. Во время этого путешествия из молодого Литке выработался искусный и неустрашимый мореплаватель, стремившийся послужить науке. Возвратившись в Россию из кругосветного плавания, Литке в 1821 году принял предложение правительства исследовать бе-

рега Новой Земли. Четыре лета под-ряд плавал Литке от Архангельска к Новой Земле, и его исследования, произведенные с большим знанием дела, впервые познакомили ученых с природой Новой Земли. Результаты своих исследований Литке изложил в своем сочинении под заглавием — «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан».

В 1826 году Литке был назначен начальником кругосветной экспедиции на корабле «Сенявин». Выйдя 1 сентября 1826 года из Кронштадта, «Сенявин» благополучно достиг Бразилии и обогнул мыс Гоорн. После захода на остров Кадьяк, Камчатку и на Алеутские острова «Сенявин» мимо мыса Доброй Надежды вернулся в 1828 году в Россию. Литке составил о своем плавании подробное описание, которое было переведено на французский язык. Это сочинение выдвинуло Литке из среды прочих мореплавателей, и Академия Наук избрала его своим корреспондентом.

В это время у Литке зародилась мысль об основании Русского Географического Общества, задачей которого было бы изучение России в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Благодаря его энергии в 1845 году и было учреждено Русское Географическое Общество, которое способствовало в огромной степени развитию географических познаний о нашей родине. Литке был избран вице-президентом Географического Общества и занимал этот пост около 20 лет.

IV.

Кругосветные путешествия французов.— Экспедиция Фрейсине.— Кругосветное плавание Дюмон-Дюрвилля.

После окончания наполеоновских войн Франция и Англия снова возобновили посылку научных экспедиций в далекие края. Одной из первых кругосветных экспедиций, снаряженных Францией в XIX веке, была экспедиция Луи-Клода Фрейсине на корвете «Урания». Главною целью этой экспедиции было наблюдение над явлениями земного магнетизма в южном полушарии, а также изучение нравов, обычаев и жизни островитян Великого океана; чисто географические исследования были поставлены на второй план.

Экипаж корвета «Урания» состоял из 120 человек. Фрейсине взял с собою припасов на 2 года и 17 сентября 1817 года покинул Тулонский порт на Средиземном море. После двухлетнего плавания по Великому океану и южным морям Фрейсине решил возвратиться во Францию. Но на пути к берегам Бразилии «Урания» была застигнута сильной бурей и потерпела кру-

шение у Малуинских островов. К счастью, весь экипаж «Урании» был спасен; погибли лишь естественно-исторические коллекции, плоды двухлетних работ и исследований. Фрейсине распорядился построить из обломков «Урании» небольшое судно, чтобы отправить на нем несколько человек в Монтевидео и там арендовать корабль для перевозки потерпевших крушение во Францию.

Однако 19 марта 1820 года (после трехнедельного пребывания на острове) Фрейсине заметил приближающийся к острову корабль; то было американское судно «Генерал Кнокс», шедшее на один из Малуинских островов для ловли тюленей. Капитан «Генерала Кнокса» запросил с Фрейсине 135.750 франков (около 55.000 рублей) за перевозку экипажа «Урании» во Францию. Фрейсине был в отчаянии. На его счастье, во время переговоров на остров зашел случайно другой корабль, «Меркурий». На этом корабле Фрейсине и его спутники были доставлены в Рио-де-Жанейро, а оттуда прибыли 13 ноября 1820 года в Гавр.

Дюмон-Дюрвилль.

Неудачный конец экспедиции Фрейсине не охладил, однако, стремления французов к снаряжению кругосветных научных экспедиций. В 1822 году французское правительство снова послало под начальством капитана Дюперрея корвет «Ля-Кокиль» для исследований островов Великого океана. В этом кругосветном плавании принимал участие и прославившийся впоследствии французский мореплаватель Жюль-Себастьян-Цезарь Дюмон-Дюрвилль.

Дюмон-Дюрвилль родился в 1790 году в Нормандии, в семье зажиточных земледельцев. Рано почувствовав влечение к морю, Дюмон-Дюрвилль еще мальчиком поступил на службу во флот, где скоро выделился благодаря своей смелости. В 1819 году он был послан исследовать берега Греции и острова Эгейского моря. Случайно Дюмон-Дюрвилль пристал на своем судне к небольшому острову Милосу и был свидетелем, как

грек-крестьянин нашел на своем поле древнюю греческую статую, изображавшую женщину. Пораженный необычайной красотой этой статуи Дюмон-Дюрвилль купил ее и привез в Париж. Эта статуя, известная теперь под именем Венеры Милосской, действительно представляет величайшее произведение человеческого гения и составляет лучшее украшение Луврского Музея в Париже.

Венера Милосская.

Вернувшись в 1824 году из кругосветного путешествия, Дюмон - Дюрвилль принялся за обработку большого сочинения по географии под заглавием: «Живописное путешествие вокруг света». В то же время Дюмон-Дюрвилль решил отправиться на поиски следов несчастной экспедиции Ла-Перуза. Этот проект своего путешествия Дюмон-Дюрвилль предложил на рассмотрение правительства, но оно решительно отказалось дать средства на снаряжение экспедиции. Однако Дюмон-Дюрвилль продолжал свои хлопоты и в конце концов добился благоприятного результата. В 1826 году французское правительство снарядило под начальством Дюмон-Дюрвилля для кругосветного плавания и для розысков следов погибшей экспедиции Ла-Перуза небольшое судно. Дюмон-Дюрвилль назвал это судно «Астролябией» в память погибшего корабля Ла-Перуза.

25 апреля 1826 года «Астролябия» вышла из Тулонского порта и направилась в Атлантический океан. Обогнув мыс Доброй Надежды, Дюмон-Дюрвилль исследовал Торресов пролив, побережье Новой Зеландии и Новой Гвинеи. Около берегов Ав-

стралии Дюмон-Дюрвиллю удалось встретить одно английское судно, капитан которого, Диллон, сообщил, что ему удалось найти на берегу острова Ваникоро кое-какие следы экспедиции Ла-Перуза. Дюмон-Дюрвилль тотчас же направился к Ваникоро и здесь нашел, действительно, некоторые предметы, позволявшие с достоверностью утверждать, что корабли Ла-Перуза потерпели крушение около этого острова на рифах. Дюмон-Дюрвилль собрал у дикарей острова Ваникоро много различных вещей с «Астролябии» и «Буссоли». Эти вещи, как священные реликвии, были привезены во Францию и помещены в Морском Музее.

Дюмон-Дюрвилль расспрашивал стариков-туземцев о судьбе белых людей с разбитых кораблей, и ему удалось установить, что многие спутники Ла-Перуза, а может быть и сам Ла-Перуз, спаслись при кораблекрушении и добрались до острова. По рассказам туземцев белые люди жили некоторое время на острове, но вскоре между французами и дикарями разгорелась, повидимому, борьба, и туземцы перебили всех белых чужеземцев. В память погибшего Ла-Перуза и его спутников Дюмон-Дюрвилль воздвиг на берегу Ваникоро небольшую деревянную пирамиду и прибил на ней свинцовую доску с следующей надписью: «В память Ла-Перуза и его товарищей. «Астролябия», 14 марта 1828 года».

Вернувшись в 1829 году во Францию из своего плавания, Дюмон-Дюрвилль вскоре выступил с проектом новой экспедиции в южные полярные моря. Несмотря на противодействия знаменитого астронома Араго и других членов Французской Академии Наук, французское правительство дало Дюмон-Дюрвиллю два корабля—«Астролябию» и «Зеле» для плавания по южным полярным морям.

Дюмон-Дюрвилль отплыл из Тулона 7 сентября 1837 года. После короткой остановки на острове Тенерифе, Дюмон-Дюрвилль обогнул мыс Гоорн и направился на юг. 18 января 1838 года под 62° южной широты Дюмон-Дюрвилль встретил первые льды; чем дальше продвигались «Астролябия» и «Зеле», тем льды становились многочисленнее. Наконец, 22 января Дюмон-Дюрвилль вошел в область ледяных полей и лишь очень медленно, с большой осторожностью подвигался вперед. Время от времени он вынужден был сворачивать к северу, чтобы обогнуть ледяные горы.

Было бы слишком долго описывать все подробности этого плавания, которому кроме обыкновенных опасностей угрожало каждую минуту столкновение со льдами. 4 февраля спустился густой туман. Когда вновь показалось солнце, то оба корабля оказались разъединенными и окружен-

ными сплошным морем льда; только к северу оставался узкий проход, но достаточно было первого движения ледяных масс, и проход был бы загорожен. Действительно, так и случилось. На следующий день корабли оказались совершенно запертыми в льдах. Для мореплавателей оставалось одно из двух— или оставаться пленниками в ледяной тюрьме или рискнуть пробиться сквозь ледяную стену, отделявшую их от севера и свободы.

Дюмон-Дюрвилль с волнением говорит о том маневре, на который он решился, чтобы пробиться к северу. «Найдя небольшой канал среди льдин, я пустил в него свое судно на всех парусах. Корвет разбил первую льдину и немного подвинулся вперед, но затем вскоре остановился. Как только корвет уперся в лед, я высадил часть экипажа на льдины и приказал расчищать дорогу, разбивая лед кирками и заступами». Однако эта работа не привела ни к чему: лед простирался на несколько километров вперед, и поэтому не было никакой физической возможности пробраться через него в открытое море.

Видя бесполезность предпринятых усилий, Дюмон-Дюрвилль решил вернуться обратно в тот небольшой бассейн, где он был заперт, и попытаться найти в нем другой проход. Но этот бассейн оказался уже наполненным льдами, и мореплавателям ничего не оставалось делать, как готовиться к голодной смерти. К счастью, 9 февраля разразилась сильная буря, которая разогнала льдины и очистила проход на север.

«Астролябия» и «Зеле» вышли из ледяного плена невредимыми, и так как в южном полушарии лето еще не кончилось, то Дюмон-Дюрвилль решил еще раз попытаться пробиться к югу. На этот раз Дюмон-Дюрвилль решил плыть не от мыса Горн, а со стороны Австралии. Сделав разведки на Шотландских островах, Дюмон-Дюрвилль направился к Земле Сандвича. В этой части южного полярного океана Дюмон-Дюрвиллю удалось открыть целый ряд островов: Остров Пингвинов, Венец, Клара, отстоящий далее других на восток от Шотландских островов, остров Бриджмен, на котором находился вулкан и, наконец, еще вторую группу островов. С востока Земли Грэгема Дюмон-Дюрвилль открыл берег, названный им Землей Луи-Филиппа; этот берег отделялся узким проливом от небольшого острова, названного Дюмон-Дюрвиллем Жуанвиллем. На этом острове высились две остроконечные горы, из которых одна получила название горы Дюрвилля, а другая—горы Жакмино. Один из соседних островков был назван островом «Астролябии», в честь судна Дюмон-Дюрвилля.

Плавая по этой области океана, мореплаватели видели перед собою величественные картины; на островах, покрытых го-

рами, расстилались огромные ледники; их девственная белизна местами прерывалась темными пятнами выступавших из снега и льда скал и утесов. Безмолвие, царившее среди ледников, нарушалось внезапным грохотом, напоминавшим выстрелы из пушек; этот грохот происходил от скатывания льдин в море и от столкновения ледяных масс между собою.

Западные ветры все время крайне затрудняли плавание, и Дюмон-Дюрвилль три раза под-ряд возвращался к одному и тому же острову, который он назвал островом Разочарования. 7 марта он решил бросить дальнейшие попытки пройти на юг и повернул на север к Тасмании. Это было необходимо сделать ввиду нравственного и физического переутомления матросов.

Перезимовав в Гобарт-Тоуне, на Тасмании, Дюмон-Дюрвилль летом 1840 года решил еще раз пробраться на юг и отыскать место южного магнитного полюса. 12 января 1840 года, похоронив в Гобарт-Тоуне молодого Гупиля, участвовавшего в экспедиции в качестве художника-иллюстратора, Дюмон Дюрвилль направился на юг. 16 января, не достигнув еще и 58° южн. широты, мореплаватели заметили первые пловучие льдины. 19 января 1840 г. оба судна Дюмон-Дюрвилля пересекли полярный круг. Вскоре Дюмон-Дюрвилль открыл небольшой остров, покрытый ледниками. Этот остров он назвал островом Адели, по имени своей жены. Дальше этого острова на юг все море было покрыто льдом, и Дюмон-Дюрвилль был вынужден вернуться на север.

После остановки в Гобарт-Тоуне, на Тасмании, Дюмон-Дюрвилль направился во Францию. 2 сентября 1842 года экспедиция прибыла в Тулон. Однако Дюмон-Дюрвиллю не суждено было воспользоваться заслуженным почетом. Избегнув стольких опасностей во время своих плаваний, он погиб со своей семьей во время катастрофы на железной дороге при переезде из Парижа в Версаль.

V.

Кругосветные путешествия английских мореплавателей.— Плавание капитана Бичи.— Путешествие вокруг света Чарльза Дарвина на корабле «Бигль».

После окончания наполеоновских войн Англия предпринимает также снаряжение целого ряда научных экспедиций, имеющих целью или выяснение отдельных географических проблем или же решение общих вопросов географической науки. В числе первых английских экспедиций подобного рода следует поставить экспедиции капитана Фредерика Вильяма Бичи, одного

из знаменитых английских мореплавателей. Бичи, родившийся 17 февраля 1796 года в Лондоне, двенадцатилетним мальчиком поступил уже на морскую службу. В 1818 году он принимал участие в экспедиции Франклина на Шпицберген, а в 1819 году он участвовал в экспедиции Парри в Северный Ледовитый океан. В 1821 году британское адмиралтейство послало Бичи для исследования северного берега Африки. В 1825 году под начальством Бичи была снаряжена экспедиция в Великий океан и к северным берегам Америки.

После исследования островов Великого океана Бичи направился в Берингово море и оттуда, через Берингов пролив, проник в Северный Ледовитый океан. Здесь он исследовал северные берега Американского материка и дошел до мыса Баррова. Перезимовав в заливе Коцебу, Бичи ожидал встретить здесь экспедицию Франклина, который отправился по суше с западной стороны Америки для исследования северо-западного прохода (об экспедиции Франклина см. ниже). Не дождавшись Франклина, Бичи осенью 1827 года направился снова в Берингов пролив и в сентябре 1828 года прибыл в Англию.

Капитан Ф. В. Бичи.

Вскоре английское правительство снарядило новую кругосветную экспедицию на корабле «Бигль» под начальством капитана Роберта Фицроя. Это плавание знаменито тем, что на корабле «Бигль» находился молодой английский ученый Чарльз Дарвин, который впоследствии приобрел мировую известность благодаря своей теории «о происхождении видов»; вследствие этого плавание корабля «Бигль» приобрело громадное значение для естествознания. Геология обязана этому путешествию известной теорией Дарвина относительно возникновения и дальнейшего образования коралловых островов. Кроме того, плавание корабля «Бигль», продолжавшееся с 1831 года по 1836, положило начало многим географическим исследованиям южно-американских областей.

Одной из целей этого путешествия было тщательное исследование Аргентины и Чили. Капитан Фицрой сделал также несколько географических открытий. Так, ему удалось открыть на юге Огненной Земли фиорд Бигль-Ченнел, который, походя на широкую реку, окаймленную ледниками, извивается между Огненной Землей и южными архипелагами. Фицрой исследовал также все боковые излучины Магелланова пролива — Отвейуатер, Скиринг-уатер, канал Смита, канал Мессиэр и другие фиорды, извивающиеся между лабиринтом островов. Но главную ценность этого путешествия составляют, как мы уже сказали выше, естественно-научные наблюдения Дарвина над флорой и фауной посещенных местностей. О своем плавании на корабле «Бигль» Чарльз Дарвин написал интересную книгу: «Путешествие вокруг света на корабле Бигль».

Покинув 27 декабря 1831 года берега Англии, экспедиция пробыла в плавании целых пять лет. «Бигль» направился первоначально к берегам Патагонии и Огненной Земли, чтобы закончить съемку побережья, начатую еще в 1826 году капитаном Кингом; отсюда «Бигль» взял курс к берегам Чили и Перу, а затем, после захождения на острова Таити, Новую Зеландию и в Австралию, «Бигль» мимо мыса «Доброй Надежды» возвратился в Англию.

На Огненной Земле Дарвин занимался изучением быта огнеземельских индейцев, которые находятся на самой низкой ступени развития. Дарвин говорит, что «вигвамы огнеземельцев похожи на копны сена и представляют очень плохую защиту от непогоды. Сами огнеземельцы не носят почти никакой одежды, кроме тюленьей шкуры или плаща из шкуры гуанако. Большинство огнеземельцев малорослы, с отвратительными лицами, размалеванными белой краской, резкими голосами и порывистыми жестами. Видя таких людей,—говорит Дарвин,—едва можно поверить, что это наши ближние. Ночью,— продолжает Дарвин,—пять или шесть человеческих существ, обнаженных и едва укрытых от ветра и дождя в этом бурном климате, спят на сырой земле, свернувшись, как животные. Во время отлива, зимою и летом, ночью и днем, они должны вставать, чтобы собирать раковины со скал; женщины или ныряют, собирая морские водоросли, или сидят терпеливо в лодках и с помощью волосяной удочки ловят мелкую рыбу. Если удастся убить тюленя или найти плавающий гниющий труп кита, то это целый пир; к этой жалкой пище добавляют кое-какие безвкусные ягоды и грибы». Огнеземельцы часто терпят голодовки и иногда, по зимам, становятся под влиянием голода, людоедами. Дарвину удалось достоверно узнать, что огнеземельцы во время зимних голодовок убивают старух и съедают их раньше, чем решатся убить своих

собак. Когда Дарвин спросил их о причине этого, то ему ответили: «Собаки ловят выдр, а старухи нет» [1])

«Нет основания думать,—замечает Дарвин,—чтобы у огнеземельцев было что-либо вроде религиозного культа... Различные племена не имеют ни правительства, ни вождей и как животные бродят по своей дикой и бесплодной стране».

Исследовав берега Огненной Земли и Чили, капитан Фицрой направился в гавань Вальпарайзо. Здесь Дарвин высадился на берег и решил подняться на Кордильеры. В этой части Чили есть два прохода через Анды в Мендозу: один, более часто употребительный, а именно проход Аконкагуа, или Успалато, а другой — Портильо, более возвышенный и опасный. Дарвин отправился через проход Портильо.

Чарльз Дарвин.

В сопровождении нескольких чилийцев Дарвин поднялся в горы и после почти двухнедельного путешествия прибыл в Мендозу. «Наш способ путешествия, — говорит Дарвин, —был восхитителен. Мы везли с собою на мулах немного дров, чугунный котелок, запас картофеля и ячменя. На ночь мы останавливались где-нибудь в поле и варили свой незатейливый ужин». Спутники Дарвина были крайне поражены тем, что на горных вершинах у них долго не варился картофель, несмотря на то, что вода кипела. Вследствие уменьшенного давления атмосферы в горах, вода закипала при более низкой температуре, нежели в низменной местности, поэтому картофель, пробыв несколько часов в кипящей воде, оставался таким же твердым, каким был раньше. Чилийцы не могли объяснить себе этого явления и говорили Дарвину, что «проклятый

[1]) Позднейшие исследователи установили, что огнеземельцы не практикуют людоедства. Возможно, что во время голодовок они и прибегают к людоедству, но это является редким исключением. Вообще характеристика огнеземельцев у Дарвина не совсем правильна. Он смотрел на них не с общечеловеческой и научной точки зрения, а с точки зрения цивилизованного англичанина из буржуазного класса. Как *ученый* Дарвин в это время только еще складывался.

котел не хотел варить картофеля». Обратно из Мендозы Дарвин отправился через проход Успалато.

Дарвин исследовал также долину Коквимбо, пустыню Деспобладо и область Копиапо. Он совершил также путешествие по Таити и Новой Зеландии. Из своего путешествия Дарвин вынес огромную массу впечатлений, и именно во время этого путешествия в его уме зародились первые идеи его гениальной теории о «происхождении видов».

Во вторую половину XIX столетия, после того как парусные корабли были почти совершенно вытеснены большими паровыми судами, кругосветные путешествия перестали быть опасными и долголетними экспедициями и поэтому сделались обычными предприятиями, не вызывающими удивления. Кроме того, в средине XIX века почти все пространства океанов сделались более или менее известны, и исследователь не мог уже рассчитывать на открытие новых земель. Благодаря этому, чисто *научные кругосветные* плавания в эту эпоху почти прекращаются.

Вместо этого европейские нации стали отправлять экспедиции для исследования отдельных областей; вместе с этим во второй половине XIX века все более и более начинают интересовать исследователей уже не поверхность моря, а его глубины; в конце XIX века создается новая наука об океанах и их жизни — *океанография.*

Основу этой новой науки положил американский ученый Матвей Мори. Этот энергичный и талантливый ученый служил лейтенантом во флоте Соединенных Штатов. Занимаясь во время своих плаваний наблюдениями над морем, Мори понял всю важность изучения этой стихии, покрывающей почти три четверти всей поверхности земного шара. Под влиянием идей Мори европейские державы снаряжают во второй половине прошлого столетия специальные экспедиции для исследования морей. Первой из таких экспедиций была посылка в 1857 г. австрийским правительством корабля «Новара». В этой экспедиции принимали участие Фердинанд Гохштеттер в качестве геолога и Фридрих Мюллер в качестве этнографа. Кроме большого труда об этой экспедиции, содержащего ценные антропологические и этнографические наблюдения о многих островах Великого океана, Гохштеттер написал еще свое классическое произведение о Новой Зеландии.

Вслед за экспедицией корабля «Новара» Англия снарядила в 1872 г. судно «Челленджер» во главе с Джоржем Нерс и Чарльзом Уайвиль Томсоном. «Челленджер» пробыл в плавании более трех лет, и участники этой экспедиции произвели огромную работу;

напечатанные труды составили 50 больших томов и оказали неоцененимые услуги науке. «Челленджер» сделал 68.890 морских миль, и экспедиция произвела исследования Атлантического, Индийского, Антарктического и Великого океанов.

После экспедиции «Челленджера» для исследования моря и его глубин стали посылать экспедиции Франция, Германия и Соединенные Штаты. Так, в 1874 г. Германия снарядила корабль «Газель» для океанографических исследований, а Соединенные Штаты Сев. Америки в 1874 г. послали в Великий океан судно «Тускарору». Эта экспедиция должна была выполнить также и техническую задачу — произвести промеры между Сан-Франциско и Японией для прокладки телеграфного кабеля.

Работы этих трех экспедиций — «Челленджера» «Газели» и «Тускароры» послужили основанием для всех последующих глубоководных исследований и заложили общий фундамент современной науки *океанографии*. Систематические исследования морских глубин были предприняты лет 30 тому назад принцем Альбертом Монакским, который построил для этой цели специальные яхты. Экспедиции Альберта на яхтах «Ласточка» и «Принцесса Алиса» доставили богатейшие коллекции различных морских животных и обогатили новую науку. Все коллекции, собранные Альбертом во время его многочисленных экспедиций, размещены в специально построенном в Монако Океанографическом Музее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возобновление поисков северо-западного прохода.

I.

Экспедиция Джона Росса.— Путешествие Эдуарда Парри.— Первая экспедиция Джона Франклина.— Вторая экспедиция Франклина.— Открытие Джемсом Россом северного магнитного полюса.

В XIX столетии исследователями был поднят снова старый вопрос о существовании северо-западного прохода из Атлантического океана в Великий. Выше мы видели, что русский государственный канцлер Румянцев, интересовавшийся географическими вопросами, снарядил на свой собственный счет экспедицию под начальством Коцебу для разрешения вопроса о северо-западном проходе, при чем на этот раз Румянцев и Коцебу избрали для разрешения этого вопроса обратный маршрут, а именно путь из Великого океана в Атлантический. Однако обстоятельства помешали Коцебу выполнить возложенное на него Румянцевым поручение, и вопрос оставался попрежнему неразрешенным.

После неудачной попытки русских за разрешение вопроса о северо-западном проходе принимаются англичане. Известный в то время английский писатель-географ и путешественник Джон Барров (Барров был секретарем лорда Макартнея и сопровождал его в Китай) [1]), сильно интересовавшийся арктическими путешествиями, первый поднял вопрос о северо-западном проходе и красноречиво доказывал, что для «владычицы морей», Великобритании, является вопросом чести содействовать разрешению научных задач по землеведению. В своем превосходном сочинении «История путешествий в арктические области», Барров говорил также и о той пользе, которую могло бы принести Англии открытие северо-западного прохода. Благодаря открытию пути мимо берегов Северной Америки к восточным берегам Азии для англичан явилась бы возможность кратчайшего сообщения с Китаем и,

---

[1]) О путешествии Макартнея в Китай см. том II «Завоевание земли».

кроме того, английские промышленники могли бы вывозить этим путем меха пушных зверей из Сибири и Камчатки. Кроме всего этого Барров доказывал, что полярные экспедиции, сопровождаемые большими трудностями и опасностями, являются в высшей степени важной школой для воспитания мужественных и храбрых мореплавателей.

Энергичному Баррову, не без основания называемому «отцом» новейших полярных исследований, действительно удалось добиться принятия английским правительством на счет государства снаряжения нескольких экспедиций для поисков северо - западного прохода. Таким образом благодаря стараниям Баррова, исследование полярных стран стало «национальным делом» Британии. За открытие северо - западного прохода была возобновлена премия в 20.000 фунтов стерлингов (200.000 рублей); кроме того была назначена премия в 500 фунт. стерл. за достижение 110° долготы к западу от Гринвича.

Джон Росс.

Первыми английскими экспедициями, имевшими целью открытие северо-западного прохода, были экспедиции Джона Росса, Эдуарда Парри, Давида Бухана и Джона Франклина. Под начальством этих лиц английское правительство снарядило весною 1818 года четыре корабля. Джон Росс и Эдуард Парри, на кораблях «Изабелла» и «Александра», должны были отправиться в Баффинов залив и оттуда разыскивать проход в Великий океан. Одновременно Давиду Бухану и Джону Франклину было поручено плыть к Шпицбергену и далее, через северный полюс, пройти к Берингову проливу.

Джон Росс вместе с Парри пробрался через Баффинов залив до пролива Смита. Встретив далее плавающие льды и предполагая, что на севере пролив закрыт льдами совершенно, Росс прошел некоторое расстояние по открывавшемуся перед

ним на запад свободному от льда Ланкастерскому проливу. Таким образом Росс был на надлежащем пути к открытию северо-западного прохода, но, к общему изумлению своих спутников, в особенности же Эдуарда Парри, Росс повернул обратно. Он настаивал, что впереди виднеется горная цепь, запирающая выход. В действительности же никаких гор не было, а Росс был введен в заблуждение нередким в полярных областях явлением миража. По возвращении экспедиции в Англию, Парри от своего имени и от имени других офицеров сделал заявление, что замеченные на горизонте хребты гор могли быть просто миражем или облаком.

Так же неудачно окончилась и экспедиция Бухана и Франклина. Корабли встретили еще далеко до полюса огромные ледяные поля; достигнув с большим трудом 80° сев. шир., Бухан решил вернуться обратно. Джон Франклин хотел было на своем судне пробиваться далее через льды, но Бухан, как начальник экспедиции, заставил Франклина вернуться. По прибытии в Англию, Франклин, подобно Парри, также сделал заявление, что нельзя ставить окончательно крест на вопросе о северо-западном проходе и что при желании можно разрешить эту проблему, но он, как и Парри, склонялся к тому, что наиболее удобный и доступный путь к берегам Сибири следует искать никак не по соседству с Шпицбергеном, а скорее вдоль северо-американского побережья. Парри и Франклин были уверены, что к северо-западу море в известное время года бывает свободно от льдов, и поэтому отсюда легче добраться до восточных берегов Азии.

Вследствие этого английское правительство решило еще раз сделать попытку для отыскания северо-западного прохода. Оно снарядило две экспедиции, начальство над которыми было вверено Парри и Франклину. Франклину, кроме того, было поручено произвести сухопутные исследования северного побережья американского материка.

Парри отправился в плавание в мае месяце 1819 года на двух кораблях «Гекла» и «Грипер». Он направился в Ланкастерский пролив и, действительно, вместо предполагаемых гор нашел широкий водный путь, которым он в короткое время проник через Барров пролив до острова Мельвиля. Он пересек при этом 110° западн. долготы и выиграл таким образом назначенную премию. На острове Мельвиль Парри вынужден был зазимовать в небольшой бухте, носящей с тех пор название «Зимней Гавани». В течение целых 10 месяцев корабли Парри были скованы льдом. Непрерывная ночь продолжалась 84 дня, а мороз в это время доходил до 47°. Но так как экспедиция имела в достаточном количестве и съестные припасы и противоцынготные средства, то долгая зима прошла вполне благополучно.

За время зимовки умер только один человек. Летом 1820 года Парри исследовал Землю Банкса, но вскоре принужден был, по причине огромных масс льда, спешно направиться в обратный путь. Он вернулся в Англию осенью 1820 года. Путешествие Парри установило, наконец, существование непрерывного, идущего с востока на запад, морского пролива, который, однако, для плавания не пригоден, так как очищается от льда всего на несколько недель в году. Открытая Парри группа островов на севере Америки позднее получила название архипелага Парри.

Франклину было поручено отправиться на корабле «Принц Уэльский» в Гудзонов залив, откуда он должен был направиться уже по суше к северу и исследовать положение берегов, заливов, устьев рек, полуостровов и мысов в Ледовитом океане. Затем ему было предоставлено самому избрать лучший и кратчайший путь к берегам Азии. Франклин хорошо сознавал всю трудность возложенной на него задачи, но эти трудности нисколько не пугали его. Он знал также, что ему придется пережить не одну полярную зиму среди ледяных пустынь, и он приготовился к этому.

Эдуард Парри.

Высадившись на берегу Гудзонова залива, Франклин, в сопровождении доктора Ричардсона, двух молодых офицеров Бека и Гуда и матроса Хенборна, отправился в сентябре месяце 1819 года на свои исследования. Путь Франклина лежал через необитаемые, глухие местности. Путешественники поднялись на лодках вверх по реке Гейс и, наконец, достигли северной окраины озера Виннипег, что означает на языке местных индейцев—«грязная вода». Действительно, это озеро вполне заслуживает свое название, так как вода в нем очень мутная вследствие большой примеси глины.

Около половины октября путешественники достигли станции Кумберлендсгауз, основанной Гудзоновой компанией. Здесь Франклин решил прожить некоторое время, чтобы немного от-

дохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия. В январе 1820 года Франклин с Беком и матросом Хенборном на собаках выехали в путь. Доктор Ричардсон и Гуд остались в Кумберлендсгаузе для того, чтобы изучить быт индейцев племени кри.

Франклин с большими затруднениями достиг форта Чипевайан, где он должен был дожидаться Ричардсона и Гуда. В этом форте Франклин оставался около четырех месяцев, прибыв туда 2 марта. Во время своего пребывания в форте Чипевайан он собирал сведения о странах, лежащих на север. Он решил отправиться из форта Чипевайан к форту Провидение у Большого Невольничьего озера. В конце июля месяца Франклин и его спутники достигли форта Провидение и стали готовиться к дальнейшему путешествию. Отсюда уже предстояло итти по совершенно неизвестной местности. Франклин пригласил к себе в проводники одного вождя племени местных индейцев, по имени Акалтхо, что значит «Большая Нога».

Добравшись до берега Зимнего озера, Франклин решил остановиться здесь на зимовку. Путешественники построили несколько бревенчатых хижин, в которых и провели долгую зиму. Свою стоянку Франклин назвал фортом Предприятия. Перезимовав благополучно зиму, отряд Франклина в июне 1821 года выступил в дальнейший путь, взяв с собою два больших челнока и несколько саней. После четырех недель крайне тяжелого путешествия по болотам и пустынным местностям, путешественники увидали перед собою Ледовитый океан, к которому они стремились.

Достигнув Ледовитого океана, Франклин на двух своих челноках отправился вдоль берега по бушующим волнам для исследования. Это путешествие, полное приключений, длилось 42 дня. Наконец, 18 августа, видя, что припасы подходят к концу, Франклин направился в обратный путь. Он предполагал добраться до наступления зимы до форта Предприятия, где и намеревался провести вторую зиму. Однако это предположение не оправдалось. Уже в сентябре наступили снежные бури, и мороз доходил до 23°. Путешественникам приходилось итти по совершенно голой степи, и очень часто они не имели возможности развести костер за отсутствием дров. Припасы быстро истощались, и вскоре путешественники вынуждены были питаться тощими лишаями, растущими на скалах. Муки голода становились нестерпимыми. 20 сентября путешественники достигли берегов реки Медной. С трудом переправившись через эту реку в челноке из ивовых прутьев, обтянутых клеенкой, путешественники с мужеством отчаяния подвигались вперед.

С неимоверными усилиями путешественники добрались до форта Предприятия. Но их положение нисколько не улучшилось. У них не было никаких съестных припасов, и несколько че-

ловек уже умерли от голода. Франклин послал Бека в форт Провидение, умоляя прислать как можно скорее провианта. Помощь пришла лишь седьмого ноября. Бек вернулся с индейцами, принесшими провизию. В это время Франклин и его спутники от голода уже не могли двигаться и были накануне смерти. Индейцы очень трогательно ухаживали за больными и слабыми. Они натаскали дров и обогрели полумертвых от голода исследователей. Через несколько недель путешественники оправились окончательно, так что могли итти дальше. В мае месяце 1822 года Франклин направился в Англию, куда благополучно и прибыл в конце лета.

Джон Франклин.

Необычайные страдания, которые пришлось вынести Франклину во время его путешествия, не удержали его, однако, от второго путешествия в эти страны. В эту новую экспедицию Франклин отправился в феврале 1825 года; из его прежних спутников за ним последовали доктор Ричардсон и Бек. На этот раз Франклин отправился из Нью-Йорка на север, к Медвежьему озеру, которого он достиг в начале августа. На берегу этого озера решено было устроить зимовку, названную в честь Франклина фортом Франклина. Летом 1826 года Франклин и его спутники спустились вниз по реке Мэкензи, от устья которой Франклин с Беком направились в лодке вдоль берега моря к западу, а доктор Ричардсон с офицером Кендалем к востоку, к устью Меднорудной реки. В сентябре месяце путешественники вернулись на зимовку в форт Франклина, а в конце февраля 1827 года направились в Нью-Йорк и оттуда в Англию.

Хотя Франклину не удалось открыть в Ледовитом океане свободного от льдов северо-западного прохода, тем не менее результаты его путешествия в научном отношении были громадны. Он исследовал совершенно неизвестные до того времени берега Ледовитого океана, собрал множество сведений об индейцах и эскимосах, населяющих полярную Америку, и побывал в таких местах, куда до него не проникал ни один европеец.

После экспедиции Парри и Франклина английское правительство охладело к вопросу о северо-западном проходе. Действительно, на отыскание этого прохода были отправлены опытнейшие моряки, затрачены огромные средства и невероятные труды, но все это не привело ни к чему. И когда престарелый Джон Росс изъявил свою готовность снова отправиться на поиски северо-западного прохода, адмиралтейство отклонило его предложение. Не найдя поддержки в адмиралтействе, Росс назначил для этого дела 30 тысяч рублей из собственных средств; в то же время один богатый англичанин Феликс Бутс предоставил в распоряжение Росса 170 тысяч рублей. Благодаря этому дару, была снаряжена экспедиция, достигшая очень важных результатов. Эта экспедиция провела в полярных странах целых четыре зимы под-ряд, с 1829 по 1833 годы, чего до сих пор не бывало.

Сопровождаемый своим знаменитым племянником Джемсом Кларком Россом, Джон Росс отправился на поиски северо-западного прохода на паровом колесном судне «Виктория». Это был первый пароход, примененный для полярных исследований. Джон Росс, пройдя Ланкастерский пролив и проход Принца-Регента, достиг выдвинувшегося далеко на север полуострова, названного им в честь своего щедрого жертвователя полуостровом Феликса Бутса. К сожалению, паровая машина на «Виктории» скоро оказалась негодной, так что дальнейший путь Росс вынужден был делать под парусами.

Только в сентябре месяце 1830 года, после одиннадцати месяцев ледяного плена «Виктория» могла отправиться в море. Но уже через несколько часов она была опять затерта льдами, и Росс вынужден был снова зазимовать недалеко от места первой зимовки. Во время этой экспедиции Джемс Росс-младший открыл 1 июня 1831 г. северный магнитный полюс, находившийся под 70°' 5 сев. шир. и 96° 46' западн. долготы. В этой точке северного полушария магнитная игла образует с горизонтальной поверхностью прямой угол, т.-е. стоит вертикально. Росс воздвиг на месте магнитного полюса небольшую пирамиду из камней, под которой заложил в железной коробке акт о своем великом научном открытии.

Освободившись в конце августа месяца 1831 года из ледяного плена, «Виктория» уже на другой день была снова затерта льдами, так что путешественникам пришлось устраиваться на третью зимовку. Но припасы, взятые только на два с половиной года, приходили к концу. Кроме того, судно от долгого плавания среди льдов пришло в полную негодность, и Росс вынужден был его бросить. Весною 1832 года путешественники отправились пешком на юг, таща за собою челноки для переправы через реки. Но экспедиция снова была застигнута зимою на Земле

Кокберн, где Росс отыскал хижину, в которой зимовал Парри. Отважных исследователей спасла от голодной смерти предусмотрительность Парри, оставившего здесь за восемь лет перед тем часть своих припасов. Эти припасы, к счастью, оказались в целости. Соорудив себе прочный деревянный дом с хорошими печами, Росс и его спутники провели снова длинную полярную зиму.

К концу лета 1833 года они добрались, наконец, до Ланкастерского пролива, надеясь встретить здесь какое-нибудь китобойное судно. Но здесь исследователей встретил капитан Бек на корабле «Изабелла», посланный на поиски Росса. «Изабелла» было то самое судно, на котором Джон Росс совершил в 1818 году свое первое полярное путешествие. Сначала матросы с «Изабеллы» не узнали Росса и его спутников, так как их считали уже давно погибшими. Россу рассказали о приключениях, которые будто бы пережили погибшие исследователи (т.-е сам Росс), и ему изложили все обстоятельства его гибели. Когда Росс назвал свое имя, то никто из матросов «Изабеллы» не хотел верить. Нечего и говорить, что престарелый Росс, вернувшийся после почти пятилетнего отсутствия на родину, был встречен восторженно и с большим почетом, хотя ему и не удалось разрешить вопроса о северо-западном проходе.

II.

Третья экспедиция Джона Франклина для отыскания северо-западного прохода.— Гибель экспедиции Франклина.— Экспедиции, снаряженные на поиски Франклина и его спутников.— Открытие северо-западного прохода.

После экспедиции Джона Росса в 1829—1833 г.г. английское правительство долго не решалось посылать новые экспедиции для поисков северо-западного прохода. Лишь в 1845 году была сделана новая попытка в этом направлении. Последнюю и великую главу в истории отыскания северо-западного прохода суждено было закончить снова Джону Франклину. После экспедиции 1826 года Франклин был назначен губернатором далекой Тасмании. Когда он узнал о намерении правительства снарядить новую экспедицию в полярные области, он предложил свои услуги адмиралтейству. Адмиралтейство тотчас же приняло предложение Франклина и предоставило ему два парохода—«Эребус» и «Террор», на которых перед этим капитан Джемс Росс совершил свое плавание в южные полярные моря.

Экспедиция Франклина отправилась из Англии в мае 1845 г. Франклин взял с собою припасов на три года. Экипаж обоих кораблей состоял из 138 человек. Летом 1845 года «Эребус»

и «Террор» благополучно достигли Мельвильской бухты, где Франклин решил остановиться на зимовку. В этой бухте корабли Франклина видел капитан одного китоловного судна Даннет, который и привез в Англию от Франклина письма. После этого от Франклина и его спутников никаких известий не получалось, и даже потерялся всякий след обоих кораблей.

По прошествии трех лет со дня отплытия Франклина из Англии, многие стали предполагать, что с экспедицией случилось какое-нибудь несчастье. Летом 1846 года ни один из китоловов и промышленников не видал около берегов Америки «Эребуса» и «Террора». Джон Франклин и все его 138 спутников исчезли совершенно бесследно в ледяных пустынях севера. Только спустя много лет были открыты следы пребывания этих несчастных исследователей, из которых никому не суждено было вернуться в мир живых людей.

Первый, кто высказал свое опасение о гибели Франклина, еще в то время, когда большинство не верило в несчастный исход Франклиновской экспедиции,—был престарелый ветеран полярных исследований Джон Росс. Еще осенью 1846 года Росс убеждал английское адмиралтейство поручить ему экспедицию для поисков погибших путешественников. Но члены адмиралтейства не верили в гибель экспедиции и поэтому отклонили предложение Росса. В 1847 году Росс обратился уже к Лондонскому Географическому Обществу, настаивая на посылке экспедиции на поиски Франклина.

Действительно, в это время прошло уже два года со дня отплытия Франклина, а от него не было получено никаких известий. Географическое Общество отнеслось к предположениям Росса с должным вниманием и решило послать весною 1848 года экспедицию на поиски Франклина. В это время и многие члены адмиралтейства стали склоняться к мнению Росса, что Франклин погиб, и поэтому адмиралтейство решило послать с своей стороны экспедицию для выяснения судьбы Франклина и его спутников.

Так возник целый ряд замечательных экспедиций для отыскания Франклина и его спутников. Эти попытки найти затерявшихся в ледяной пустыне людей закончились лишь в 1859 году, и в истории полярных исследований они составляют одну из самых блестящих страниц. Не говоря уже о том, что благодаря этим экспедициям, известным под именем «Франклиновских экспедиций», в исследованиях полярных стран были сделаны громадные успехи, в этих попытках было проявлено столько самопожертвования и героизма, что человечество в праве ими гордиться, как великими подвигами гуманности.

В 1848 году одновременно были посланы три экспедиции с трех разных сторон для отыскания Франклина. Джемс Кларк Росс отправился по пути, предписанному Франклину, из Баффинова залива в пролив Баррова. Но он скоро был вынужден стать на зимовку. На следующее же лето массы плавающего льда заставили его вернуться в Англию. Генри Келлет и Томас Мур должны были итти на своих судах от Берингова пролива вдоль северного побережья Америки, но они также не могли пройти дальше открытого ими острова Герольд. Третья экспедиция Джона Рэ и доктора Ричардсона (спутника Франклина в двух первых его экспедициях) должна была отправиться вдоль побережья северной Америки на восток от устья реки Мэкензи. Но и эта экспедиция не привела ни к каким результатам.

После этого английское адмиралтейство приняло более энергичные меры. Оно назначило награду в 20.000 фунтов стерлингов (200.000 рубл.) за спасение Франклина и его спутников и половину этой суммы за доставление достоверных сведений о его судьбе. Одновременно с этим жена Франклина назначила награду в 3.000 фунтов стерлингов тому, кто привезет известие о судьбе ее мужа.

В 1850 году на поиски Франклина отправились экспедиции Коллинсона и Мак-Клюра из Берингова пролива; экспедиции Вильяма Пенни и Стюарта были отправлены поканалу Веллингтона, а экспедиция Аустина, Омманея и Осборна — к проливу Баррова. Леди Франклин отправила на свой счет судно к проливу Принца-Регента. Престарелый 74-летний Джон Росс также отправился к каналу Веллингтона; там же производили розыски Франклина два корабля, снаряженные американским купцом Генри Гриннель. В общей сложности в 1850 году на поиски Франклина было отправлено 16 кораблей. С кораблей время от времени делались выстрелы из пушек, бросались в море многочисленные бутылки с письмами, па скалах и утесах делались надписи, в хорошо защищенных местах складывались запасы одежды, топлива и провизии, ловили даже целыми стаями полярных песцов, надевали на них металлические ошейники с надписями и затем отпускали, в надежде, что, быть может, некоторые песцы будут убиты оставшимися в живых исследователями.

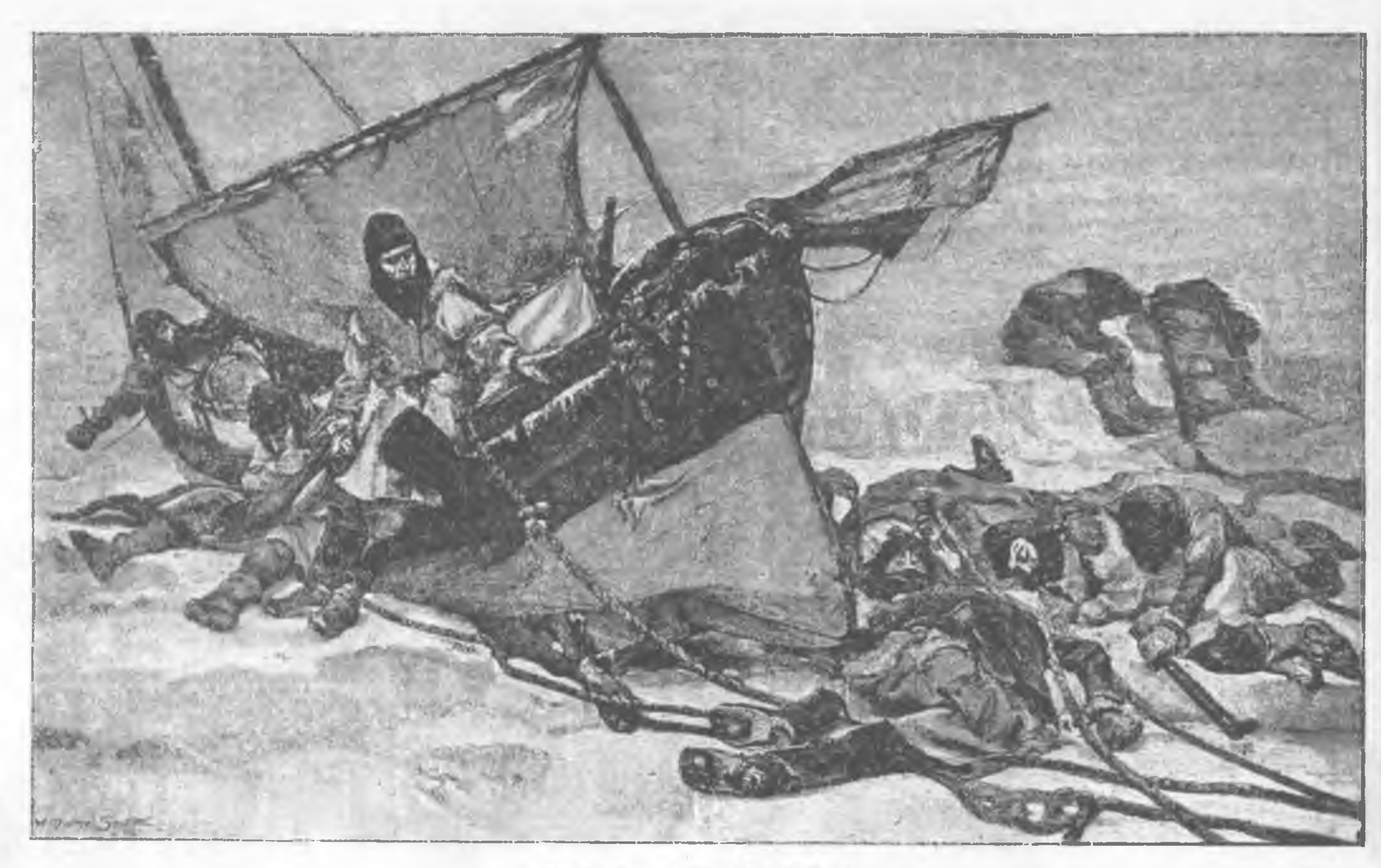
Но все было напрасно. Единственное, чего добились эти экспедиции,— это отыскание первых несомненных следов экспедиции Франклина. Эти следы были найдены на острове Бичи в виде могилы трех матросов, бочки и кусков железа. Джон Рэ, начальник сухопутной экспедиции, нашел на берегу Земли Уоллестона кусок флагштока одного из судов Франклина, не подозревая, как близко он был от того места, где были закованы льдами «Эребус» и «Террор».

Все экспедиции, за исключением экспедиции Коллинсона и Мак-Клюра, вернулись благополучно обратно. Коллинсон же и Мак-Клюр застряли во льдах. Вследствие этого в 1852 году английское адмиралтейство снарядило новую экспедицию под начальством Эдуарда Бильчера для поисков не только Франклина, но и Коллинсона и Мак-Клюра. В 1852 году, кроме этой экспедиции, на поиски Франклина отправился капитан Инглфильд и доктор Кент Кэн на судне, снаряженном Генри Гриннелем. Однако и этим экспедициям не удалось открыть никаких следов экспедиции Франклина. Но зато исследования доктора Кэна имели очень важные научные результаты, так как во время санных экспедиций была произведена съемка большей части архипелага Парри. В одну из этих санных поездок доктор Кэн нашел письмо Мак-Клюра о том, что его корабль затерт льдами в бухте Милосердия.

Мак-Клюр и Коллинсон должны были вместе отправиться от Берингова пролива в американские воды Ледовитого океана. Но вследствие различной скорости их судов они разъединились и больше уже не встречались, так что каждый из них совершал путешествие самостоятельно. Коллинсон добрался до земли Уоллестона и до пролива Виктории, где он остался на зимовку. Он нашел несколько принадлежавших экспедиции Франклина приборов, но вследствие недостатка угля вынужден был прекратить свои поиски и повернуть обратно в Берингов пролив.

Мак-Клюру судьба более благоприятствовала. Его корабль «Исследователь» обогнул благополучно южную оконечность Земли Банкса и вышел в пролив Принца Уэльского. Найдя северный выход из него, он вынужден был стать здесь на зимовку. Весною 1852 года Мак-Клюр снова обогнул Землю Банкса и вошел в Пролив Банкса, где в бухте Мерси (бухта Милосердия), на северном берегу острова, провел вторую зиму, перенося тяжкие лишения. Однако Мак-Клюр продолжал на санях делать экскурсии и таким образом добрался до острова Мельвиля, где он и оставил вышеупомянутое письмо, вскоре после того найденное отрядом Келлета.

Так как вследствие наступившей зимы помощь Мак-Клюру оказать было невозможно, то ему пришлось в третий раз зимовать среди ледяных пустынь. Наконец, 6 апреля 1853 года экспедиция Мак-Клюра и Келлета встретились друг с другом. Таким образом была разрешена проблема северо-западного прохода. Встреча произошла, правда, не на судах, а на санях, но тем не менее можно было считать задачу решенной, так как теперь был известен весь путь вдоль побережья Северной Америки с запада на восток. Но хотя проход и был открыт, исследова-

Гибель экспедиции Франклина.

лям пришлось признать, что по своей непригодности для практических целей он не стоил поисков.

После экспедиции Бильчера адмиралтейство решило прекратить бесплодные поиски экспедиции Франклина. Однако, когда уже все отчаялись найти хоть какие-нибудь следы экспедиции, в Англию дошли вести об исчезнувших исследователях. В 1853 году Джон Рэ, по поручению Компании Гудзонова залива, производил топографические съемки на севере Америки и встретился на полуострове Бутса с несколькими эскимосами. Эти эскимосы рассказали ему, что несколько лет тому назад около сорока человек белых, оставив раздавленное льдами судно, проехали в лодке к югу мимо берегов Земли короля Вильгельма; кроме того, Рэ нашел у эскимосов несколько вещей, принадлежавших экспедиции Франклина.

Хотя и не было никакой надежды найти кого-либо в живых, адмиралтейство все же отправило в 1855 году новую экспедицию на поиски Франклина под начальством Андерсона и Старта. Эта экспедиция окончилась безрезультатно. Тогда леди Франклин снарядила на последние свои средства винтовую яхту «Фокс» под командой Леопольда Мак-Клинтока. После двухлетних поисков на Земле короля Вильгельма, Мак-Клинтоку удалось найти несколько скелетов, а также приборы, одежду, часы, ложки и другую посуду, принадлежавшие экспедиции Франклина. Вскоре лейтенант Гобсон нашел под грудой камней металлическую коробку с письмом, в котором сообщалось, что Франклин умер 11 июня 1847 года. Хотя Мак-Клинток не допускал мысли, чтобы мог остаться в живых хоть один человек из экспедиции Франклина, тем не менее один американский журналист Чарльз Френсис Галь решил продолжать поиски. С 1859 по 1869 год, с небольшими перерывами, Галь провел среди эскимосов, живя вполне по-эскимосски. Во время своих путешествий, важных также и для географии, Галь собрал много сведений об экспедиции Франклина. Они вполне подтвердили заявления Мак-Клинтока.

После Галя в 1878 году нью-иоркский купец Моррисон послал последнюю экспедицию на розыски следов Франклина. Эта экспедиция состояла из морского офицера Шватки, художника Клугака, журналиста Гильдера и некоего Мельмса. Путешественники, ведя эскимосский образ жизни, в течение целого года пешком шли по Земле короля Вильгельма по направлению, по которому, как указывали эскимосы, ушли последние спутники Франклина. Действительно, в этом направлении Шватка и его товарищи находили часто скелеты людей, без сомнения, спутников Франклина. Однако, несмотря на тщательные поиски, никаких письменных документов найти не удалось.

С экспедицией Шватки закончились все «Франклиновские экспедиции». По тем скудным сведениям, которые были добыты этими экспедициями, можно предполагать, что Франклин первоначально прошел в Ланкастерский пролив и перезимовал в защищенной бухте на острове Бичи. После попытки пробраться к Земле принца Уэльского, он был в 1846 году затерт льдами и должен был провести вторую зиму севернее Земли короля Вильгельма. После его смерти, 11 июня 1847 года, и после третьей зимовки близ Земли короля Вильгельма, оставшиеся в живых участ-

Три могилы участников Франклиновской экспедиции на острове Бичи.

ники экспедиции, в числе 105 человек, оставили суда и сделали попытку перебраться на материк. Во время этого путешествия, вероятно, погибло более половины экипажа, так как эскимосы, видевшие участников экспедиции в устье реки Бэка, утверждали, что белых людей было сорок человек. Эскимосы могли бы легко спасти умиравших от голода. Но они оставили утомленных путешественников на произвол судьбы, и несчастные все умерли голодной смертью. Большая часть скелетов была найдена на Земле короля Вильгельма и недалеко от устья реки Бэка.

Хотя все «Франклиновские экспедиции» и не могли, к сожалению, выполнить своей главной задачи, тем не менее они при-

несли огромные услуги науке землеведения. Они исследовали сушу и водные пространства всего американского севера и привели к окончательному открытию северо-западного прохода, который исследователи всех стран искали в течение целых трех столетий.

Благодаря тому, что северо-западный проход из Атлантического океана в Великий оказался загроможденным льдами и поэтому непригодным для торговых и практических целей, во вторую половину девятнадцатого столетия не предпринималось ни одной экспедиции для исследования этого прохода. Лишь в 1903 г. спутник и сотрудник Фритьофа Нансена Роальд Амундсен на маленькой рыболовной шкуне «Гойя» в сопровождении четырех своих помощников, предпринял смелую попытку пройти через северо-западный проход. Амундсен отправился в экспедицию в июне 1903 г., взяв с собой шесть полярных собак. После крайне трудного плавания и после двух зимовок, Амундсен в августе 1905 г. добрался до Берингова пролива, а 19 октября прибыл в Сан-Франциско, пробыв в путешествии 2 года и 4 месяца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поиски северо-восточного прохода из Европы к берегам Азии и Китая.

I.

Попытки разрешения вопроса о северо-восточном проходе в XIX столетии.— Экспедиция Врангеля.— Исследования мичмана Матюшкина.— Путешествие Пахтусова на Новую Землю. Экспедиция Пайера и Вейпрехта.— Путешествие Норденшельда на корабле «Вега» вокруг Европы и Азии.

В XIX столетии перед исследователями был поставлен на очередь снова вопрос и о «северо-восточном проходе». Выше мы видели, что после несчастной попытки голландца Вильяма Барентца отыскать морской путь вдоль северных берегов Азии из Европы в Китай почти прекращаются северо-восточные путешествия. Лишь в средине XIX века вопрос о северо-восточном проходе вновь стал интересовать мореплавателей.

Правда, русские в XVII и XVIII столетиях исследовали почти все северное побережье Сибири и открыли пролив, разделяющий материки Азии и Америки. Таким образом фактически вопрос о северо-восточном проходе был уже разрешен русскими в XVIII столетии, но русские исследователи, совершая частичные исследования берегов и островов Ледовитого и Великого океанов, не задавались грандиозной задачей установить морской путь из Европы в Восточную Азию. Лишь один устюжский купец Никита Шалауров в XVIII веке мечтал «найти проход из Атлантического океана в Великий и открыть путь через Северный океан в Индию». Однако, не обладая в достаточной мере знаниями морского дела и не имея надлежащих судов, Шалауров, после неудачных попыток, погиб недалеко от Шелагского мыса, в 1764 году.

В XIX столетии первой попыткой частичного разрешения вопроса о северо-восточном проходе была экспедиция Врангеля. В 1820 году были отправлены две экспедиции для исследо-

вания Ледовитого океана и берегов северо-восточной Сибири. Первая, под начальством Врангеля, должна была описать берега Ледовитого океана от устья Колымы до острова Колючина и сделать несколько поездок по льду на север для отыскания предполагаемой на севере земли. Другая экспедиция, под начальством Анжу, должна была исследовать берега восточной Сибири от устья Яны до Колымы.

Экспедиция Врангеля, добравшись через Сибирь до Нижне-Колымска, отправилась оттуда на собаках к Шелагскому мысу, где погиб в 1764 году Шалауров. Затем Врангель совершил поездку по льду на собаках. По льду Врангель удалялся от берега более чем на триста километров, при чем убедился, что «в удободостигаемом от азиатского берега расстоянии нет в Ледовитом море земли». Исследования Врангеля установили, что в расстоянии 200—300 километров от берегов море чисто ото льда; это и послужило несколько позднее основанием для Норденшельда, чтобы предпринять смелую экспедицию для открытия северо-восточного прохода.

Экспедиция Врангеля продолжалась около пяти лет, и главные ее работы заключались в сухопутных исследованиях побережья Ледовитого океана. Один из спутников Врангеля мичман Федор Федорович Матюшкин особенно выделяется своей энергией, и благодаря ему труды экспедиции являются ценным вкладом в географическую науку.

Матюшкин воспитывался в Царскосельском лицее в одно время с Пушкиным, с которым близко подружился. Уже в лицее у Матюшкина проявилась любовь к морю и морским путешествиям, и он стал мечтать, что, как только окончит лицей, сделается моряком. В 1817 году, в год выхода Матюшкина из лицея, русским правительством снаряжалась кругосветная экспедиция фрегата «Камчатка» под начальством капитана Головнина. Матюшкин через директора лицея Энгельгардта, ходатайствовал о том, чтобы быть принятым в число участников экспедиции. Головнин принял молодого лицеиста, и, таким образом, мечты Матюшкина сбылись, и он стал моряком.

Целых два года провел Матюшкин на фрегате «Камчатка» и посетил множество стран и островов. Вернувшись в конце 1819 года в Россию, Матюшкин снова стал хлопотать о зачислении его в экспедицию Врангеля, отправлявшуюся к берегам Сибири. Врангель принял Матюшкина и по прибытии в Нижне-Колымск дал ему поручение ознакомиться с бытом чукчей. Матюшкин, в сопровождении казака, знавшего чукотский язык, и одного англичанина, Кокрена, объехал несколько становищ чукчей и был первым исследователем жизни этого народа.

Матюшкин вошел в дружеские сношения с чукчами, и чукотские старшины приглашали его к себе в юрты, любезно угощая вареной олениной с полупротухшим вонючим китовым жиром. В то время как Матюшкин находился среди чукчей, Врангель совершил поездку по льду в море, и один из мысов, открытых им, назвал в честь своего энергичного спутника мысом Матюшкина.

Вернувшись весною 1821 года в Нижне-Колымск, Матюшкин встретил здесь Врангеля и вместе с ним отправился в море по льду. Исследовав в течение лета берега Ледовитого океана Матюшкин вернулся осенью опять в Нижне-Колымск на зимовку. Весною 1822 года Матюшкин снова отправился на побережье Ледовитого океана и в течение всего лета исследовал берега и тундру к востоку от Колымы. В следующем году Матюшкин совершил новую поездку по льду, описал берега острова Колючина и Чаунской губы и сделал много астрономических наблюдений для определения положения мест. Летом 1823 года Матюшкин поднялся по Колыме и затем прибыл в Иркутск, откуда в начале 1824 года вернулся в Петербург.

Результаты экспедиции Врангеля были напечатаны в 1839 г. в Берлине по-немецки, при чем два отчета Матюшкина об его поездке к реке Анголе, притоку Колымы, и по тундре принадлежат к самым интересным местам книги Врангеля.

В то время как Врангелю было поручено исследовать побережье восточной Сибири, известному мореплавателю Литке, о котором мы уже говорили выше, было поручено исследовать берега Новой Земли и выяснить возможность плавания по Карскому морю. Для этой цели в 1820 г. был построен в Архангельске бриг «Новая Земля». Литке совершил четыре путешествия на Новую Землю, подробно описал ее берега, исследовал Карское море, но ему не удалось вследствие льдов добраться до берегов Сибири.

Литке, после четырехкратной попытки найти морской путь из Архангельска к берегам Сибири, пришел к убеждению, что плавание по Карскому морю невозможно, так как оно загромождено льдом. Вследствие этого русское правительство, под влиянием Литке, прекратило снаряжение новых экспедиций для отыскания северо-восточного прохода.

Однако, мысль найти морской путь из Архангельска в Сибирь была очень соблазнительна, и, несмотря на неудачи экспедиций Литке, в 1832 г. два купца Клоков и Брандт решили снарядить на свой счет экспедицию из Архангельска в устье Енисея и для руководства этой экспедицией пригласили штурмана Пахтусова. Пахтусов решил перезимовать на Новой Земле, чтобы на следующее лето, как только море очистится ото льда, дви-

нуться на восток. За время пребывания на Новой Земле Пахтусов с своими помощниками исследовал весь юго-восточный берег Новой Земли до Маточкина шара. К сожалению, вследствие недостатка провизии, Пахтусов не решился летом 1833 г. продолжать дальнейшее исследование и вернулся в Архангельск.

В 1834 г. Пахтусов, по поручению русского правительства, снова отправился для исследования Новой Земли. Исследуя северную оконечность острова, Пахтусов потерпел аварию; его карбас был затерт льдами и при катастрофе погибла почти вся провизия. Путешественников ждала верная голодная смерть, и только благодаря случайности они были спасены одним промышленником, судно которого было прибито к тому месту, где потерпел крушение Пахтусов. Вернувшись в Архангельск, Пахтусов заболел нервной горячкой и умер 7 ноября 1835 года.

После экспедиций Пахтусова надолго прекращаются попытки исследования северных полярных стран и только в 1868 г. германское правительство снарядило *первую* немецкую экспедицию на судне «Германия» под начальством Кольдевея и Пайера. В 1869 г. была послана вторая немецкая экспедиция на судах «Германия» и «Ганза». В 1871 г. в полярные области была послана *первая* австрийская экспедиция Вейпрехта и Пайера. Но все эти экспедиции не достигли больших результатов. Лишь второй австрийской экспедиции 1872—74 г.г. под начальством Пайера и Вейпрехта на пароходе «Тегетгоф» удалось обогнуть с севера Новую Землю и открыть целый архипелаг островов, который они назвали Землею Франца-Иосифа.

Пайер и Вейпрехт, пробыв во льдах целых два года, решили бросить свой пароход и попробовать пешком через льды пробраться на юг. После трехмесячного крайне тяжелого и опасного путешествия пешком по льду и в лодках через полыньи путешественники прибыли на Новую Землю, откуда русские промышленники доставили их в Норвегию.

В 1873 г. сибирский золотопромышленник Сидоров предложил Русскому Географическому Обществу 14.000 рублей для выдачи в награду тому лицу, который морем пройдет в Енисей. Общество рекомендовало Сидорову обратиться в Англию. В 1874 году английский капитан Виггинс благополучно прошел на паровом судне к устью реки Оби и в том же году вернулся обратно. В 1876 году Виггинс снова отправился в Сибирь морем на пароходе, взяв на этот раз с собою около 170 тонн груза. Ему удалось благополучно достигнуть не только устья Енисея, но и подняться вверх по реке на тысячу километров, к устью Курейки, где, однако, груз был арестован. Кроме конфискации грузохозяину грозил еще штраф, в пять раз превышавший стоимость

груза. Только благодаря хлопотам в Петербурге удалось освободить груз.

Впервые плавание из Енисея в Петербург было совершено в 1877 году русским капитаном Шванненбергом на парусном судне «Утренняя Заря», построенном на Енисее. Оно вышло из Гольчихи в низовьях Енисея 9 августа, 31 прибыло в Варде, а 19 ноября 1877 года было уже в Петербурге. Удачное плавание «Утренней Зари» показало, что устья сибирских рек доступны не только для пароходов, но и для парусных судов. Это плавание подтвердило мнение, к которому еще в 1875 году пришел знаменитый

Корабль Пайера и Вейпрехта, затертый льдами.

шведский исследователь полярных стран Адольф Эрик Норденшельд, что плавание из Западной Европы в Сибирь вполне возможно. Норденшельд еще летом 1875 года на маленьком китобойном судне «Прэвен» (попытка) пробрался из Тромсе к устью Енисея. Отсюда он отправил свое судно обратно в Европу, сам же вместе с сопровождавшими его другими исследователями отправился вверх по Енисею и затем через Сибирь и Москву вернулся в Швецию. В 1876 году Норденшельд повторил свое плавание к устью Енисея на пароходе «Имер». И это плавание оказалось вполне удачным, хотя в Карском море и пришлось встретиться со льдами. В том же году Норденшельд благополучно вернулся обратно.

Двукратное удачное плавание из Европы к берегам Сибири привело Норденшельда к мысли пройти на одном и том же судне из Атлантического океана в Великий вокруг северных берегов Азии и доказать этим осуществимость плавания северо-восточным проходом. Свой проект Норденшельд представил шведскому королю Оскару II, который и дал часть денег на снаряжение экспедиции; остальная часть денег была дана богатым шведским купцом Диксоном и русским золотопромышленником А. М. Сибиряковым. На эти средства Норденшельд снарядил специально построенный корабль «Вега».

22 июня 1878 года «Вега» вышла из порта Карльскрона (Швеция) в свое дальнее плавание. До устья Лены и Енисея «Вега» совершила плавание в компании с пароходом «Лена», шедшим в устье Лены, и двумя кораблями с грузом в устье Енисея. Обогнув Норвегию, «Вега» 17 июня прибыла в Тромсе, а 21 июля вышла в Ледовитый океан.

Утром 1 августа флотилия Норденшельда прошла благополучно через Вайгачский пролив в Карское море. Южная часть острова Новой Земли в летнее время совершенно освобождается от снега, и земля покрывается разными полярными растениями, преимущественно мхом и разными лишайниками. 4 августа «Вега» встретила на своем пути плавающие льдины, но вскоре море очистилось, и 6 августа суда достигли устья реки Енисея. 10 августа «Вега» и «Лена» снялись опять с якоря и направились на восток. 19 августа экспедиция достигла самой северной оконечности азиатского материка — мыса Челюскина, а через несколько дней оба судна благополучно достигли устья реки Лены. Громадная река впадает в океан несколькими рукавами, которые изливают в него свои мутные воды среди целого лабиринта низких, болотистых островов. Здесь пароход «Лена», спутник «Веги», должен был расстаться с «Вегой», и «Вега» одна продолжала свой путь на восток.

31 августа «Вега» обогнула мыс, получивший от русских название «Святого Носа». На следующий день Норденшельд заметил, что море покрывается тонкой пленкой льда, несмотря на то, что в воздухе было $1^1/_2{}^0$ тепла. В первых числах сентября стали попадаться на море ледяные горы — «айсберги»; скоро начались небольшие морозы, и пошел снег. 5 сентября «Вега» прошла мимо Чаунской губы, а на другой день Норденшельд увидал Шелагский мыс. Около Шелагского мыса Норденшельд встретил на море лодку с чукчами; это были первые люди, которых увидали мореплаватели с тех пор, как покинули Европу. Чукчи пристали к пароходу и были приглашены на палубу. Норденшельд одарил их подарками, табаком и старой одеждой. К сожалению, он не мог

ничего разузнать от чукчей, так как они совершенно не понимали русского языка.

Несмотря на туманы и наплавающие льды «Вега» плыла все дальше и дальше на восток, медленно пробираясь вдоль берега, огибая льдины в поисках пространства свободной воды. Наконец, льды на море появились в огромном количестве, и «Вега» с большим трудом продвигалась между ними. 28 сентября наступил сильный мороз, и все море покрылось льдом. Норденшельду оставалось пройти всего лишь несколько миль до Берингова пролива, где море не замерзает так рано, но, несмотря на все свои усилия пробиться через ледяное поле, Норденшельд вынужден

«Вега» и «Лена» в Ледовитом океане.

был остановиться у громадной льдины, ставшей на мель. На этом месте пришлось зимовать. «Вега» остановилась во льдах довольно далеко от берега. Низкий и однобразный, он ничем не привлекал к себе внимания. К счастью для путешественников, недалеко от берега жили чукчи, у которых все-таки можно было достать кое-какие припасы.

Как только вопрос о зимовке был решен бесповоротно, все принялись деятельно готовиться к встрече полярной зимы. Над палубой, для защиты от ветра и снега, протянули паруса. Здесь были устроены также различные мастерские. Для научных исследований на берегу был устроен дом изо льда, так как побли-

зости никакого леса не было. В этом доме были расставлены разные астрономические и физические инструменты.

Полуостров, где остановилась «Вега» для зимовки, был населен чукчами, и поэтому еще Беринг назвал его Чукотским полуостровом. За время зимовки путешественники успели хорошо ознакомиться с нравами и бытом чукчей. Чукчи, по большей части, рослые, крепкие люди; черты лица их показались путешественникам менее безобразными, чем у самоедов и эскимосов. Чукчи живут в больших шатрах, сделанных из жердей, покрытых мехами и шкурами пушных зверей. Насколько можно было судить, религиозные верования не играют большой роли в жизни чукчей. Они довольствуются тем, что иногда приносят своим богам самые скромные жертвы.

«Однажды,—рассказывает лейтенант Нордквист,—когда я возвращался с охоты с чукчей Нотти на «Вегу», он напомнил мне, что было бы хорошо принести духу моря, Итьякен Камаку, небольшую жертву пищей и водкой, чтобы на следующий раз добыча была обильнее. Я спросил его, какой вид имеет дух. «Я никогда не видал его»,—ответил чукча. Солнцу и луне чукчи также приносят жертвы, но, в противоположность многим другим дикарям, они не очень почитают духов умерших. Раз, когда я дал Нотти кусок сухаря и попросил принести его в жертву, он сделал в снегу небольшую ямку, отломил крошечный кусочек сухаря и покрошил его туда. Остальной сухарь он отдал мне назад со словами, что «Камаку, т.-е. духу, больше не требуется».

Путешественники провели на зимовке, среди льдов, целых триста дней. Только 23 апреля 1879 года явились первые вестники весны—чайки и гаги. Мореплаватели начали было готовиться к дальнейшему плаванию, но в мае наступили снова холода.

Только в июне пригорки и вершины холмов в тундре стали обнажаться от снега. В конце июня пошел первый дождь, и в тундре показалась зелень. Но и эти признаки весны были обманчивы. Прошел июнь, наступил июль, а «Вега» продолжала быть окруженной толстой массой льда. Норденшельд уже стал терять надежду на скорое избавление, как вдруг 18 июля, во время обеда, путешественники почувствовали, что «Вега» покачнулась. Когда почти все участники экспедиции поднялись на палубу, они увидали, что лед ломался на отдельные глыбы и быстро уносился ветром. Радость, охватившая путешественников, превосходит всякое описание. Все поздравляли друг друга и стали готовиться к отплытию.

В этот же день, 18 июля, «Вега» двинулась на восток. Спустя 2 суток, именно 20 июля, «Вега» уже вступила в Берингов пролив. При виде высокого, угрюмого мыса Дежнева с «Веги» раздались выстрелы из пушек. От мыса Дежнева Норденшельд

направился к американскому берегу, где остановился в порте Кларанс. Отсюда «Вега» отправилась к Командорским островам, и 14 августа Норденшельд высадился на острове Беринга, где умер и был похоронен этот знаменитый мореплаватель.

От Берингова острова «Вега» направилась к Иокагаме в Японии, куда и прибыла 2 сентября 1879 года. Япония в то время уже вступила на путь европейского прогресса. Прибытие Норденшельда было встречено японцами с торжеством. Норденшельд был приглашен во дворец к японскому императору, а Японское Географическое Общество поднесло Норденшельду специально отчеканенную медаль. 18 октября «Вега» покинула японские острова и кружным путем, мимо Индии, направилась в Европу.

Адольф Эрик Норденшельд.

Мы не будем описывать плавание «Веги» в тропических морях, так как это плавание ничего необыкновенного собою не представляет. 13 февраля 1880 года «Вега», пройдя через Суэцкий канал, прибыла в Неаполь и оттуда через Гибралтарский пролив вышла в Атлантический океан. Сам Норденшельд остался

в Неаполе, откуда он уехал в Рим и затем в Париж. В гавани Флиссингена Норденшельд дождался прихода «Веги» и снова поехал на ней в Швецию. 24 апреля 1880 года «Вега» прибыла в Стокгольм, где Норденшельду и его спутникам была устроена торжественная встреча.

Таким образом Норденшельд разрешил старинную географическую задачу о северо-восточном проходе из Европы к во-

Снимок с медали, поднесенной Норденшельду в Японии.

сточным берегам Азии, к далекому Китаю и в таинственное царство Дзипанго (Японию). Но северо-восточный проход, так же как и северо-западный, оказался мало пригодным для практических целей. Плавание из стран Западной Европы в Китай и Японию мимо северных берегов Европы и Азии хотя и возможно, но сопряжено с большими трудностями. Однако экспедиция Норденшельда доказала, что вполне возможно плавание из портов Северной Европы в устья великих сибирских рек. К этому вопросу о северном морском пути в Сибирь мы еще вернемся ниже, когда будем говорить о географических исследованиях XX века.

II.

Экспедиция капитана Де-Лонга на пароходе «Жаннета» к берегам Сибири.— Гибель «Жаннеты».—Поиски экспедиции Де Лонга.

Так как осенью 1878 года Норденшельд не мог, как мы видели выше, пройти в Берингов пролив и вынужден был зазимовать у берегов Сибири, не имея возможности послать в Европу известие о своей судьбе, то многие стали было считать Норденшельда погибшим или потерпевшим крушение. Вследствие этого уже весною 1879 года А. М. Сибиряков отправил на поиски «Веги» пароход, названный им «Норденшельд». Но этот пароход потерпел крушение близ берегов Японии. В это же время известный меценат географических экспедиций Гордон Беннет, издатель известной американской газеты «Нью-Йорксий Герольд», снарядил, в свою очередь, пароход «Жаннету», под начальством известного американского исследователя капитана Джоржа Вашингтона Де-Лонга. Капитан Де-Лонг должен был собрать сведения о «Веге».

Капитан Де-Лонг.

«Жаннета» прошла летом 1879 года через Берингов пролив и достигла Колючинской губы. Здесь Де-Лонг узнал об отъезде Норденшельда и направился далее на север для исследования полярных областей. Близ острова «Герольда» пароход Де-Лонга был затерт льдами, с которыми он в течение 21 месяца, до самого момента своей гибели, стал относиться течением и ветром на северо-запад. Сначала «Жаннета» вместе со льдом подвигалась очень медленно, так что за первые 5 месяцев положение ее изменилось едва на 90 километров, но потом ее понесло быстрее. Каждую минуту ей грозила опасность быть раздавленной льдами. Наконец «Жаннета» не выдержала их напора и получила течь; 17 месяцев день и ночь работали все насосы на пароходе, чтобы не дать ему затонуть. Недалеко от

покрытой ледниками Земли Врангеля «Жаннета» перезимовала во льдах. Летом 1880 года пароход снова понесло вместе со льдами. Но он продержался на воде снова до осени, когда льды сковали его окончательно. Наконец, 17 июня 1881 г., когда льды освободили пароход из своего плена, он пошел тотчас же ко дну. Часть припасов успели, однако, вынести заблаговременно на лед.

Де-Лонг и его спутники, оставшиеся на льдинах среди океана, решили перебраться по льдинам и в лодках на Ново-Сибирские острова, а затем к устью Лены, надеясь найти там русских промышленников. К сожалению, это надежда оправдалась только отчасти: благодаря роковой ошибке в расчетах, бо́льшая часть экипажа погибла. Вначале передвижению по льдам мешала их неровная поверхность. Тяжело нагруженные сани и лодки подвигались вперед очень медленно. На пути к Ново-Сибирским островам Де-Лонгом был открыт новый остров, названный им островом Беннета, в честь Гордона Беннета, снарядившего экспедицию. У Ново-Сибирских островов путешественники достигли открытого моря, спустили 3 свои шлюпки на воду, нагрузили их припасами и направились на веслах к югу. Но ужасная буря разъединила все 3 шлюпки, и путешественники потеряли друг друга из вида. Одна из лодок, под командой Мельвилля, была принесена ветром через четверо суток к тунгузскому селению у одного из восточных рукавов устья Лены, откуда все 11 пассажиров этой лодки добрались до русского поселения.

Лодка самого Де-Лонга тоже была принесена к устью Лены, но в такое место, где не было никакого жилья, так что весь отряд, за исключением двух матросов, посланных вперед на разведки, погиб от голода и мороза. Что касается третьей лодки с восемью путешественниками, под командой Чайпа, то она пропала бесследно; вероятно, она погибла со всеми своими пассажирами во время бури.

Не получая в течение двух лет никаких известий о судьбе «Жаннеты», американцы снарядили несколько экспедиций для поисков. В 1881 году через Берингов пролив было послано на поиски Де-Лонга и его спутников два парохода «Корвин» и «Роджер». Но в это время поиски Де-Лонга производились уже близ устья Лены спасшимся Мельвиллем. Несмотря на все перенесенные ужасы, он не хотел уехать в Европу, а решил во что бы то ни стало отыскать своих прежних спутников. В марте месяце 1882 года Мельвиллю удалось заметить на одном мысу четыре связанные вместе кола, торчавшие из-под снега. После того, как раскопали снег, Мельвилль увидал три трупа: то были сам Де-Лонг, доктор Аблер и повар Ахсам.

Корабль «Жаннета», затертый льдами.

Возле трупа Де-Лонга лежала его записная книжка; неподалеку были обнаружены еще 2 трупа. Благодаря записной книжке Де-Лонга можно проследить всю трагедию его и его спутников. Они бродили по тундре почти 5 месяцев. В течение 140 дней Де-Лонг отмечал все перипетии своих скитаний и мук. Его дневник кончается 30 октября. В последние дни Де-Лонг лишь кратко отмечает смерть своих спутников. Так, он пишет:

«Пятница, 21 октября, 131 день. Около полуночи мы нашли с доктором Каага мертвым, он лежал между нами. Ли умер в полдень.

Спасшиеся члены экспедиции Де-Лонга.

«Суббота, 22 октября, 132 день. Слишком слабы для того, чтобы снести тела Ли и Каага...

«Воскресенье, 23 октября, 133 день. Все очень слабы. Сегодня немного спали. Принесли дров для костра. Все страдают ногами. Нет обуви.

«Понедельник, 24 октября, 134 день. Страшная ночь.

«Вторник, 25 октября, 135 день.

«Среда, 26 октября, 136 день.

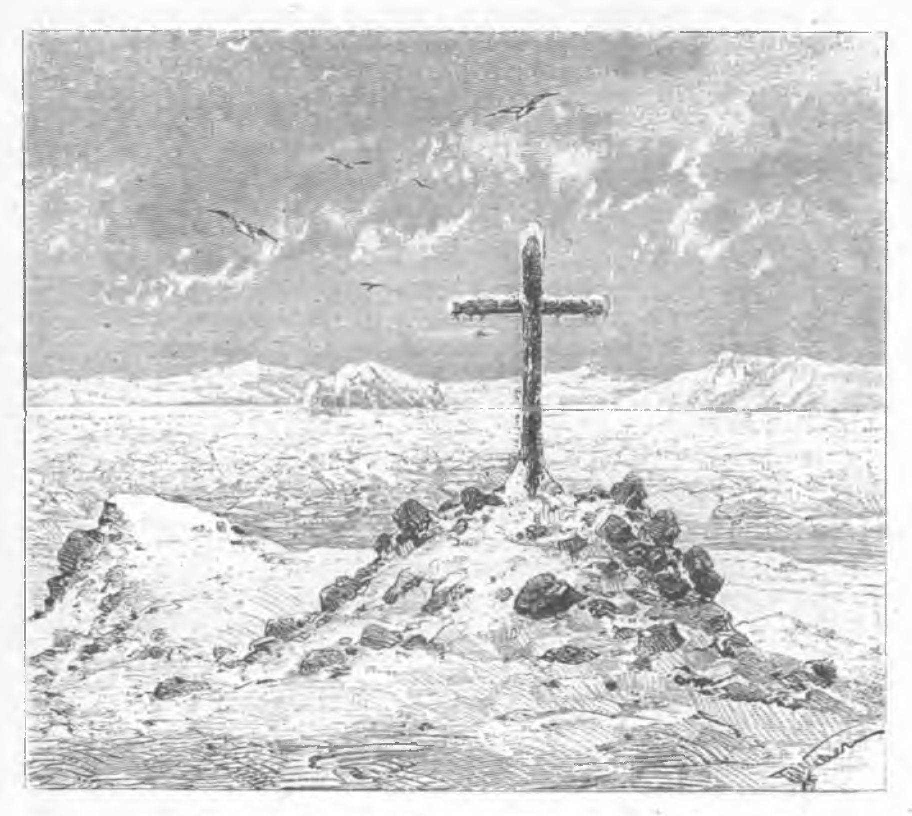
«Четверг, 27 октября, 137 день. Иверсон совершенно обессилел.

«Пятница, 28 октября, 138 день. Рано утром Иверсон умер.

«Суббота, 29 октября, 139 день. Сегодня ночью умер Дреслер.

«Воскресенье, 30 октября, 140 день. Бойц и Гёрц умерли ночью. Коллинс умирает»...

На этом обрывается дневник злополучного Де-Лонга. Вероятно, 1 ноября и сам Де-Лонг последовал за своими товари-

Могила капитана Де-Лонга близ устьев реки Лены.

щами. В настоящее время на месте гибели Де-Лонга и его спутников в устье Лены воздвигнут скромный памятник.

После плавания Норденшельда и злополучной экспедиции Де-Лонга интерес к северо-восточному проходу ослабел. Хотя Норденшельд и доказал, что северо-восточный проход существует и что из Европы можно через него попасть в Великий океан и к берегам Китая, но плавание этим путем было сопряжено с большими трудностями. Благодаря неблагоприятным усло-

виям путь из Европы в восточную Азию мимо северных окраин не мог сделаться великим международным торговым путем, и поэтому, после открытия Норденшельда, им перестали интересоваться; лишь в самые последние годы, благодаря экономическому развитию Сибири, вопрос о северном морском пути из Европы к берегам Азии снова получил злободневный интерес, и с началом двадцатого века мы видим несколько экспедиций, снаряженных в Северный океан для выяснения вопроса о возможности плавания от берегов Европы к берегам Сибири. Об этих экспедициях мы скажем несколько подробнее дальше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исследование американского материка в девятнадцатом столетии.

I.

Исследование Северной Америки.—Путешествие Льюиса и Кларка по Миссури.— Первые исследователи Кордильер.— Исследования «прерий».— Исследования американского севера.

XIX век внес большой переворот в дело географического изучения Северной Америки. Вместе с провозглашением независимости Северо-Американских Соединенных Штатов на арену научного исследования американского материка выступили сами американцы. Третий президент Соединенных Штатов Томас Джефферсон, один из первых американцев настаивал на необходимости подробного изучения областей Северной Америки; в своих «Заметках о Виргинии» Джефферсон рассмотрел с большим знанием дела множество вопросов, которые, по его мнению, необходимо было разрешить прежде всего. По инициативе Джефферсона в 1804 году была организована экспедиция Льюиса и Кларка на крайний запад Америки. Льюис и Кларк поднялись вверх по Миссури до истоков этой реки, перешли Скалистые горы и, спустившись в бассейн Колумбии, проследовали по этой реке до ее устья, открытого уже двенадцатью годами ранее Греем. Перезимовав здесь, Льюис и Кларк в следующем году вернулись другой дорогой в долину Миссисипи. Путешествие Кларка и Льюиса доказало возможность проведения дороги через пустыни Дальнего Запада. Однако прошло более полстолетия, прежде чем путешественники получили возможность переходить эти горы и плоскогорья иначе, чем по тропинкам, с трудом прокладываемым в скалах и песках.

С 1853 года правительство Соединенных Штатов снаряжало многочисленные экспедиции на поиски наиболее удобных мест для трансконтинентальной железной дороги, и рядом с этими изысканиями экономического характера производились исследо-

вания, относящиеся к геологии, к естественной истории и этнографии. В первой половине XIX столетия путешественник Пайк поставил себе задачу открыть истоки реки Миссисипи, но это ему не удалось. После него через прерии совершил путешествие Лонг и Скулькрафт, которому и удалось отыскать истоки Миссисипи — «отца вод» — в штате Минесота.

Война севера с югом внесла перерыв в дело исследования Америки; после этой войны научные экспедиции снова стали посылаться во все области страны. Из таких экспедиций наиболее важными являются: экспедиция, посланная для исследования областей, лежащих под 40° северн. широты, и экспедиции, посланные для исследования областей, лежащих к западу от 100° западн. долготы. После этих экспедиций в 1879 году было учреждено «Геологическое и Географическое Ведомство Соединенных Штатов». В ведении этого ведомства и находится с того времени дело более тщательного исследования территории Соединенных Штатов.

Что касается исследования северных областей Америки, то мы видели, что первыми исследователями этих областей в XIX столетии были знаменитый Джон Франклин и его спутник Ричардсон. Мы уже говорили выше о путешествии Франклина и Ричардсона от Северного Саскачевана на Медную реку и в устье реки Мэкензи. После Франклина в 1829—33 г.г. Джон и Джемс Росс открыли на полуострове Бутса северный магнитный полюс. В 1850—53 г.г. Коллингтон на своем корабле «Энтерпрайз» совершил исследование всего побережья от Берингова пролива до Кембриджской бухты, лежащей у восточного выхода из пролива Диза.

Внутренние области Канады и Канадской части Скалистых гор были исследованы отчасти Альфредом Сельвайном, а главным образом Джорджем Даусоном, который, кроме того, исследовал остров Ванкувер и Острова королевы Шарлотты. Объездив вдоль и поперек всю страну, Даусон достиг на северо-западе реки Юкона, по имени которой и был назван известный золотопромышленный город в округе Клондайк. Из современных исследователей Канады следует назвать имена Роберта Белля, Мак-Коннеля, Огильви, Тайрелля, Пайка и Генбери.

После того, как Соединенные Штаты купили у России полуостров Аляску и прилегающие к нему острова, правительство Соединенных Штатов предприняло здесь систематические работы по исследованию. Кроме того, Кемпбелль и Белль совершили пешком путешествие по Аляске, а Мак-Муррей еще в 1840 году исследовал реку Пуркупайн. Позднее (в 1871 г.) Аляску исследовал французский естествоиспытатель Пинар, американский геолог Мюир (в 1879 г.), Нельсон, братья Краузе, Шват-

ка, Стоней, Вульф, Аллен, Мак-Грет и Хейс. В 1897 году принц Людовик Савойский первый сделал восхождение на вершину горы св. Илии и изучил ее ледники.

Почти одновременно с экспедицией принца Савойского в Клондайке были открыты золотые россыпи (в 1896 г.), немного спустя (в 1898 г.)—россыпи у мыса Ном, у самого Берингова пролива. Это открытие вызвало небывалый приток на Аляску жителей, и вместе с тем американское правительство решило более тщательно исследовать весь полуостров. Таким образом экспедиция Эльдриджа исследовала в 1898 году бассейн реки Жужитны и определила высоту горы Мак-Кинлея в верховье реки Жужитны. Эта гора оказалась наиболее высокой вершиной Северной Америки. Спёрр исследовал реки Кускоквилу и Сквентну; Менденголль прошел через плоскогорье между Медной рекой и рекой Танана, а Шрадер исследовал местность к северу от пролива принца Вильяма; в 1900 году он проник от форта Юкона на север к горам Румянцева, а оттуда по долине реки Куюк к полуострову Сьюарду и к мысу Ном. Брук и Петерс исследовали область Аляски между Тананой и Белой рекой, а также окрестности залива Коцебу.

II.

Исследование Мексики.—Путешествия по Центральной Америке.

Пока Мексика составляла часть испанской монархии, до тех пор географическое исследование этой страны находилось в совершенном пренебрежении. Лишь в 1803 году Александр Гумбольдт, получивший разрешение испанского правительства на исследование Мексики, совершил «второе открытие» этой страны для научного мира. Великий исследователь, правда, не посетил сам лично всех уже известных частей Новой Испании, но он с замечательным талантом сумел скомбинировать все данные своих предшественников и дал более или менее точное представление о рельефе и строении почвы страны древних ацтеков.

Кроме того, Гумбольдт изучал физические явления страны, ее вулканы, ее источники, климат, растительный мир; он сделал сравнительную оценку минеральных, земледельческих и промышленных богатств Мексики и определил, так сказать, относительную ценность этой страны.

После войны за независимость и после образования Мексиканской республики в Мексике был учрежден «Национальный Географический Институт». Однако главными исследователями страны были и после этого иностранные ученые. В 1825—34 г.г.

по следам Гумбольдта последовал Иосиф Буркарт, который снял большой геологический поперечный профиль между Тампико и Сан-Бласом, поднялся на вершину Невадо де-Тулука и Хорульо и положил более точные основы для изучения географического и геологического строения Мексики.

Переходя к центральной Америке в узком смысле этого слова, мы опять-таки должны сказать, что начало научного исследования центральной Америки в XIX столетии положил Александр Гумбольдт. После него Дольфус и Монсерра, а позднее Пеннети и Зеебах продолжали геологическое исследование областей центральной Америки. В то же самое время республику Гватемалу исследовали еще Штолль и Заппер.

Что касается Антильских островов, то, за исключением Гаити, они в географическом отношении известны довольно хорошо. На многие из этих островов в XIX веке снаряжались многочисленные научные экспедиции, изучившие их природу и геологическое строение.

III.

Исследование Южной Америки.—Бразилия.—Гвиана.—Амазония.—Страны по реке Ла Плате.—Патагония.—Область Южно-Американских Кордильер.

Благодаря путешествию по Южной Америке Александра Гумбольдта на рубеже XVIII и XIX веков материк Южной Америки заинтересовал исследователей XIX столетия почти в такой же степени, как и материк Африки. По инициативе Гумбольдта и под его влиянием в Южную Америку были снаряжены в первой половине прошлого века многочисленные научные экспедиции. Даже до самого последнего времени ученые путешественники охотно выбирают для своих исследований Южную Америку. Каждая отдельная страна Южной Америки имеет своих исследователей, которые способствовали определению ее рельефа, открытию ее естественных богатств, ознакомлению с ее жителями.

После возвращения Гумбольдта из Америки в Европе особенно заинтересовались Бразилией; почти все наиболее выдающиеся путешественники первой четверти XIX столетия считали своим долгом посетить эту страну. Таким образом фон-Эшвеге исследовал в 1811—14 г.г. горы Бразилии, принц Максимилиан Вид исследовал в 1815—17 г.г. берег между Байей и Рио, Жоффруа Сент-Илер—в 1816—22, Поль и Наттерер—в 1817—20 г.г. посвятили себя, главным образом, изучению животного мира Бразилии. Специально географическими исследованиями в Бразилии занимались Спикс и Мартиус; эти путешественники проехали от Рио

в Сан-Пауло, затем через Сан-Хоана дель Реи и Вилла Рика де Оуро Прето, где они исследовали золотые россыпи. Посетив также область индейцев Короадос, они направились через Сабару в Диамантину или Техуко для исследования местонахождений алмазов. Отсюда Спикс и Мартиус отправились через Сертан в Минас Гераес, Рио Сан-Франциско, посетили Серру де Паранан на границе Гояза и затем пересекли провинцию Байю до города того же названия. Отсюда они снова проехали до Рио Сан-Франциско у Жоазейро, переправились на другой берег и проехали через Пиаухи и Мараньон до гавани Сан-Люи. Благодаря этому путешествию, была впервые научно исследована бóльшая часть внутренней Бразилии.

В 1844—45 годах путешественник граф Кастельно первый пересек центральную Бразилию по пути Гояз-Куяба и отсюда поднялся на Кордильеры Боливии. В 1852 г. Хальфельд исследовал Рио Сан-Франциско, а в 1858—59 г.г. врач Авэ-Лаллеман совершил путешествие по южной и северной Бразилии. Между 1857 и 1861 годами известный швейцарский ученый Чуди, командированный швейцарским правительством, исследовал центральные провинции Бразилии: Рио, Минас, Эспирито Санто, Байю, а также Сан-Пауло и Санта-Катарину. В эту же эпоху в Бразилии производили свои исследования Уоллес, Бэтс, написавший книгу «Натуралист на реке Амазонке», Герндон и Гиббон, да-Коста, геолог Агассиц и др. Большинство названных ученых не занимались, впрочем, определением географических широт и долгот; этому посвятил много времени французский исследователь Крево; к сожалению, Крево не довел своих работ до конца: он был убит индейцами в Ипантипуку на Амазонке.

С начала 70-х годов в истории исследования Бразилии начинается новый период; с этого времени само правительство Бразилии предпринимает снаряжение научных экспедиций. Оно пригласило геолога Орвиля Дерби и поручило ему произвести целый ряд исследований. Для выяснения геологических условий Бразилии много сделали также Гарт, Оливейра, Гонзага де-Кампос, Катцер. Но центральные провинции Бразилии, так трудно доступные для исследования, были мало затронуты правительственными экспедициями, и здесь инициатива исследования оставалась всецело в руках европейских ученых. Совершенно девственным в географическом отношении до последней четверти прошлого века оставался бассейн верхнего и среднего Ксингу. Раскрытие его тайн неразрывно связано с именем известного этнолога фон-ден-Штейнена. В сопровождении своего брата художника В. Штейнена и физика О. Клауса, он в 1884 и 1885 г.г. проник в эти глухие места и здесь имел возможность

наблюдать жизнь дикарей, находившихся еще по своему развитию в периоде каменного века. В 1887 г. Штейнен снова проник в бассейн Ксингу. На этот раз его спутниками были Эренрейх и П. Фогель. Крайне трудные странствования по чащам и поездки на лодках снова увенчались полным успехом.

Гораздо позднее стала известна внутренняя часть другой большой области Южной Америки, именно Гвианы. Хотя на берегу Гвианы уже в XVIII столетии существовали английская, голландская и французская колонии, но девственные леса Гвианы оставались почти до половины XIX столетия неисследованными. Заслуга первого изучения этих областей принадлежит братьям Роберту и Рихарду Шомбуркам, которые, по предложению английского правительства, совершили в 1835—1839 г.г. путешествие по Гвиане. Братья Шомбурки не только изучили английскую Гвиану, но, перейдя через горы, исследовали водоразделы между реками Гвианы и притоками Ориноко.

Во французской Гвиане Адам де-Бов уже в 1830 году перешел через вершины, служащие границей водораздела между реками Ояпок, Яри и Арагвари. Леприер прошел по этим же областям и спустился по реке Яри. С 1849 по 1868 год исследователь Аппун, живший среди лесных индейцев в течение 20 лет, изучал растения и животных среди роскошной тропической природы в английской и венецуэльской Гвиане. В этот же период геологи Броун и Саукинс производили свои геологические исследования до гор Пакараима. В 1876 г. Крево и в 1883 г. Кудро возобновили работы Шомбурков в других областях Гвианы, более близких к Амазонке. Наконец, в 1883 году Эверарим-Турн начал точные картографические работы в северо-западной части Гвианы.

В новейшее время британскую Гвиану основательно изучили Веббер и Родвей, голландскую—Тен-Кате, а французскую—Кудро. Но тем не менее отдельные области все еще составляют белые пятна на карте, например те части пограничной области между Кайенной и Бразилией, куда не удалось проникнуть Кудро в его странствованиях.

Огромный бассейн реки Амазонки до половины XIX столетия почти не пользовался никаким вниманием со стороны ученых путешественников, за исключением очень немногих. Лишь Спикс и Мартиус в августе 1819 года отправились из Пара вверх по Амазонке и достигли Рио-Негро и Эги. Отсюда Спикс поехал вверх по течению реки Солимонеса до Табатинги, деревни на границе Перу, а Мартиус — вверх по течению Хапура до водопада Араракоара. На обратном пути оба эти путешественника исследовали Рио-Негро до Барселлоса. В следующие 40 лет

Французский путешественник Жюль Крево на Амазонке.

по Амазонке были совершены только три более значительные экспедиции: Э. Пеппигом (в 1831 — 32 г.г.), Смитом и Лове (в 1835—36 г.г.) и графом Кастельно (в 1847 г.). Все они направлялись по этой реке из Перу. В 1852 г. Амазонку и природу ее берегов исследовал Р. Уоллес, а в 1859 г. — Бэтс. Материалы этих исследований в значительной мере послужили для окончательного установления теории «происхождения видов», обоснованной Ч. Дарвином, который в это время совершал свое путешествие вокруг света на корабле «Бигль».

Систематическая съемка течений рек в бассейне Амазонки началась только с 1862 года. С 1862 по 1864 год бразильцы Аседо и Пинто произвели съемку самой Амазонки. Затем начались экспедиции Чандлеса, который исследовал и нанес на карты реки Пурус, Аквири, Юруа и нижнее течение Бени. Вскоре после этого американец Джемс Ортон исследовал перуанские и эквадорские притоки Амазонки, а адмирал Тукер в 1868 — 71 г.г. выяснил систему реки Укаяли. В 1875 — 76 г.г. полковник Черч произвел новую съемку рек Мадейры и Пуруса. В это же время по поручению английского правительства геолог Ч. Б. Броун совершил путешествие вверх по Амазонке и ее южным притокам, а в 1878 г. Сельфредж произвел точную съемку Рио-Мадейры до водопада Теотонио. В 1879 г. и в последующие годы французский исследователь Жюль Крево исследовал весь бассейн Амазонки. Не удовлетворившись этим, он решил в 1882 году исследовать еще во многих отношениях неизвестную реку Пилькомайо в Гран-Чако, но во время попытки спуститься вниз по этой реке был убит индейцами.

После Крево наиболее выдающимся исследователем бассейна реки Амазонки является Анри Кудро. Он в течение целого ряда лет исследовал южные и северные притоки Амазонки, при чем ему удалось открыть целых 12 совершенно неизвестных до того времени рек.

Что касается исследования Венецуэлы, то оно после Гумбольдта прекратилось почти совершенно. Лишь в 1829 году ботаник Аппун совершил путешествие по реке Ориноко. В 1884 г. Авеледо поднялся на вершины гор, лежащих вокруг Каракаса, а в 1884—86 г.г. Вильгельм Сиверс занялся исследованием Кордильер, Мериды и Сиерры-Невады де-Санта-Марта. После Сиверса в ряду исследователей Венецуэлы следует в особенности назвать Шаффаньона, совершившего путешествие по Сиерра-Париме. Северные Кордильеры Южной Америки исследовали также Карстен, Земан и Мориц Вагнер. В 60-х годах Карстен объездил три государства: Венецуэлу, Колумбию и Эквадор и производил в них геологические исследования; Земан также изучал строение гор Колумбии, а Вагнер совершил в 1857 —

1859 г.г. большое путешествие по пограничным областям между Колумбией и Эквадором.

Однако все эти исследования отступают на задний план перед исследованиями двух геологов — Вильгельма Рейса и Альфонса Штюбеля. Рейс и Штюбель, высадившись в Колумбии в 1868 г. около Санта-Марии, поднялись по реке Магдалине до Хонды. После того как они совместно исследовали восточные Кордильеры, Рейс в Антиоквии перешел центральные Кордильеры и последовал вдоль реки Кауки до Попаяна, а Штюбель направился к востоку от Попаяна. В начале 1870 года Рейс и Штюбель перешли из Пасто, где они соединились, границу Эквадора и затем в течение пяти лет исходили во всех направлениях эту часть Кордильер. Затем оба исследователя поднялись из Квито на окрестные вулканические горы, после чего пробрались в горные области провинции Имбабура. В 1871 г. Рейс и Штюбель отправились в восточные Кордильеры Квито, а в 1872 г.—в центральный Эквадор. После этого они снова разъединились, при чем Рейс взял на свою долю тригонометрические работы, а Штюбель — чисто геологические изыскания. В 1872 г. Рейс, первый из европейцев, поднялся на вершину горы Котопахи, на которую взобрался в следующем году и Штюбель. В 1873 — 1874 г.г. Рейс и Штюбель исследовали провинции Квито и Латакунчи, а в октябре 1874 г. достигли Гваяквиля, откуда они направились в Перу, в Боливию и Амазонию. Таким образом они провели в Колумбии и Эквадоре 7 лет и привезли из своих путешествий массу материалов, которые отчасти послужили основой их сочинений по геологии.

Выяснению географии Эквадора много способствовали также и исследования Теодора Вольфа, профессора политехникума в Квито. Вольф, по поручению правительства республики, произвел подробное исследование Эквадора и опубликовал в 1892 г. обширное сочинение по географии Эквадора. Работы Рейса, Штюбеля и Вольфа были дополнены рядом других путешественников, из которых заслуживают упоминания Эдуард Андре, Адольф Бастиан, Макс фон-Тильман, Эдуард Вимпер, Морен и Лакомб.

Территория республики Колумбии подвергалась до сих пор не такому тщательному исследованию, как Венецуэла и Эквадор. В течение двух с половиной веков испанского владычества исследование страны хотя и производилось, но все документы, собранные путешественниками-исследователями, ревниво сохранялись испанскими властями в архивах, и многие из них до сих пор не выпущены в свет. Их продолжали скрывать даже и тогда, когда экспедиции в колониальные территории стали предприниматься не для поисков невольников, золота или драгоценных камней, а с целью научного изучения.

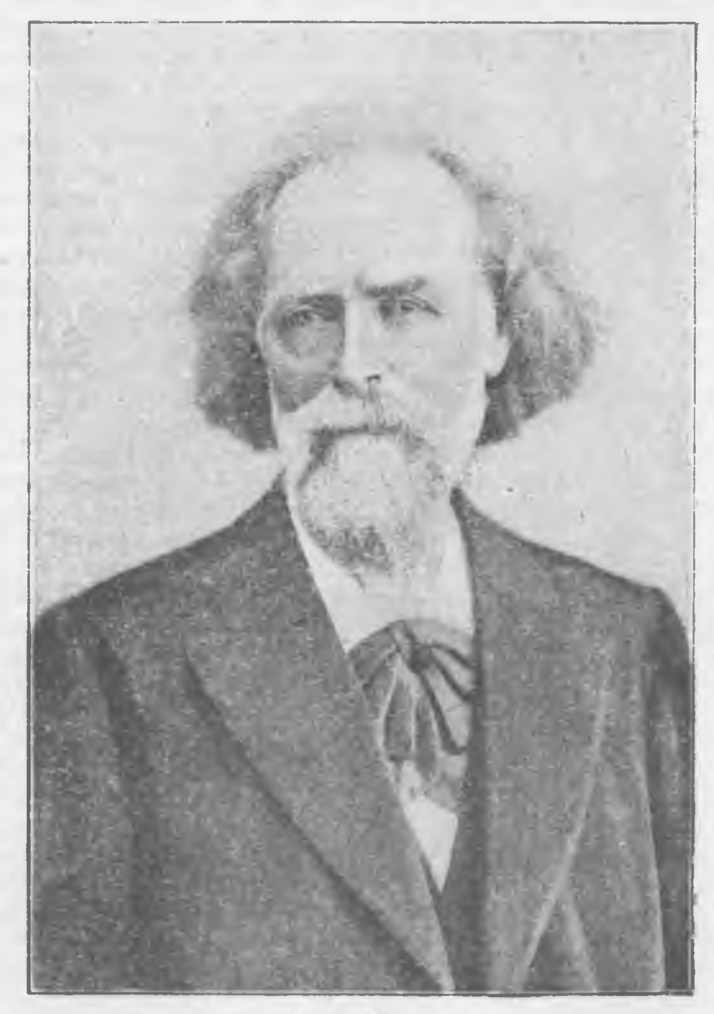
В конце XVIII столетия ученик ботаника Мутиса, Хозе де-Кальдас, прошел ее во всех направлениях, чтобы ознакомиться с ее природой и жителями. После него Колумбию исследовали Гумбольдт, Буссенго и целый ряд других ученых. В этом периоде предварительных изысканий для общего описания Колумбии самая значительная доля участия принадлежит итальянцу Агостино Кодацци, который составил подробную карту Венецуэлы и Колумбии. Карта Кодацци послужила основой для всех последующих карт Колумбии, на которых позднейшие путешественники вносили лишь незначительные поправки.

Южные области Колумбии исследовали Рейс и Штюбель, а Буссенго, Карстен, Андре и Бастион совершали путешествия, главным образом, по северным областям. Западная часть Колумбии и побережье Великого океана остаются и до сих пор почти совершенно неизвестными. Из центральных областей Колумбии чаще других привлекала к себе путешественников область Кордильер, которую посетили в 1871—1872 г.г. Штенхейль, в 1878—1881 г.г.—Шенк, и в 1896—97 г.г.—Фридрих Регель. Кроме того, в 1879 году Жюль Крево совершил путешествие по восточным Кордильерам к источникам Исынли Путумайо и Хапура. С 1883 по 1884 год в горах между Боготой и Кукутой путешествовал А. Гетнер.

Отдельную область исследования в Колумбии представляют возвышающиеся на крайнем севере страны горы Сиерра-Невада де-Санта-Марта, куда первый проник знаменитый географ Элизе Реклю. Элизе Реклю, бывший в то время еще молодым человеком и страстно стремившийся увидеть и изучить природу тропических областей, отправился из Нового Орлеана без всяких средств. Первоначально он пешком совершил путешествие по Колумбии и Гвиане, а затем перебрался в горные области Анд. В Андах, чтобы подготовить себя к трудному путешествию по горным областям, Реклю поселился среди горных индейских племен в сообществе одного небогатого француза-колониста. Затем, купив на оставшиеся у него деньги осла, ниток, булавок, иголок и т. п., Реклю отправился по индейским селениям Сиерры-Невады, добывая себе пропитание продажей бывшего у него товара и изучая в то же время горную природу и жителей этой страны.

Об этом своем путешествии по горным областям Колумбии Реклю рассказал в своей небольшой книге «Путешествие по Сиерре-Неваде. — Картины тропической жизни». Наблюдения, сделанные Реклю в Южной Америке, навели его на гениальные обобщения которые он позднее и изложил в своем знаменитом сочинении. «Земля».

Путешествуя по пустынным областям Сиерры-Невады, где жили только дикие племена индейцев, Реклю всюду вступал в общение с этими дикарями и встречал у них радушный прием.

Элизе Реклю.

Он искренно полюбил этих индейцев и находил в них много достоинств. «Обитатели Сиерры-Невады,— писал, между прочим, Реклю, — индейцы племени аруак. Это простые бедные дети природы, которых ничего не стоит рассмешить. Они крайне

любопытны и любят рассматривать незнакомые им вещи. В их характере есть лживость или, вернее, хитрость; но эта хитрость похожа скорее на хитрость животного, которое притворяется мертвым для того, чтобы его не трогали. Эта хитрость вызывается чувством самосохранения и самозащиты. Индейцы племени аруак принадлежат к жителям долин, но жестокость испанцев загнала их в горы, где они еще и до сих пор не приспособились к обстановке.

«Жилища этих индейцев похожи на пчелиные ульи, и каждая семья имеет две хижины. В одной живет муж, а в другой жена и дети. Жена никогда не осмелится войти в хижину мужа и смиренно приносит ему пищу на порог его хижины».

Индейцы всюду доверчиво встречали Элизе Реклю и немного боялись этого белого человека, считая его колдуном и чародеем за то, что он не ел мяса и питался только фруктами, овощами и хлебом (Реклю был вегетарианец).

Во время своего путешествия по Сиерре-Неваде Реклю заболел тяжелой тропической лихорадкой. Он вынужден был слечь в одной небольшой индейской деревне и провел здесь целых два месяца. «Индейские женщины, — говорит Реклю, — приходили к моему ложу и рассуждали вслух о том, когда я должен умереть». В хижину больного Реклю заползали ночью ящерицы и змеи, и однажды его чуть-чуть не укусила гремучая змея. Однако здоровый организм Реклю справился с болезнью, и он, оправившись, мог продолжать путь дальше. Но вскоре у Реклю пал на дороге осел, и полубольной Реклю вынужден был совершать путь в безлюдных горах пешком, идя под палящими лучами солнца. С неимоверными усилиями ему удалось достигнуть города Санта-Марта на берегу Караибского моря. Прожив в Колумбии около двух лет, Реклю вернулся во Францию в 1857 году.

После Реклю горы Сиерра-Невада де-Санта-Марта посетил лишь в 1879—80 г.г. английский инженер Симонс, а в 1886 году Вильгельму Сиверсу удалось пробраться в Сиерру-Неваду с юга; Сиверс составил более подробную карту этой горной области. Сиверс дал первое описание области Сиерра-де-Периха на границе между Колумбией и Венецуэлой и установил ее отношение к Неваде.

Хотя страны по реке Ла-Плате были колонизованы ранее, чем области реки Амазонки, тем не менее они оставались очень долгое время вне сферы научных исследований. После того как были основаны города Буэнос-Айрес, Корриэнтес и Асунсион, страны по реке Ла-Плате были еще совершенно неизвестны. Только благодаря иезуитам, основавшим в 1610 году миссии на Паране и Парагвае, было положено начало исследованию этих областей. После иезуитов лишь в конце XVIII века путеше-

ственник Вилларино поднялся по Рио-Негро до самых предгорий Анд, а в 1782 году Антонио де-Видма открыл озеро, носящее теперь его имя.

Научное исследование Лаплатских областей имело своим инициатором Феликса де-Азара. Прибывши сюда в 1791 году по поручению правительства, чтобы размежевать границы между испанскими и португальскими владениями в низовьях рек Уругвая, Параны и Парагвая, он не ограничился одними геодезическими работами, а занялся, кроме того, изучением растительного и животного мира этих стран. После него французский исследователь д'Орбиньи поселился в 1826 году в патагонском Кармене, а потом в Корриэнтесе, чтобы продолжать там свои изыскания над «американским человеком».

После д'Орбиньи в течение целой четверти века в областях Ла-Платы не было ни одного исследователя. Лишь в 1853—56 г.г. американский ученый Т. Пэдж произвел съемки Ла-Платы, Параны и Парагвая и установил судоходность правого притока Саладо, впадающего около Санта-Фэ. Это путешествие положило основание дальнейшему научному исследованию страны. В 1854—59 и 1863 г.г. французский врач де-Мусси совершил путешествие по Аргентине и Парагваю и написал об этих странах подробное трехтомное сочинение с атласом.

В 1856 году область Ла-Платы исследовал Герман Бурмейстер, который перешел в 1859 году через Кордильеры. В 1861 г. Бурмейстер был избран директором естественно-исторического музея в Буэнос-Айресе и в течение последующих 30 лет тщательно изучал географию, флору и фауну Аргентины. Преемниками Бурмейстера в деле исследования Аргентины могут считаться Альфред Штельцнер, который совершил в 1872 и 1873 г.г. две обширные круговые поездки по Андам и пампасам к северу и югу от Кордобы и оставил труд, представляющий основы геологии Аргентины и вообще Южной Америки, и Л. Бракебуш, обогативший географию пампасов. Наконец, в новейшее время с 1887 года, продолжателем этих исследователей явился Боденбендер, совершивший путешествие на юг от Мендозы и на север от Кордобы. Кроме того, Лорентц исследовал область Чако, а Аве-Лаллеман тщательно изучил Кордильеры. В исследовании пампасов и их горных цепей приняли также участие Р. Гауталь, С. Рот и Ф. Амегино.

На севере Аргентины, в области великих равнин, на старой охотничьей территории индейцев, в Гран-Чако, исследования начались лишь после того, как генерал Рока в 1879 году оттеснил индейцев за Рио-Негро на юг. До тех пор область Чако была совершенно неизвестна. Лишь в 1875—80 г.г. через Чако проехал Фонтана, написавший о Чако обстоятельный труд.

Кроме индейцев, особое препятствие представляла в Чако река, которая долгое время являлась загадкой для исследователей. Это река Пилькомайо, текущая из Боливии в Парагвай и образующая границу между этим последним и Аргентиной. Уже в 1881 году Фонтана проехал по нижней части этой реки. В 1882 г. Жюль Крево намеревался спуститься вниз по Пилькомайо, но был убит индейцами. В 1883 году Туар также хотел попасть по этой реке из Боливии в Парагвай, но по недостатку средств вынужден был оставить Пилькомайо и направиться в Асунсион. В 1884 году Фейльберг на пароходе поднялся по Пилькомайо до порогов Ла Эспера, а в 1885 году Туар снова сделал попытку проехать по этой реке. Наконец, в 1890 г. американец Джон Пэдж и Шторм предприняли независимо друг от друга исследования течения Пилькомайо и установили непригодность ее для судоходства. Тем не менее, и после этого Пилькомайо продолжает привлекать к себе исследователей. В 1898 г. испанец Ибарета хотел спуститься в лодке вниз по Пилькомайо, но был убит, как и Крево, индейцами тоба; незадолго перед этим также был убит Рамон Лист, направлявшийся к этой реке.

Промышленный подъем Аргентины и усилившееся стремление к колонизации этой страны заставили аргентинское правительство обратить внимание и на соседние южные области Патагонии. Исследование Патагонии подвигалось до этого времени очень медленно. Лишь в 1869 г. английский путешественник Мустерс прошел от Пунта Аренас через всю Патагонию до Рио Лимай. Он следовал сначала по восточному берегу до Рио-Санта-Круц, затем по Рио-Чико до впадения Рио Бельграно, а затем направился на северо-запад. К востоку от озера Нахуэль Хуапи он повернул на восток и пересек северную Патагонию до нижнего течения Рио - Негро, куда он прибыл в 1870 году. Эта экспедиция внесла в науку первые сведения о внутренних областях Патагонии. После этого исследование ее пошло более энергично.

В Южной Патагонии Фейльберг открыл в 1873 году озеро Аргентино, а в 1875 году Франциско Морено и Карлос Мояно открыли озера Вьедма и Сан-Мартин. В 1877 г. Роджерс, Ибар и Эвелин Эллис достигли озера Аргентино со стороны Пунта Аренас, а в 1878 г. Мояно и Рамон Лист прошли от Пунта Аренас до Рио-Чико. В 1879 году Мояно снова поднялся по реке Санта-Круц и по озеру Сан-Мартин и открыл еще четвертое озеро, служащее одним из истоков реки Санта-Круц . Однако стремления Мояно найти удобные проходы к Великому океану не привели ни к какому результату.

После того как в 1881 году была установлена чилийско-аргентинская граница в южной Патагонии и на Огненной Земле,

исследователи обратили свое внимание и на эту последнюю. В 1881—82 г.г. на Огненную Землю были посланы экспедиции Босси и Бове, а в 1884 г. Бове и Ногуэра исследовали Огненную Землю со стороны Ушуайи. В 1886 г. внутренние области Огненной Земли исследовал Рамон Лист, а в 1886—87 г.г. Поппер и Шельтце совершили путешествие по Огненной Земле в западной ее области. Из позднейших экспедиций на Огненную Землю заслуживают упоминания экспедиции Отто Норденшельда (племянника знаменитого Эрика Норденшельда), Дусена и Олина. По ботанике Огненной Земли были собраны ценные материалы русским ученым Н. М. Альбовым, которому смерть помешала произвести обработку этих материалов.

Географическое исследование Чили, начатое в XVI веке испанцами, продолжалось и в последующие столетия, но подробно географию страны удалось выяснить лишь в XIX столетии. После того как в 1521 году Магеллану удалось открыть между-океанский пролив, большинство исследователей Чили направлялось к берегам Чили именно с этой стороны. Только один из спутников завоевателя Перу Кортеса, Альмагро и его последователь Педро де-Вальдивиа проникли в Чили из Перу с севера и узнали от индейцев племени кигуа, что эта страна называется ими Чиле, что на их языке означало «Страна Холода». Сравнительно с берегами Перу, побережье Чили действительно отличается более низкой температурой.

В XVII столетии для выяснения географии Чили много сделали иезуиты. В 1646 году иезуит миссионер Оваль издал в Риме карту Чили, которая была наилучшей из всех существовавших в то время карт этой страны. В начале XVIII столетия один французский священник, Фёлье, определил приблизительную длину чилийского побережья. После образования Чилийской республики, Великобритания с целью создать торговые сношения со странами, до тех пор закрытыми для свободной торговли, организовала знаменитую экспедицию Кинга и Фицроя, в которой принимал участие натуралист Дарвин, тогда еще молодой. (Об этой экспедиции смотри выше, в главе о кругосветных плаваниях.) Это десятилетнее путешествие, начавшееся в 1826 г. и окончившееся в 1836 г., положило начало новой эры географического исследования этих южно-американских областей. Целью этой экспедиции было тщательное исследование Аргентины и Чили.

После этой экспедиции трое ученых особенно способствовали выяснению географии Чили. Это были поляк И. Домейко, французский инженер Писси и немецкий ученый Рудольф Филиппи. Первый из этих исследователей, Домейко, занимавший профессорскую кафедру в Коквимбо и Сант-Яго, основательно изучил вулканы, источники и минеральные богатства Чили, а после-

него Писси проявил свою деятельность как геодезист, геолог, метеоролог и картограф. Что касается Филиппи, то он посвятил на исследование Чили около 50 лет, занимая кафедру естествоведения в университете Сант-Яго. В 1853 — 54 годах он совершил путешествие по пустыне Атакаме, затем в 1858 — 62 г.г. исследовал юг Чили и острова, а в 1878—1883 г.г.—побережье залива Арауко. В позднейшие годы он занимался обработкой материалов, собранных им во время своих путешествий.

С 1882 года чилийские Кордильеры исследовал Гюссфельд, который поднялся выше других исследователей на Аконкагуа. Вскоре после этого Санфеличе совершил восхождение на вершину вулкана Лианкаура, высотою в 6.000 метров, а в 1890 г. Геттнер прошел почти по недоступным андийским проходам из Чили в Патагонию. Береговое плавание капитана Плюддемана в 1883 г. дало возможность лучше разобраться в хаосе островов, окаймляющих юго-западный берег Чили.

В числе выдающихся исследователей Чили нельзя не упомянуть Охониуса, бывшего директора чилийского горного департамента. Он первый исследовал области Чили, где встречаются знаменитые залежи селитры, и высказал гипотезу о происхождении этих залежей. Области селитряных залежей исследовал в 1879 г. также Александр Бертран, который и составил подробную карту этой части чилийского побережья. Бертран в 1884 г. поднялся от Сан-Педро де-Атакама на восточные Кордильеры, пересек Деспобладо до Антофагасты де-ля-Сиерра и вернулся в Атакаму через Молинос.

Вскоре после 1890 г. начался спор между республиками Чили и Аргентины из-за границ; этот спор, повредивший экономическому благосостоянию обоих государств, принес географии большую пользу, так как комиссии, посланные для проведения пограничных линий, были часто вынуждены проникать в отдаленнейшие горные уголки Южных Анд. Полезным для исследования Кордильер является и проведение транс-андийской железной дороги от Сант-Яго до Мендозы через проход Кумбре, по которому известная путешественница — баварская принцесса Тереза — первая прошла пешком зимою 1899 года.

Территория Перу, или, по-туземному, Биру, громкая слава о богатствах которого привлекла Андагойя и Пизарро, исследована в географическом отношении едва ли не лучше всех остальных областей южно-американского материка. Уже с первых лет завоевания Перу Пизарро испанцы исходили эту страну во всех направлениях. Так как две королевские резиденции — Кахамарка и Куско—находились в двух разных концах страны, то завоеватели могли утвердить свое владычество, лишь прочно заняв всю страну; затем, когда Пизарро, основав Лиму, избрал

ее столицей, между побережьем и населенными городами внутренней части страны происходило беспрестанное движение войск.

Вслед за победителями-воинами в Перу пришли миссионеры. Эти священники сделали много важных географических открытий; один из них, Симон Хара, первый проник в область степей, называемую Пампа-дель-Сакраменто; эта область образует Перуанскую Месопотамию или «междуречье» между реками Уаяльга и Укайяли.

История современных географических исследований Перу начинается с путешествия Э. Ф. Пёппига, который, первый после Орельяны и Ла-Кондамина, проехал из Перу по Амазонке вплоть до ее устья. В период 1825—31 г.г. Перу исследовал Буссенго, всесторонне обогативший физическую географию Кордильер и вынесший из Южной Америки многие из тех идей, которые легли в основу созданной им агрономической химии. Из последующих выдающихся исследователей Перу следует назвать Пентланда, измерившего высоту многих горных вершин в Андах. В 30-х годах XIX столетия известный путешественник Ян Майен исследовал Пуну, высокое плоскогорье между обеими главными цепями Кордильер. С 1838 по 1842 год по Перу путешествовал известный швейцарский ученый Чуди, которому удалось выяснить происхождение древних перуанцев.

Во второй половине XIX столетия Перу исследовали Клеменс Маркгам, Мориц Вагнер, Рейс и Штюбель. В 70-х годах Перу посетил знаменитый этнограф Адольф Бастиан. Перейдя Анды, он долгое время жил в Куско, древней столице Перу, собирая материалы по этнографии древнего Перу. Конец 80-х годов отмечен, с одной стороны, путешествиями по восточному склону Анд—Геттнера и исследованиями на Укайяли—Р. Пайера, а с другой — основанием Перуанского Географического Общества в Лиме. Это общество вскоре приступило к изданию большой подробной карты Перу, составлявшейся в течение многих лет А. Раймонди. Антонио Раймонди был, можно сказать, для Перу тем же, чем был его соотечественник Кодацци для Венецуэлы и Колумбии. Его капитальный труд по географии Перу с атласом из 34 листов составляет классическое сочинение по географии этой страны. Описание Перу братьев Пас-Сольдан является также ценным трудом о Перу. В настоящее время различные горные «Андские клубы» содействуют подробному исследованию Перу, и с каждым годом в стране остается все меньше и меньше областей, куда бы не ступала нога туриста-исследователя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Исследование Австралии и Океании в девятнадцатом столетии.

I.

Исследование окраин австралийского материка. — Путешестзия во внутренние области Австралии.—Экспедиция Лэйхгардта.

Выше мы уже видели, что в XVIII веке были предприняты англичанами и французами неоднократные попытки выяснить очертания берегов австралийского материка. Исследователи XIX столетия продолжали это дело и мало-по-малу удалялись от берега внутрь материка и ознакомлялись со строением этой части света, с ее флорой, фауной и жителями. Мы уже говорили, что в 1788 году англичане основали на берегу порт Джаксон, свою колонию, которая впоследствии и превратилась в город Сидней. Сидней был в начале XIX века единственным городом в Австралии и естественно сделался отправным пунктом для исследователей-европейцев, высаживавшихся на австралийский материк.

Первыми исследователями Австралии в XIX веке являются Вентворс и Лаусон, предпринявшие в 1813 году экскурсию в Голубые Горы. По другую сторону этого хребта исследователи нашли плодородные пастбища и две реки, текущие в глубь материка. Эти реки Вентворс и Лаусон назвали в честь губернатора Сиднея пр. к. Лечлен Маккари. В 1817 году Оксли и Эванс спустились по течению их и узнали, что обе эти реки теряются в болотистых низинах центральной Австралии. В 1823 году Эллен Кеннингем отправился на Ливерпульские равнины и проник оттуда к северу, к низинам Дарлинга. В 1827 году он исследовал побережье вблизи реки Брисбэна и около залива Мортона. Одновременно с ним Юм, Гоувель и Джильтон обследовали внутренность страны к юго-западу от Сиднея, открыли один из больших притоков реки Меррея, и затем, направившись вдоль горного хребта Уоррэгонга, дошли на юге до порта Филиппа.

После того как таким образом было открыто пять рек, текущих внутрь материка, английское правительство поручило капитану Чарльзу Стерту выяснить связь этих рек между собою. Почти одновременно с путешествием Стерта к верхнему течению реки Дарлинга отправился в 1831 году Томас Митчель, который является одним из наиболее выдающихся путешественников по Австралии. Во время своего третьего путешествия по Австралии в 1836 году Митчель открыл на крайнем юго-востоке плодородную область, покрытую великолепными эвкалиптовыми лесами. Митчель назвал эту страну «Австралия феликс», то-есть «счастливая Австралия».

Во время своего четвертого путешествия, посвященного поискам большой реки, текущей из Квинслэнда в залив Карпентария, Митчель проник до истоков Барку-Виктория; таким образом он добрался до входа во внутренние области Австралии, куда еще не проникал никто из путешественников.

Людвиг Лейхгардт.

До самой середины XIX столетия путешествия по пустынному югу и еще более пустынному западу Австралии совершались еще реже, чем на востоке и северо-востоке. Здесь только Эдуард Джон Эйр и Фромс проникли в глубь страны до хребта Флиндерс и озера Торренс. Северо-западную часть Австралии исследовал в 1837—39 г.г. сэр Джордж Грэй, замечательный этнограф, администратор и путешественник. После него исследования продолжали Август Грегори и Роберт Остин.

Таким образом в первую половину XIX столетия в Австралии были исследованы, более или менее подробно, почти все прибрежные области. Были изучены горные хребты востока и весь юг. Но вся центральная область австралийского материка была до половины XIX столетия совершенно неизвестна.

Первым путешественником-исследователем, рискнувшим пуститься в неведомые безводные пустыни внутренней Австралии, был немецкий ученый Людвиг Лейхгардт. Лейхгардт является

самым знаменитым, но, вследствие своей трагической судьбы, и самым несчастным из исследователей Австралии. Лейхгардт, получив на родине основательное филологическое и естественно-историческое образование, 27 лет от роду отправился в Австралию. Первоначально он исследовал область Восточных гор между реками Гинтером и Брисбэном. Получив, таким образом, некоторую подготовку, Лейхгардт в августе 1844 года предпринял большое путешествие, отправившись из бухты Мортона внутрь материка. Сначала он исследовал реку Кондамина, затем направился на юг горной страны Квинслэнда, переправился через реки Даусон, Мэкензи и Исаакову реку и перешел в бассейн реки Бельяндо. По этой реке он спустился вниз, поднялся по Бердекину вплоть до его истоков и пробрался, наконец, по бассейнам Линда и Митчеля до залива Карпентария. Затем он обошел вокруг всего залива Карпентария до реки Ропера с западной стороны и достиг реки Аллигаторов и Порт-Эссингтона, откуда он уже морем проехал в Сидней. Во время этого своего путешествия Лейхгардт открыл не только горные страны северного Квинслэнда и обошел берега залива Карпентария, но и нашел возможность проникнуть в глубь самого материка. Путевой журнал Лейхгардта, опубликованный в 1847 году, содержит первые, основанные на личных наблюдениях, данные относительно характера и способа путешествия через степи и через заросли скруба. Исследования Лейхгардта послужили материалом для его книги «К вопросу о геологии Австралии». Это сочинение, вышедшее в 1855 году, положило основание более глубокому изучению природы этого материка.

Вернувшись из этого путешествия, Лейхгардт решил предпринять новое путешествие и пересечь весь австралийский материк с востока на запад. Отправившись из Нью-Кестля на реке Гентере, он через низменности Дарлинга достиг хребта Пэка, но оттуда вынужден был вернуться обратно вследствие недостатка съестных припасов. Однако эта неудача не остановила его. В декабре 1847 года Лейхгардт снова направился на запад из долины Дарлинга через Мараноа к Барку. 3 апреля 1848 года он был на Когуне, откуда со станции Макферсон он отправил письмо. После этого о Лейхгардте никто ничего не слыхал. Как далеко проник он в глубь страны, так и осталось неизвестным; с ним вместе погибли и его спутники Классен, Гентинг и другие.

Для отыскания экспедиции Лейхгардта был послан целый ряд экспедиций, которым, однако, не удалось найти место гибели Лейхгардта. Только с некоторой вероятностью можно наметить границы той области, в которой погиб, вероятно, от голода маленький отряд Лейхгардта. Это—область реки Флиндерс к югу

от залива Карпентария, где Уокер в 1861 году и Мак-Энтайр в 1864 году нашли некоторые следы пребывания Лейхгардта.

Так же печально окончилось путешествие Кеннеди, который в 1848 году намеревался проникнуть от бухты Рокингэм в глубь Австралии. Кеннеди хотел продолжать исследования Митчеля далее к северу и прошел на полуостров Иорк, но здесь он погиб в стычке с австралийскими дикарями.

В то время как Лейхгардт исследовал области вдоль залива Карпентария, на юге Австралии путешественники Броун, Стюарт и Пуль, под руководством Стерта, исследовали горные области

Танец австралийских дикарей.

между Дарлингом и хребтом Флиндерса, при чем достигли бассейна великих озер и проникли в безжизненную пустыню в глубь страны. В 1857 году Свинден, Уорбертон, Гукер и Юнгхэсбенд пробовали проникнуть внутрь австралийского материка. В 1859 году Мак-Доналль Стюарт переправился через озеро Эйр и открыл горный хребет Стюарта. В конце 50-х годов выдающиеся исследователи братья Франк и Август Грегори совершили путешествие по западной и северо-восточной Австралии.

Все путешественники, отправлявшиеся с юга, запада, северо-запада и севера Австралии, проникали, однако, на сравнительно незначительное расстояние от побережья в глубь страны. Один только Август Грегори во время своей экспедиции прошел у рек Барку и Купер-Крика. Так как исследование центральной части материка было делом крайне трудным, то у многих исследова-

телей являлось желание проникнуть именно в эти недоступные области. В 1858 году Роберт Бёрк и Уильс отправились из Дарлинга и после необычайных трудностей достигли берегов залива Карпентария. Отсюда Бёрк и Уильс направились в Мельбурн не своим прежним путем, а другим, и умерли в австралийских пустынях от голода. Лишь одному из спутников Бёрка и Уильса, Кингу, удалось добраться до туземной деревушки, где его и нашел путешественник Браге и привез его в Мельбурн. В Мельбурне Кинга встретили с большим торжеством, как первого путешественника, пересекшего австралийский континент.

За этим первым путешествием через Австралию, с юга на север, последовал в 60-х годах прошлого столетия целый ряд подобных же экспедиций. Так, в 1861 году через всю Австралию перешел Мак-Кинлей, посланный для отыскания Бёрка; в следующем году, после двукратной неудачи, то же самое сделал Мак Доналль Стюарт. Он пересек Австралию в самом широком месте, именно между заливом Св. Винцента и северным берегом, против острова Мельвиля. Таким образом Австралия оказалась разделенной пополам поперечным путем, на протяжении которого, через известные промежутки, учредили станции, служащие местами остановок и складами провианта для путешественников. От этих определенных пунктов можно было уже с меньшим риском отваживаться проникать в австралийские пустыни как на восток, так и на запад. В 1873 году Уорбертон, отправившись с одной из таких станций на запад, достиг, наконец, западного берега. С этого времени сеть маршрутов покрыла всю Австралию как с востока на запад, так и с юга на север. Можно сказать, что этими экспедициями первоначальное исследование материка было закончено: внутренние области Австралии сделались известны в общих чертах.

Однако, несмотря на многочисленные научные экспедиции, снаряжавшиеся за последние 30 лет для исследования центральных областей Австралии, на этом материке все еще остаются обширные пространства, в особенности в западной части его, где еще не ступала нога европейца. Этот факт отчасти объясняется тем, что западная часть Центральной Австралии представляет собой бесплодную и безводную пустыню, мало интересную для исследователя. Экономическое же значение эта пустыня может приобрести лишь в том случае, когда человек вынужден будет приспособить и ее для своей жизни. За последние годы австралийцы постепенно совершают завоевание этих пустынь. Уже во многих местах проведены железные дороги, и артезианские колодцы орошают теперь ту огромную область, где прежде росли только дикие кустарники и колючий скруб.

II.

Исследование островов Океании.

На огромном пространстве Великого океана, от Берингова пролива до Антарктики, рассеяно множество островов и островных архипелагов. Все острова и островные группы Великого океана, расположенные в пределах тропического пояса, принято делить на три обширные группы: Меланезию, Полинезию и Микронезию, при чем большой двойной остров Новой Зеландии и остров на юге Австралии — Тасмания не входят в эти группы. Исследования всех этих островов и изучение их природы совершались, большею частью, почти до самого последнего времени, как бы мимоходом, во время общих научных экспедиций и кругосветных плаваний. Лишь на большие острова, как, например, Новая Зеландия или Новая Гвинея, были посылаемы специальные научные экспедиции для изучения их флоры, фауны и населения.

Маорийский архипелаг, выдвинувшийся к юго-востоку от Австралии, названный первым его исследователем Тасманом — Новой Зеландией, в XVIII веке довольно подробно был описан капитаном Куком. Почти одновременно с Куком Новую Зеландию исследовали, как мы видели выше, французские исследователи Сюрвилль, а затем Марион и Крозе, при чем Марион погиб там, будучи изрублен туземцами.

Первая попытка колонизации новозеландских островов совершилась через посредство переселенцев из Австралии: группа миссионеров переселилась в конце XVIII века в Пахию, на берега Бухты Островов, около северной оконечности северного острова. Вскоре другой поселок рыбаков и торговцев образовался в Корорарике, против Пахии. В 1840 году на Новой Зеландии был основан англичанами первый город Веллингтон. В этом же году французский корабль, принадлежавший нанто-бордосской компании, пристал к берегу Акароа, около полуострова Банкса, на южном острове. На этом корабле прибыли из Франции французские колонисты. Эта попытка французов колонизовать Новую Зеландию ускорила действия английского правительства, которое во многих местах основало английские поселки. Прибытие чужеземцев в Новую Зеландию было встречено враждебно со стороны туземцев «маори», и в 1845 году началась первая война европейцев с маори; почти 40 лет длились эти войны, прежде чем маори признали власть белого человека. Только после этого сделалось возможным тщательное исследование острова и его внутренних областей

Начало научному исследованию Новой Зеландии положил Диффенбах; после него Гохштеттер исследовал южный остров. Гааст, Ленденфельд, Фицджеральд, Гектор и Гарпер продолжали дело исследования Новой Зеландии и выяснили ее природу. В 1900 году Ленденфельд издал общее описание всей Новой Зеландии.

Что касается Меланезии, Микронезии и Полинезии, то относительно них приходится сказать, что этот островной мир очень мало еще исследован; исследование островов этих обширных земель редко идет дальше их побережий. Мы видели выше, что в первой половине XIX столетия кругосветные мореплаватели — русские, англичане, французы — обследовали большинство островов Великого океана, но эти обследования касались, главным образом, установления очертания береговой линии.

Из всех островов Меланезии наиболее известна поверхность острова Новой Гвинеи, лежащей на север от Австралии.

Новая Гвинея, получившая свое название от испанского мореплавателя Иньиго Ортис де-Ретиса (открывшего этот остров в 1545 году) по причине сходства ее жителей с жителями африканской Гвинеи, составляет, после материка Австралии, самую обширную массу суши в Великом океане. Длина этого острова с северо-запада на юго-восток равняется не менее 2500 километров. Этот обширный остров, превосходящий по величине в полтора раза Францию, повидимому, в будущем будет иметь важное значение, так как Новая Гвинея обладает роскошной природой, имеет многочисленные реки и много удобных гаваней. Тем не менее Новая Гвинея почти вплоть до наших дней оставалась совершенно вне влияния цивилизованного человечества. В 1842 г. западная часть острова была объявлена голландским владением, но это не привело к более широкому исследованию внутренних областей острова. Исследование Новой Гвинеи было предпринято англичанами. В 1835 году Блэквуд составил карту юго-восточных береговых областей, а в 1850 году английский путешественник Оуэн Стэнли открыл на Новой Гвинее горы, носящие и теперь название гор Стэнли. В 1856—1863 годах неутомимый Уоллес, с таким выдающимся успехом исследовавший малайский архипелаг, положил начало более основательному естественно-научному исследованию Новой Гвинеи. Почти около того же времени исследованием Новой Гвинеи занялись итальянские ученые. Между ними особенно заслуживают упоминания Черутти и Д'Альбертис. Но более всех способствовал ознакомлению с природой Новой Гвинеи русский ученый Н. Н. Миклуха-Маклай, проведший на Новой Гвинее несколько лет. О жизни и об исследованиях этого выдающегося путешественника мы скажем более подробно несколько ниже.

В 1885 году три державы — Голландия, Великобритания и Германия — разделили согласно договору всю Новую Гвинею между собою. После этого факта дело исследования Новой Гвинеи подвинулось далеко вперед. Голландский запад подробно исследовали Розенберг и Гала, а британский юг — Мак-Грегор

Типы жителей Новой Зеландии. (Снимок со старинной гравюры.)

и Моресби. Из немецких исследователей Новой Гвинеи на первое место следует поставить Финша, а также Целлера, капитана Дальмана, астронома Шрадера и ботаника Хольрунга.

Вследствие непроходимости горных областей и лесов, первая попытка пересечь Новую Гвинею окончилась катастрофой. В 1895 году Элерс первый предпринял путешествие из Гюонского залива на юг Новой Гвинеи, но сам Элерс и большинство

его спутников погибли в дороге. В 1896 г. губернатору британской части Новой Гвинеи, Вильяму Мак-Грегору, удалось пройти поперек острова. Наименее исследована голландская часть Новой Гвинеи, в которой еще в настоящее время есть обширные области, где не бывал ни один европеец.

Что касается островов Полинезии, то сюда ученых путешественников менее всего привлекали вопросы географические и этнографические; большинство исследователей этих островов были зоологи, ботаники и геологи. Здесь, с одной стороны, обращали на себя внимание коралловые рифы, а с другой — исследователей привлекала роскошная тропическая флора и фауна. Над разрешением вопроса о происхождении коралловых рифов Великого океана трудились Дарвин, Уоллэс, Дэвис и Эллис. Из островов Полинезии лучше всего исследованы острова Гавайские. Уже в 1840 году геолог Дана начал исследование вулканов Гавайи; после него Бриггем — в 1865 г., Деттон — в 1882 г., Далль—в 1900 г. продолжали геологические изучения, а Престон (в 1883 и 1887 г.г.) произвел многочисленные топографические съемки.

III.

Миклуха-Маклай и его путешествия на Новую Гвинею.

Выше мы упомянули в числе исследователей Новой Гвинеи имя русского путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая. Выдающиеся труды Миклухи-Маклая и незаурядная личность самого исследователя дают право выделить Маклая из среды других путешественников-исследователей островного мира Великого океана. Николай Николаевич Миклуха-Маклай, проживший почти половину своей жизни среди диких папуасов, происходил из украинских казаков Черниговской губернии. Он родился в июле 1846 года в селе Рождественском, близ города Боровичей Новгородской губернии. Когда ему было одиннадцать лет, у него умер отец, и его мать переехала в Петербург. Здесь Маклай был отдан первоначально в немецкую Анненскую школу, а затем во вторую петербургскую гимназию. Но гимназии Маклай не кончил. Выйдя из шестого класса, он поступил вольнослушателем на юридический факультет. Однако юридические науки мало привлекали юношу, и он скоро перешел на естественный факультет, где стал заниматься преимущественно сравнительной анатомией. Но и в университете Маклаю пришлось пробыть недолго. Вследствие студенческих волнений он должен был покинуть стены университета и даже самый Петербург.

Н. Н. Миклуха-Маклай. Портрет, написанный К. Маковским в 1882 г.

Стремясь, однако, к знанию, ища в науке разрешения многих вопросов, Маклай решил для продолжения своего образования уехать за границу. Местом своего учения он избрал Германию. Здесь он первоначально поселился в Гейдельберге, где в течение двух лет изучал философские науки. После этого он отправился в Лейпциг, где поступил на медицинский факультет. Из Лейпцига он перебрался в город Иену и поступил в Иенский университет на естественный факультет. Во время своего пребывания в германских университетах Маклай слушал курсы многих выдающихся немецких ученых того времени, как, например, Гельмгольца, Бунзена, Кирхгофа, Геккеля и других. С Геккелем Маклай близко подружился, и когда в 1866 году Геккель задумал предпринять научное путешествие на Канарские острова, то своим помощником и сотрудником выбрал молодого русского студента Маклая, высоко ценя его способность к научным занятиям. В это время Маклаю было всего 20 лет. Кроме Канарских островов, Маклай вместе с Геккелем посетил и Северную Африку.

Это путешествие имело решающее значение в жизни Маклая. Изучая живую книгу природы, он понял все важное значение прямого, непосредственного изучения природы и ее явлений и с этого времени решил посвятить свою жизнь делу исследования. На следующий год мы видим Маклая, изучающего жизнь морских животных в Красном море, на берегах которого он провел полтора года среди кочевников-арабов.

В 1869 году Маклай возвратился в Петербург и занялся изучением сравнительной анатомии животных в музее Академии Наук. Но эти занятия не удовлетворяли его — его снова потянуло на широкий простор живой природы. В это время Маклай интересовался, главным образом, вопросом о законах, по которым изменяются живые существа; ему захотелось выяснить влияние окружающей среды на низших морских животных, и в его голове возник грандиозный план исследования жизни морских животных Великого океана, начиная с тропических морей и кончая Охотским морем. Вместе с тем Маклай хотел заняться изучением жизни и нравов диких племен, населяющих острова Великого океана. Этот свой план Миклуха-Маклай рассчитывал выполнить в течение 7—8 лет.

Однако своих средств на путешествие у Маклая не было, и поэтому он решил обратиться за помощью к Русскому Географическому Обществу. В конце 1870 г. Русское Географическое Общество, рассмотрев план путешествия Маклая, выхлопотало ему разрешение отправиться в Великий океан на военном корвете «Витязь», который в 1871 году должен был совершить свой рейс на Дальний Восток. Кроме того, Общество выдало Маклаю

пособие в 1.350 рублей. Весною 1871 года Миклуха-Маклай отправился в свое далекое путешествие. Первым местом для своих исследований Маклай выбрал остров Новую Гвинею, которая до этого времени была совершенно неизвестной страной.

Своим помощником Маклай взял только одного слугу шведа да в пути, на одном из островов, нанял полинезийца в качестве переводчика. Несмотря на то, что в то время часто случались убийства белых людей чернокожими, Маклай решился поехать в Новую Гвинею только вдвоем, с слугой шведом, без всякой военной охраны. Маклай хотел доказать, что «на всех пунктах земли человек есть человек, то-есть доброе и общественное существо, с которым можно и должно входить в сношение путем оказания ему добра и справедливости».

В сентябре 1871 года Маклай высадился со своими двумя спутниками на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, где он, с помощью матросов с «Витязя», построил небольшой домик. (Позднее, берег, где поселился Маклай, был назван берегом Маклая, но немцы, завладевшие этой частью Новой Гвинеи, заменили это название своим.) Недалеко от того места, где поселился Миклуха-Маклай, оказалось несколько деревень туземцев. Эти дикари, узнав, что на берегу поселились какие-то пришельцы, скоро пришли к хижине Маклая с палками и стали угрожать путешественнику. Дикари Новой Гвинеи, которых малайцы называют «папуасами», что на их языке означает «курчавые», стоят на очень низкой ступени развития. В то время, когда высадился на Новой Гвинее Маклай, они не знали еще употребления железа, и все их орудия были сделаны из камня и дерева.

Через несколько дней Маклай один, без оружия, пошел в ближайшее селение папуасов. При виде невиданного до этого времени белого человека все женщины и дети убежали в лес, а мужчины с криками окружили Маклая, грозя ему палками и камнями и показывая знаками, чтобы он уходил из деревни. Миклуха-Маклай показывал папуасам свои пустые руки и старался им объяснить, что он желает жить с ними в мире. Чтобы подружиться с папуасами, Маклай одарил их разными подарками, бусами, табаком и т. п. Он звал их к себе в хижину, показывал им топоры, пилу, лопату и учил папуасов, как надо этими орудиями работать. Все это очень заинтересовало папуасов, и они стали все меньше и меньше бояться Маклая.

Когда папуасы почти ежедневно начали навещать Маклая, он принялся за изучение папуасского языка. Но «изучение языка без гувернантки», как говорил Маклай, оказалось делом довольно трудным. Папуасы неохотно и лениво отвечали на вопросы и постоянно показывали на море, прося, вероятно, оставить их в покое.

Однако месяца через два Маклай кое-как научился объясняться с папуасами на их языке. Но путешественника ждала новая беда: местность, где поселился Маклай, оказалась лихорадочной. Вскоре заболел тропической лихорадкой слуга-швед, а затем и сам Маклай. Приступы лихорадки сопровождались бредом и сильной опухолью лица, шеи и рук. Через несколько недель заболел и другой слуга, полинезиец, и вскоре умер. Положение становилось критическим. Папуасы, видя, что белые люди слегли, стали смелее и грозили убить их.

К счастью, Маклай в декабре месяце оправился и снова принялся за свои научные работы. Он предпринял экскурсию внутрь острова, в горы. Маклай просил папуасов проводить его и указать ему дорогу. Но папуасы отговаривали Маклая от путешествия, ссылаясь на то, что его могут убить горные жители. Тогда Маклай сказал, что идет один в горную деревню. Он вынул из кармана компас и, показывая на двигавшуюся стрелку, сказал:

— Эта стрелка покажет мне дорогу, а если со мной что случится, то всем вам будет плохо.

С этими словами Миклуха-Маклай направился из деревни. Через некоторое время его нагнали несколько папуасов и объявили ему, что они согласны проводить его в горы. Папуасы боялись окончательно разгневать странного человека. С января месяца 1872 г. отношения папуасов к Маклаю изменились к лучшему; этому помог один случай: Маклай залечил рану у одного папуаса, и, благодаря этому, дикари стали считать Маклая за необыкновенного человека. Вскоре другой случай еще более убедил дикарей в сверхъестественном происхождении их белого гостя. Как-то раз Маклай зажег вечером близ своего дома бенгальский огонь. Папуасы заметили голубое пламя и тотчас же решили, что это свет луны, который чужеземец принес с собою с неба. Вскоре все папуасы стали звать Маклая—«каарам-тамо»—«человек с луны». После этого они окончательно подружились с путешественником, зазывали его к себе в жилища, приводили больных, приносили подарки и охотно беседовали с ним.

Однако многие из папуасов оспаривали сверхъестественное происхождение Маклая и продолжали относиться к нему с некоторой враждебностью. Однажды Маклай пришел в одну папуасскую деревню и нашел всех мужчин собравшимися вместе и о чем-то горячо споривших. Маклай спросил, в чем дело, и в ответ на это папуас, которого Маклай хорошо знал, сказал:

— Мы хотим знать, можешь ли ты умереть, как мы?

Маклай был поставлен в затруднительное положение. Сказать, что он такой же смертный, как и все, он не хотел, так как после этого папуасы наверное захотели бы проверить его за-

явление на опыте, но солгать, сказав, что он бессмертен, Маклай тоже не хотел, потому что он поставил себе целью говорить только правду и этим самым сумел внушить папуасам такую веру в свои слова, что они часто повторяли: «Балан Маклай хуки», — что на их языке значило: «слово Маклая всегда верно».

После минутного замешательства Маклай решил итти на риск и, взяв копье, стоявшее у стены, передал его знакомому папуасу и сказал:

— Попробуй, и тогда узнаешь, могу ли я умереть.

Папуас взял копье, посмотрел на Маклая и положил копье обратно.

— Теперь мы знаем,—проговорил он, обращаясь к Маклаю,— если бы ты мог быть убитым, то ты не предложил бы этого.

После этого случая все жители окрестных селений стали с еще бо̀льшим уважением относиться к Маклаю, исполняли все его просьбы и не причиняли ему больше никаких оскорблений. Однако папуасы дальних деревень все еще не оставляли мысли убить белого пришельца и составляли заговоры против Маклая. Однажды, узнав об одном таком заговоре, Маклай отправился безоружный к начальнику враждебной деревни и велел ему созвать всех жителей, которые собирались убить его. Когда те явились, он сказал им:

— Сейчас я иду спать; если вы желаете меня убить, то исполняйте свое намерение как можно скорее, пока сон не вернул мне сил.

Такая смелость устрашила папуасов, и они отказались от своего намерения, боясь возмездия свыше за смерть белого человека. Между тем Маклай познакомил папуасов с употреблением спичек, топора, заступа и т. п. Так как на языке папуасов не было подходящих слов для названия этих предметов, то Маклай научил папуасов называть эти предметы по-русски. Дикари скоро запомнили эти слова и часто произносили их, желая этим доставить удовольствие «человеку с луны». Мало-по-малу папуасы сильно привязались к путешественнику, часто просили его быть судьею в своих спорных делах и приходили к нему за различными советами. Они высоко их ценили и прислушивались к каждому слову Маклая.

«Мое влияние на туземцев,— писал Маклай,— оказалось настолько сильным, что мне удалось совершенно прекратить во все время моего пребывания постоянные междоусобные войны. Одной из главных причин междоусобий было поверье, что смерть происходит от колдовства. В случае смерти туземца родственники и друзья его собираются и обсуждают, кто мог желать смерти покойного. Долго перебирают они всех недругов умер-

шего. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта, виновник смерти или болезни найден. Составляется план похода, подъискиваются союзники,—и война разгорелась».

Маклай пробовал было разубеждать папуасов, что никаких заговоров не существует, и что жители соседних деревень совершенно неповинны в смерти жителей других деревень, Но все эти слова Маклая не имели значения, и папуасы продолжали верить, что смерть людей происходит от наговора злых колдунов. Однажды в одной семье папуасов умер старший сын, а затем через несколько дней умер и второй сын от укуса змеи. Семья умерших папуасов требовала объявить войну одной горной деревне, жители которой считались колдунами. Маклай, видя, что простое отговаривание здесь не поможет, решил запретить эту войну.

«Я обдумал свой план,—пишет Маклай в своих записках.— Придя в обычный час (перед заходом солнца) в деревню, я заметил, что дикари интересуются моим мнением. Я сказал:

— Хотя очень жаль отца, потерявшего двух сыновей, но войны все-таки не должно быть.

Весть, что Маклай говорит: «войны не должно быть», облетела мигом всю деревню. Собралась большая толпа... Все старики убеждали, что война положительно необходима. Разубеждать их было бы большой ошибкой. Я выслушал их и, собираясь уходить, повторил тем же обыкновенным голосом:

— Войны не должно быть; если же вы отправитесь в горы, с вами случится несчастье.

Наступило молчание, затем послышались вопросы:

— Что случится? Что будет? Что Маклай сделает?

Я сказал:

— Сами увидите, если пойдете.

Каждый из них старался разгадать беду. Не успел я дойти до ворот моей хижины, как один старик нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, спросил:

— Если люди отправятся в горы, не случится ли землетрясение?

Этот вопрос показал мне, что мои слова оказали влияние на папуасов.

— Нет, этого Маклай не говорил,—сказал я.—но я говорю, что тогда случится большая беда.

Тогда старик пустился в обратный путь.

Недели через две пришел ко мне житель той деревни, старый мой приятель, и сказал, что они решили покинуть деревню, так как думают, что они все перемрут, если останутся в деревне...

Старик говорит:

— Мы хотим побить врагов, да нельзя—Маклай не хочет».

Таким образом Миклуха-Маклай прожил среди папуасов целых полтора года; установившиеся между ним и дикарями дружба и доверие дали ему возможность изучить культуру и психологию дикарей так основательно, как это не удавалось

Хижина Миклуха-Маклая, по его собственному рисунку.

сделать никому до него. Кроме изучения быта папуасов, Маклай занимался наблюдениями над животными Новой Гвинеи и изучал растительный мир острова. Маклай объехал на лодке также некоторые близлежащие острова и открыл даже целый архипелаг, неизвестный до того времени.

Однако здоровье Миклухи-Маклая, благодаря сырому и жаркому климату, становилось все слабее; он с каждым днем замечал, как падают его силы. Тропическая лихорадка часто возвращалась и постепенно расшатывала организм. Наконец Маклай попросил папуасов помочь ему выстроить новую хижину в более сухой местности в горах, но в это время в бухту «Астролябия» пришел руский клипер «Изумруд», посланный по просьбе Русского Географического Общества на поиски Маклая.

Миклуха-Маклай был чрезвычайно обрадован приездом своих соотечественников. Русские моряки были также очень рады, увидав Маклая, так как в Европе распространился слух, что Маклай убит папуасами, и «Изумруд» был послан не столько за самим Маклаем, которого уже не считали живым, сколько за его записками. Маклай, высадившись на берегу бухты «Астролябия» точно указал место, куда он будет закапывать свои записки для того, чтобы труды его не пропали для науки, если ему не суждено будет вернуться в цивилизованный мир.

24 декабря 1872 года Маклай уехал на клипере «Изумруд» на остров Яву, чтобы укрепить свое здоровье. На Яве Маклай прожил около года, занимаясь обработкой своих материалов. За это время Маклаем написаны были следующие ценные работы: «Антропологические наблюдения над папуасами берега Маклая в Новой Гвинее», «Метеорологические наблюдения о береге Маклая в Новой Гвинее», «О зачатках искусства у папуасов», «О языке папуасов», и др.

В 1874 году Маклай снова посетил Новую Гвинею, но уже с юго-западной стороны. Прожив здесь несколько месяцев, он совершил экскурсии на другие острова Малайского архипелага, а затем отправился пешком вдоль всего полуострова Малакки. В центре Малакки Маклай открыл неизвестное племя оран-саккай.

В феврале 1876 года Маклай в третий раз отправился на Новую Гвинею. На этот раз он намеревался снова поселиться на берегу бухты «Астролябия» и прожить среди папуасов более продолжительное время. Он привез с собою с Явы два деревянных разобранных домика, ящики для коллекций и много разного домашнего скота и подарков для папуасов. Папуасы очень обрадовались приезду Маклая и были готовы даже признать его своим вождем. На этот раз Маклай прожил на Новой Гвинее два года и подробно изучил животный и растительный мир острова, делая экскурсии на сотни километров в глубь страны.

В 1878 году Маклай заболел лихорадкой и был вынужден уехать снова на остров Яву, а оттуда в Сингапур. По совету врачей Маклай из Сингапура переехал в Сидней (в Австралии). Прожив год в Сиднее, Миклуха-Маклай написал здесь новый ряд

ценных работ, напечатанных в австралийских журналах. Кроме того, он начал хлопотать об устройстве в окрестностях Сиднея специальной зоологической станции для наблюдения над жизнью морских животных. Хлопоты эти увенчались успехом, и Миклухе-Маклаю было поручено устроить эту станцию в Ватсон-бае. Он же был избран директором этой станции.

29 марта 1879 года Миклуха-Маклай отправился в новое путешествие, которое продолжалось целый год. Отправившись на частной торговой шкуне, Миклуха-Маклай объехал Новую Каледонию, острова Ново-Гебридские, Соломоновы, острова Адмиралтейства, Луб, Ниниго, Луизиады, острова Торресова пролива, Вайбан, затем юго-восточный берег Новой Гвинеи, Сомерсет и другие места Северной Австралии. На этот раз цель путешествия Маклая заключалась в раскрытии торговли невольниками. Собрав большое количество доказательств торговли людьми, Маклай выступил в австралийской и английской печати с протестом против этого и добился у английского правительства запрещения торговли дикарями в английских колониях.

Вернувшись весною 1880 года в Сидней, Маклай написал большой очерк: «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи». В 1882 году Маклай вернулся в Россию, где сделал доклады о своих путешествиях и исследованиях. Маклай был также приглашен для прочтения доклада и Берлинским Антропологическим Обществом. Через несколько месяцев после приезда в Россию Маклай отправился снова в Австралию.

Приехав в Сидней, Маклай узнал, что Германия намеревается объявить Маклаев берег и всю северо-восточную часть острова своею собственностью. Это известие очень огорчило путешественника.

В 1883 году Маклай решил окончательно поселиться в Сиднее. В этом же году он женился на дочери Джона Робертсона, бывшего первого министра в штате Новый Южный Валлис. Здесь он решил писать сочинение о своих 12 странствованиях и научных исследованиях.

Но этот план Маклаю осуществить не удалось. Весною 1886 года он приехал снова в Россию.

Несмотря на то, что ему было в это время только около сорока лет, здоровье его было надломлено от вынесенных невзгод и лишений. Осенью 1887 года он должен был слечь в постель. Весною 1888 года ему стало хуже, и 2 апреля он скончался. Умирая, Миклуха-Маклай вспоминал далекую Гвинею и мечтал еще раз побывать там, но он ясно сознавал, что «караам-тамо»— «человек с луны» в первый раз не сдержит слово, данное им «людям Маклая».

По ходатайству Русского Географического Общества его жене была назначена пенсия в 600 рублей в год. После Маклая осталось около семидесяти различных работ, напечатанных частью в «Известиях Русского Географического Общества», а частью в немецких научных журналах, в яванских и австралийских изданиях. Но большая часть материалов и его дневники остаются и до сих пор неизданными, так что сама жизнь его и путешествия очень мало известны, а между тем они в высшей степени интересны.

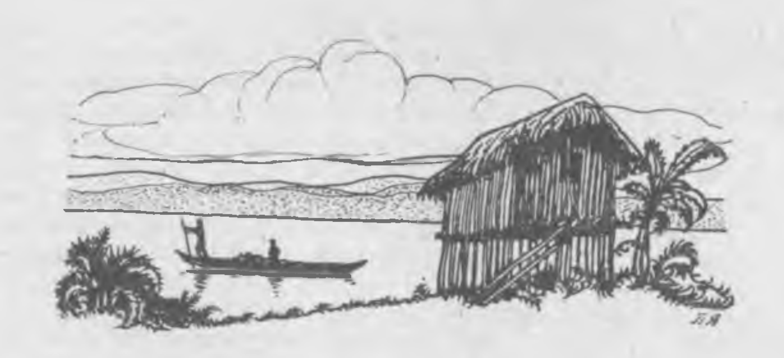
Туземная деревня на Новой Гвинее. (Рисунок из книги Дюмон-Дюрвилля Путешествие «Астролябии». Париж 1833.)

Лев Николаевич Толстой, интересовавшийся путешествиями Миклухи-Маклая, в своем письме к нему говорит, между прочим: «Если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения—ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом; и поэтому ради всего святого изложите с величайшей подробностью и с свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступали там с людьми... Напишите эту историю, и вы сослужите большую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно

все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми».

К сожалению, Миклуха-Маклай не выполнил просьбы великого писателя, он не успел написать всю историю своих путешествий, да и то, что он приготовил к печати, до сих пор не издано [1]). Воспоминанием о Маклае является лишь его богатая коллекция по антропологии и этнографии диких племен островов Великого океана. Эта коллекция была передана Маклаем русской Академии Наук и хранится теперь в Музее Антропологии и Этнографии в Ленинграде.

Такова в кратких чертах жизнь и деятельность этого выдающегося русского путешественника-исследователя. Он принадлежал к типу бескорыстных людей, жертвующих всем ради интересов науки. Не преследуя никаких материальных выгод, Маклай посвятил все лучшие годы своей жизни изучению быта диких папуасов, в которых он видел таких же людей, как и все, и старался их просветить и познакомить с благами культуры и цивилизации. Его честность, доброта и смелость заставили диких папуасов полюбить его и привязаться к нему. Эти непосредственные дети природы, по всей вероятности, много лет ожидали возвращения необыкновенного «караам-тамо»—«человека с луны» и, быть может, создали не одну легенду о нем.

[1]) Труды Миклухи-Маклая приведены частью в порядок и подготовлены к печати покойным Д. Н. Анучиным, и в настоящее время первый том уже вышел из печати в издательстве «Новая Москва».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исследование Африки в девятнадцатом веке и в наши дни.

I.

Общий ход исследования Африки.—Проблема реки Нигера.—Экспедиция Клаппертона, Уднея и Денгема.—Путешествие Рене Кайе.

Выше мы уже говорили, что в конце XVIII столетия в географической науке сильно возрос интерес к африканскому материку. Мы видели, что возникшее в Лондоне так называемое «Африканское Общество» снарядило в конце XVIII века целый ряд экспедиций во внутренние области «Черного» материка. Несмотря на неудачи, постигшие эти экспедиции, с самого начала XIX столетия в таинственные области Африки направлялись десятки самоотверженных исследователей и путешественников, многие из которых нашли смерть среди необозримых африканских дебрей и пустынь.

Если мы представим себе в общих чертах всю картину исследования огромного африканского материка, то увидим, что уже с первых шагов исследование Африки распадается на несколько отдельных задач или проблем. Во-первых, перед исследователями вставал вопрос о взаимной связи великих речных бассейнов Африки—Нила, Нигера, Конго и Замбези. Во-вторых, географический интерес требовал исследования обширных пустынь внутренней Африки, выяснения строения африканских гор и т. д. Кроме того, европейцам до XIX столетия был почти неизвестен растительный мир Африки и ее животное царство.

В начале XIX столетия в Африке были исследованы с некоторой точностью сравнительно лишь небольшие пространства. К таким более или менее известным странам принадлежали на севере Африки область Атласа, за исключением Марокко, Триполи и Феццана, отдельные части Киренаики, Египта, Нубии и долина Нила до 5° сев. шир. К началу XIX столетия европейцы лишь смутно знали о Кордофане и Дар-Фуре; Сенегамбия была известна лишь до Нигера, а в Гвинее европейцы посещали только очень немногие области внутренней страны Золотого берега, царство Ашанти с главным городом Кумасси, а также страну иорубов. На западе Южной Африки было известно лишь побережье и часть внутренней области португальской колонии Анголы. Вся же внутренняя часть обширного черного материка являлась для европейцев совершенной загадкой.

Первой задачей, которую поставило себе Лондонское Общество, было разрешение вопроса о реке Нигере. Река Нигер интересовала исследователей не менее, чем другая знаменитая африканская река—Нил. Многие географы XVIII века предполагали, что Нигер, так или иначе, соединяется с Нилом и составляет одну систему. Для выяснения этого Африканское Общество и послало в конце XVIII столетия в Африку Мунго-Парка и Горнемана, о путешествиях которых мы уже говорили во II томе.

Несмотря на то, что Мунго-Парк и Горнеман погибли в дебрях Африки, после них для продолжения их исследований направились многие другие путешественники, которым, в конце концов, и удалось разрешить поставленный вопрос. Одним из первых путешественников после Мунго-Парка и Горнемана был англичанин Никольс, который в 1804 году сделал попытку достигнуть Нигера из Старого Калабара, но эта попытка окончилась неудачно. В 1809 году Рентген отправился к Нигеру из Марокко, но на пути был убит туземцами. В 1816 году в область реки Нигера направился англичанин Тёккей, но он вынужден был вернуться обратно, так как почти все его спутники умерли от болезней. Точно так же другой английский путешественник Педди, отправившись в 1816 г. к Нигеру из Сенегала, умер от нездорового тропического климата. Ставший после смерти Педди во главе экспедиции майор Кемпбелль также не достиг цели и умер по дороге к Нигеру. Лишь нескольким участникам этой экспедиции удалось добраться до португальской колонии Сиерра-Леоне, на берегу Атлантического океана. В 1819 г. в область реки Нигера была послана английским правительством новая экспедиция под начальством Ритчи, но и эта экспедиция окончилась печально: сам Ритчи и большинство его спутников пали жертвою тропического климата. Лишь один из участников этой экспедиции, Лейон, добрался до Теджери, где он получил более

точные сведения об озере Чад, которое до этого времени многие принимали за реку.

Вопрос о Нигере подвинулся гораздо дальше благодаря большим экспедициям Уднея, Денгема и Клаппертона. В 1822 г. эти путешественники проехали через всю пустыню Сахару, и первые из европейцев увидели Великое озеро, о котором упоминали еще средневековые арабские географы, и которое называется теперь озером Чад. Путешественники достигли Нигера у порогов между Яури и Нупе. Денгем и Клаппертон благополучно вернулись в Европу, лишь третий их товарищ, Удней, умер в Сокото. В 1825 году Клаппертон снова отправился в Африку и достиг Нигера с юга, но ему не удалось произвести дальнейшие исследования, он умер в Сокото в 1827 году. К счастью для науки, не пропали бесследно труды Клаппертона; его исследования продолжал спутник и слуга его, Ричард Лендер. Лендер установил, что Нигер впадает несколькими рукавами в Пенинскую бухту.

Капитан Клаппертон.

Достигнутый всеми этими экспедициями результат был очень важен, но вопрос о Нигере не был еще, однако, решен во всей своей полноте. Для более полного исследования области Нигера в 1826 году в Африку отправился английский майор Лэнг. Лэнгу удалось добраться до таинственного древнего африканского города Тимбукту, но во время своего дальнейшего путешествия он был убит кочующими арабами. Через два года после этого, в 1828 году, французский путешественник Рене Кайе прошел через Судан, поднялся по Нигеру до города Тимбукту и затем, через Сахару и Марокко, возвратился в Европу.

Путешествие Кайе разрешило много географических вопросов черного материка. Кайе впервые дал точные описания Судана, области Нигера и Сахары; он познакомил европейцев с разнообразными племенами и народами, населяющими Центральную

Африку. Кроме того, путешествие Кайе выделяется по своей трудности, и сам Кайе заслуживает того, чтобы сказать о нем более подробно.

Рене Кайе родился в 1799 году в Мозе, в провинции Пуату; он был сыном рабочего и рано остался круглым сиротою. Прочитав повесть о «Робинзоне Крузо», Кайе страстно стал мечтать о путешествиях. 15 лет он отправился, без всяких средств, в Сенегал. Прожив в Африке около десяти лет, Кайе возвратился во Францию. Когда Парижское Географическое Общество назначило в 1824 году премию в 10.000 франков тому путешественнику, который достигнет города Тимбукту, Кайе снова отправился в Африку, решив во что бы то ни стало добраться до Тимбукту. Первоначально он поселился среди мавров, чтобы выучиться арабскому языку и освоиться с мусульманским культом. После этого Кайе, надев арабский костюм и выдавая себя за магометанина, отправился в глубь Африки. Один, без денег, в рубище нищего и больной, Кайе прошел всю Центральную Африку, изучая жизнь ее обитателей и ее природу. С большими трудностями ему удалось добраться до Тимбукту, откуда он направился с караваном в Марокко, проехав через всю Сахару. Прибыв осенью 1828 года во Францию, Кайе привез с собою ценные дневники, которые и были изданы затем на счет Географического Общества. Это Общество присудило Кайе премию в 10.000 франков. Однако путешествие гибельно отозвалось на здоровье Кайе, и он умер в мае 1838 года от цынги, которой он заболел во время своего путешествия.

Рене Кайе.
(Сним. со старинной гравюры.)

После путешествий Лендера и Кайе проблема Нигера могла считаться решенной в своих общих чертах, хотя истоки этой реки были открыты гораздо позднее, и до недавнего времени область Нигера оставалась еще таинственной страной.

II.

Исследование пустыни Сахары и Судана.— Экспедиция Ричардсона.— Генрих Барт.—Эдуард Фогель.—Гергард Рольфс.—Густав Нахтигаль.—Монтель.

После выяснения вопроса о реке Нигере внимание исследователей было привлечено, главным образом, Северной Африкой и прилегающими к ней странами; первым поводом к исследованию Северной Африки послужило то, что в 1830 году французы завоевали Алжир и положили этим самым начало колонизации Северной Африки. Вся Алжирия, пространством превосходящая Францию, была постепенно присоединена французами вплоть до великой пустыни Сахары. Завоевание Северной Африки французами заставило англичан исследовать области Северной Африки по ту сторону пустыни, чтобы укрепить там свое влияние. Вследствие этого в первой половине XIX века Англия снаряжает несколько экспедиций с политическими и научными целями. Одной из таких экспедиций была экспедиция Ричардсона, отправленная английским правительством в 1849 году во внутренние области Северной Африки. Эта экспедиция имела своей главной целью содействовать торговым интересам Англии.

Джемс Ричардсон уже в 1845—46 годах совершил поездку через Триполи в Мурзук и Рат, главный город в стране северных туарегов. Цель его первого путешествия в Африку заключалась не столько в научных исследованиях, сколько в подробном изучении торговли неграми. Экспедиция 1849 года преследовала более обширные цели, и поэтому в помощники Ричардсону английское правительство дало двух немецких ученых, Адольфа Овервега и Генриха Барта.

Зимою 1849 года Ричардсон, Овервег и Барт отправились с караваном в пустыню. Перейдя Гуриянские высоты, путешественники благополучно достигли Мурзука. Из Мурзука экспедиция двинулась на восток к Рату. Недалеко от этого города Барт, пытаясь взобраться на горный кряж, известный под названием «Замка Духов», заблудился и едва не умер от жажды и голода. Из Рата караван выступил 25 июня 1850 года; отсюда путешественники направились уже по совершенно неизвестным местностям, куда впервые вступали европейцы; им приходилось итти то через обрывистые голые горы, то через гладкие гранитные плоскогорья, то через сыпучие пески. Не доходя Судана, путешественники подверглись нападению асгар-туарегов, угрожавших перебить всех европейцев. Однако, нападавшие удовлетворились довольно значительным выкупом и отпустили путешественников продолжать дальнейший путь.

Вступив в пределы Судана, экспедиция достигла Тительлуста, резиденции султана Эн-Нура, который сначала принял путешественников очень холодно, но затем стал относиться к ним более дружественно. Из Тительлуста путешественники отправились в дальнейший путь на юг по направлению пустыни Хаммады и,

Похороны Ричардсона.

пройдя через Назамат, прибыли в Таджелет, в небольшое селение, принадлежавшее султану Эн-Нуру. Здесь Ричардсон, Овервег и Барт решили расстаться друг с другом, чтобы пройти различными путями через неизвестную область. Они условились соединиться снова в селении Куке на берегу озера Чад.

Отправляясь из Таджелета, Ричардсон выбрал себе путь к востоку, через Синдер; Барт решил итти на юго-запад, намереваясь

посетить Катсену и Кано, а Овервег направился на запад, намереваясь достигнуть Куки через Гобер и Марияди. После трудного путешествия по бесплодной пустыне, Ричардсон благополучно достиг Синдера, где был принят очень гостеприимно султаном Ибрагимом. Отправившись далее из Синдера на юг, Ричардсон проехал город Гурай и достиг Нгуруты, отстоявшей от Куки на шесть дней езды. Здесь он почувствовал себя нездоровым и намеревался было возвратиться назад в Триполи, но не нашел в Нгуруте проводников. Проболев несколько дней, Ричардсон умер 4 марта 1851 г. один среди туземцев. Жители Нгуруты похоронили его под высоким деревом и окружили его могилу частоколом.

В это время Генрих Барт, под видом араба Абд-Эль-Керима, что по-арабски означает «Слуга милосердного бога», проник в Катсену и Кано в царстве Сокото и оттуда благополучно прибыл в Куку. На пути в Куку Барт получил известие о смерти Ричардсона и поспешил в Нгуруту, где умер Ричардсон. Барту показали могилу его товарища. Барт представился местному шейху в качестве английского посланника. Однако шейх не поверил ему и принял его за слугу Ричардсона; только после долгих и настоятельных просьб Барта шейх выдал ему оставшиеся после Ричардсона бумаги и вещи.

В Куке Барт встретился с Овервегом, который прошел благополучно через страны Гобер и Марияди. Овервег был первым европейцем, посетившим эти страны, и чернокожие туземцы, впервые видевшие белого человека, были страшно поражены белым цветом кожи Овервега и считали его необыкновенным человеком, прося его исцелить их больных.

Из Куки Барт и Овервег решили вместе сделать экскурсию к северо-восточному озеру Чад, а затем они отправились в Мусгу, между Адамауа и Багирми. 27 сентября 1852 г. в Мадуари, на берегу озера Чад, умер Овервег, не вынеся всех трудностей путешествия, и таким образом, Барт остался один.

Несмотря на то, что Барт оставался почти без средств, и здоровье его от долгого путешествия по жарким странам расшаталось, он, тем не менее, продолжал исследования и решил предпринять поездку через Сокото в Тимбукту. В июне 1853 г. он прибыл на берега Нигера у Сая. Перерезав оттуда совершенно неизвестную европейцам страну к югу от большой излучины Нигера, Барт достиг 7 сентября 1853 года своей главной цели— Тимбукту, где он, несмотря на многочисленные опасности, нашел возможность остаться продолжительное время и собрать богатые и ценные исторические и этнографические материалы. В 1854 году Барт возвратился, спустившись по Нигеру до Сая,

на восток и 1 декабря 1854 года неожиданно встретился в Куке с Эдуардом Фогелем, которого английское правительство послало для розысков Ричардсона и Барта.

Пробыв некоторое время вместе с Фогелем, Барт 5 мая 1855 г. отправился в опасный обратный путь через великую пустыню. 20 июня, после сорокапятидневного беспрерывного странствования по пустыне, Барт достиг Мурзука, а 21 августа, испытав различные опасности и даже кратковременный плен у дикарей, Барт добрался до Триполи и был торжественно встречен европейской колонией, считавшей его уже погибшим.

Генрих Барт.

Генрих Барт пробыл в своем путешествии $5^1/_2$ лет и проехал на верблюдах и прошел пешком не менее 20.000 километров, то-есть совершил путь, равный половине экватора. Исследования Барта раскрыли нам весь Западный Судан и познакомили европейцев с природой и жителями этой части черного материка. Пятитомное описание путешествия Барта является классическим произведением и послужило основным источником для последующих географических сочинений по Африке. Получив после Карла Риттера кафедру географии в Берлинском университете, Барт совершил еще несколько путешествий в Малую Азию. Но путешествие по Африке сказалось на его здоровье, и он умер 25 ноября 1865 г. 44 лет от роду.

Выше мы упомянули о встрече Барта с Эдуардом Фогелем среди африканских пустынь. Фогель, как мы сказали, был послан на поиски Ричардсона и Барта. Узнав от Барта о смерти Ричардсона, Фогель решил продолжать его исследования; он избрал предметом своего исследования область, окружавшую озеро Чад; но ему удалось добраться только до Якобы, между Бенуэ и Кано. В декабре 1855 г. Фогель направился в Вадаи. Принятый сначала хорошо местным султаном, Фогель, как это потом выяснил последующий исследователь Судана, Нахтигаль, был аресто-

ван и приговорен к смерти за то, что «он много пишет и рисует, а также ест кур и яйца». После тринадцатидневной отсрочки Фогель, по обычаю той страны, был умерщвлен палками, обитыми железом. Большая часть записок Фогеля пропала вместе с ним, и плоды его исследований погибли.

Неизвестная судьба Фогеля не переставала в 60-х годах волновать ученый мир, и вследствие этого на поиски Фогеля было отправлено несколько экспедиций. Наиболее значительной из этих экспедиций была немецкая под начальством Бейермана. В конце августа 1862 года эта экспедиция достигла селения Куки, затем Бейерман отправился в Якобу и оттуда сделал несколько попыток проникнуть в Вадаи. Но первая попытка окончилась ограблением, вторая—смертью смелого путешественника; он был убит туземцами. Бейерман так же, как и Фогель, не обладал тем глубоким знанием воззрений и предрассудков восточного мира, какое помогло Барту вернуться благополучно из глубины Судана.

Из последующих исследователей пустыни Сахары и Судана, старавшихся следовать по путям Генриха Барта, особенно выдаются два путешественника, Гергард Рольфс и Густав Нахтигаль. Оба эти путешественника были, по специальности, врачами. После окончания курса Рольфс уехал в Северную Африку и там поступил на службу к французскому правительству в качестве врача иностранного легиона. Прожив несколько лет в Алжире, Рольфс настолько освоился с арабским языком и нравами арабов, что решился поехать в Марокко под видом мусульманина араба. Отсюда Рольфс совершил несколько путешествий и с опасностью для жизни посетил оазисы к югу от Марокко и Алжира, проникнув в такие местности, куда европейцы стали проникать лишь в настоящее время. Рольфс исследовал почти всю Сахару, а его большое путешествие поперек всей Северной Африки из Триполи, через Куку в Лагос, осветило многие вопросы по географии Сахары и Судана. Рольфс шел совершенно новыми путями, и это путешествие доставило ему всемирную известность. В 1869 г. Рольфс совершил путешествие через Киренаику в оазис Юпитера-Аммона, а в 1873—74 г.г. по поручению египетского хедива он исследовал Ливийскую пустыню.

Густав Нахтигаль вступил на путь путешественника-исследователя сравнительно поздно. Первоначально он отправился в Северную Африку для поправления своего здоровья, но затем, прожив там несколько лет, решил сделать большое путешествие по пустыне. В 1868 году он получил поручение от короля прусского доставить султану области Борну подарки за дружественный прием, оказанный Рольфсу. В январе 1869 г. Нахтигаль выехал с караваном из Триполи и затем отправился в горную страну

Тибести. После полуторагодового странствования по пустыням и оазисам Нахтигаль прибыл, наконец, в Куку и передал подарки по назначению. Прожив долгое время в Куке, Нахтигаль совершил несколько путешествий в области озера Чад и проник на северо-восток до Борну и на юг до южного Багирми. Обратный путь на север Нахтигаль совершил через Вадаи, Дар-Фур и Кордофан, откуда прибыл в Каир. Нахтигаль был первым из европейцев, посетивших Тибести, Борну и Вадаи. Результаты своих наблюдений в Африке Нахтигаль изложил в своей книге «Сахара и Судан». Хотя сочинение Нахтигаля, может быть, и уступает по своей научности сочинению Барта, но зато оно отличается живостью и картинностью изложения; преимущество этого сочинения состоит в том, что оно дает общую картину описываемых стран и жизни их обитателей. В этом отношении книга Нахтигаля может считаться образцовым произведением в литературе путешествий.

Густав Нахтигаль.

После Рольфса и Нахтигаля во внутренние области Сахары и Судана почти никто не проникал до конца XIX столетия. Лишь в 1887 году в область Нигера совершил большое путешествие французский офицер Бенже, а в 1892 году из Борну, с берегов озера Чад совершил путешествие через всю великую пустыню Монтейль. Экспедиция Бенже почти вся погибла в дебрях Африки, и лишь сам Бенже вернулся в Европу и изложил результаты своего путешествия в книге «От Нигера до Гвинейского залива».

Бенже исследовал огромные области между рекою Нигером и Конго, с одной стороны, и Гвинейским заливом с другой. На долю Монтейля выпало исследование области центрального Судана и Сахары. Еще в 1884 г. Монтейль совершил путешествие по Сенегалу и представил французскому правительству грандиозный проект—прорубить просеки в тропических лесах Сенегала и проложить железную дорогу между Баммако и Бафулабе. Монтейль энергично принялся за изыскания и целых два

года провел среди тропических лесов. Благодаря его неустанным трудам в тропической Африке была проложена первая железная дорога. За время этих работ Монтейль хорошо изучил Сенегал и ознакомился с жизнью и обычаями туземцев. Вследствие этого, когда французское правительство решило установить прямой путь между Нигером и озером Чад, то оно поручило выполнить эту задачу Монтейлю.

Монтейль отправился в 1889 году в Сокоту, столицу воинственного племени хауссов, а затем достиг уже известного нам города Кано. Из Кано Монтейль прошел к озеру Чад, а оттуда через пустыню Сахару, после тяжелых лишений, ему удалось добраться до берегов Средиземного моря.

Кроме Бенже и Монтейля многочисленные французские путешественники подвергли тщательному исследованию в географическом, геологическом, ботаническом, этнографическом и археологическом отношениях весь северный край Африки от Триполи до Марокко и западный край от Уади Драва до Южной реки. Но еще более, чем частные предприятия, сделало для землеведения этой громадной области само французское правительство, которое из года в год посылало и продолжает посылать научные экспедиции в Сахару и Судан. Эти экспедиции выполнили огромные топографические работы в Африке, и в настоящее время в западной части Северной Африки неисследованными являются лишь очень немногие области. Известным исследователем Северной Африки и Сахары считается также и французский ученый Дюверье, который признается лучшим знатоком Северной Африки.

III.

Исследование истоков реки Нила.—Экспедиция Кайо и Леторзе.— Путешествие Бюртона и Спика.—Экспедиция Спика и Гранта.—Путешествие Бэнкера.

Вместе с исследованием северо-западной Африки с самого начала XIX века началось исследование и северо-восточной части африканского материка. Главной целью исследования в этой части Африки являлось отыскание истоков реки Нила. Вопрос об истоках Нила, как мы уже говорили выше, интересовал географов с самой глубокой древности.

Река Нил по своей длине является одной из величайших рек земного шара, и многие племена, живущие на берегах Нила, верят, что Нил разделяет весь мир на две части и обтекает весь свет; Нил является в то же время источником плодородия для всего Египта, через который он протекает, и древние египтяне по этой причине боготворили свою реку. Периодические разливы

Нила, происходившие ежегодно в одно и то же время, но без всякой видимой причины, еще более увеличивали таинственность этой реки, и поэтому вопрос о том, откуда она течет, интересовал людей уже с самой глубокой древности. Однако вплоть до конца XVIII столетия, вопрос об истоках Нила был покрыт полнейшим мраком.

Лишь на заре XIX века Наполеон Бонапарт проник с своими войсками в долину Нила, пригласив с собою выдающихся исследователей того времени, но, за исключением нескольких непродолжительных экскурсий в пустыню, тогда не было сделано никаких открытий. Тем не менее, добытые этими экскурсиями данные для физического и топографического изучения долины Нила послужили основою для дальнейших исследований.

К решению вопроса об истоках Нила было приступлено энергичным образом при содействии второго завоевателя Египта, Магомета-Али; вместе с армией этого победоносного завоевателя Нубии к истокам Нила отправились в 1820 году два французских исследователя, Кайо и Леторзе. Эти исследователи дошли до Бени-Шонгула на Тумате, притоке Голубого Нила, на западной границе Абиссинии. Таким образом в 1821 году стал известен весь нубийский Нил; европейцы впервые после римских завоевателей проникли до места слияния двух главных рукавов великой реки, Белого и Голубого Нила. В 1827 г. Африканское Общество послало Линана де Беллефона исследовать течение Белого Нила, но этой экспедиции удалось подняться вверх по Белому Нилу лишь на небольшое расстояние.

В 1840 году вице-король Египта, Магомет-Али, отправил для исследования верховьев реки Нила целых четыре экспедиции. На пути своего следования эти экспедиции устраивали постоянные станции и селения. Исследования экспедиций, снаряженных Магометом-Али, хотя и не разрешили вопроса об истоках Нила, но, тем не менее, много способствовали окончательному разрешению задачи. Главным результатом этих экспедиций явилось то, что Лунные горы, из которых, как предполагали, вытекает Нил, стали наносить на картах далее к югу, так как под 6° северной широты, где их помещали картографы XVIII столетия, никаких Лунных гор в действительности не оказалось.

Вследствие того, что все попытки достигнуть истоков Нила с севера оканчивались неудачно, в половине XIX столетия у некоторых исследователей возникла мысль достигнуть истоков Нила с юга, отправившись во внутреннюю Африку с восточного побережья. Уже арабские географы утверждали, что Нил вытекает из больших озер, лежащих недалеко от экватора. По Эдризи, таких озер было три. Однако о существовании этих озер не было известно ничего достоверного; вследствие этого картографы при-

давали этим озерам на своих картах Африки произвольные очертания, помещая эти озера то к югу от экватора, то к северу. Географический журнал Петермана на первой странице своего издания 1856 года поместил карту Восточной Африки, на которой было изображено одно громадное озеро от экватора почти до 12° южн. шир.

Два английских кругосветных путешественника того времени, Ричард Бюртон и Джон Генниг Спик решили выяснить вопрос об озерах Экваториальной Африки. С этой целью они отправились 26 июня 1857 года из Багамойо (на восточном берегу Африки) внутрь материка. Путешественникам удалось сравнительно легко добраться до берегов озера Танганайка. Так как арабы много говорили о другом озере, лежащем далее к северу, то Спик решил отправиться один на поиски этого озера (в это время Бюртон заболел лихорадкой). В июле 1858 года, после крайне трудного путешествия, Спик добрался до берегов озера, называемого туземцами Укереве. Спик дал этому озеру название «Виктория».

Вернувшись в Европу, Спик и Бюртон познакомили географов со своими открытиями, и Спик вывел заключение, что открытое им озеро Виктория представляет одно из озер, откуда вытекает Нил. Однако с этим мнением Спика не согласилось большинство английских географов. Чтобы рассеять сомнения, Спик решил еще раз совершить путешествие в Экваториальную Африку и точно установить, что Нил вытекает именно из озера Виктории.

Пригласив в компаньоны офицера Джемса Августа Гранта, Спик отправился в 1860 году в Занзибар. Отсюда Спик и Грант направились к берегам озера Виктории. Обогнув это озеро с южной стороны, Спик и Грант пошли к западу от озера через область Карагве, в Уганду. Здесь оба путешественника разделились. Грант направился из Рубаги, столицы Уганды, к северу в Уньоро; Спик же стал искать место, где вытекает из озера река. Ему удалось, действительно, достигнуть в июле 1862 года Нила при Урандогани. Спик проехал по реке до водопадов Рипон. Затем, соединившись с Грантом, Спик направился на север вдоль берегов Нила. Оба путешественника в начале 1863 года дошли до австрийской станции миссионеров, Гондокоро, на Белом Ниле. Таким образом Спику удалось открыть истоки великой реки, и вопрос можно было считать решенным в общих чертах, по крайней мере, для восточной части области истоков; поэтому Спик мог с полным правом послать в Англию телеграмму: «The Nile is setled» («Нил установлен») (Истоки Нила установлены).

В то время, когда Спик и Грант производили свои исследования, в Африку для выяснения истоков Нила отправился другой английский путешественник Самуэль Уайт Беккер. Бек-

кер решил достичь истоков Нила и великих озер, следуя в противоположном направлении маршрута Спика и Гранта, то-есть с севера на юг. В июне 1862 года Беккер отправился из Хартума вверх по Нилу. В начале 1863 г. он достиг Гондокоро, где и встретил Спика и Гранта. Спик и Грант поделились с Беккером сведениями, добытыми от туземцев относительно того, что кроме открытых Спиком истоков Нила есть еще западные рукава великой реки, также берущие начало из какого-то большого озера. Беккер после этого решил отыскать западные истоки Нила и неизвестное озеро. Он направился к югу от Уньоро, перешел через

Джон Спик и Джемс Грант.

Соммерсетский Нил у водопадов Мурчисона, затем направился далее к югу и в марте 1864 года открыл искомое озеро, которое он назвал озером Альберта, в честь английского наследного принца Альберта Эдуарда (впоследствии короля Эдуарда VII).

Дальнейшее выяснение системы истоков реки Нила принадлежит, главным образом, знаменитому исследователю черного материка Стэнли, о котором мы скажем более подробно несколько ниже. В 1875 г. Стэнли объехал озеро Виктории, установил его форму и размеры, и совершенно подтвердил все сведения Спика. Стэнли исследовал также озеро Альберта-Эдуарда и реку Кагеру, самую большую реку, впадающую с запада в озеро Виктория. Эту реку обыкновенно теперь и считают за настоящий исток Ни-

ла. В настоящее время область истоков Нила исследована до малейших подробностей, и можно сказать, что вопрос о происхождении великой исторической реки, занимавший географов в течение более чем двух тысяч лет, может считаться совершенно поконченным. «Тайна» Нила, благодаря энергии и самоотвержению отважных путешественников-исследователей нашего времени, теперь раскрыта.

Георг Швейнфурт.

IV.

Путешествие Георга Швейнфурта.

Важное значение для землеведения и для географии Африки имели также исследования Георга Швейнфурта, произведенные им во время своих путешествий по Африке в 1864—66 г.г. и в 1869—71 г.г. Георг Швейнфурт, родившийся в 1836 г. в Риге, получил естественно-научное образование в Берлине и в Мюнхене. Заинтересовавшись растительным миром Африки, Швейнфурт предпринял в 1864 г. путешествие в Египет, откуда посетил Нубию и Абиссинию. Возвратившись в Европу в 1867 году, Швейнфурт в 1868 г. предпринял новое путешествие в Африку, на этот раз ставя себе более широкие задачи. Швейнфурт хотел проникнуть в самый центр Африки, но ему удалось достигнуть только верховьев Белого Нила и берегов реки Уэлле. Это путешествие было особенно ценно в научном отношении, так как Швейнфурт первый сообщил интересные сведения о людоедах Внутренней Африки ньям-ньям и о карликах Акка. В своем знаменитом сочинении «В сердце Африки» Швейнфурт дал блестящее описание природы северо-восточной Африки и жизни населяющих эту часть черного материка народов.

Это сочинение Швейнфурта доставило ему европейскую известность. В 1872 г. хедив египетский поручил Швейнфурту

организовать в Каире «Египетский Институт». Швейнфурт был первым директором этого Института и, живя в Каире, совершил целый ряд путешествий по северо-восточной Африке, собирая ботанические, геологические и культурно-исторические коллекции для Египетского Института.

Из других исследователей северо-восточной Африки важные услуги землеведению оказали также бельгийский путешественник дю-Прюйсенер, исследовавший в половине XIX столетия область Белого Нила и Собату, и голландский путешественник Скувер. Очень важное значение для науки имело также путешествие фон-дер-Декена и его спутников в 1864—65 г.г. Эта экспедиция окончилась печально; в 1865 г. она подверглась нападению туземцев при Бардере на восточном берегу Африки, при чем почти все участники экспедиции были убиты. Один из оставшихся в живых спутников несчастного путешественника, доктор Отто Керстен, сделал описание пятилетних путешествий Декена по Восточной Африке. Эта книга много способствовала ознакомлению с Восточной Африкой и областью горы Килиманджаро, на которую Декен и Керстен, первые из европейцев, совершили восхождение, поднявшись на высоту более 4.000 метров. После них лишь в 1884 г. англичанину Г. Г. Джонстону первому удалось подняться до самой вершины этой высочайшей горы.

Эмин-паша, исследователь Африки.

V.

Путешествие по Африке Эмина-паши.

История географических открытий в Африке будет не полной, если мы не упомянем хотя бы в кратких словах о путешествиях Эмина-паши. Эмин-паша, настоящее имя которого Эдуард Шнитцер, прославился не столько своими открытиями, сколько своими

легендарными приключениями среди чернокожих. Врач по профессии, Эмин-паша без всяких средств приехал в конце 60-х годов прошлого столетия в Египет и поступил на службу к египетскому правительству. Благодаря своим административным способностям, Эмин-паша быстро подвинулся по службе и в 1878 г. был назначен губернатором Экваториальной провинции. Поселившись в Ладо, расположенном почти под экватором, Эмин-паша в течение почти десяти лет посвятил свои досуги на исследование этой области, обогатив зоологию, этнографию и метеорологию своими интересными наблюдениями; за время управления Экваториальной провинцией Эмин-паша собрал богатейшие коллекции.

В средине 80-х годов в Экваториальной Африке разразилось восстание махдистов, и Эмин-паша оказался отрезанным от мира. В течение нескольких лет Эмин-паша защищался против махдистов, пока к нему на помощь не пришел Генри Сгэнли, посланный специально па выручку Эмина-иаши.

В 1889 г. Эмин-паша перешел на службу к немецкому правительству, по поручению которого предпринял большое путешествие в область девственных лесов к западу от озера Альберт-Нианца. Во время этого путешествия Эмин-паша заболел оспой и ослеп; но, и совершенно слепой, Эмин-паша продолжал свое путешествие и достиг бельгийских колоний на берегах Конго. Здесь он попал в руки арабов, которые замучили его до-смерти. Как потом было установлено бельгийцами, Эмин-паша был умерщвлен арабами в конце октября 1892 г.; в это время Эмину-паше было всего 53 года.

VI.

Исследование Южной Африки.— Первые попытки исследования Южной Африки.— Путешествие Давида Ливингстона.— Значение его исследований для географии.—Смерть Ливингстона в Африке.

Южная Африка стала привлекать внимание исследователей гораздо позднее, чем северная часть африканского материка. Первые попытки исследования Южной Африки исходили не от Африканского Общества, но от частных лиц, предпринимавших путешествие за свой счет и риск. Выше мы видели, что уже в конце XVIII века натуралисты Спарман и Левайян совершили путешествие по Южной Африке и исследовали Землю кафров. В 1795 году Капская область, принадлежавшая до того времени голландцам, была завоевана англичанами; после этого события интерес к Южной Африке возрос и у английских исследователей. Первым английским исследователем Южной Африки был спутник

лорда Макартнея по его путешествию в Китай (об этом путешествии было сказано выше)—Джон Барроу, один из выдающихся географов и путешественников своего времени. Барроу совершил несколько путешествий по Капской области в 1801—1802 г.г. и впервые дал полный обзор Южной Африки от мыса Доброй Надежды до Оранжевой реки. В 1803—05 г.г. по Капской области и Земле кафров совершил путешествие немецкий ученый Генрих Лихтенштейн, который дал превосходное описание страны кафров. Но все это было лишь началом; места, которые в настоящее время являются лишь промежуточными станциями на линиях больших железных дорог Южной Африки, считались тогда крайними пунктами, куда путешественники проникали, рискуя своей жизнью. Вследствие этого, после путешествия Барроу и Лихтенштейна, исследование Южной Африки почти прекратилось. Исследование южных областей черного материка значительно подвинулось вперед в половине 30-х годов, когда в Англии основалось так называемое «Капское Общество», поставившее своей целью изучение Южной Африки.

«Капское Общество» снарядило в 1835 году экспедицию внутрь Южной Африки под начальством врача Эндрью Смита, который и исследовал бассейн реки Лимпопо. Вместе с тем необычайное в то время богатство дичи внутри страны начало привлекать многочисленных охотников, смелые путешествия которых возбуждали внимание в Европе, но мало способствовали развитию познаний о внутренних областях Южной Африки.

Настоящий период открытий в Южной Африке и исследований внутренних ее областей начинается лишь с половины XIX столетия, когда в Южную Африку прибыл Давид Ливингстон, английский миссионер. Ливингстон является величайшим исследователем-путешественником XIX века и одним из самых бескорыстных и благороднейших служителей науки.

Давид Ливингстон родился 19 марта 1813 года в семье мелкого торговца, занимавшегося продажей чая и брошюр религиозного содержания, в местечке Блантайре, близ Глазго, в Шотландии. Окончив свое образование в деревенской школе, Ливингстон поступил на ткацкую фабрику, где он сначала занимался разматыванием шерсти, а затем получил место ткача. Однако ремесло ткача не удовлетворяло молодого Ливингстона, и он страстно стремился к знанию, пополняя свое скудное образование чтением книг в свободное время после работы на фабрике. Он самоучкой выучился латинскому языку и к 16 годам приобрел уже обширные познания.

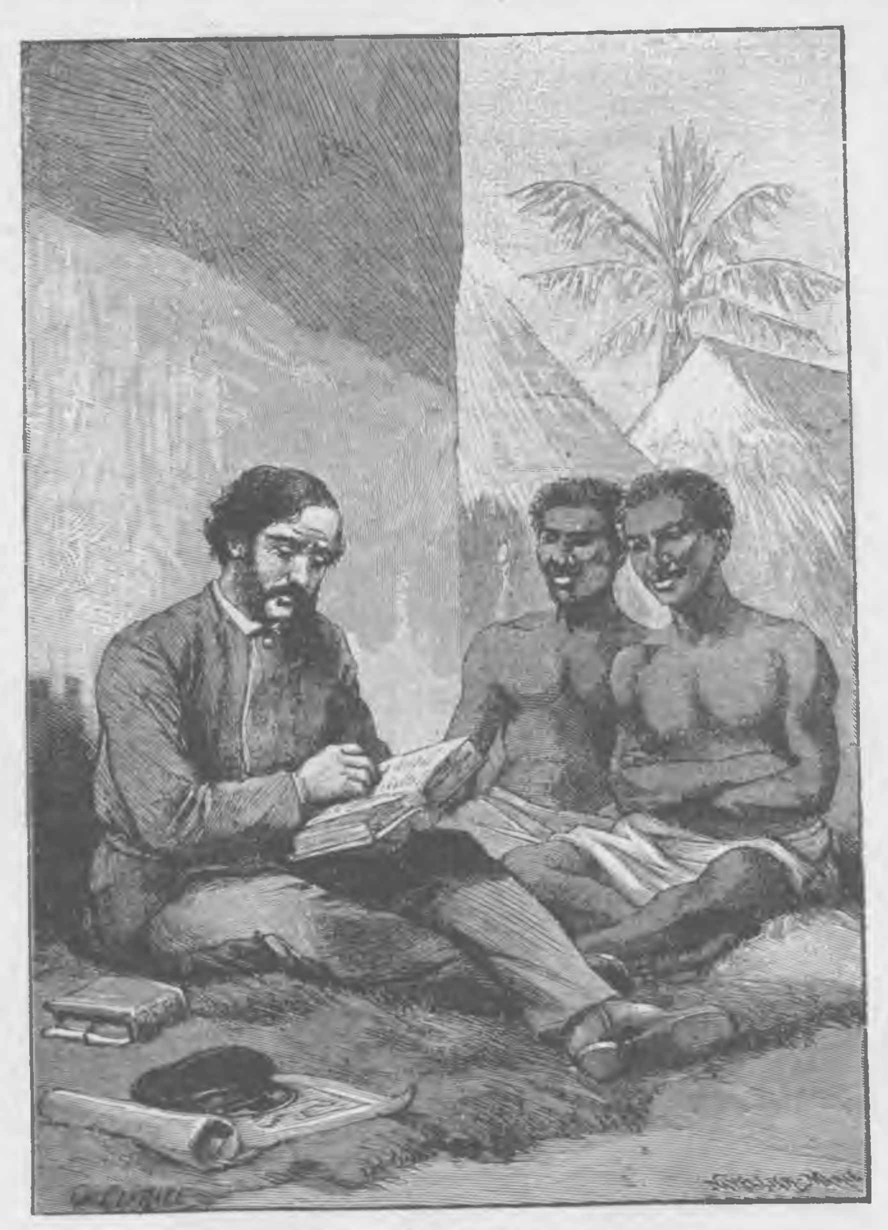
Под впечатлением воззвания миссионера Гюцлафа, Ливингстон решил посвятить свою жизнь миссионерству. С этою целью он поступил в Глазговский университет, чтобы изучить

богословие и медицину. Усиленно работая на фабрике летом, Ливингстон, отказывая себе во всем, откладывал деньги, чтобы учиться зимою, и таким образом в 1838 г. он окончил университет и предложил свои услуги Лондонскому Миссионерскому Обществу. Предложение его было принято, и после обычной подготовки в 1840 году он получил посвящение. Первоначально Ливингстон хотел отправиться в Китай, но осенью 1840 года он встретился в Лондоне с миссионером Мофетом, приехавшим из Южной Африки. Рассказы Мофета о чернокожих африканских дикарях сильно подействовали на Ливингстона, и он решил отправиться в Южную Африку. В марте месяце 1841 г. Ливингстон был уже в Капштадте и решил пробраться к озеру Нгами, куда до того времени не проникал ни один европеец. Но прежде чем отправиться туда, Ливингстон изучил туземный язык и познакомился с бытом кафров. Покинув миссионерскую станцию Куруман, Ливингстон поселился в местечке Маботса среди чернокожих. Он ходил по селениям кафров, устраивал школы и лечил больных; в то же самое время он занимался географическими и естественно-историческими исследованиями местности. Вскоре он приобрел большое влияние среди кафров, неуклонно следуя своим правилам—действовать всегда кротостью и добротой. Он часто говорил, что лучший путь добиться влияния, это—терпеливо продолжать делать добро, не взирая ни на что. Этому правилу Ливингстон не изменил ни разу в течение всей своей жизни.

В 1844 году Ливингстон вернулся в Куруман и здесь женился на дочери своего друга миссионера Мофета. После свадьбы Ливингстон с женою снова переселился в Маботсу, где в его трудах стала принимать участие и молодая жена его. В 1849 году Ливингстон, в компании с двумя англичанами и несколькими туземцами, отправился через пустыню Калахари и достиг берегов озера Нгами. За это открытие Ливингстон получил от Лондонского Географического Общества награду в 25 гиней. Вернувшись из этого путешествия, Ливингстон решил переселиться на берега озера Нгами на постоянное жительство, и поэтому в апреле 1850 года, взяв с собою жену и троих детей, отправился на север. Но мучительное путешествие по пустыне Калахари показало Ливингстону весь риск, которому он подвергал жизнь своей жены и детей, и поэтому он уговорил жену отправиться с детьми в Англию, сам же решил совершить большое путешествие по Южной Африке.

Подобрав себе надежных спутников из племени макололо, Ливингстон отправился в глубь Африки и вскоре достиг большой реки Шешеке, которая оказалась верхним течением великой африканской реки Замбези. Здесь в соседстве португальских

Ливингстон, читающий неграм.

владений, Ливингстон впервые натолкнулся на ловлю невольников и видел, как их уводили для продажи. Сознавая весь ужас торговли людьми, Ливингстон решил бороться против этого. Признавая, что охота за невольниками может быть уничтожена только благодаря общему экономическому подъему страны, когда иностранные торговцы будут больше ценить естественные произведения страны, чем невольников, Ливингстон решил посвятить этой задаче всю свою жизнь.

Вернувшись в Капштадт, Ливингстон выступил с резкими речами против охотников за чернокожими и требовал от властей принятия мер ограждения и защиты интересов черного населения. Однако власти обвинили Ливингстона в недостатке патриотизма и ему стали оказывать различные притеснения. В половине 1852 года Ливингстон отправился в новое путешествие и, после крайне трудного перехода через пустыню Калахари, прибыл в Линьянти—главное поселение племени макололов. Отсюда Ливингстон решил пробраться на берег Атлантического океана, чтобы установить путь из центра Южной Африки к побережью. Совершенно больной, Ливингстон направился вверх по Замбези и вскоре достиг устьев Либы. Подвигаясь все время на северо-запад, Ливингстон прошел несколько негритянских княжеств и дошел до озера Дилоло. Туземные вожди, через владения которых проходил Ливингстон, требовали с него за проход по их землям больших выкупов, и Ливингстон роздал почти все свое имущество; хотя его отряд мог бы в некоторых случаях проложить дорогу силой, Ливингстон даже в самые критические минуты не позволял людям прибегать к оружию.

Терпя страшные лишения и жестоко страдая от лихорадки, Ливингстон с большими трудностями достиг, наконец, португальской колонии Сан-Паоло де Лоанда на западном берегу Атлантического океана. Здесь он был хорошо принят английским консулом, который в высшей степени сочувственно отнесся к его плану борьбы с торговлей невольниками, но настойчиво предлагал ему ехать в Англию, так как Ливингстон после своего путешествия походил скорее па скелет, чем на живого человека. Однако Ливингстон отказался от этого, так как он дал слово своим проводникам отвести их обратно на родину.

Отдохнув и укрепив свои силы в Сан-Паоло де Лоанда, Ливингстон отправился с своими чернокожими спутниками в обратный путь в Линьянти, куда и прибыл благополучно в июле 1855 г. Это путешествие Ливингстона с берегов верхнего течения Замбези к Атлантическому океану было оценено Лондонским Географическим Обществом, куда Ливингстон послал описание своего путешествия, и Общество удостоило Ливингстона высшей награды — золотой медали. Однако самого Ливингстона не удо-

влетворяли достигнутые результаты; открытый им путь из центра Африки к берегам океана был крайне затруднительным для торговых сношений, и он нигде не нашел мест, удобных для основания постоянных миссионерских станций.

Вследствие этого Ливингстон решил исследовать путь из внутренней Африки на восток, к берегам Индийского океана. В это путешествие Ливингстон отправился 3 ноября 1855 года из Линьянти с небольшим караваном из чернокожих. Ливингстон решил следовать на восток вдоль берегов реки Замбези, потому что ему казалось, что этот путь будет более удобным для будущих торговых сношений. Но этот путь также оказался крайне трудным; Ливингстону приходилось прокладывать дорогу через вековые тропические леса и через огромные болотистые местности; ему снова пришлось сталкиваться с враждебно настроенными туземцами, которых, однако, он умел покорять лаской и добродушием.

Следуя вдоль берегов реки Замбези, Ливингстон открыл величественный водопад на этой реке, названный им в честь английской королевы Виктории — «водопадом Виктории». Водопад Виктории является величайшим водопадом на земле; по своей величине он превосходит даже знаменитую Ниагару. Река Замбези, имеющая в этом месте около 1.300 метров ширины, низвергается в зияющую пропасть с высоты в 100 метров. Туземцы называют этот водопад «Мози ватунья», что на их языке значит «шумящий дым»; такое название дано водопаду потому, что над ним постоянно стоят столбы пара и водяных брызг.

20 мая 1856 года, после почти семимесячного путешествия по дебрям Африки, Ливингстон достиг, наконец, поселения Квилимане при устьи Замбези. Таким образом Ливингстон, первый из европейцев, пересек поперек всю Южную Африку с запада на восток. На это путешествие Ливингстон потратил почти четыре года, в течение которых он не видал европейцев. Совершив свое путешествие, Ливингстон решил отправиться в Англию, чтобы познакомить английское общество с задачами, которые он преследовал в Африке.

9 декабря 1856 г. Ливингстон прибыл в Лондон, где был восторженно встречен членами Географического Общества. Вскоре известный английский издатель Меррей предложил Ливингстону написать книгу о своих путешествиях, и Ливингстон, решивший было через некоторое время уехать снова в Африку, остался в Англии. В Англии он прожил весь 1857 год, в конце которого вышла из печати его книга «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке». Эта книга имела необычайный успех, и в одном Лондоне было продано более 10.000 экземпляров. Вскоре потребовалось новое издание. Часть гонорара,

полученного Ливингстоном за книгу, он решил употребить на снаряжение новой экспедиции на Замбези.

Благодаря своей книге и удивительным приключениям в Африке, Ливингстон сделался в 1857 г. известен самым широким слоям английского общества; отовсюду он получал приглашение читать лекции и рефераты, в которых он старался проводить свою основную идею о равенстве негров с европейцами. Ливингстон подтверждал многочисленными примерами, что при человечном обращении негры становятся способными к образованию и безгранично привязываются к белому человеку, если видят, что он желает им добра. Английское правительство предложило Ливингстону место консула восточного берега Южной Африки; вместе с этим правительство дало Ливингстону средства для снаряжения экспедиции в Восточную и Центральную Африку.

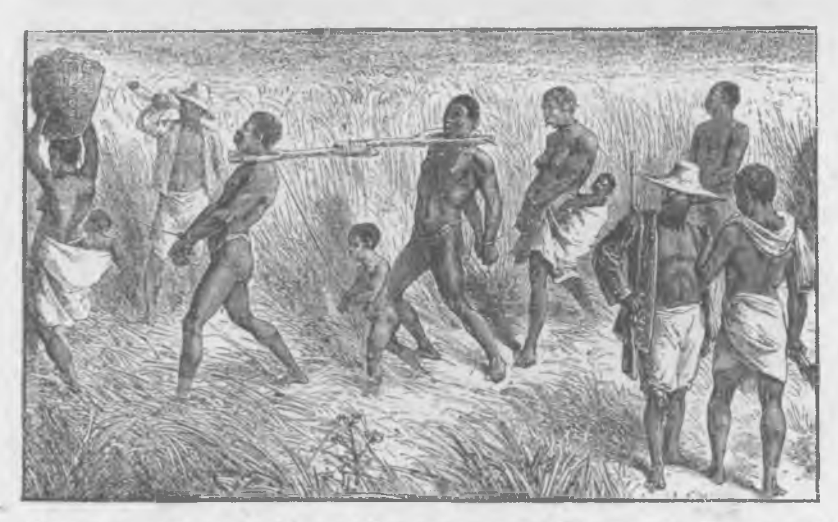
10 марта 1858 г. Ливингстон с женою и младшим сыном отправился снова в Африку. Первой своей задачей в Африке Ливингстон поставил на этот раз более подробное исследование реки Замбези; для этой цели он привез с собою из Англии в разобранном виде небольшой пароход. На этом пароходе он поднялся вверх по Замбези до устья реки Шире, по которой совершил также несколько плаваний. В 1859 г. Ливингстон открыл большое озеро Ниассу и озеро Ширву. В 1860 году Ливингстон добрался снова до Линьянти, куда он отвел своих прежних спутников из племени макололов, терпеливо ожидавших его целых четыре года в Квилимане, в устье Замбези.

В 1861 г., исследовав реку Ровуму, Ливингстон помог епископу Мэкензи устроить миссии, посланные Оксфордским университетом, а сам прошел к озеру Ниясса. Скоро, однако, Ливингстон услыхал, что епископ Мэкензи не поладил с туземцами и вынужден был покинуть станцию, устроенную Ливингстоном. На пути сам епископ Мэкензи и все члены экспедиции умерли от лихорадки. Ливингстон предвидел, что гибель членов миссии, в которой обвинят всецело его, будет иметь роковое влияние на дальнейший ход его предприятия. Действительно, вскоре Ливингстон получил из Англии известие, что правительство находит выполнение планов экспедиции Ливингстона слишком медленным и поэтому не может поддерживать его дальше в материальном отношении.

В это же время Ливингстона постиг и другой удар: во время путешествия у него умерла от лихорадки сопровождавшая его любимая жена, которая была его другом и помощницей. Однако эти удары не сломили энергии Ливингстона. Лишенный поддержки правительства, он отправился на небольшом пароходе, купленном на свои средства, в Бомбей, в Индию, где он рассчитывал продать этот пароход и на вырученные деньги продолжать свои

исследования. Однако продажа оказалась неудачной, Ливингстон получил за пароход лишь 20.000 рублей на русские деньги, но и этот небольшой капитал он потерял, так как банк, куда он положил деньги, вскоре после того обанкротился.

Оставшись совершенно без средств, Ливингстон решил снова ехать в Англию. В июле 1864 г. он прибыл в Лондон, где был встречен с большим почетом всем ученым миром Лондона. Там Ливингстон снова предпринял энергичную агитацию в пользу уничтожения невольничества и в пользу просвещения Африки.

Караван невольников в Африке. (Рисунок из книги Ливингстона «Путешествие по Замбези».)

В этот свой приезд в Англию он написал новую книгу: «Рассказ об экспедиции на реку Замбези и ее притоки».

Первый министр того времени, лорд Пальмерстон, лично увидался с Ливингстоном и спросил его, что он хотел бы получить для себя и своих детей за свои труды. Но Ливингстон не воспользовался этим предложением для устройства своих личных дел, а просил только об одном: пусть правительство добьется от Португалии свободы плавания по рекам Замбези и Шире.

В половине 1865 года Ливингстон снова покинул Англию, увозя с собою около 20.000 рублей денег, полученных им частью от Географического Общества, частью от частных лиц. Кроме тех планов, какие намеревался осуществить Ливингстон в Африке, председатель Географического Общества, Мурчисон, предложил ему отыскать истоки Нила. Мурчисон указывал, что,

открыв эти истоки, он принесет великую пользу и науке, и просвещению, и торговле Африки.

В 1866 г. Ливингстон высадился близ устьев реки Ровумы и затем снова углубился в область великих озер. В течение целых семи лет Ливингстон, одинокий и отрезанный от родины и цивилизации, среди страшных лишений, упорно преследовал свою цель. В 1867 г. Ливингстон добрался до берегов озера Танганайки и затем, перевалив через горы, достиг озера Мверо. В это время Ливингстон ослаб до того, что уже не мог итти, и его спутники-негры вынуждены были нести его на носилках.

Хижина Ливингстона в Уджиджи. (Рисунок из книги Стэнли «Как я нашел Ливингстона».)

23 октября 1871 года Ливингстон, исхудалый, как скелет, добрался до селения Уджиджи, куда один араб взялся доставить ему некоторые припасы. Каково же было отчаяние Ливингстона, когда он узнал, что араб, думая, что Ливингстон погиб в дебрях Африки, распродал все припасы; Ливингстон мог получить лишь небольшое количество чаю, кофе, сахару и бумажной материи. Положение Ливингстона становилось поистине ужасно... Сам Ливингстон сравнивал себя в этот момент с человеком евангельской притчи, который был ограблен и изранен разбойниками по дороге между Иерихоном и Иерусалимом. «Но откуда можно было ждать доброго самарянина?» с отчаянием отмечает в своем дневнике Ливингстон. Сверх всякого ожидания «добрый самарянин» был уже недалеко. Этим самарянином явился Генри Мортон Стэнли, посланный редактором «Нью-Йоркского Герольда», Гордоном Беннетом, на поиски Ливингстона.

28 октября слуга Ливингстона, негр Сузи, вбежал в хижину Ливингстона и с волнением рассказал, что через степи с востока идет «англичанин». Через несколько минут Стэнли приблизился к хижине Ливингстона, который стоял у входа. «Когда я приблизился тихим шагом к нему,—пишет Стэнли,—я успел заметить, что он бледен и истощен; я заметил его седую бороду и синий картуз с полинялым золотым галуном... Мне хотелось броситься и обнять его, но присутствие народа и неуверенность, как он отнесется к моему поступку, заставили меня поддаться

Встреча Ливингстона и Стэнли в Уджиджи.

внушениям ложного чувства и я, подходя к нему, снял шляпу и спросил: «Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?»—«Да»,—ответил он с доброй улыбкой... и разговор начался».

Ливингстон произвел на Стэнли сильное впечатление, и портрет его, набросанный Стэнли, очен верен; он описывает Ливингстона так: «Ему около 60 лет, хотя с того момента, как он оправился от болезни, ему нельзя дать более 50. Волосы его каштанового цвета, но там и сям на темени виднеются серебристые нити; борода и усы поседели; глаза у него, как у газели, и замечательно ясные, взгляд смелый, как у сокола... Ростом он немного выше среднего и чуть-чуть сутуловат в плечах. Когда он идет, то шаг у него тяжелый и твердый, какой бывает у много работавшего усталого человека. Я имел склонность думать,

что Ливингстон обладает угрюмым, нелюдимым характером..., но, в действительности, у доктора большой запас веселости, которая и выступает наружу, когда он между друзьями. Когда он смеется, то смеется так заразительно, что невозможно устоять, и смеешься сам... Ливингстон обладает замечательной памятью и, проведя в Африке много лет без книг, он читает наизусть целые поэмы из Байрона, Бернса, Теннисона и других английских поэтов. Я заметил, что все арабы и негры относятся к нему с большим уважением; даже

Плавание Ливингстона и Стэнли по озеру Танганайка.

магометане, проходя мимо хижины Ливингстона, говорили всегда: «Да благословит тебя Аллах».

Ливингстон вместе с Стэнли совершил путешествие из Уджиджи на берега озера Танганайки; после этого Стэнли решил возвратиться в Англию и убедительно упрашивал Ливингстона ехать с ним, указывая, что здоровье его требует основательного ухода; однако Ливингстон решительно отказался ехать в Англию в данный момент, когда он еще не выполнил поставленной себе задачи. 14 марта 1872 года Стэнли решил расстаться с Ливингстоном. «Завтрак наш был печален,—пишет Стэнли,—я не мог есть, мои нервы были слишком натянуты; мой товарищ, повидимому, тоже не имел аппетита. Мы находили постоянно какое-нибудь новое дело, которое отдалило бы час разлуки... Наконец, я ска-

зал: «Ну, дорогой доктор, мы должны расстаться. Еще раз говорю вам: вы сделали очень много, позвольте вас просить вернуться назад».

Ливингстон и на этот раз остался непоколебим.

Стэнли направился на восток к Занзибару, Ливингстон же остался в Уньямбембе, чтобы подготовиться к дальнейшим исследованиям. Он намеревался обойти кругом озеро Бангвеоло

Смерть Ливингстона.

и, следуя по открытым им двум рекам, вытекающим из этого озера, удостовериться, не представляют ли эти реки истоков Нила. В январе 1873 г. Ливингстон достиг болотистых областей к северу от озера Бангвеоло. Ему приходилось переходить сотни километров по пояс в воде, и он совершенно выбился из сил. В апреле месяце спутники Ливингстона, негры, вынуждены были нести исследователя на носилках. 27 апреля 1873 г. Ливингстон почувствовал себя крайне плохо и с трудом мог записать дрожащей рукой в своем дневнике следующие слова: «Совершенно изнурен и остаюсь отдохнуть, послал купить молочных коз. Мы на берегах реки Молиламо».

27 апреля было последним днем путешествия отважного исследователя. Утром он приказал нести себя далее; к вечеру

небольшой отряд Ливингстона достиг селения Илала, где путешественники переночевали. На следующий день Ливингстон пролежал, не поднимаясь, на своем ложе, в туземной хижине. В ночь на первое мая старый слуга Ливингстона, негр Сузи, войдя в хижину, увидал Ливингстона при свете еще горевшей свечи на коленях возле постели; голова путешественника была опущена на подушку, руки прижаты к лицу... Сузи подумал, что он молится, но, видя, что он совершенно неподвижен, Сузи подошел ближе, дотронулся рукою до его плеча и... вскрикнул: Ливингстон был мертв.

Когда печальная весть о смерти Ливингстона распространилась среди отряда, все пришли в страшное волнение; многие негры плакали и громко высказывали сожаление о его смерти. Старые слуги Ливингстона, негры Сузи и Чума, решили доставить тело умершего в Занзибар, чтобы передать его там в руки английских властей. Хотя это предприятие было связано с огромными трудностями, тем не менее Сузи и Чума решили во что бы то ни стало исполнить его. Они набальзамировали труп Ливингстона, похоронив сердце его в Илале под развесистым деревом. Затем, завернув тело в полотно, они положили его в гроб, выдолбленный из дерева, и покрыли парусиной. Сузи и Чума собрали также все бумаги и вещи Ливингстона, и печальная процессия двинулась в путь через дебри и болота. После почти девятимесячного путешествия, останки Ливингстона были доставлены в Багамойо, откуда они на пароходе были переправлены в Аден, а затем в Англию. Многим казалось совершенно невероятным, чтобы прах Ливингстона мог из недр Африки достигнуть родины. В виду этого доктор Фергюсон исследовал труп и по неправильно сросшейся кости руки, сломанной Ливингстону львом еще во время его первого путешествия в Африку, было установлено, что это действительно тело Ливингстона.

Сузи, слуга Ливингстона.

Останки великого путешественика были торжественно похоронены в Вестминстерском аббатстве в Лондоне.

За всю свою жизнь Ливингстон прошел, большею частью пешком, около 50.000 километров и исследовал более одного

миллиона квадратных миль земной поверхности. Он открыл в Африке озера Нгами, Ширва, Ньясса, Мверо и Бангвеоло; открыл верхнее течение реки Замбези и сотни других более мелких рек и речек, исследовал несколько горных хребтов и определил географическое положение нескольких тысяч различных пунктов в Африке.

Процессия негров с телом Ливингстона.

Ливингстон, отличавшийся крайней скромностью, никогда не кичился своими географическими открытиями.

Выше всех своих научных исследований он ставил просветительную деятельность среди чернокожих и главной своей целью считал внесение большей справедливости в отношения между белыми и черными. Общественное неравенство сильно возмущало Ливингстона, и он всю жизнь свою старался бороться с этим злом, указывая словом и делом, что все люди—братья.

VII.

Исследование Южной Африки после Ливингстона.— Путешествие поперек Африки Серпа-Пинто.—Экспедиция Карла Мауха.

Смелое путешествие Давида Ливингстона поперек всего африканского материка, совершенное им в 1852—1856 г.г., послужило толчком для дальнейшего исследования, и после экспедиции Ливингстона в Южную Африку направились многие другие исследователи. Уже в 1852 г. португальский торговец Сильва Порто отправился из Бенгуэллы впутрь Африки, намереваясь перейти материк с запада на восток. Сильва Порто, через Либу и Лиамбею, после двухлетнего путешествия, достиг восточного побережья Южной Африки, но его путешествие не принесло почти никакой пользы для науки. Точно так же путешествия английского охотника Френсиса Гальтона и шведского охотника Андерсона, венгерца Владислава Мадьяра и миссионера Гана не имели почти никакого научного значения, так как преследовали другие цели.

Важное значение в географическом отношении имело лишь путешествие португальца Серпа-Пинто. Отправившись в 1878 г. из Бенгуэллы, на берегу Атлантического океана, Серпа-Пинто пересек Южную Африку с запада на восток, достигнув в 1879 г. порта Дурбан в Натале. Серпа-Пинто исследовал области Мозамбика, Замбези, Ньяссы и страны Матабеле. Результаты своих исследований он изложил в своей книге: «От океана к океану.— Путешествие поперек Африки».

Довольно значительный научный результат имела и экспедиция немецкого ученого Карла Мауха. Маух с юных лет стремился к путешествиям и мечтал попасть в Африку. Уже с 20 лет он принялся за изучение арабского языка, а 26 лет, почти без всяких средств, отправился в Африку. В 1871 году Маух через Лимпопо отправился в область Макалака и открыл развалины Симбабие, которые, по его мнению, представляли остатки древнего Офира [1]), «страны золота». Из Симбабие Маух направился на север, открыл в большой излучине реки Замбези золотоносную область и достиг затем берегов реки Замбези. В декабре 1872 года Маух вернулся в Европу, привезя с собою известие о новых золотоносных странах, открытых им в Южной Африке.

По следам Мауха в Южную Африку направились десятки английских и немецких исследователей и через несколько де-

[1]) Оф ір, страна, откуда, по сказаниям Библии, Соломон привозил золото, сандаловое дерево и слоновую кость для украшения Иерусалимского храма.

сятилетий весь огромный треугольник Южной Африки, к югу от реки Замбези и Конго был тщательно исследован. В настоящее время эта область является наиболее известной областью

Карта путешествий Ливингстона.

Африки, и там, где 30—40 лет тому назад безмятежно бродили слоны и буйволы и где кочевали воинственные полчища матабеле, теперь выросли большие города европейско-американского

типа, проложены всюду железные дороги, телеграф и телефон. В немногие десятки лет страна была заселена, и нигде, за исключением Северной Америки и некоторых областей Австралии, экономический расцвет [1]) не следовал так быстро вслед за географическими открытиями, как здесь, в юго-восточной Африке.

Из позднейших научных экспедиций по Южной Африке выделяется путешествие Айвенса и Брито Капелло, которые проехали в 1884—85 г.г. по реке Кабомпо и открыли к западу от Замбези обширную область рек, текущих к югу, но затем теряющихся в песках пустыни Калахари. Капелло и Айвенс переправились через Лиамбей, исследовали верхнее течение Кабомпо, прошли вдоль водораздела между бассейнами Луапулы и Замбези и по Замбези спустились вниз до Квилимане.

VIII.

Исследование Центральной Африки.—Путешествия Генри Стэнли.

После Ливингстона одним из самых знаменитых исследователей Африки является Генри Мортон Стэнли. Стэнли был послан, как мы говорили выше, в Африку редактором «Нью-Йоркского Герольда» на поиски Ливингстона. Знакомство с Ливингстоном и совместное путешествие по озеру Танганайка сделали из Стэнли преданного интересам науки исследователя, и он большую часть своей жизни посвятил на исследование «черного материка».

Генри Стэнли родился в Англии в местечке Денбиг, в семье небогатого фермера. Стэнли был «незаконнорожденный» сын дочери фермера, которая после смерти своего отца вынуждена была поступить в работницы. Не имея средств и возможности воспитывать сына, мать Стэнли отдала его в приют для бедных детей. Жизнь в приюте была невыносима, и маленький Стэнли пытался было бежать из него. Когда ему минуло 15 лет, он поселился у одной из своих теток и стал пасти овец. Затем он поступил сторожем в школу, но и эта должность вскоре наскучила ему, и 17 лет Стэнли, или — как он тогда назывался — Джон Роуланд, отправился в Ливерпуль, где устроился приказчиком в мясной лавке.

В Ливерпуле Стэнли приходилось слышать много рассказов об Америке и тех удачах, которые могут ожидать там человека настойчивого и смелого. После этих рассказов Стэнли решил уехать в Америку; ему удалось поступить матросом на один

---

[1]) А вместе с ним и капиталистическая эксплоатация *(Прим. ред.)*.

Исследователь Африки Генри Стэнли.

корабль, шедший в Америку, и через некоторое время он очутился в Новом Орлеане. В этом большом американском городе, не имея ни одного человека знакомого, Джон решил искать счастья. Случайно он увидал в окне одной небольшой лавки объявление: «Требуется мальчик». Джон вошел в эту лавку и предложил свои услуги. Содержателем лавки оказался пожилой купец; он взял Джона в приказчики. Вскоре купец, которого звали Генри Стэнли, очень полюбил сметливого и энергичного Джона и усыновил его, передав мальчику свое имя и фамилию. Когда молодому Стэнли было 20 лет, его приемный отец умер, и Стэнли снова очутился па улице.

В это время между Северными и Южными Штатами Америки происходила междоусобная война, и Стэнли поступил на военную службу. Во время одного сражения он был взят в плен и приговорен к расстрелу; в ожидании казни Стэнли был посажен к железную клетку. Сидя в клетке, Стэнли страшно похудел и случайно заметил, что его плечо свободно проходит между прутьями клетки. Он задумал бежать из плена, и это ему удалось.

Через некоторое время Стэнли, убедившись, что Северные Штаты ведут борьбу с Южными Штатами, главным образом, за уничтожение рабства, перешел на службу к Северным Штатам и поступил матросом на военный корабль. Здесь ему удалось выдвинуться своей ловкостью и мужеством, и он был произведен в офицеры. По окончании войны Стэнли приехал в Англию повидаться с матерью. Он мог бы теперь хорошо устроиться на родине, но жажда приключений не давала ему покоя. Вскоре он уехал в Турцию. Там, около Смирны, на Стэнли напали разбойники и отняли все его имущество. Стэнли описал свое приключение в одной из английских газет. Эта корреспонденция была так живо написана, что после нее Стенли получил от «Нью-Йоркского Герольда» предложение сделаться постоянным корреспондентом этой газеты. Редакция газеты послала Стэнли военным корреспондентом при английском штабе в Абиссинию, а после войны назначила корреспондентом в Испанию, где он поселился в Мадриде.

Однако в Испании Стэнли пришлось прожить недолго. 16 октября 1869 г. он получил краткую телеграмму: «Приезжайте в Париж по важному делу». Телеграмма эта была от Джемса Гордона Беннета, издателя «Нью-Йоркского Герольда». Через два дня Стэнли был уже в Париже и явился к Беннету. Первым вопросом Беннета была фраза:

— Как вы думаете, где теперь Ливингстон?

«Право, не знаю»,—отвечал Стэнли.

— Как вы полагаете, он жив?

«Может быть, жив, а может быть, и нет»...

— Так, а я думаю,—сказал Беннет,—что он жив и что его можно отыскать; и вот я хочу послать вас отыскивать его.

«Как?—не удержал своего удивления Стэнли,—неужели вы думаете, что я могу найти доктора Ливингстона? Значит, вы намерены отправить меня в Центральную Африку?».

— Да,—отвечал Беннет,—я хочу, чтобы вы ехали и нашли его. Быть может, старик находится в нужде, так захватите с собой побольше необходимых вещей и припасов, чтобы помочь

Неудобства путешествий по Африке. (Рисунок из книги Стэнли «Как я нашел Ливингстона».)

ему в случае надобности. Поступайте, вообще, как найдете лучше, только непременно найдите мне Ливингстона.

«Подумали ли вы, сэр,—сказал на это Стэнли,—о тех громадных расходах, которые вам придется сделать для этого путешествия?»

— Что это будет стоить?—отрывисто спросил Беннет.

— «Путешествие Бюртона и Спика в Центральную Африку обошлось в 3.000 и 5.000 фунтов стерлингов, и я думаю, что мое будет стоить не менее 2.500 фунтов»,—отвечал Стэнли.

— Хорошо,—сказал Беннет.—Я скажу вам, что вы должны будете делать. Возьмите пока 1.000 фунтов; а когда вы эти деньги израсходуете, возьмите еще 1.000; когда издержите и их, потребуйте еще 1.000, а когда кончите и эту тысячу, спросите еще 1.000, и так далее; только найдите Ливингстона...

Таким образом путешествие Стэнли в Центральную Африку было решено. Беннет сам составил план путешествия Стэнли в Африку. Согласно этому плану, Стэнли должен был первоначально отправиться в Египет, чтобы присутствовать на торжестве открытия Суэцкого канала; затем Стэнли должен был посетить Константинополь, оттуда проехать в Крым и Закавказье, откуда, через Малую Азию, Стэнли должен был перебраться в Бомбей и уже из Бомбея направиться в Занзибар, начальный пункт его путешествия по Африке.

Лишь 6 января 1871 года Стэнли собрал в Занзибаре караван и переправился на восточный берег Африки. 21 марта 1871 г. он выступил из Багамойо в глубь «черного материка». Караван Стэнли состоял из 150 человек носильщиков и 24 человек солдат-негров; кроме того, Стэнли сопровождали двое белых, в качестве слуг. Путешествие совершалось с необычайными трудностями; приходилось переходить через обширные болотистые пространства, через густые, тропические леса, где нужно было расчищать путь на каждом шагу. Во время путешествия большинство спутников Стэнли умерло от тропических лихорадок. Трудность путешествия увеличивалась еще тем, что Стэнли собственно не знал, куда нужно итти. Он ничего не мог узнать о Ливингстоне—найти человека среди необозримых дебрей Центральной Африки было делом не легким.

Только спустя три месяца после начала путешествия Стэнли посчастливилось встретить на пути одного араба, торговца слоновой костью, который сказал Стэнли, что в области Униаииэмбе путешествовал какой-то белый человек. Стэнли решил направиться в Униаииэмбе, но, достигнув первого селения в этой области, вынужден был слечь от истощения; Стэнли прохворал целых три месяца, и только благодаря своему железному здоровью вынес болезнь и осенью 1871 г. мог снова продолжать путь. Во время болезни Стэнли его негры-носильщики почти все разбежались, и Стэнли удалось набрать с большим трудом лишь 50 человек. Дальнейшее путешествие на запад было еще труднее. Встречи с дикими зверями, изнурительные переходы через густые заросли кустарников и колючих растений—все это угнетающе действовало на отряд, и негры-носильщики отказывались итти дальше. Однако Стэнли, благодаря своей находчивости, умел успокаивать своих спутников.

Через 40 дней крайне утомительного путешествия Стэнли встретил арабский караван; арабы передали, что в селении Уджиджи находится белый человек. «Он стар,—рассказывали арабы.—У него на лице белые волосы. Он болен. Мы видели его восемь дней назад»... Стэнли не сомневался, что этот белый старый человек был Ливингстон. С большим трудом удалось ему

уговорить негров продолжать дальнейший путь и, наконец, 28 октября 1871 г. он был в Уджиджи, где, действительно, нашел больного Ливингстона... Радость Стэнли была неописуема. Мы не будем рассказывать здесь о встрече Ливингстона и Стэнли, так как об этом уже говорили выше.

Селим, переводчик Стэнли.

Проживши около месяца в Уджиджи вместе с Ливингстоном, Стэнли решил сопровождать его в экспедиции по озеру Танганайка. Прибыв затем в Унианиэмбе, Ливингстон и Стэнли расстались; Ливингстон решил продолжать поиски истоков Нила, а Стэнли отправился в обратный путь в Занзибар, а оттуда

в Европу, чтобы поведать цивилизованному миру о том, что доктор Ливингстон жив. Прибыв в 1872 г. в Лондон, Стэнли стал писать свою интересную книгу: «Как я отыскал Ливингстона». Едва Стэнли закончил эту книгу, как в Англию пришла весть о том, что Ливингстон умер в Африке. Чтобы познакомить мир с жизнью этого знаменитого путешественника, Стэнли решил написать новую книгу: «Жизнь и путешествия Давида Ливингстона». Работая над этой книгой, Стэнли пришел к мысли о необходимости закончить исследования Ливингстона и для этого решил предпринять новое путешествие в Африку. Деньги на это путешествие были охотно даны Стэнли редакцией «Нью-Йоркского Герольда»и редакцией лондонской газеты «Дэли Телеграф». 21 сентября 1874 г. Стэнли уже был на берегу Занзибара.

12 ноября 1874 г. Стэнли прибыл в Багамойо, на восточном берегу Африки, откуда он думал начать свое путешествие. На этот раз караван Стэнли состоял из 366 носильщиков и вооруженных людей, из числа которых было лишь трое белых. Стэнли решил направиться из Багамойо к озеру Виктория, через которое он решил переплыть на лодке: эту лодку несли в разобранном виде носильщики-негры. На своем пути к озеру Виктория Стэнли не раз приходилось вступать в вооруженные столкновения с туземцами. Прибыв после двухмесячного путешествия на берега озера Виктория, Стэнли переправился со своим караваном на западный берег этого озера в область Уганду, где был принят дружелюбно туземным властителем. Властитель Уганды, М'теза, подружился с Стэнли.

Из Уганды Стэнли прошел в область Униоро и добрался благополучно почти до берегов озера Мута-Нуиге (озеро Альберта-Эдуарда). Но здесь навстречу отряду Стэнли выступило сильное войско одного негритянского князя. Вследствие этого Стэнли пришлось изменить маршрут и повернуть на юг. Стэнли решил итти к озеру Танганайка и посетить Уджиджи, чтобы собрать сведения о последних днях Ливингстона. Добравшись до озера Танганайка, Стэнли прожил некоторое время в Уджиджи, а затем решил произвести исследование этого озера.

От озера Танганайка Стэнли направился вниз по большой реке, которую Ливингстон назвал Луалаба, а Стэнли дал ей название в честь Ливингстона реки Ливингстона. Продолжая свои исследования, Стэнли решил итти по течению этой реки, предполагая, что река эта впадает в Атлантический океан. Действительно, после невероятно трудных переходов и многократных столкновений с туземцами, Стэнли добрался до Эмбомэ, на берегу Атлантического океана. Благодаря этому путешествию Стэнли удалось установить, что Луалаба, открытая Ливингстоном, есть не что иное как одна из величайших в мире рек — Конго. Таким

образом, Стэнли первый открыл эту огромную реку и первый описал все течение ее, от истоков до устья.

Стэнли мог бы из устья реки Конго отправиться прямо в Англию, но он решил доставить своих черных спутников в Занзибар и поэтому сел с ними на один военный английский корабль,

Берега Конго. (Снимок со старинной гравюры.)

который и доставил морем всю экспедицию в Занзибар. Стэнли прибыл в Занзибар 9 августа 1876 года, пробыв в путешествии два года и четыре месяца.

Возвратившись в Европу, Стэнли составил описание своего второго путешествия. Известность его еще более возросла. Бельгийский король Леопольд пригласил его к себе и предложил ему основать на берегах Конго независимое негритянское

государство под «покровительством» Бельгии. Стэнли с охотой принял это предложение. В половине 1879 года он прибыл в устье Конго и прожил в Африке почти целых пять лет; он основал здесь несколько городов, проложил многочисленные дороги по лесам и горам. Негры с удивлением и с некоторым страхом смотрели на этого неутомимого человека. Видя, как он взрывал при постройке города Бома целые скалы, негры Конго дали Стэнли имя «Була Матари», что на их языке означало «Разрушитель гор».

В 1884 году Стэнли приехал в Европу, рассчитывая отдохнуть. Но тотчас по приезде в Англию он получил предложение отыскать в Африке известного немецкого путешественника Эмина-пашу, который, как предполагали, был захвачен в плен туземцами. Стэнли принял предложение и снова отправился, в четвертый раз, в Центральную Африку. Поднявшись по Конго от Атлантического океана, он проник к озеру Альберта, где и нашел Эмина-пашу, с которым достиг Занзибара. Таким образом Стэнли перешел всю Африку во второй раз, следуя на этот раз с запада на восток.

Это была последняя экспедиция Стэнли. Вернувшись в Англию, он решил зажить более спокойной жизнью. Вскоре он был выбран в депутаты английского парламента. В 1903 году Стэнли заболел и, прохворав всю зиму, скончался 9 мая 1904 г. на руках своей жены.

Путешествия Стэнли имели огромное значение для развития землеведения. Благодаря исследованиям Стэнли европейцы проникли в самые глухие дебри Африки, и карты африканского материка, имевшие до этого времени огромные белые пятна в центре (неисследованные области), после этого были заполнены новыми названиями находящихся там рек, гор и селений.

IX.

Экспедиция Камерона.— Путешествие Саворньяна де-Бразза.

После того, как Стэнли удалось отыскать в 1871 году Давида Ливингстона в Центральной Африке, Лондонское Географическое Общество решило послать в 1872 году на помощь Ливингстону новую экспедицию. Начальство над этой экспедицией было поручено английскому морскому офицеру Верней-Ловетту Камерону. Камерон благополучно добрался до области Унианиэмбе, где он и встретил 4 августа 1874 года процессию негров, несших в Занзибар тело Ливингстона. Отправив с печальной процессией одного из своих спутников, Камерон решил остаться в Африке, чтобы продолжать дело своих знаменитых предшествен-

ников—Бюртона, Спика и Ливингстона. Он решил прежде всего исследовать берега озера Танганайка и выяснить—имеет ли оно какой-либо исток к Атлантическому океану.

Отправившись из селения Уджиджи, на берегу озера Танганайка, Камерон направился на запад по направлению к португаль-

Капитан В. Камерон.

ской колонии Бенгуэле, на берегу Атлантического океана, куда он прибыл 4 ноября 1875 года. Все расстояние, пройденное Камероном от озера Танганайка до Нижней Гвинеи, равняется не менее чем 8.000 километров. Весь этот трудный и длинный путь Камерон прошел пешком, за исключением переправ через реки в лодках, подвергаясь чрезвычайным опасностям, грозившим на каждом шагу одинокому путешественнику. Камерону нередко прихо-

дилось отражать вооруженные нападения туземцев; но он всячески старался улаживать дело миролюбиво и прибегал к помощи оружия лишь в самых крайних случаях. Насильственные меры не входили в его планы. Он старался доказать и действительно доказал, что наука в своих завоеваниях не нуждается в помощи ружей и пушек.

Камерону пришлось вынести во время путешествия тысячи лишений. Туземцы часто отказывали ему в съестных припасах или требовали за них непомерные цены. Его жизнь много раз висела на волоске. Но несмотря на все препятствия, Камерон произвел 5.000 определений широты и долготы для различных пунктов, а его гидрографические исследования в Экваториальной Африке навсегда останутся ценным приобретением для науки.

Африка настолько заинтересовала Камерона, что он в 1882 году совершил вторичное путешествие по ней, занимаясь, главным образом, изучением речной сети Центральной Африки. Вывезенные Камероном из этого путешествия богатейшие коллекции африканских предметов составляют теперь одно из главнейших украшений колониального и естественно-исторического отдела Британского Музея в Лондоне.

Камерон скончался 15 марта 1894 г. В последние годы своей жизни он много путешествовал по Западной Европе, читая в крупных центрах лекции и доклады о своем путешествии и вообще об африканских странах. Он горячо стремился заинтересовать широкие круги европейского общества богатыми и плодородными странами «черного материка», предсказывая великую будущность этой части света. Результаты своих путешествий и исследований Камерон изложил в интересной книге: «Поперек Африки. От Занзибара до Бенгуэлы». Это сочинение до сих пор остается одним из основных сочинений по географии Экваториальной Африки.

После исследования Ливингстона, Стэнли и Камерона Экваториальная Африка перестала быть загадочной страною, но, тем не менее, и после исследования названных путешественников в ней оставалось еще много неизвестных областей, где не был еще ни один европеец. Одной из таких областей была обширная страна к северу от нижнего течения Конго. На эту область обратил свое внимание молодой французский исследователь Саворньян де-Бразза, который и является непосредственным продолжателем дела Ливингстона, Стэнли и Камерона.

Саворньян де-Бразза, прочитав книгу Ливингстона о его приключениях в Африке еще мичманом, стал мечтать о путешествии в Африку. В 1874 г., когда ему было 22 года, он написал министру иностранных дел письмо, в котором просил поручить

ему дело дальнейшего исследования Африки. «Я знаю,—писал молодой мичман в этом письме,—каким опасностям я подвергаю себя, я знаю, что самое крепкое здоровье не может безнаказанно перенести губительный климат тропической Африки, но, тем не

Саворньян де Бразза.

менее, я все же хочу проникнуть в неизвестные части Африки. Если мне суждено погибнуть, то другим, более счастливым, будет легче после меня проходить по той дороге, которую я открою!»

Энергичная решимость молодого Бразза обратила на себя внимание, и французское правительство дало ему небольшие средства для путешествия в Африку. В 1876 году Бразза с несколькими спутниками высадился на западном берегу Африки

и решил исследовать область реки Огов, впадающей в Атлантический океан, севернее Конго. Брасса исследовал эту реку от ее устья до того места, где она становится несудоходной, и затем добрался через верховья рек Алима и Ликона, притоков Конго, до Оканга. Большую часть своего путешествия Брасса пришлось итти пешком. Обувь его пришла скоро в такое состояние, что он должен был ее бросить. Босой, с ногами, покрытыми ранами, он с трудом пробирался сквозь тропические леса. Несколько раз ему грозила смерть от рук туземцев. Так, когда он проходил через землю племени апфуру, эти туземцы, помнившие жестокое обращение с ними Стэнли и боявшиеся встретить в Брасса такого же беспощадного человека, преградили ему путь. Без пищи, без воды, предоставленный самому себе, Брасса остановился в пустынной области Ба-теке. Спутники-негры требовали от Брасса пищи, грозя бунтом. Лишь после того, как Брасса разделил между неграми-носильщиками всю провизию,—себе же, бывшему с ним доктору и еще одному белому не оставил почти ничего,—негры согласились на дальнейший путь.

Во время путешествия по реке Огов Брасса едва не утонул; его пирога была опрокинута при переправе через пороги, и ему с большим трудом удалось добраться до берега. Он потерял все свое имущество, сохранив лишь карманные часы, которые он держал все время в одной руке над водою. Когда Брасса переплывал, он ранил себе ногу о подводный камень. Какой-то туземный знахарь приложил к ране пластырь, нога Брасса сильно распухла. Боясь заражения крови, Брасса своим походным ножом вырезал зараженное место и избавился таким образом от грозившей ему смертельной опасности.

Возвратившись в Европу, Брасса получил от французского правительства пособие в 100.000 франков для организации новой экспедиции в Африку и для основания там факторий. Вследствие этого Брасса в конце 1879 г. снова отправился в Экваториальную Африку. На этот раз он проник до верховьев реки Огов, основав у Машого, при впадении реки Пасс в Огов, первую факторию, названную им Франсвилль. В 1880 г. он заключил с негритянским князем Макоко договор, по которому Брасса получил во владение всю область на северном берегу реки Стэнли Пуль. Здесь он основал город Браззавилль. Отсюда Брасса спустился вниз по Конго и затем морем добрался до устья реки Габун, где произвел новые исследования. Весною 1882 г. Брасса возвратился во Францию, где был встречен с большим почетом.

В марте 1883 г. Брасса получил от правительства новую субсидию в 1.275.000 франков на новую экспедицию в Африку. В 1888 г. Брасса был назначен генерал-губернатором французской области Конго.

X.

Русские исследователи Африки: Е. П. Ковалевский.—В. В. Юнкер.

Таинственная далекая Африка, страна черных людей, привлекала в свои дебри не только английских, французских и немецких исследователей, но и русских. В числе русских исследователей Африки наиболее выдающимися были Егор Петрович Ковалевский и В. В. Юнкер. Хотя имя Е. П. Ковалевского далеко не пользуется той популярностью, как имена Ливингстона, Стэнли, Бэккера и др., тем не менее Ковалевский принадлежит к одним из первых по времени исследователей «черного материка».

Е. П. Ковалевский.

Е. П. Ковалевский родился в 1811 году в селе Ярошовке, близ Харькова. Окончив в 1829 г. Харьковский университет, Ковалевский поступил на службу в Горный департамент и был командирован на алтайские и уральские заводы. В 1839 г. он был послан в Черногорию для выяснения—нет ли в горах Черногории залежей золота.

О своем путешествии по Черногории Ковалевский написал книгу: «Четыре месяца в Черногории». Эта книга является едва ли не первой русской книгой о Черногории. В 1839—1840 г.г. Ковалевский участвовал в походе Перовского в Хиву, а в 1847 г. был приглашен египетским хедивом, Магометом-Али, произвести геологические исследования в Египте и в Абиссинии. Ковалевский поднялся вверх по Нилу и проник в Центральную Африку до истоков реки Тумат. Так как проводники заявили Ковалевскому, что дальше реки Тумата нет никакой дороги, то он, оставив верблюдов, решил итти пешком в глубь Африки. После утомительного и крайне опасного перехода, Ковалевский достиг земли Галла, куда тщетно старались проникнуть столько путешественников, из которых многие поплатились жизнью.

Достигнув самых неприступных в то время для путешественников африканских недр, Ковалевский писал: «В этой победе над природой, в этом первенстве ее завоевания — есть наслаждение своего рода, наслаждение высокое, которое может постигнуть только путешественник, достигающий своей цели после тяжелых трудов, лишений и испытаний его терпения и силы воли».

Ковалевский первый из русских путешественников исследовал и описал Абиссинию и назвал обширную область, лежащую недалеко от границ Абиссинии к западу, «Николаевской страной», а реке, протекающей по этой области, дал название «Невка». Эти названия должны были, по мнению Ковалевского, служить указанием, до каких мест доходил европейский путешественник и к какой нации он принадлежал. Свои странствования по Африке Ковалевский изложил в превосходном сочинении: «Путешествие во внутреннюю Африку» (2 тома, Петербург, 1849 г.). Возвратившись из Африки, Ковалевский совершил путешествие по Китаю. Бо́льшая часть путешествия совершалась Ковалевским верхом на лошади или на верблюде; во время путешествий ему приходилось часто испытывать жестокие лишения и голод, но его любознательность не останавливалась ни перед чем. Описание своих путешествий Ковалевский издал в 3 томах под заглавием: «Странствователь по суше и морям». «Путешествие по Китаю» вышло отдельной книгой в 1853 г. Все эти сочинения, написанные увлекательно и живо, читались в свое время с большим интересом, и благодаря им Ковалевский приобрел широкую известность.

В 1854—1855 г.г. Ковалевский находился в числе защитников Севастополя, состоя при штабе главнокомандующего, князя М. Д. Горчакова, и собирал материалы для истории Крымской войны. С 1856 г. он был директором Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел, а с 1861 г. сенатором и членом Совета Министерства Иностр. Дел. С 1856 до 1862 г. Ковалевский занимал пост вице-председателя Русского Географического Общества. Он был также одним из основателей «Литературного Фонда» — организации для оказания помощи литераторам и ученым.

Среди путешественников-исследователей XIX столетия Юнкер занимает одно из самых видных мест. Благодаря его трудам и смелым путешествиям, географическая наука обогатилась точным познанием восточной области Экваториальной Африки. Его книга об Африке является одним из капитальных сочинений по географии Африки и переведена на многие европейские языки.

В. В. Юнкер родился 6 апреля 1840 г. в Москве. Получив превосходное образование частью за границей, частью в Петербурге в Петропавловской гимназии, Юнкер изучал затем медицину в Геттингене и Юрьеве. Однако врачебная профессия мало привлекала молодого человека. Вопреки воле родных, Юнкер решил стать путешественником-исследователем и уже в 1869 году уехал на остров Исландию.

После путешествия в Исландию Юнкер в 1873 г. вместе с профессором Вильмансом уехал в Тунис. Здесь он практически ознакомился с арабским языком, необходимым для более плодотворного путешествия по Африке. В 1875 г. Юнкер участвовал на Парижском географическом конгрессе и познакомился с исследователями Африки: Нахтигалем, Вольфсом и Швейнфуртом. По совету этих путешественников, Юнкер наметил себе, как ближайшую цель своих исследований, таинственную в то время область Дар-Фур.

В. В. Юнкер.

В 1875 году Юнкер предпринял путешествие по Ливийской пустыне, а в 1876 г. он первый из европейцев-исследователей поднялся по реке Барака, посетил город Кассала, провинцию Така и через Кедарев пробрался в столицу Судана Хартум. В 1877 и 1878 г.г. он исследовал область реки Собат и затем через Ладо по Бахр-эль-Джебель проник в глубь Экваториальной Африки и исследовал область рек Роль, Тондж, Джур (притоки Белого Нила), страну Митту и Калика. После этого Юнкер через Ладо, Хартум и Каир возвратился в Петербург. Богатые коллекции, привезенные Юнкером из этого путешествия, были подарены им Музею Академии Наук, где они и хранятся теперь в этнографическом отделении.

В 1879 году Юнкер снова отправился в Африку, чтобы продолжать свои исследования. Главной задачей этого путешествия было изучение области реки Уэлле и выяснение вопроса о том, принадлежит ли эта река к системе Конго или Шари. Юнкер поднялся по реке Бахр-эль-Газалю до Мешра-эр-Рек и отсюда до

Дэм-Солимана, столицы провинции Газель. Затем в течение целого ряда лет Юнкер путешествовал по землям людоедов племени ньям-ньям и мангбатту, и достиг, наконец, реки Непоко, оказавшейся притоком реки Арувими, открытой Стэнли. Отсюда Юнкер направился на запад и проследовал по реке Уэлле до Сериба-Абдалла. Таким образом Юнкеру удалось выяснить, что река Уэлле принадлежит к обширной системе Конго и является верховьем Макуа. После этого, чувствуя себя крайне утомленным, Юнкер решил возвратиться в Европу. Он послал помощника

В. Юнкер среди африканских дикарей.

своего, Бондорфа, с коллекциями вперед, сам же задержался несколько времени в Серибе-Абдалле. Вскоре до Юнкера дошел слух о восстании махдистов, вследствие чего прямой путь на север, в Египет, был отрезан. Бондорфу пришлось бросить все драгоценные коллекции, собранные Юнкером с большими трудами в течение долгих лет. Путь на юг был также прегражден восставшими туземцами Уганды, и поэтому Юнкеру с большим трудом удалось добраться лишь через два года в Занзибар. Здесь он узнал, что его брат снарядил на поиски его экспедицию под начальством Фишера, но эта экспедиция не могла проникнуть внутрь Африки через восставшие области. 9 января 1887 г. Юнкер прибыл в Суэц, где его ожидали брат, зять (известный русский издатель А. Ф. Девриен) и Швейнфурт.

Последующие годы Юнкер жил в Европе, занимаясь разработкой своих обширных материалов. В 1891 году Юнкер издал на немецком языке в трех томах «Путешествие по Африке». В этом же году Юнкер приехал в Петербург хлопотать об издании своей книги на русском языке. Однако надеждам Юнкера—видеть свое сочинение на русском языке—не удалось осуществиться; вскоре по своем приезде в Петербург, Юнкер заболел инфлюэнцей и 1 февраля 1892 года умер на 52 году своей жизни. Юнкер похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге.

Юнкер должен быть причислен к лучшим исследователем Африки. Главная ценность его исследований состоит в точности картографических работ. Он много уделял внимания также флоре и фауне описываемых областей и главным образом останавливался на жизни и быте туземцев. Вследствие этого сочинение Юнкера является в высшей степени ценным и для изучения этнографии. Ценность трудов Юнкера увеличивается еще массой рисунков, сделанных с натуры талантливым художником Райзенденом, сопровождавшим Юнкера в его второе путешествие.

XI.

Позднейшие исследования Африки. — Экспедиция Кромпеля. — Исследование Кении и Килиманджаро.—Итальянская экспедиция в Экваториальную Африку.— Экспедиция Монтейля.— Путешествие через Сахару.

Позднейшие исследования Африки все более и более связывались с политическими целями, и почти все последние экспедиции, посылавшиеся в Африку французами, англичанами, немцами, бельгийцами и итальянцами, не имели чисто научного характера. Однако большинство этих военно-политических экспедиций обогатило географическую науку многими ценными данными, и поэтому они заслуживают упоминания на страницах истории географических открытий. Количество крупных и мелких экспедиций и путешествий по Африке за последние 30 лет настолько увеличилось, что если говорить о каждой из них, то придется написать громадный том. Здесь мы упомянем лишь о самых важных экспедициях нашего времени.

В 1888 году географ Зупан, в своем очерке по истории открытий в Африке, выделил три совершенно неизвестные в то время области Африки и высказал мысль, что позднейшие исследователи «черного материка» обратят свое внимание именно на эти области. Такими местностями Африки Зупан считал: 1) область озера Либы, между Адамауей, Камеруном, Шари, Убанги

и Оговэ, 2) страну мандингов, находящуюся между верхним и нижним течением Нигера и морским побережьем, и, наконец, 3) страну галласов и сомалийцев, расположенную между Абиссинией, верхним Нилом и восточным побережьем. К этим областям можно было еще прибавить четвертую область—Ливийскую пустыню, которая и в настоящее время так же неизвестна, как и в 1888 г. Три вышеназванные области перестали теперь быть загадочными странами, и белые пятна на прежних картах, покрывавшие эти области, отчасти совершенно исчезли, отчасти сделались гораздо меньше.

Первым исследователем области озера Либы является французский путешественник Поль Кромпель, один из спутников Саворньяна Бразза. Кромпель, стремясь к самостоятельному исследованию, покинул в 1888 г. экспедицию Бразза и в сопровождении двух туземцев направился в глубь Африки. Попав в землю племени мфанов, Кромпель был встречен туземцами крайне враждебно. Вождь туземцев обратился к Кромпелю с следующей речью: «Для чего ты пришел к нам? Может быть, ты хочешь воевать с нами? Или ты намереваешься украсть у нас слоновую кость? Может быть, ты хочешь взять наших богов? Может быть, ты ищешь себе жену?»

Видя враждебно настроенных туземцев, Кромпель решился на героическое средство. Так как объяснения Кромпеля о его истинных намерениях все равно не были бы поняты дикарями, то он ухватился за последний вопрос вождя и решительно сказал:

— «Да, я ищу себе жену... Но я не хочу старой, потому что у старых глупые головы, и они никогда не научатся говорить, как белые. Мне нужна молодая жена, я буду воспитывать ее, как свою дочь: она увидит все, она узнает нас, наших богов, научится говорить, как мы, и мфаны через нее узнают, что белые люди—их лучшие друзья».

Эти слова Кромпеля рассеяли у туземцев всякое подозрение, и они наперерыв стали приглашать Кромпеля в свои хижины. Вскоре вождь мфанов, по имени Эй-эге, отдал Кромпелю в жены свою десятилетнюю дочь Ниаринзу. Вместе с этой девочкой и с несколькими туземцами Кромпель отправился в дальнейший путь, рассчитывая, что, видя присутствие в числе его спутников маленькой Ниаринзы, дочери вождя, туземцы будут более миролюбивы.

Однако предположения Кромпеля не оправдались, и он подвергся нападению дикарей, которые ранили его. С неописуемыми трудностями Кромпелю удалось добраться до морского побережья, и в апреле 1889 г. он приехал в Париж вместе со своей маленькой чернокожей спутницей Ниаринзой.

На следующий год Кромпель отправился снова в Африку, решив на этот раз исследовать область озера Чад. Добравшись до селения Эль-Кути в области Вадай, Кромпель заболел тропической лихорадкой и слег. Между тем арабы Эль-Кути составили заговор против Кромпеля и напали на его небольшой отряд. Сам Кромпель и его помощник Бисскара были убиты; Ниаринза и туарег Ишекад, проводник, были взяты в плен. Только негру Нэбу с несколькими товарищами удалось избежать гибели, и они доставили в французские фактории печальное известие о трагической гибели Кромпеля.

По следам Кромпеля уже в 1891 году направился Жан Дыбовский; а в 1892 году Саворньян де Бразза совершил путешествие от Кубанги; в Комазе, лежащей еще в пределах области Убанги, он встретился с путешественником Мэзоном, шедшим в противоположном направлении. Этот путешественник начал свое путешествие в 1890 году от устьев Нигера и установил связь между реками Бенуэ и Уланги. Позднее другие французские и бельгийские экспедиции проложили дорогу из этой области к берегам Нила. Между прочим начальник одной французской военной экспедиции, капитан Маршан, прошел в 1898 г. по мало известной области Бахр-Эль-Газаля и достиг местности на Ниле — Фашоды. Все эти экспедиции выяснили, что обширная область Центральной Африки, лежащая между Конго, Бахр-Эль-Газалем, Шари и Бенуэ, представляет однообразную страну без значительных возвышенностей.

Обширный тропический лес Конго, через который первым прошел Стэнли в свое четвертое путешествие по Африке для освобождения Эмина-Паши и в котором в 1892 г. был убит сам Эмин-паша, был пройден в 1893 г. немецким путешественником Гетценом. Гетцен открыл озеро Киву и подтвердил существование в большой центрально-африканской впадине потухших вулканов.

Северо-восточная Африка между Абиссинскими горами, Индийским океаном, горой Килиманджаро, озером Виктории и Белым Нилом также стала известна сравнительно быстро, вследствие ряда больших экспедиций. Выше мы уже упоминали о попытках исследования горы Килиманджаро Декеном и Джонстоном. Но этим исследователям не удалось добраться до вершины исполинской горы. Только в 1887 и 1889 г.г. Гансу Мейеру посчастливилось подняться на высоту 6.010 метров и сделать тщательные наблюдения над ледниками и фирновыми полями Килиманджаро. Изыскания Мейера на Килиманджаро имели значение не только для изучения самой горы, но и для правильного понимания геологического строения этой части Восточной Африки, и обогатили науку о ледниках и учение

о ледниковом периоде на земле. Исследования этой экспедиции внесли также много ценного и в область географии растений и народоведение.

Вторая большая гора Экваториальной Африки, Кения, со своими ледниками долгое время была менее известна, чем Килиманджаро, пока в наше время она не явилась целью многих экспедиций. Первая, более крупная экспедиция, снаряженная для исследования Кении, состоялась под начальством Телеки и Генеля, по инициативе и на средства австрийского правительства. Результаты, добытые этой экспедицией, послужили для знаменитого геолога Эдуарда Зюсса поводом для превосходной работы о геологическом строении Восточной Африки. На самую вершину Кении первому удалось подняться английскому географу Маккиндеру в 1899 году.

Земля Сомали долгое время принадлежала к самым недоступным областям Африки, и находилось очень мало желающих исследовать эту страну. Гибель некоторых экспедиций, в особенности гибель экспедиции Декена у Бардеры на Джубе, пугала многих исследователей, и лишь в 1892 г. путешественник Дендес вновь попытался проникнуть в эту область. Первое большое путешествие в глубь земли Сомали предпринял в 1884 г. Ф. Л. Джемс, который с севера, через реку Веби, достиг 5° 25′ сев. шир., но все-таки не мог пересечь всю страну.

Большая заслуга по исследованиям внутренней области Сомали до реки Омо и озера Рудольфа принадлежит итальянцам. Итальянские исследователи, Бауди ди Весме и Кандео, достигли в 1891 году Огадена; Русполли проник почти до берегов озера Стефании, а Брикетти Робекки в 1890 г. исследовал прибрежную область Сомали к югу от мыса Гвардафуй, и впоследствии во второе свое путешествие прошел всю землю Сомали от Магадоксо до Берберы. Но особенно значительны по своим научным результатам были путешествия Витторио Боттего. В 1892 г. Боттего выехал из Берберы на северном берегу Сомали и добрался до юго-восточного берега Сомали и устья реки Джубы. В 1895 г. Боттего удалось достигнуть озера Рудольфа и проникнуть в пределы области Собата. К сожалению, Боттего не удалось закончить свои исследования. Он был убит туземцами в 1897 году к югу от Фадази, между областью Собата и Голубым Нилом.

Одновременно с итальянцами исследованием земли Сомали занимались и ученые других наций. Так, в 1894—1895 г.г. по Сомали совершил большое путешествие американец Дональдсон Смит. В 1896—1897 г.г. здесь производил исследования англичанин Кавендиш. Весьма важным было также большое путешествие Уэльби, который, направляясь из новой абиссинской столи-

цы к западу, достиг не только Собата, но и Омдурмана. Ввиду политических целей французские путешественники нашего времени также начали обращать внимание на Сомали, стараясь всюду, где только возможно, установить связь между французской колонией Обок и областью Убанги. Один из французских путешественников, маркиз де Боншан, проник почти до Белого Нила и исследовал систему реки Собата. Почти вся экспедиция была перебита туземцами, и сам Боншан погиб от лихорадки. Из многочисленной и хорошо снаряженной экспедиции уцелело только два человека—капитан Фавр и художник Поттер.

Одновременно с экспедицией Боншана со стороны Атлантического океана отправилась экспедиция капитана Маршана. Обе эти экспедиции должны были встретиться на берегах Белого Нила и закрепить за Францией области по Белому Нилу. Капитан Маршан после необычайных трудностей добрался до Фашоды на Белом Ниле и занял ее, но по требованию англичан французы должны были очистить Фашоду.

В связи с экспедицией Маршана в Фашоду мы должны упомянуть о необычайно трудном путешествии через Эфиопию на берега Белого Нила русского путешественника, полковника генерального штаба, Леонида Константиновича Артамонова. Л. К. Артамонов, прибыв в 1898 г. в Абиссинию во главе русской дипломатической миссии к негусу Менелику, по просьбе Менелика отправился на берега Белого Нила через всю Эфиопию, чтобы присутствовать при предполагаемом размежевании границ между Францией и Абиссинией.

Отправившись в сопровождении двух казаков Василья Щедрова и Василья Архипова, вызвавшихся сопровождать Артамонова добровольно, Л. К. Артамонов под охраной отряда из 20 чернокожих, прошел свыше 2.000 километров по почти непроходимым дебрям Африки, где никогда не ступала еще нога европейца, где климат убийственен не только для белого человека, в особенности для русских, но и для туземцев.

После 46-дневного путешествия по горам и лесам, среди диких и враждебно настроенных чернокожих, экспедиция Артамонова встретилась с отрядом абиссинского полководца Тасамы, охранявшего границы Абиссинии. Вместе с этим отрядом Артамонов и его два казака вышли на верховья Белого Нила, на сто верст выше Фашоды.

Не дождавшись Маршана, Артамонов отправился в обратный путь в сопровождении нескольких чернокожих. Во время своего путешествия Артамонов произвел целый ряд метеорологических наблюдений и определил положение местностей над уровнем моря. Благодаря этому он мог построить профиль всего своего пути от берега Красного моря до Белого Нила на про-

тяжении свыше 2.500 километров. За свои исследования Н. К. Артамонов получил награду от Русск. Географ. Общества.

Что касается третьей мало исследованной области в Африке— области Мандингов между средним Нигером и морским побережьем,—то большое число позднейших путешественников, французских, германских и английских, достаточно выяснили строение и природу этой области. В 1887 г. французский путешественник Карон проехал по Нигеру на военной шлюпке до Тимбукту, после него в 1889 г. такое же путешествие совершил Жем. Эти два путешественника составили подробную карту верхнего течения Нигера. Ниже Тимбукту Нигер исследовал французский офицер Гурст, который предпринял в 1896 г. путешествие по Нигеру от Тимбукту до его устья.

К востоку от Нигера, к озеру Чад, в последние десятилетия предпринимались лишь немногие экспедиции; из этих экспедиций наиболее важными являются экспедиции Гартерта и Штаудингера в 1886—87 г.г., Робинсона и Уоллеса и Монтейля, о путешествии которого мы уже упоминали выше. Монтейль проехал в 1890—1892 г.г. всю Северную Африку от Сен-Луи на Сенегале до селения Куки на озере Чад; отсюда Монтейль пересек всю великую пустыню и достиг берегов Средиземного моря. Внимание германских путешественников было обращено, главным образом, на колонию Камерун, хотя долгое время германские исследователи в Камеруне ограничивались лишь прибрежными областями и не решались проникать далеко в глубь страны. Лишь в 1893 г. фон-Штеттен достиг владений султана Тибати и прошел через Иолу. В 1894 г. Пассарж и фон-Ихтриц направились вверх по Бенуэ и исследовали область Адамауи до Нгаундере. В 1897 г. Карнап-Квернгеймб прошел от побережья до Санги.

В заключение нашего обзора путешествий по Африке мы можем бросить только беглый взгляд на прочие области «черного материка». Многие части Африки, в особенности Алжир, Тунис и Капская область, в наше время настолько исследованы, что в этих странах географу-исследователю нет возможности сделать новые открытия. Но, насколько известны обитаемые части Алжира, настолько еще неисследована внутренняя область примыкающей к Алжиру Сахары. Уже десять раз неутомимый Фердинанд Фуро пробовал проникнуть в центральные области пустыни и установить прочные сношения с туарегами. Ему не удалось достигнуть этой цели, но многочисленные наблюдения, какие он собрал во время своих путешествий, имеют для географии большую ценность. Только во время его десятой экспедиции Фуро удалось проникнуть до границ Судана. Гораздо менее Алжира и Туниса известны Триполи и область Барка, а также Марокко. В Марокко еще до сих пор не исследованы многие области,

хотя исследования Джозефа, Томсона, Фуко, Рейна, Гарриса и Фишера способствовали в большой степени научному познанию Марокко.

Было бы очень долго и утомительно перечислять имена всех путешественников, которые в последние годы производили открытия и исследования в колониальных владениях Англии, Франции и Германии; поэтому мы ограничимся лишь указанием, что на этом поприще трудились представители всех заинтересованных стран, выясняя географические условия африканских колоний, их естественные богатства и т. п. Тем не менее, Африка требует еще бесконечно много научного труда во всех отношениях. Каждая географическая задача, которая казалась уже решенной, порождает множество новых вопросов и открывает новые пробелы в географии этих областей. Заполнить эти пробелы и создать общую и подробную географию «черного материка» и является великой задачей географов-исследователей XX столетия.

Мировая война 1914—1919 г.г. прервала научное исследование «черного материка», и только в 1922 г. были снова предприняты географические экспедиции в малоисследованные области Африки. Одной из таких выдающихся экспедиций является экспедиция Гаардта и Одуэна-Дюбрейля. Этим путешественникам удалось пересечь с севера на юг великую африканскую пустыню — Сахару. Попытки пересечь Сахару были еще и до войны, но все они оканчивались неудачей. Гаардт и Одуэн-Дюбрейль решили совершить путешествие через Сахару на так называемых «автомобилях-гусеницах», которые стали применяться на войне. Эти автомобили представляют нечто среднее между простым автомобилем и нашумевшими «танками»; их колеса вращаются в металлической панцырной ленте, которая не дает автомобилю завязнуть в песке или в грязи и помогает подниматься на горы.

Экспедиция выехала из находящегося на границе Сахары местечка Туггурта (в Алжире) на четырех автомобилях-гусеницах и сделала всего около 3.200 километров по пустыне, причем около 1.500 километров экспедиции пришлось ехать по каменистому плоскогорью, пересеченному в многих местах ущельями. 6 января 1923 г., после почти месячного путешествия, экспедиция благополучно добралась до города Тимбукту, находящегося на южной границе Сахары. Несомненно, по следам Гаардта и Одуэна-Дюбрейля направится целый ряд экспедиций для исследования Сахары и для выяснения возможности проведения через нее железной дороги, вопрос о которой уже поставлен на очередь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Исследование Азии в девятнадцатом столетии.

I.

Исследование азиатского материка в XIX столетии.— Научные экспедиции в Сибирь.—Путешествие в Сибирь Александра Гумбольдта.—Путешествие по Сибири и Дальнему Востоку Миддендорфа.— Экспедиция Маака.

История географического исследования Азии имеет много общего с историей исследования Африки. Огромный материк Азии до XIX столетия был также почти неизвестен европейцам, за исключением лишь немногих областей Малой Азии, Индии и Китая. Научное и всестороннее исследование азиатских стран началось лишь в XIX веке. В Азию, так же как и в Африку, направились многочисленные исследователи-путешественники, которым здесь приходилось также преодолевать тысячи различных препятствий. Правда, трудность исследования Азии зависела не столько от природы самой страны, сколько от враждебного противодействия туземцев. В то время как в Африке путешественнику-исследователю приходилось бороться, главным образом, с неблагоприятными природными условиями страны, в Азии он сталкивался с враждебно настроенными азиатскими народами, питавшими сильную ненависть к европейцам. Но несмотря на все это, сотни отважных исследователей XIX века проникли в самые отдаленные уголки великого азиатского материка и тщательно выяснили строение почвы, природу и жизнь народов Азии.

В научном исследовании Азии в XIX столетии можно различать два периода: первый период, продолжающийся от начала столетия до середины пятидесятых годов, охватывает все страны, за исключением Средней Азии, Китая, Монголии, Тибета и Японии, а второй период—от средины 50-х годов до начала XX века—характеризуется, главным образом, исследованиями Центральной Азии, Китая, Монголии, Тибета и Японии.

Если мы начнем наш обзор путешествий по Азии с севера, то мы должны констатировать, что наполеоновские войны прервали в начале XIX столетия исследования северной части Азии, так блестяще начатые русскими в конце XVIII века. Лишь в 20-х годах XIX столетия снова возобновляются научные экспедиции в Сибирь. В 1826 г. немецкий ботаник Ледебур предпринял путешествие на Алтай, а в 1828 г. в Сибирь отправился для исследований норвежец Ганстен в сопровождении немца Эрмана. Многочисленные определения географических долгот и широт различных пунктов Сибири, произведенные этими исследователями, послужили основными данными для картографов при составлении географических карт Сибири. После Ганстена и Эрмана с целью дополнить исследование этих путешественников, предприняли путешествие по Сибири ученые Фусс, Федоров и Лессинг. Но самые ценные научные результаты были добыты благодаря исследованиям трех выдающихся ученых первой половины XIX столетия — Александра Гумбольдта, Густава Розе и Эренберга.

Путешествие Гумбольдта, Розе и Эренберга по Азии является одним из самых важных фактов в истории географической науки, так как Гумбольдт собрал во время этого путешествия много научных материалов, и тогда же у него зародились многие идеи, которые он затем и изложил в своем знаменитом произведении «Космос», а также и в своей классической книге о «Центральной Азии».

Гумбольдт и его спутники проехали в 1829—1830 г.г. через весь Урал, пересекли Барабинскую степь и достигли границ Китая. На обратном пути они спустились по Иртышу и затем через Омск и Оренбург достигли берегов Каспийского моря, откуда направились в Москву.

После поездки Гумбольдта по Сибири русское правительство стало обращать больше внимания на свои азиатские владения и начинает посылать одну экспедицию за другой в необозримые пространства Сибири. Среди путешественников в Сибирь в первую половину девятнадцатого века особенно выделяется Александр Федорович Миддендорф, который в 1842 г. произвел исследование Таймырского полуострова, а в 1843 г. совершил большое путешествие по всей Восточной Сибири и

Амурской области, произведя огромное количество географических, геологических и метеорологических наблюдений.

Полуостров Таймыр—крайний северный пункт азиатского материка—не был посещаем путешественниками с половины XVIII века, когда Пронгищев и Челюскин определили его очертания. Миддендорф решил исследовать этот огромный полуостров и, достигнув 71° сев. широты прожил здесь, в компании своего спутника, топографа Ваганова, несколько месяцев. Что пришлось испытать и перенести исследователям в негостеприимной полярной стране,—об этом можно прочитать в книге самого Миддендорфа «Путешествие на север и на восток Сибири».

Но еще труднее было путешествие Миддендорфа по восточной Сибири и по Амурской области. В это путешествие Миддендорф отправился через Енисейск и Иркутск в Якутск, а оттуда перебрался на Шантарские острова в Охотском море. С этих островов Миддендорф на небольшой байдаре, в сопровождении нескольких спутников, совершил плавание к устью реки Тугура, откуда отправился через дикие пустыни Станового хребта к пункту соединения Шилки и Аргуни, т.-е. к началу Амура. Путешествие это было очень трудно. В то время Амурская область не принадлежала России и представляла собой совершенно дикую страну. Путешествие по пустынной области совершалось при невыносимых морозах и буранах, и однажды Миддендорфу с своими спутниками пришлось провести целых восемнадцать дней под снегом. Только упорство и энергия спасли путешественников от гибели. Результаты путешествия Миддендорфа были очень ценны.

Экспедиция Миддендорфа послужила началом целого ряда путешествий для исследования Сибири и Дальнего Востока. В 1854 г. Русским Географическим Обществом была послана «Большая Сибирская экспедиция», в состав которой входили Шварц, Шмидт, Глен, Усольцев, Брылкин и др. Эта экспедиция продолжалась целых пять лет, и за этот промежуток времени было определено 110 астрономических пунктов, сделано 20.000 километров маршрутной съемки, собрана масса данных по географии, орографии и гидрографии обширного пространства от границ Томской губернии до острова Сахалина и от верховьев реки Енисея до предгорий, подходящих к долине реки Лены.

Для более успешного исследования Сибири в 1851 г. в Иркутске было учреждено «Сибирское отделение Русского Географического Общества», которое впоследствии распалось на два отдела: «Восточно-Сибирский» и «Западно-Сибирский»». По инициативе и при помощи этого отдела было организовано много научных экспедиций для разрешения тех или иных географических вопросов. Так, в 1854 г. была организована так называемая

Вилюйская экспедиция. Вилюйский край был одним из наименее известных в Восточной Сибири, и задачей экспедиции было исследование долины Вилюя и, в частности, верховьев этой реки, богатых залежами соли и цветных каменьев. Экспедиция была поручена Р. К. Мааку, который отправился в путешествие с тремя своими сотрудниками. Путешествие продолжалось с начала 1854 г. до конца 1855 г. Маак в короткое северное лето не мог сделать много исследований, и поэтому ему приходилось путешествовать зимой по диким пустынным местам—приходилось ночевать под открытым небом, зарываясь в снег. По глубокому снегу путешественники делали с трудом по 10—15 километров в сутки и «каждый из нас,—говорит Маак,—ложась вечером спать под открытым небом и смыкая от усталости очи, не надеялся уж более открыть их»...

А. Ф. Мидденлорф.

«Между тем, рассказывает Маак, морозы становились все сильнее и начали принимать чудовищные размеры: от холода разрывались стволы толстых деревьев, земля давала трещины, несколько влажное дерево становилось несравненно тверже железа, и топор не рубил его, а сам при ударе разлетался вдребезги, как стекло; ртуть в термометрах давно застыла, и производить какие-либо работы были положительно физически невозможно. К тому же какая-то сырость воздуха делала стужу еще более невыносимой; замерзшие пары наполняли воздух, как мушкарой, мелкими иглами, что, все вместе взятое, при малейшем ветре становилось, поистине, убийственно нестерпимым».

Чрезмерные усилия, соединенные с путешествием, отразились на здоровье всех четырех путешественников; спутники Маака вскоре умерли, а здоровье его самого было сильно подорвано. Однако, несмотря на это, Маак по возвращении принял новое поручение Сибирского отдела, а именно путешествие по Амуру, который в то время был только что присоединен к России. Это путешествие продолжалось с апреля 1855 г. по январь 1856 г.

Отчет об этом путешествии был издан в 1859 г. большим томом с альбомом рисунков, карт и планов. Эта была первая книга об Амурском крае.

Одновременно с экспедицией Маака на Амур была отправлена по инициативе Академии Наук другая экспедиция под руководством Леопольда Шренка. Шренк путешествовал по Амуру в 1854—56 г.г. и издал о своем путешествии обширный труд, посвященный исключительно естественно-историческим наблюдениям.

В то же время совершено было несколько частных исследований, исполненных членами Сибирского отдела; очень много экспедиций предпринималось по инициативе частных лиц, для практических целей. Так, в 60-х годах Сибирский отдел Географического Общества присоединился к предложениям енисейских и олекминских золотопромышленников дать средства для научного исследования малоизвестных местностей, которые представляли особый практический интерес для золотого промысла. Так образовались экспедиции—Туруханская и Олекминско-Витимская. Участниками первой экспедиции Лопатиным и Щаповым были собраны обширные материалы по геологии, флоре, фауне и этнографии Туруханского края. Олекминско-Витимская экспедиция была поручена молодому офицеру П. А. Кропоткину, который собрал также богатые данные для картографии, геологии, ботаники и зоологии. Ввиду замечательной личности самого П. А. Кропоткина мы остановимся на его путешествиях несколько подробнее.

II.

Исследователь Восточной Азии — П. А. Кропоткин.

П. А. Кропоткин является не только ученым-путешественником, но и в высшей степени замечательным человеком. Говоря о нем, известный датский писатель Георг Брандес пишет: «Многие совершили великое дело, хотя и не жили великой жизнью, многие люди интересны, хотя жизнь их, может быть, ничтожна и банальна. Жизнь Кропоткина в одно и то же время велика и интересна».

П. А. Кропоткин родился в 1842 году в Москве. Он происходил из древнего княжеского рода, ведущего свое происхождение от Рюрика. Предки Кропоткина были великими князьями Смоленскими. В 1857 г. П. А. был отдан в Пажеский корпус в Петербурге, который он и окончил в 1862 году. В 1861 г. Кропоткин был произведен в фельдфебели Пажеского корпуса и был назначен камер-пажем Александра II.

По выходе из Пажеского корпуса перед молодым Кропоткиным открывалась блестящая «карьера»; ему было предложено избрать любой гвардейский полк для службы. Но Кропоткин

Петр Алексеевич Кропоткин.

чувствовал мало влечения к военной службе и мечтал посвятить свою жизнь науке. Но так как на поступление в университет у него не было надежды, то он решил было поступить в артиллерийскую академию. В это время в Петербурге

начиналась реакция. В виду этого Кропоткин решил покинуть столицу.

«Я все более и более,—пишет Кропоткин в записках о своей жизни,—останавливался на мысли о Сибири. Амурский край тогда только что был присоединен к России. Я много читал об этом Миссисипи Дальнего Востока, о горах, прорезываемых рекою, о субтропической растительности Уссури, и мысленно переносился дальше, к тропическому поясу, так чудно описанному Гумбольдтом, и к великим обобщениям Риттера, которыми я так увлекался. Кроме того, я думал, что Сибирь—бесконечное поле для применения тех реформ, которые выработаны или задуманы. Там, вероятно, работников мало и я легко найду широкое поприще для настоящей деятельности»...

Под влиянием таких мыслей Кропоткин, к величайшему изумлению своих товарищей и начальников и к немалому огорчению своих родственников, выбрал местом своего служения один из казачьих амурских полков. После долгих хлопот со своими родственниками и многочисленных объяснений с начальством, Кропоткин настоял все-таки на своем и отправился на Дальний Восток.

Целых пять лет провел Кропоткин в Сибири, которая оказалась для него прекрасной жизненной школой. «Я,—пишет Кропоткин,—приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и самыми худшими, с теми, которые стоят на верху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и колотится на последних ее ступенях: с бродягами и так называемыми неисправимыми преступниками. Я имел полную возможность наблюдать крестьян в их ежедневной жизни и еще большую возможность убедиться, как мало может дать им правительство... Наконец, мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более семидесяти тысяч верст на перекладных, на пароходе, в лодке, а главным образом верхом—удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало, в действительности, нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумах, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеже нарезанного молодого листвяка,—человек чувствует себя удивительно независимым, даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом или же покрытых глубоким снегом»...

В 1863 году Кропоткин совершил свое первое путешествие по Амуру. Он был послан во главе каравана с солью, мукой и другими товарами, предназначенными для русских колонистов на Амуре. Сдав баржи с провиантом в Благовещенск, Кропоткин

отправился вниз по Амуру в проспой почтовой лодке. «Середина этой лодки,—пишет Кропоткин,—открыта навесом, как кибитка, а на носу стоит ящик, набитый землею, на которой разводят огонь. Гребцов у меня было трое. Нам приходилось торопиться, и мы гребли поочередно весь день, а ночью предоставляли лодке плыть по течению, держа ее по средине реки. Я сидел на корме часа три или четыре, чтобы удерживать лодку в фарватере и не угодить в проток. Эти ночные дежурства были полны невыразимой прелести... Лишь те, которые видели Амур или знают Миссисипи и Ян-тзе-кианг, могут себе представить, какой громадной рекой становится Амур после слияния с Сунгари, и какие громадные волны ходят по реке в непогоду. В июле, во время проливных дождей, обусловленных муссонами, вода в Сунгари, Уссури и в Амуре страшно поднимается. Полая вода заливает или же смывает тысячи островов, поросших тальником. Река достигает трех, а в некоторых местах даже семи верст ширины и заливается в озера, которые тянутся цепью по сторонам главного русла. Свежий восточный ветер разводит на реке и в протоках невероятное волнение. Еще хуже, когда с Китайского моря налетит тайфун»...

Таким образом Кропоткин проплыл по Амуру более полутора тысяч километров. Возвратившись из этого путешествия в Иркутск, Кропоткин был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В это же время он получил предложение от Географического Общества заняться географическими исследованиями Манчжурии. Ввиду того, что китайское правительство неохотно пропускало русских через границу, а тем более могло совершенно не пропустить лицо, принадлежащее к составу русских властей, решено было организовать торговую экспедицию, и Кропоткину пришлось участвовать в ней в роли торговца. «Нас было—рассказывает об этом путешествии Кропоткин—кроме меня одиннадцать казаков да один тунгуз, все верхами. Мы гнали на продажу косяк в сорок лошадей и имели две повозки, из которых одна одноколка принадлежала мне. В ней я вез на продажу сукно, плис, позументы и тому подобные товары. Мы выбрали старшиной каравана одного казака для дипломатических переговоров с китайскими властями. Все казаки говорили по-монгольски, а тунгуз понимал по-манчжурски. Казаки, конечно, знали, кто я; один из них видел меня в Иркутске; но никто не выдал меня, так как все понимали, что от молчания зависит успех предприятия. На мне был такой же синий бумажный халат, как и на остальных казаках, и китайцы до такой степени не замечали меня, что я мог свободно делать съемку при помощи бусоли. Только в первый день, когда нас осаждали всякого рода китайские солдаты в надежде полу-

чить чашку водки, я должен был украдкой справляться с буссолью и записывать засечки и расстояния в кармане, не вынимая бумаги. Когда китайские солдаты убедились, что больше водки не получат, они оставили нас одних. И мы пошли на восток, пробираясь, как умели, в горах и долинах»...

Через несколько дней Кропоткин со своими спутниками переваливал через горный хребет Хинган и узнал от одного старого китайца, что отсюда все реки текут в Амур. «Сильное волнение— пишет Кропоткин—охватило весь наш караван. «Отсюда реки текут уже в Амур!»—восклицали казаки. Постоянно они слышали от стариков про великую реку, по берегам которой растет в диком виде виноград и тянутся на сотни верст степи, могущие дать богатства миллионам людей. Когда реку присоединили к России, казаки слышали про далекий путь до нее, про затруднения первых засельщиков и про благосостояние родственников, поселившихся в верховьях Амура. И теперь мы нашли к его берегам короткий путь!.. Всякий путешественник легко представит себе мой восторг при виде этого неожиданного географического открытия»...

На дальнейшем своем пути караван был задержан китайскими властями. Китайский чиновник потребовал от путешественников паспорта и хотел послать в Пекин, заставляя Кропоткина и его спутников ждать, пока придет из Пекина разрешение пропустить караван в Манчжурию. «Мы—говорит Кропоткин—наотрез отказались. Тогда старик-чиновник стал придираться к нашему паспорту.

— «Что это за паспорт?—говорил он, глядя с презрением на несколько строк по-русски и по-монгольски, написанных на обыкновенном листе писчей бумаги и скрепленных простой сургучной печатью.— Вы сами могли написать его и припечатать пятаком. Вы взгляните на мой паспорт»! Он развернул перед нами лист в 2 фута длиной, весь исписанный китайскими знаками.

«Я спокойно сидел в стороне во время совещания и укладывал что-то в сундук, когда мне попался номер «Московских Ведомостей», на которых, как известно, помещается государственный герб. «Покажи это ему»—сказал я старшине. Он развернул громадный лист и показал на орла. «Неужто тут все про вас написано?»—с ужасом спросил старик. «Да, все про нас»,— ответил, не моргнув даже глазом, наш старшина. Старик, как настоящая приказная крыса, был совершенно ошеломлен такой массой письма; покачивая головой, он поглядывал одобрительно на каждого из нас».

Убедив таким образом китайского чиновника, Кропоткин с казаками через несколько дней были в Мергене и вскоре добрались до китайского города Айгунь на правом берегу Амура.

Заканчивая описание этого путешествия, Кропоткин говорит: «Не могу сказать, чтобы я проявил большие коммерческие таланты: в Мергене я, например, упорно запрашивал (на ломаном манчжурском языке) за часы 35 рублей, тогда как китаец давал за них 45; но казаки торговали отлично. Они продали с большой выгодой всех своих лошадей. А когда были проданы и мои кони, товары и палатка, то оказалось, что экспедиция обошлась правительству всего в 22 рубля»... Между тем это путешествие Кропоткина имело большое научное значение; помимо того, что Кропоткин открыл прямой путь на Амур через Хинганский хребет, он исследовал третичные вулканы округа Уйюн Холдондзи, долго составлявшие для географов загадку.

После этой экспедиции Кропоткин продолжал свои исследования Амура. Он спустился до самого устья Амура; сделал затем поездку вместе с генерал-губернатором вверх по Уссури, а осенью 1864 г. поднялся по Сунгари до самого сердца Манчжурии—города Гирина. Экспедиция эта вполне удалась, и Кропоткин составил карту этой неизвестной еще в то время русским реки и дал описание условий судоходства по ней. Это путешествие было связано с большой опасностью, так как у китайских властей было свежо в памяти, как 8 лет перед этим «посещение» Амура генерал-губернатором Муравьевым окончилось присоединением Амура и Уссури. Вследствие этого китайские власти встретили путешественников враждебно и запретили торговать в Гирине. Путешественники останавливались во многих китайских деревнях, где население встречало их довольно дружелюбно. Говоря об этом путешествии, Кропоткин вспоминает: «Остался у меня в памяти, в особенности, один вечер. Мы остановились у одной живописной деревеньки. Некоторые из нас сошли на берег и отправились бродить по деревне. Вскоре меня окружила толпа не менее чем в сотню китайцев. Хотя я не знал ни слова по-китайски, а они столько же по-русски, но мы оживленно и дружелюбно болтали (если только это слово применимо здесь) при помощи знаков и отлично понимали друг друга. Решительно все народы понимают, что значит, если дружелюбно потрепать по плечу. Предложить друг другу табачок или огоньку, чтобы закурить, тоже очень понятное выражение дружеского чувства. Одна вещь, в особенности, повидимому, интересовала китайцев: почему у меня борода, хотя я такой молодой? Им позволяется отращивать растительность на подбородке в 60 лет. Я объяснил китайцам знаками, что, в случае крайности, могу питаться бородой, если нечего будет есть. Шутка была понята и немедленно передана от одного другому. Китайцы заливались от смеха и еще более дружелюбно принялись трепать меня по плечу. Они водили меня к себе, показывали дома, каждый пред-

лагал свою трубку, а затем вся толпа дружески проводила меня до парохода»...

В 1865 году Кропоткин предпринял новое путешествие по Сибири. На этот раз он исследовал Саянские горы. «Здесь—пишет Кропоткин—у меня прибавилось еще несколько новых данных для построения схемы орографии Сибири, и я также нашел другую важную вулканическую область, на границе Китая, к югу от Окинского караула. Наконец, в 1866 г. Кропоткин предпринял далекое путешествие, чтобы открыть прямой путь из Забайкалья на Витимские и Олекминские золотые прииски. В продолжение нескольких лет (1860—1864 г. г.) участники «большой Сибирской экспедиции», о которой мы упоминали выше, пытались найти этот путь и пробовали пробраться через параллельные ряды диких каменных хребтов, отделяющих золотые прииски от Забайкальской области. Но когда исследователи подходили с юга к этим грозным твердыням, заполняющим страну на несколько сот километров к северу, то все они (кроме одного, убитого туземцами) вынуждены были возвращаться назад. Кропоткин, видя эти неудачи, решил пробраться через эти горы с севера на юг.

«Когда я готовился к экспедиции—пишет Кропоткин—мне попалась среди другого материала небольшая карта, вырезанная одним тунгузом ножом на куске бересты. Эта берестяная карта так поразила меня своей очевидной правдоподобностью, что я вполне доверился ей и выбрал путь, обозначенный на ней. Вместе с молодым талантливым зоологом И. С Поляковым и топографом П. Н. Машинским, мы спустились вначале по Лене и проехали затем горной тропою к Олекминским приискам. Там мы снарядили экспедицию, забрали с собой провизии на 3 месяца и тронулись на юг. Старый промышленник-якут, который 20 лет тому назад прошел путем, указанным тунгузом на бересте, взялся быть нашим проводником через горы, занимавшие почти 400 верст в ширину, следуя долинами рек и ущельями, отмеченными на карте. Он, действительно, выполнил этот удивительный подвиг, хотя в горах не было положительно никакой тропы... На этот раз мы нашли путь с Олекминских приисков в Забайкалье. Три месяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной стране и по болотистому плоскогорью, пока, наконец, добрались до цели наших странствований, до Читы»...

После этого путешествия у Кропоткина стали складываться географические обобщения о строении Сибирских гор. «Путешествия по Сибири—говорит Кропоткин—убедили меня, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совершенно фантастически и не дают никакого представления о строении страны. Составители карт не подозревали тогда даже суще-

ствования обширных плоскогорий, составляющих столь характерную черту Азии. Вместо них обозначили несколько великих горных кряжей... Много таких не существующих хребтов бороздили карту Северной Азии по всем направлениям. Мое внимание теперь, в продолжение нескольких лет, было поглощено одним вопросом—открыть руководящие черты строения нагорной Азии и основные законы расположения ее хребтов и плоскогорий. Долгое время меня путали в моих изысканиях прежние карты, а еще больше обобщения Александра Гумбольдта, который, после продолжительного изучения китайских источников, покрыл Азию сетью хребтов, идущих по меридианам и параллельным кругам. Но, наконец, я убедился, что даже смелые обобщения Гумбольдта не согласны с действительностью»...

Чувствуя, что научная деятельность является настоящим его призванием, Кропоткин оставил военную службу и решил посвятить себя научной работе. В 1867 г. он приехал из Сибири в Петербург, где и поступил в университет на физико-математический факультет, усердно продолжая в то же время заниматься географией. После нескольких лет занятий интересовавшим его вопросом, Кропоткин пришел к выводу, что «основные хребты Азии тянутся не с севера на юг и не с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток, точно так же, как Скалистые горы и нагорья Северной Америки тянутся с северо-запада к юго-востоку. Одни только второстепенные хребты убегают на северо-запад. Далее, горы Азии — отнюдь не ряды самостоятельных хребтов, как Альпы, но окаймляют громадное плоскогорье, бывший материк, который направлялся когда-то от Гималаев к Берингову проливу. Высокие окраинные хребты вырастали вдоль его берегов, и с течением времени террасы, образованные новейшими осадками, поднимались из моря, увеличивая основной материк Азии в ширину».

Свои выводы о строении Сибирских и вообще Азиатских гор Кропоткин изложил в большом очерке, который и был напечатан в 1876 г. в «Записках Русского Географического Общества». Впоследствии это сочинение Кропоткина было переведено на французский язык. Кроме того, несколько статей по этому вопросу Кропоткин поместил позднее в английском «Географическом Журнале» и в английской энциклопедии Чемберса. Эту свою работу, имеющую, действительно, важное научное значение, Кропоткин считает главным своим вкладом в географическую науку.

Благодаря выдающимся заслугам Кропоткина в области географии Русское Географическое Общество избрало его в 1868 г. на должность секретаря отделения физической географии. В этой должности Кропоткину приходилось много работать. В это время он познакомился со многими выдающимися учеными и

путешественниками, как напр., с Северцовым, с Федченко, с Миклуха-Маклаем, Пржевальским и др. Множество вопросов было выдвинуто географами того времени, и секретарю отделения, конечно, приходилось всегда быть в курсе их. Из этих вопросов Кропоткина особенно интересовал вопрос о морском пути из Европы в Сибирь. По этому вопросу Кропоткин составил обстоятельное исследование и высказал предположение, что к северу от Новой Земли должны быть еще не открытые острова. (Впоследствии, действительно к северу от Новой Земли были открыты несколько больших островов, получивших название Земли Франца Иосифа.) Благодаря своему докладу о северном морском пути, Кропоткин получил от Географического Общества предложение стать во главе полярной экспедиции, но эта экспедиция не состоялась за недостатком средств.

Вместо этого Кропоткин был командирован Географическим Обществом в Финляндию и Швецию для исследования ледниковых отложений. Это исследование натолкнуло Кропоткина на новые обобщения. «Когда я всматривался в холмы и озера Финляндии — пишет Кропоткин — у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я видел, как в отдаленном прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу и медленно расползлись до ее центра. Жизнь тогда исчезала в этой северной части северного полушария и, жалкая, неверная, отступала все дальше и дальше на юг пред мертвящим дыханием громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, темный дикарь с великим трудом поддерживал непрочное существование. Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таяние льдов и наступил озерный период. Бесчисленные озера образовались тогда во впадинах; жалкая субтропическая растительность начала робко показываться на безбрежных болотах, окружавших каждое озеро; и прошли еще тысячелетия, прежде чем началось крайне медленное высыхание болот, и растительность стала надвигаться с юга. Теперь мы—в периоде быстрого высыхания, сопровождаемого образованием степей, и человеку нужно найти способ, каким образом остановить это угрожающее Юго-восточной Европе высыхание, жертвой которого уже пала Центральная Азия. В то время вера в ледяной покров, достигавший до Центральной Европы, считалась непозволительной ересью; но перед моими глазами возникала величественная картина, и мне хотелось передать ее в мельчайших подробностях, как я ее представлял себе. Мне хотелось применить эту картину, как ключ к современному распространению флоры и фауны, и открыть новые горизонты для геологии и физической географии»...

В это же время Кропоткин наметил себе и другую научную задачу. «В Географическом Обществе — говорит он — через мои руки проходили всевозможные ценные материалы относительно географии России. Мало-по-малу у меня начала складываться мысль написать пространную физическую географию этой громадной части света, уделяя при этом видное место экономическим явлениям. Я намеревался дать полное географическое описание всей России, основывая его на строении поверхности — орографии, характер которой я начал себе уяснять после сделанной мною работы о строении Сибири. И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях»...

Как бы отвечая стремлениям и мечтам Кропоткина, Совет Географического Общества осенью 1871 г. решил избрать его главным секретарем Общества и послал ему в Финляндию телеграмму следующего содержания: «Совет просит вас принять должность секретаря Общества»... Научная карьера Кропоткина, казалось, была обеспечена. Но на эту телеграмму, столь отвечавшую его заветным мечтам, Кропоткин послал ответ: «Душевно благодарю, но должности принять не могу»...

Здесь мы подошли к глубокой душевной драме Кропоткина... Сам он так описывает происходившую в его душе борьбу различных стремлений: «Когда я проезжал в финской одноколке по равнине, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходил с молотком на плечах от одной баластной ямы к другой, я мог *думать*, и одна мысль все более и более властно захватывала меня, гораздо сильнее геологии. Я видел, какое громадное количество труда затрачивает финский крестьянин, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думал: «Хорошо, я напишу физическую географию этой части России и укажу лучшие способы обработки земли. Вот здесь американская машина для корчевания пней принесла бы громадную пользу. А там наука могла бы указать новый способ удобрения... Но что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой? Когда арендная плата за эту усеянную валунами землю растет с каждым годом, по мере того, как крестьянин улучшает почву! Он грызет свою твердую, как камень, ржаную лепешку, которые печет дважды в год, съедает с ней кусок невероятно соленой трески и запивает снятым молоком... Как смею я говорить ему об американских машинах, когда на аренду и подати уходит весь его заработок!...»

А за этими мыслями шли другие, столь же властные и требовательные. «Знание—могучая сила. Человек должен овладеть им. Но мы уже и теперь знаем много. Что, если бы это знание,

и только это, стало достоянием всех? Разве сама наука тогда не подвинулась бы быстро вперед? И сколько новых изобретений сделает тогда человечество и насколько увеличит оно тогда производительность общественного труда! Грандиозность этого движения вперед мы даже теперь уже можем предвидеть. Массы хотят знать. Они хотят учиться, они могут учиться. Вон там на гребне громадной морены, тянущейся между озерами, стоит финский крестьянин и погружен в созерцание расстилающихся перед ним прекрасных вод, усеянных островами. Ни один из этих крестьян, как бы забит и беден он ни был, не пройдет, не остановившись, не залюбовавшись, мимо этого места. Или вон там на берегу озера стоит другой крестьянин и поет что-то до того прекрасное, что лучший музыкант позавидовал бы чувству и выразительности его мелодии. Оба крестьянина чувствуют, оба созерцают, оба думают. Они готовы расширить свое знание,—только дайте его им, только предоставьте им средство завоевать себе досуг. Вот в каком направлении мне следует работать, и вот те люди, для которых я должен работать. Все эти звонкие слова насчет прогресса, произносимые в то время, когда сами деятели прогресса держатся в стороне от народа, все эти громкие фразы—одни софизмы. Их придумали, чтобы отделаться от разъедающего противоречия... И я послал мой отказ Географическому Обществу»...

Весною 1872 г. Кропоткин уехал за границу, в Швейцарию, чтобы познакомиться ближе с революционным движением и с идеями *Интернационала*.

В конце того же года он вернулся в Петербург, где вошел в сношения с кружком Чайковского, а затем под видом «богомаза», т.-е. иконописца, решил отправиться «в народ». В 1873 г. он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В начале 1876 г. его перевели по слабости здоровья в Николаевский госпиталь, откуда Кропоткину удалось бежать за границу. С 1876 г., т.-е. целые сорок лет, жизнь и деятельность Кропоткина протекала вне России.

После смерти Бакунина Кропоткин встал во главе международного революционного анархического движения и создал свою теорию анархического коммунизма. Мы не будем останавливаться здесь на этой стороне деятельности П. А. Кропоткина; мы лишь отметим, что, отдаваясь всецело пропаганде и разработке идей анархизма, П. А. Кропоткин уделял свои досуги и свободные часы науке, главным образом, географии.

Около 1880 г. Кропоткин познакомился и близко сошелся с знаменитым географом Элизе Реклю, который работал в это время над своей «Всеобщей Географией». Реклю, ценя географические познания Кропоткина, пригласил его в свои сотруд-

ники и поручил ему обработать материал, касающийся географии России. В 1886 г. Кропоткин поселился в Англии, посещая изредка Бельгию, Швейцарию, Италию, Францию. Живя в Англии, Кропоткин посвятил свое время, главным образом, литературной работе. За этот период им написаны, кроме целого ряда статей и брошюр по социальным вопросам, интересная книга «Поля, фабрики и мастерские» и замечательное исследование «Взаимопомощь, как фактор эволюции». В этом произведении Кропоткин делает важное дополнение к известной теории Дарвина. В то время, как Дарвин считал главным фактором эволюции растительного и животного мира закон «борьбы за существование», Кропоткин говорит, что в мире живых существ, по крайней мере в мире животных, действующим фактором является не одна борьба, но и *взаимная помощь*. Свои выводы он доказывает многочисленными фактами, взятыми как из жизни животных, так и из жизни людей на всех ступенях культуры. Закон «взаимной помощи», как дополнение к дарвиновскому закону «борьбы за существование», в настоящее время разделяется многими биологами. Кроме этих больших работ Кропоткиным написано много статей географического и исторического характера для знаменитой «Британской Энциклопедии» и различных английских журналов.

Революция 1917 г. открыла для П. А. Кропоткина границы его родной страны, и он, после сорокалетнего изгнания, летом 1917 г. вернулся в Россию. Несмотря на свой преклонный возраст, он живо интересовался русской революцией.

С весны 1918 г. он переехал из Москвы в небольшой город Дмитров (Моск. губ.), где и умер 8 февраля 1921 г.

III.

Исследование Японских островов.— Путешествие по Японии Зибольда.

Переходя к юго-восточной части Азии, мы должны сказать, что окаймляющие азиатский материк острова Японии до XIX столетия были почти совершенно неизвестны. Выше мы говорили, что первое известие об Японии привез в Европу в XIII веке Марко Поло. Но этот путешественник говорит лишь очень смутно в своей книге о далекой богатой стране Зипангу, или по-малайски Зипан (это название впоследствии было переделано европейцами в Жапан, Япон или Японию). Мы говорили также, что Колумб, открыв остров Кубу, предполагал, что это и была таинственная Зипангу. Но только спустя полвека после него, а именно в 1543 году, португальские мореплаватели, Мендес

Пинто, Диего Замаито и Борральо, пристали, застигнутые в океане бурей, к острову Танега, на юге архипелага Киу-Сиу. С этого времени между португальцами и японцами установились было мирные торговые сношения. Но вскоре в Японию прибыли миссионеры, и не прошло столетия, как в Японии вспыхнули религиозные войны: христиане были изгнаны или перебиты, и только голландским купцам было дозволено вести торговлю с японцами на острове Десима в Нагасаки.

Хотя и удаленные, как бы сосланные на этот маленький остров, лежащий у юго-западной оконечности Японского архипелага, голландцы сумели, однако, ознакомиться в общих чертах с географией страны, с нравами народа и его жизнью. Мы уже говорили, что находившийся на службе у голландской Ост-Индской компании врач Кемпфер в начале XVII века совершил по Японии большое путешествие и написал обширное сочинение «История Японии».

Почти все XVIII столетие прошло без приобретения новых сведений о Японском архипелаге. И только в 1823 г. голландское правительство в Батавии послало в Нагасаки врача Зибольда, чтобы собрать сведения о природе, населении и государственном строе страны «Восходящего Солнца». Зибольд в течение нескольких лет сам лично, где было возможно, и через посредство своих друзей, японских ученых, выяснил много географических и этнографических вопросов об Японии. Его сочинение об Японии являлось долгое время единственной книгой по географии этой страны.

Со времени японской революции, происходившей в половине 60-х годов, японские гавани были открыты для европейцев, и в Японию направился целый ряд европейских исследователей. Некоторые европейские ученые, поступив на службу к японскому правительству, принесли большую пользу делу изучения страны; из таких ученых особенно выделяются профессор Рейн и Науман, организовавший геологическое исследование страны. В 1876 г. известный русский географ, метеоролог Воейков, совершил путешествие по Гондо в целях метеорологических изысканий. Из других русских ученых исследованием Японии занимался известный географ, Лев Ильич Мечников, который был приглашен в 1874 г. профессором в университет Иеддо. Результатом его знакомства с Японией явилась прекрасно написанная Мечниковым книга «Японская Империя», иллюстрированная собственными рисунками Мечникова в японском стиле. В 1885 г. англичанин Мильн произвел систематическое исследование японских вулканов.

В настоящее время в исследовании этой страны деятельное участие принимают и сами японцы. Японские геологи

Б. Кото, Гарада и Н. Ямасаки произвели большие геологические работы на многих островах своей родины. Японское правительство основало ряд метеорологических станций и других научных учреждений для исследования империи. Японское Географическое Общество с своей стороны поощряет научные исследования. Благодаря всему этому Япония в наши дни является вполне известной, в географическом отношении, страною. Обширные географические монографии, как, например, «География Японии» А. Танаки, стоят на уровне современных требований географической науки и освещают географию страны со всех сторон.

Фердинанд Рихтгофен.

IV.

Исследование Китая в XIX столетии.— Путешествие по Китаю французских аббатов Гюка и Габе.— Исследование Китая Рихтгофеном.

В противоположность Японии, Китай почти до самого последнего времени упорно противился стремлению европейцев проникнуть внутрь обширной страны. Только после того, как в период 1858—60 годов Англия и Франция насильственным образом добились открытия китайских портов для торговли, сделалось возможным предпринять исследование страны. До этого же времени относительно Китая приходилось довольствоваться почти исключительно сообщениями немногих миссионеров. Из католических миссионеров, путешествовавших по Китаю в XIX веке, заслуживают особого упоминания французские аббаты Гюк и Габе, первые из европейцев, которым удалось в 1844 г. проникнуть в «запретный» город Лхассу—столицу Тибета.

Начиная с 1862 г., в Китай снаряжаются многочисленные экспедиции, при чем исследователи вполне естественно придерживались сначала речных бассейнов. Так, английский исследователь Блекистон произвел в 1862 г. съемку Ян-тзе-кианга, а Ней Элиас—нижнего течения Хуанхэ. В период 1862—74 годов

французский исследователь Арман Давид исследовал внутренние области Китая, изучая, главным образом, растительный и животный мир. В это же время американец Пумпелли исследовал север Китая и Манчжурию. Немного ранее Пумпелли по Северной Манчжурии совершил путешествие русский архиепископ Палладий, а в 1861 г. Манчжурию исследовал американский ученый Мичи.

В деле познания Китая особенно ценны исследования немецкого геолога Фердинанда Рихтгофена, который жил в Китае с 1868 по 1872 г. Этот выдающийся исследователь изъездил весь Китай в семи различных направлениях; во время своих путешествий он собрал массу ценных наблюдений. Свои обширные материалы Рихтгофен, тщательно обработав, издал в нескольких томах под заглавием: «Китай, результаты собственных путешествий и исследований». Это сочинение является капитальным трудом по физической географии страны. Рихтгофен, первый из исследователей Китая, занялся изучением столь характерной для Северного Китая почвы—*лесса*, и определением влияния географических условий страны на культурные и торговые особенности жизни китайского населения.

После возвращения Рихтгофена из Китая в Европу, европейские и американские путешественники положительно наводнили Китай. Из числа этих путешественников заслуживают упоминания венгерский исследователь Хольноки, английский консул в Шанхае Кольборн Бэбер и русские путешественники исследователи Пясецкий, Потанин, Обручев и братья Грум-Гржимайло.

V.

Русский путешественник по Китаю — П. Я. Пясецкий.

Одним из первых европейских путешественников по Китаю был русский доктор Павел Яковлевич Пясецкий, написавший о своем путешествии двухтомное сочинение «Путешествие по Китаю». Это сочинение составило автору широкую известность и было вскоре после выхода переведено на французский и английский языки. Русское Географическое Общество наградило Пясецкого за это сочинение большой золотою медалью.

П. Я. Пясецкий родился в Орле. По окончании курса орловской гимназии, Пясецкий поступил в Московский университет. Идеалист по натуре, стремившийся служить народу, Пясецкий избрал себе ту деятельность, которая казалось ему самою высокою изо всех доступных человеку,—деятельность избавителя людей от страданий и болезней, т.-е. врача. Окон-

чив медицинский факультет и защитив блестяще докторскую диссертацию, Пясецкий получил в 1871 г. звание доктора медицины. Но еще будучи студентом старших курсов, Пясецкий начинал чувствовать, что при современном состоянии науки врач-практик может стоять лишь очень далеко от идеала, то-есть от того, чтобы быть всегда могущественным помощником больному человеку, и потому он тогда же избрал для своей будущей деятельности все те отделы медицины, в которых на помощь врачу является хирургия; заветной же мечтой Пясецкого было самому сделаться профессором, так как он чувствовал в себе большую склонность к научным занятиям.

Павел Яковлевич Пясецкий.

Потеряв, однако, надежду сделаться профессором, Пясецкий переселился в 1872 г. в Петербург и поступил врачом в военное ведомство, надеясь получить место флотского врача, чтобы совершить кругосветное путешествие на каком-нибудь военном судне. Мечтая о кругосветном путешествии, Пясецкий стал усиленно готовиться к этому, изучая географию, этнографию, антропологию и иностранные языки.

В 1873 г. Пясецкий был прикомандирован военным министерством к русской торговой экспедиции, отправлявшейся в Китай. Это путешествие в Китай и создало Пясецкому громкое имя, поставив его в ряды выдающихся путешественников-исследователей. Несмотря на непродолжительность путешествия и на самые неблагоприятные условия, в каких приходилось путешествовать Пясецкому, результаты его наблюдений превзошли всякие ожидания. Пясецкий вывез из Китая богатые естественно-исторические и этнографические коллекции и дал подробное и живое описание всего виденного им в Китае. Кроме того, Пясецкий привез многочисленные альбомы рисунков, исполненных им в Китае с натуры. Собранные в Китае зоологические, ботанические и минералогические коллекции были пожертвованы Пясецким музеям Академии Наук и Петербургского университета, а этнографическая коллекция, представляющая целый китайский музей, а также все собственноручные ри-

сунки и замечательная большая картина-панорама пройденного Пясецким пути пожертвованы им Русскому Географическому Обществу.

VI.

Исследователь Китая, Монголии и Тибета — Григорий Николаевич Потанин.

География Северного Китая, Монголии и Тибета много обязана своим развитием неутомимому русскому исследователю Григорию Николаевичу Потанину, который исследовал эти страны в течение целого ряда лет. Григорий Николаевич Потанин родился в Сибири, в Ямышевской станице, 21 сентября 1835 года. Детство свое он провел в Пресновской и Семиярской станицах, близ расстилающейся за Иртышом беспредельной Киргизской степи. Воспитание свое он получил в Омском кадетском корпусе, где окончил курс в 1852 г. В следующем же году он уже принимает участие в первом русском походе в Заилийский край и участвует в закладке города Верного. «Когда военная экспедиция переходила впервые реку Или,—говорит П. П. Семенов в предисловии к книге Потанина,—перед восприимчивым юношей поднялась внезапно из тумана величественная цепь Заилийского Алатау, с ее седыми снежными вершинами: никому еще неизвестная, никем невиданная, она возбудила в талантливом юноше жажду познаний и стремление к исследованию стран неведомых». Уже после этой экспедиции у Потанина явилось желание стать географом-исследователем. Но он чувствовал, что у него мало знаний, и поэтому он решил добраться до столицы и поступить в университет. Средств на поездку в Петербург у него не было, и Потанин из далекой Сибири решил итти в Петербург пешком. На его счастье, в Барнауле он встретил караван с золотом, отправлявшийся в Петербург, и вместе с этим караваном прибыл в столицу. В течение трех лет он усердно слушал лекции в университете, работал в лабораториях, а летом отправлялся в экскурсии для ботанических и геологических исследований.

В 1862 г. Потанин вернулся в Сибирь и вскоре был приглашен астрономом Струве в экспедицию для исследования озера Зайсана и долин Тарбагатая. В 1865 г. Потанин поступил на службу секретарем в томский губернский статистический комитет, но вскоре по обвинению за участие в тайном обществе «Земля и Воля» он был заключен в крепость Свеаборг, затем отправлен в ссылку в г. Никольск, Вологодск. губ. Однако в 1874 г. Потанин был освобожден и в 1876 г. по поручению Русского Географического Общества отправился в Монголию.

С этого времени вплоть до 1893 г. почти вся жизнь Потанина проходит в беспрерывных путешествиях. Первая экспедиция Потанина в Монголию продолжалась 1 год и 5 месяцев. Во время этого путешествия Потанин, в сопровождении своей жены и нескольких человек спутников, проехал на верблюдах и лошадях от Зайсанского поста до города Кобдо, посетил знаменитый Хамийский оазис и перешел через великую пустыню Гоби. Потанину первому из европейцев удалось исследовать эти области, определить географическое положение многих пунктов и нанести их на карты.

Григорий Николаевич Потанин.

В 1879 г. Потанин совершил второе путешествие по северо-западной Монголии. В этом путешествии Потанина также сопро-

вождала жена его, Александра Викторовна, которая и в последующие путешествия делила с мужем трудности исследования диких стран и помогала ему, ведя дневники и записи. Отчеты по этим двум путешествиям по Монголии были напечатаны в 1883 г. под заглавием: «Очерки северо-западной Монголии». Эти очерки содержат описание природы, растительного и животного мира Монголии, а также знакомят с жизнью и бытом монголов.

Русское Географическое Общество оценило труды Потанина и уже в 1883 году предложило ему снова отправиться в Центральную Монголию, избрав маршрут через Пекин, в области Ордос и Ганьсу. Потанин принял это предложение, и 23 августа 1883 г., в обществе своей жены, геодезиста-астронома Скасси и натуралиста-зоолога Березовского, отправился из Кронштадта на военном фрегате «Минин» в Китай. 7 месяцев спустя экспедиция прибыла в Чифу и оттуда в Тянь-цзин. Здесь Потанин запасся всеми необходимыми припасами, наменял китайского серебра и нанял служителей. Из Тянь-цзина экспедиция выехала на лодках вверх по реке Пей-хо. 24 апреля Потанин со своими спутниками прибыл в Пекин.

Из Пекина экспедиция Потанина направилась сначала на юг, и затем повернула на запад и достигла берегов реки Хуанхэ (Желтой). Переехав через эту реку, экспедиция вступила в пределы малоизвестного Ордоса. Если смотреть на карту Китая и следить по ней за течением Желтой реки, то мы увидим, что почти в центре карты река эта описывает громадную дугу вроде исполинской буквы П. Вот это-то пространство внутри «покоя» и носит название Ордоса. Ордос населен монголами и разделяется на семь хошунов или княжеств. Каждое из этих хошунов управляется наследственным князем из потомков Чингисхана. Вообще в Ордосе более чем где-либо сохраняется память о Чингис-хане. В Ордосе же находится и святыня монголов, Ихиеджен-хоро, то-есть юрта с останками этого знаменитого монгольского завоевателя. Потанин решил осмотреть эту национальную святыню монголов и в сопровождении двух лам, одетый в китайское платье, поехал один, без своих спутников в Ихиеджен-хоро.

«Хоро,—пишет Потанин,—состоит из двух войлочных юрт, поставленных на невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами. Юрты стоят, плотно примыкая друг к другу; верхние войлоки, покрывающие свод, вырезаны фестонами, на верхушке золотые маковки. У дверей хоро разостлан войлок. Сопровождавшие меня ламы встали на колени так, чтобы оставшееся между ними место мог занять я. После того, как мы втроем совершили троекратное поклонение, в отворенные двери из темной юрты высунулась рука с красным деревянным блюдом, на

котором стояла медная вазочка с горящим маслом. Мне велели взять блюдо и подержать его. Затем мы снова совершили три поклона.

«Юрта, перед которой мы стояли, была как бы чехлом над деревянным срубом, внутреннее убранство которого едва можно было различить. У задней стены стоял стол, на нем пять лампочек, а за ними жестяные щитки с какими-то надписями. За столом была дверь, которая вела в заднюю часть юрты. Что находилось там, мне ни увидеть ни услышать не удалось».

В Ордосе среди монголов существует множество легенд о Чингис-хане, и монголы уверяют, что Чингис-хан воскреснет через 950 лет после своей смерти и освободит свой народ. Останки Чингис-хана находятся под присмотром особого сословия, которое называется «дархат». Это сословие избавлено от всяких повинностей и налогов. Дархаты смотрят за сохранностью еджен-хоро и собирают с жителей дань для своего пропитания и для украшения еджен-хоро. С этою целью они разъезжают не только по всему Ордосу, но и по соседним землям. В эти поездки они берут с собою меч и знамя Чингис-хана и, во имя этих святынь, не просят, а требуют приношений. Подъехав к какому-нибудь жилищу, они водружают знамя, втыкают меч острием вниз, ставят серебряную чашу и, прочитав молитву, спрашивают хозяина дома: «Ты что даешь Чингису-Богдо? Корову, лошадь или серебро. Веди корову, веди лошадь...»

Из Ордоса экспедиция переправилась в провинцию Ганьсу. Исследовав эту провинцию, Потанины уже в 1885 г. добрались до границы Тибета. Тибет расположен на высоком плоскогорье, между высочайшими горными хребтами Старого Света, Гималаями с юга, горами Куэнь-Лунь и Нань-Шань с севера; с западной стороны Тибет огражден хребтом Гиндукуш и вершинами Памира. Такое положение среди высоких гор сделало Тибет мало доступным для соседних народов. Несколько более доступны лишь восточные области Тибета, где страна понижается уступами и переходит в китайскую низменность.

Весь Тибет изрезан горами с снежными вершинами, откуда берут начало многочисленные реки. В этом отношении Тибет может быть разделен на две отдельные области: 1) южную, к которой относятся высокие долины Инда и Брамапутры, 2) северную, где берут начало величайшие реки Китая: Хуанхэ (Желтая), Ян-тзе-кианг (Голубая река) и Камбоджа. Достигнув большого тибетского озера Куку-Нор, экспедиция, перевалив через горы, отделяющие Тибет от пустыни Гоби, спустилась на равнины этой пустыни. Потанину предстояло в третий раз пересечь эту страшную пустыню, которую сами туземцы называют «Голодной», благодаря тому, что на ее громадных пространствах

нет почти никакой растительности. Переход через пустыню занял две недели. Благодаря принятым заранее мерам, этот переход закончился вполне благополучно, хотя путешественники много страдали от зноя и жажды. В урочище Кобденоботу экспедиция впервые, после перехода через пустыню, сделала привал на зеленой лужайке, на берегу ручья. «Хотя ручей — пишет Потанин — едва сочился по песку, лужайка была с полдесятины величиной, а кругом торчали песчаниковые скалы и несколько растрепанных цзаковых деревьев, но и такая картина для глаз, утомленных однообразием пустыни, казалась чрезвычайно привлекательной».

Перейдя горы Гобийского Алтая, экспедиция подошла к озеру Орок-Нор и направилась на север, к русской границе. Здесь путешественникам пришлось пересечь хребет Хангай. Отсюда экспедиция спустилась в долину реки Орхона, притока Селенги. В конце октября 1886 г. экспедиция достигла благополучно Троицкосавска, на русско-китайской границе. Со времени отъезда из Пекина экспедиция была в пути два с половиной года, а всего, со времени отъезда из России, Потанин и его спутники пробыли в путешествии более 3 лет. Подробный отчет об этой экспедиции написан Потаниным под заглавием «Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Эта книга вышла в 1892 г. и содержит богатый и разнообразный географический материал, преимущественно по общему описанию пройденного пути, быту, языку населения и т. п.

Обилие и огромная ценность результатов этой экспедиции побудили Русское Географическое Общество предложить Г. Н. Потанину организовать новую экспедицию в Китай для продолжения дальнейших исследований. Таким образом Потанин весною 1892 г. отправился в четвертое путешествие. На этот раз предстояло исследование Тибета. Но этой экспедиции не суждено было закончиться благополучно. Во время путешествия Потанина по Китаю у него заболела сопровождавшая его неизменная спутница жена, Александра Викторовна. Больную, ее пришлось нести в паланкине несколько сот километров. Потанину хотелось добраться поскорее до Пекина, где можно было найти европейских докторов. Но больная не выдержала неудобств путешествия и скончалась по дороге к городу Чу-цин-фу 19 сентября 1893 года. Убитый горем Потанин с большим трудом доставил тело покойной в Кяхту, где оно и было похоронено. Сам Г. Н. вернулся в Россию, чувствуя себя не в силах более продолжать исследования. Поселившись сначала в Петербурге, Г. Н. переехал затем в Томск, где занялся, главным образом, обработкой своих материалов.

VII.

Исследование Центральной Азии.—Хребет Тянь-Шань и плоскогорье Памир.—Туркестан.—Исследователь Тянь-Шаня—П. П. Семенов.

Огромная площадь Центральной Азии, занятая большими песчаными равнинами, высокими горными хребтами и плоскогорьями, почти до половины XIX столетия не находила своих исследователей. Это обусловливалось тем, что путешествие в Среднюю Азию было сопряжено не только с большими трудностями, но и с опасностью для жизни путешественника. Степи Туркестана и горные долины Центральной Азии населены полукультурными племенами, крайне враждебно относящимися к европейцам.

Лишь после завоевания Туркестана русскими явилась возможность мирным исследователям-путешественникам проникнуть в таинственные страны Средней Азии. Первыми исследователями этих стран явились русские ученые; среди них особенно выделяются трое—П. П. Семенов, Н. А. Северцов и А. П. Федченко. Семенов был в Средней Азии первым пионером науки. Еще в 1856 г. он по поручению Русского Географического Общества совершил путешествие в горную область Тянь-Шаня.

Петр Петрович Семенов родился 2 января 1827 года в Рязанской губернии. По окончании курса в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1845 г. Семенов поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. После окончания университета Семенов решил посвятить себя научной деятельности и стал готовиться к получению степени магистра естественных наук. Интересуясь в то же время географическими вопросами, П. П. Семенов становится действительным членом Русского Географического Общества, которое поручило ему в 1851 г. сделать перевод и обширные дополнения к «Землеведению Азии» Карла Риттера. В 1852 г. Семенов уехал в Берлин слушать лекции по географии у Карла Риттера, с которым близко подружился.

Возвратясь в 1855 г. в Россию, П. П. Семенов издал первый том «Азии» Риттера и задумал совершить путешествие во внутреннюю Азию, совершенно до того времени неизвестную. При содействии Русского Географического Общества в 1856 г. Семеновым была организована экспедиция для изучения горных систем Средней Азии. Путешествие П. П. Семенова продолжалось почти два года. За это время он исследовал Алтай, Тарбагатай, Семиреченский и Заилийский Алатау, озеро Иссык-

Куль, проник в самую глубину Тянь-Шаньских гор вплоть до ледников Сары-Джаза и границы вечного снега у подножия вершин Хан-Тенгри.

Тянь-Шань, или «Небесные горы», составляют главный горный массив Азии к северу от Гималаев и Куэнь-Луня. Обширные пустыни, большие болота, мелководные озера заграждают доступ к этим высочайшим горам. Никакая долина большой реки, за исключением Сыр-Дарьи, не ведет к их проходам, да и самая Сыр-Дарья теряется в замкнутом озере, как и все другие потоки, спускающиеся с Тянь-Шаня. Н. А. Северцов, посетивший область Тянь-Шаня позднее Семенова, говорит: «В течение целых месяцев я направлялся к юго-западу и постоянно видел перед собою громады снежных гор. Пройдя Семиреченский Алатау, я созерцал белый Тальгар и другие вершины Заилийского Алатау. Вот цепь Александра, за ней другая цепь, далее опять новые хребты. «Небесные горы» как будто продолжаются без конца; всегда видишь зубцы пилы, вырезывающиеся на горизонте, и снега, блистающие на небе!». Общая длина Тянь-Шаня более 2.500 километров.

Результатом путешествия Семенова были богатые ботанические и энтомологические коллекции и географическое описание области Тянь-Шаня. Свои отчеты по этой экспедиции П. П. Семенов напечатал в «Известиях Русского Географического Общества». Возвратившись из своего путешествия в 1858 г., Семенов работал в Редакционной Комиссии по освобождению крестьян. После 1861 г. Семенов снова отдался географической науке и принялся за составление «Географическо-Статистического Словаря Российской Империи». Этот словарь, состоящий из пяти больших томов, представляет исключительный и единственный в своем роде труд. Достаточно просмотреть одни библиографические указания к каждому городу, селению или народности России, чтобы понять и оценить, сколько трудов и знаний. сколько горячей любви к делу понадобилось для составления подобного словаря. В 1873 г. П. П. Семенов был избран вице-председателем Русского Географического Общества, пост которого он и занимал вплоть до своей смерти в 1914 году. Занимая этот пост, Семенов весь отдавался делу развития географической науки, и его заслуги в этом отношении огромны. Под его руководством и по его инициативе Русское Географическое Общество снарядило не один десяток научных экспедиций, ознаменовавшихся важными открытиями в области землеведения.

В числе больших литературных предприятий, появившихся в свет благодаря инициативе Семенова, необходимо назвать обширное сочинение «Живописная Россия», изданное фирмой

Вольфа под редакцией П. П. Семенова. Точно так же инициативе Семенова мы обязаны и появлением другого сочинения: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Кроме того, П. П. Семенов написал по случаю 50-летнего юбилея Русского Географического Общества в 1895 г. трехтомную «Историю полувековой деятельности Русского Географического Общества». Во внимание к научным заслугам Семенова и по поводу 50-летнего юбилея со дня путешествия его в Тянь-Шань, в 1906 году П. П. Семенову было разрешено прибавить к своей первой фамилии вторую—Тянь-Шаньский.

Дело исследования Средней Азии после путешествия Семенова неутомимо продолжали многочисленные русские исследователи — Валиханов, Голубев, Венюков, Северцов, Рейнталь, Проценко, Остен-Сакен, Каульбарс, Мушкетов, Пржевальский, Полторацкий, Федченко, Громбчевский, Обручев, Певцов, Роборовский, Козлов и другие. В особенности исследования Северцова пролили много света на общее геологическое строение, на флору и фауну Тянь-Шаня и вообще Средней Азии.

Николай Алексеевич Северцов.

VIII.

Исследователь Туркестана и Тянь-Шаня—Н. А. Северцов.

Николай Алексеевич Северцов принадлежит к выдающимся русским путешественникам-исследователям. Зоолог по образованию, он внес большой вклад в географическую науку тщательным и подробным описанием неизвестных областей Средней Азии. Северцов родился в 1827 г. Окончив в 1855 г. курс в Московском университете со степенью магистра зоологии, Северцов в 1857 г. предпринял путешествие в Туркестан и Коканд. Чрезвычайно точный и добросовестный наблюдатель, мыслитель, глубоко вдумывающийся в интересующие его вопросы, Северцов был, главным образом, натуралистом-исследователем, изучавшим детальным образом страну. Вследствие этого путешествия Северцова не охватили таких широких районов как, например, путешествия Пржевальского. Северцов не открыл

науке так много новых обширных стран, до того времени неизвестных, но зато он первый дал подробное описание геологического строения Туркестана и его природы. Кроме того, он осветил много темных вопросов зоогеографии, и в этом отношении Чарльз Дарвин высоко ставил труды Северцова.

Во время путешествия по степям Туркестана на Северцова, которого сопровождали пять конных казаков, напали кокандцы и, сильно изранив его, захватили в плен. Раненого и еле живого путешественника кокандцы заставили ехать верхом на лошади более трехсот километров в город Туркестан, где его посадили в тюрьму. В тюрьме большую часть времени Северцов находился в обмороке и забытьи; спустя несколько дней в тюрьму к Северцову пришел какой-то человек, назвавшийся Мамаджаном. Мамаджан говорил по-русски и сказал Северцову, что он русский, совершивший в России убийство и бежавший от суда. Судьба забросила его в Туркестан, где он принял мусульманство. Он советовал то же самое сделать и Северцову. Тогда кокандцы обещали пленнику волю.

— А если я не приму мусульманства и кокандского подданства, что мне будет?— спросил Северцов.

— Тяжелый плен, а пожалуй, и смерть. Держать надоест, так убьют.

Смерть не страшила Северцова, но мучительные азиатские казни его пугали, особенно он боялся, что кокандцы посадят его на кол. Он слышал, что люди, посаженные на кол, мучаются по целым суткам. Мысль о подобной казни приводила его в ужас.

Северцов потерял всякую надежду на освобождение и покорился своей участи, думая, что ему не суждено больше увидать родину. Однако судьба сжалилась над пленником. О пленении Северцова случайно узнал от киргизов генерал Данзас, начальник форта Перовского. Он тотчас же снарядил отряд казаков в триста человек и послал их на выручку путешественника. Узнав о приближении казаков, кокандцы отпустили Северцова на свободу. С большим трудом Северцов добрался до русской границы, а затем до форта Перовского. В тяжелом плену у кокандцев Северцов пробыл ровно месяц.

Это первое путешествие Северцова в Среднюю Азию не принесло ожидавшихся от него научных результатов. Северцов лишь познакомился с общим характером природы страны и бытом населяющих ее племен. Но во время этого путешествия у Северцова зародилась мысль о подробном исследовании среднеазиатских областей. Вследствие этого уже в 1864 г. он отправился в новое путешествие. На этот раз он занялся исследованием геологического строения горных хребтов Тянь-Шаня.

1865—66 годы Северцов провел в западной части Тянь-Шаня, а в 1867 г. он проник в самую глубину Тянь-Шаня, где исследовал окрестности озера Иссык-Куля и поднимался на большие Тянь-Шаньские сырты.

В 1869—73 г.г. Северцов занялся обработкой своих материалов и опубликовал свой известный труд—«Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань». Кроме этой работы, доставившей ему европейскую известность, Северцов в это же время издал свое исследование—«Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных». В 1873 г. Северцов снова решил ехать в Среднюю Азию, где ему хотелось на этот раз исследовать восточные хребты Тянь-Шаня и Памир, но устроить эту экспедицию не удалось. Вместо того Географическое Общество предложило ему принять участие в Аму-Дарьинской экспедиции.

В 1875 г. Северцов посетил Западную Европу, где познакомился, между прочим, с великим английским естествоиспытателем Чарльзом Дарвином. В 1877 году Северцов отправился уже во главе целой экспедиции для продолжения исследования Ферганской долины, Алая и Памира, начатого А. П. Федченко в 1871 г. Северцову удалось проникнуть в самую глубь Памира и изучить в общих чертах как топографическое, так и геологическое строение этого знаменитого плоскогорья, называемого азиатскими народами «Крышей Мира». Попутно он изучает также характер и состав фауны Памира. В 1879 г. Северцов совершил свое последнее путешествие по Туркестану, по северной его части. Вернувшись из этого путешествия в Россию, он принялся за окончательную обработку собранного им материала. Однако большинство этого материала Северцову так и не удалось использовать. Жестокий случай прервал жизнь ученого исследователя, не дав ему закончить его работ, которые значительно обогатили бы науку. 27 января 1885 г. Северцов утонул, переправляясь по льду через реку Дон с одного берега на другой.

IX.

Исследователь Ферганы—А. П. Федченко.

Подобно Северцову, А. П. Федченко не был только путешественником-географом, он тоже прежде всего был натуралистом-исследователем. И географическая наука много обязана этому выдающемуся исследователю. Федченко открыл огромный Заалайский горный хребет, исследовал его и, кроме того, сделал много барометрических определений высоты различных

пунктов Ферганы. Благодаря исследованиям Федченко, карты Туркестана и Ферганской области стали впервые соответствовать действительности.

Алексей Павлович Федченко родился в 1844 г. в Сибири, где и провел свое детство. После окончания курса в Иркутской гимназии Федченко поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Уже в первые годы студенчества он усердно стал заниматься ботаникой, зоологией и географией. Вскоре по окончании университета А. П. познакомился с молодой талантливой дочерью профессора Армфельдта, Ольгой Александровной Армфельдт, которая также занималась естественными науками. Это общее дело сблизило молодых людей, и они, поженившись в 1867 г., уехали за границу для пополнения своего образования.

Алексей Павлович Федченко.

Возвратившись в 1869 г. в Россию, супруги Федченко решили совершить путешествие по Туркестану, при чем мечтою Федченко было пройти на юг Коканда и подняться на плоскогорье Памир. В первое свое путешествие Федченко исследовал долину реки Зарявшана, а в 1870 г. посетил озеро Искандер-Куль. Весною 1871 г. супруги Федченко предприняли новое путешествие в песчаную область Кизыл-кум, а затем пробрались в Кокандское царство. Ввиду полной неизвестности этой страны, Федченко приходилось исследовать ее во всех отношениях. Приходилось делать съемку местностей на карту, изучать геологическое строение поверхности, собирать геологические и ботанические коллекции, сведения о климате страны и об ее населении. Коллекции Федченко впервые познакомили европейцев с неизвестными до того времени растениями и животными южного Туркестана. Насколько важны были исследования Федченко, мы поймем, если вспомним, что он вывез из Туркестана более 1.800 видов растений.

Все исследования Федченко отличались чрезвычайной добросовестностью и тщательностью. С небольшими перерывами Федченко пробыл в Туркестане и в Фергане почти четыре года.

По приезде в 1872 г. в Москву ему было поручено устроить Туркестанский отдел на Политехнической выставке. В 1873 г. Федченко с женой отправились в Швейцарию для изучения альпийских ледников, чтобы сравнить эти ледники с средне-азиатскими. Это исследование окончилось катастрофой. 2 сентября Федченко, в сопровождении нескольких проводников, отправился пешком на знаменитый ледник «Коль-де-Жеан», находящийся на Монблане. В этот день стояла с утра великолепная погода. Путники благополучно поднимались и были уже недалеко от перевала. После двух часов дня погода в горах резко изменилась. Поднялся сильный ветер и вьюга; дыхание захватывало, и ноги отказывались служить. Путешественники решили повернуть обратно. На обратном пути Федченко выбился из сил и замерз в горах. Только на другой день к вечеру нашли его труп и принесли в местечко Шамони, где его и похоронили на английском кладбище. Федченко погиб, еще не дожив до 30 лет. Он не успел обработать собранные им во время путешествия материалы, но и то, что он успел сделать, представляет собою вклад в географическую науку настолько ценный, что имя Федченко никогда не исчезнет со страниц истории этой науки.

X.

Исследователь Средней Азии—Н. М. Пржевальский.

Исследования Семенова, Северцова и Федченко сильно подняли интерес к странам Средней Азии, и по их следам направились многочисленные путешественники. Так, в период 1875—1885 г.г. геолог Мушкетов исследовал область Тянь-Шаня и Памира, Куропаткин и Вилькенс перешли через южные цепи Тянь-Шаня, фон-Миддендорф путешествовал по Фергане, Альберт Регель исследовал долину реки Или, Маев исследовал горные хребты Гиссара и т. д. В 1885—87 годах братья Г. и М. Грум-Гржимайло исходили во всех направлениях Памир, а в 1887 г. два француза—Капюс и Бонвало—совершили трудный переход через Памир среди зимы. Капюс и Бонвало прославились как первые путешественники, проникшие из русского Туркестана в Индию.

Все эти путешествия сопровождались крайне важными географическими открытиями, осветившими многие вопросы по географии Средней Азии. Но все эти открытия бледнеют перед открытиями и исследованиями, сделанными в Центральной Азии путешественником-исследователем Н. М. Пржевальским.

Николай Михайлович Пржевальский является, можно сказать, первым исследователем всей Центральной Азии, и своими трудами он приобрел широкую известность не только в России, но и за границей. Его научные исследования поставили его на ряду с такими знаменитыми путешественниками XIX века, как Давид Ливингстон и Генри Сгэнли. Пржевальский, первый из европейцев, проник в самый центр высочайших азиатских плоскогорий. Там он произвел целый ряд крайне важных географических открытий и исследований, вывезя с собою в Россию громадные ботанические и зоологические коллекции, которые дали возможность познакомиться с характером и природой растительного и животного мира Центральной Азии.

Пржевальский совершил четыре путешествия по Центральной Азии и провел в ее пустынях и горах почти целых 10 лет, сделав за все время более 30.000 километров. Он исследовал огромную площадь от Памира до Большого Хингапа, длиною около 4.000 километров, а с севера на юг—от Алтая до средины Тибета, на протяжении свыше 1.000 километров. Путешествуя по необозримым пространствам Центральной Азии, Пржевальский десятки раз подвергался опасности, рискуя своей жизнью. Но страсть к путешествиям, любовь к природе, сильное желание проникнуть в неизведанные области заставляли Пржевальского проводить целые годы в грязных и холодных юртах, среди диких средне-азиатских гор и долин.

Пржевальский родился 31 марта 1839 г. в Смоленской губернии. Оставшись после смерти отца восьмилетним мальчиком, будущий путешественник, вместе с двумя своими братьями, рос всецело на попечении матери. Окончив 16 лет курс в Смоленской гимназии, юный Пржевальский, под влиянием происходившей в то время Севастопольской войны, решил поступить на военную службу. Несмотря на протесты матери, Н. М. в 1855 г. поступил юнкером в Рязанский полк. Однако, попав в полк и познакомившись с офицерской жизнью, Пржевальский скоро разочаровался в военной службе. Офицеры проводили почти все время за картами и пьянством. Все это было не по душе молодому юнкеру, и он сторонился от товарищей. «Это не наш», говорили о Пржевальском офицеры.

«Прослужив 5 лет в армии—пишет сам Пржевальский—потаскавшись в караул и по всевозможным гауптвахтам и на стрельбу со взводом, я, наконец, ясно сознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако эти 5 лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года, и что в продолжение этого периода в моих понятиях

и взгляде на жизнь произошла огромная перемена,— я хорошо понял и изучил то общество, в котором находился». В 1861 г. Пржевальский поступил в Академию генерального штаба, где и окончил успешно курс в 1863 г. В это время Пржевальский уже увлекался изучением зоологии и ботаники, и чем больше он углублялся в эти занятия, тем сильнее овладевала им мысль о путешествиях; сначала Пржевальский мечтал поехать в Африку, но затем его стала соблазнять поездка в Азию.

В 1864 г. Пржевальский был назначен преподавателем истории и географии в Варшавское юнкерское училище. Здесь он еще сильнее увлекся географией, и его настольными книгами были «Картины природы» Гумбольдта и «Азия» Риттера. Преподавательская деятельность мало удовлетворяла Пржевальского. Живая природа с ее красотами манила его все сильнее и сильнее. Стремясь увидать дикие страны, он начал хлопотать о своем переводе из Варшавы в Восточную Сибирь. В 1867 г. его хлопоты увенчались успехом, и он был назначен на службу в Иркутск, а затем получил двухлетнюю командировку в Уссурийский край. Сибирский отдел Географического Общества поручил Пржевальскому описать флору и фауну этого края и собрать зоологические и ботанические коллекции. С этого момента и начинается энергичная деятельность Пржевальского по исследованию малоизвестных областей Азии.

Простор и дикость Сибири и ее своеобразная природа захватили Пржевальского. Особенно поразили его картины и виды Амурского края, где исчезают хвойные сибирские леса и начинаются лиственные деревья, среди которых смешиваются странным образом породы северных областей—дуб, липа, клен и др.—с породами южных областей—грецким орехом, пробковым деревом. «Когда я — писал Н. М. — в первый раз увидел все это, то мне живо представилась картина тропического леса: эти высокоствольные деревья с густыми вершинами напоминали собою пальмы, а вьющийся дикий виноград — лианы тропического пояса. Как-то странно видеть это смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном царстве. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградником, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя и тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии. Торжественное величие здешней природы не нарушается присутствием человека, разве изредка пробредет зверолов или раскинет свою юрту кочующий дикарь, но тем скорее дополнит, нежели нарушит, картину дикой девственной природы...»

В январе 1870 г. Пржевальский прибыл в Петербург и прочитал в Географическом Обществе доклад о своем путешествии. В этом же году он издал книгу «Путешествие в Уссурийский край в 1867—1869 г. г.». Пржевальский обратился в Географическое Общество с просьбой помочь ему отправиться в северные области Китая и преимущественно в мало известные страны верхнего течения Хуанхэ (Желтой реки) и на берега озера Куку-Нор. Предложение Пржевальского было принято с большим сочувствием, и вице-председатель Общества, Литке, а после него его преемник П. П. Семенов помогли осуществлению этой экспедиции. В конце 1870 г. Пржевальский уже находился в пути. Путешествие длилось целых три года; в это время Пржевальский, сопровождаемый тремя казаками и своим помощником, подпоручиком М. А. Пыльцовым, прошел и проехал верхом более 11.000 километров и исследовал такие местности, куда до того времени не ступала нога европейца. Во время этого путешествия Пржевальскому и его спутникам приходилось испытывать много лишений. После трехлетних скитаний по горам и пустыням Центральной Азии экспедиция добралась до Урги, столицы Монголии. Вид у Пржевальского и его спутников был ужасен: истомленные и оборванные, они еле держались на ногах. «Сапог нет—пишет Пржевальский—вместо них разорванные унты, сюртуки и штаны — все в дырах и заплатах, фуражки походят на старые выброшенные тряпки, рубашки все изорвались... Прошедшая экспедиция — заканчивает Пржевальский—и все ее невзгоды казались каким-то страшным сном...»

Главною целью этой экспедиции были физико-географические и специальные зоологические исследования. Во время этого путешествия Пржевальским было собрано более 4.000 экземпляров различных растений, огромное количество птиц, шкур и шкурок разных зверей и животных. Экспедиция эта окончательно упрочила славу Пржевальского как путешественника. Русское Географическое Общество присудило ему золотую медаль. В то же время Парижское Географическое Общество прислало Пржевальскому большую золотую медаль, а Берлинское наградило его золотой медалью имени Гумбольдта. Результаты своих исследований Пржевальский изложил в большом сочинении «Монголия и страна Тангутов». Эта книга вышла в 1876 г. и тотчас же по выходе в свет была переведена на английский и немецкий языки.

В 1876 г. Пржевальский составил план новой экспедиции. На этот раз он намеревался пробраться через Джунгарию, к таинственному озеру Лоб-Нор, отсюда к озеру Куку-Нор, в Северный Тибет, в Лхассу и далее к истокам Иравади и Брама-

Николай Михайлович Пржевальский.

нутры. Эта экспедиция имела уже большее научное значение, чем первое путешествие. Хотя Пржевальскому и не удалось пробраться в столицу Тибета—Лхассу, но тем не менее географическая наука обогатилась после этой экспедиции новыми познаниями о Тибете. Возвратясь из этой экспедиции весною 1878 г., Пржевальский осенью того же года представил в Географическое Общество проект новой экспедиции. Он не оставил своего намерения пробраться в запретный для европейцев город Лхассу, где живет духовный глава всех тибетцев Далай-Лама.

В январе 1879 г. Пржевальский выехал из Петербурга а 28 марта того же года он, во главе отряда из 13 человек, выступил из Зайсана. В это путешествие Пржевальский исследовал горные области Нань-Шаня и открыл два больших горных хребта, которые он назвал в честь двух великих географов XIX века—хребтами Гумбольдта и Риттера. Стоя на одном из многочисленных ледников хребта Гумбольдта, Пржевальский восторженно записывал в свой путевой дневник: «Никогда я еще до сих пор не поднимался так высоко—17.000 футов над морем,—никогда в жизни не оглядывал такого обширного горизонта. Дивная панорама гор, освещенных солнцем, расстилается под ногами. Весь поглощаешься созерцанием величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этих ступенях, ведущих к небу, лицом к лицу с грандиозной природой, вдали от всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту отрываешься от обыденных мелочных помыслов и стремлений...»

Третье путешествие Пржевальского по Центральной Азии ознаменовалось также важными научными результатами, но и на этот раз Пржевальский не мог попасть в Лхассу. Он был уже не более чем в 250 километрах от Лхассы, когда за перевалом Тан-Ла ему пришлось остановиться. Тибетское правительство не хотело пускать Пржевальского в свой священный город. Местное население было сильно возбуждено против путешественников, и около тысячи вооруженных тибетцев загородило путь. После продолжительных переговоров Пржевальский вынужден был отступить.

Тибетская экспедиция продолжалась около двух лет. Вернувшись в январе 1881 г. в Петербург, Пржевальский вскоре поселился в глухом углу Смоленской губернии, в Поречском уезде, начав обработку материалов по Тибетской экспедиции. Но, сделавшись оседлым человеком, Пржевальский вскоре начал тосковать и скучать. Привычка странствовать сделалась его второй натурой. «Грустное, тоскливое чувство — писал он — овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска,

словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотою и широким привольем дикой жизни, наукой и знанием из жизни цивилизованной. При этом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневною сменою впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

«Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях, даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную464 странническую жизнь...»

В конце 1882 г. Пржевальский окончил книгу о своем третьем путешествии в Тибет, дав ей заглавие «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки». Как только он дописал последние страницы этой книги, он тотчас же представил Географическому Обществу проект новой экспедиции в Центральную Азию. «Теперь—писал Пржевальский Совету Русского Географического Общества—когда результаты совершонной экспедиции уже частью воплощены, да позволено мне будет поднять вопрос о новом путешествии. Несмотря на удачу трех моих экспедиций в Центральную Азию и почтенные здесь исследования других путешественников, в особенности русских,—внутриазиатского материка, именно на высоком нагорье Тибета, все еще остается огромнейшая площадь почти совершенно неведомая...» Географическое Общество и на этот раз доставило Пржевальскому необходимые средства, и 3 августа 1883 г. Пржевальский, в сопровождении ближайших своих помощников—подпоручика Роборовского и вольноопределяющегося Козлова — выехал из Петербурга в Кяхту. В Кяхте Пржевальскому было дано 20 человек солдат. 8 ноября 1883 г. экспедиция оставила Ургу и двинулась на Ала-Шань срединою пустынп Гоби. Оттуда экспедиция направилась на Куку-Нор, Цайдам, Кэрию, через хребет Куэнь-Лунь в Хотан, откуда через безлюдные пустыни Таримского бассейна достигла города Аксу и затем через трудный горный перевал Бедель в Тянь-Шане вернулась

в город Верный. Эта экспедиция, несмотря на то, что в материальном отношении была обставлена лучше, чем предыдущие, сопровождалась еще бо́льшими лишениями, так как климат в горах Северного Тибета крайне суровый. Несмотря на то, что путешественники проходили через Тибет во время летних месяцев, здесь нередко бушевали снежные мятели, как зимою, а ночные морозы доходили до 23°.

Во время этого путешествия Пржевальский открыл два озера, откуда берет свое начало великая китайская река Хуанхэ (Желтая). Пржевальский назвал одно из этих озер—озером «Экспедиции», а другое — «Русским». «Пусть—говорил Пржевальский—первое из названий будет воспоминанием о нашей экспедиции, а второе будет свидетельствовать, что к таинственным истокам Желтой реки впервые проник русский человек». На берегах этих озер экспедиции пришлось выдержать два нападения тангутов, которые бродили целыми ордами человек в 300—400. Но, благодаря решительности Пржевальского, путешественники вышли победителями из схваток.

По своем возвращении из этой экспедиции в Петербург Пржевальский был встречен с большим триумфом. Академия Наук постановила выбить золотую медаль в честь путешественника. На лицевой стороне этой медали был изображен портрет Пржевальского с надписью: «Николаю Михайловичу Пржевальскому—Императорская Академия Наук», а на оборотной стороне было вычеканено: «Первому исследователю природы Центральной Азии. 1886 год».

Прожив лето 1886 г. в своем имении Слободе, неутомимый путешественник вновь стал мечтать о новом путешествии в сердце Азии. «Как вольной птице трудно жить в клетке,—писал он — так и мне не ужиться среди *цивилизации*, где каждый человек прежде всего раб условий общественной жизни. Простор в пустыне—вот о чем я день и почь мечтаю. Дайте мне горы золота, я за них не продам своей дикой свободы...»

Однако Пржевальскому не хотелось уезжать в Азию раньше, чем он не окончит описания своего четвертого путешествия. Лишь весною 1888 г. он закончил этот труд, который вышел в свет под заглавием: «Четвертое путешествие в Центральную Азию. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима».

В августе 1888 г. Пржевальский был уже готов к путешествию. На этот раз он намеревался проникнуть в Тибет кратчайшим, но наиболее опасным путем, по долине Тарима. Пржевальский на этот раз хотел, во что бы то ни стало, попасть в Лхассу. «Думаю—писал он одному своему знакомому—еще раз

сходить в Тибет, посмотреть теперь Далай-Ламу. Нужно 20—30 стрелков, и головой ручаюсь, что буду в Лхассе». Пржевальский предполагал закончить это свое путешествие в два года. 10 октября 1888 г. Пржевальский прибыл вместе со своими спутниками Роборовским, Певцовым и Козловым в местечко Каракол на берегу озера Иссык-Куль. Отсюда должно было начаться путешествие в Тибет. Но Пржевальскому не суждено было совершить свое пятое путешествие в Центральную Азию. По приезде в Каракол он сильно простудился и вынужден был слечь. С каждым днем положение его здоровья ухудшалось, и он почти все время находился без сознания. 18 октября он пришел на несколько часов в себя и, чувствуя приближение смерти, сказал своим спутникам: «Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу. Надпись сделайте простую: «Путешественник Пржевальский». Положите меня в гроб в моей экспедиционной одежде...».

Памятник Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля.

Утром 20 октября ему стало хуже. Но вскоре он встал с постели и, посмотрев кругом, сказал: «Ну, теперь я лягу»... и повалился на пол. Через несколько часов он скончался. Он умер на 50-м году своей жизни, полный сил и стремлений. Его желание быть похороненным на берегу Иссык-Куля было исполнено опечаленными спутниками: он был похоронен на берегу озера Иссык-Куль, у подножия Небесных гор. Несколько лет спустя над могилою путешественника был воздвигнут памятник по проекту генерала Бильдерлинга, товарища и друга Пржевальского. Памятник этот изображает большую скалу из тянь-шаньского гранита. На вершине скалы, расправив свои могучие крылья, находится большой

бронзовый орел, держащий в своем клюве оливковую ветвь— эмблему мирных стремлений науки. Под ногами орла — развернутый бронзовый лист, на котором начерчена карта Азии... На лицевой стороне скалы помещен бронзовый крест, под ним надпись, высеченная на камне: «Николай Михайлович Пржевальский. Род. 31 марта 1839 г. Скон. 20 окт. 1888 г.». Под надписью, в средине скалы, вставлено изображение, в увеличенном виде, медали, выбитой в честь Пржевальского Академией Наук, а под нею высечена на скале надпись, помещенная на оборотной стороне медали: «Первому исследователю природы Центральной Азии.»

Заслуги Пржевальского перед наукой трудно поддаются учету. Мы можем сказать лишь то, что четыре путешествия в Среднюю Азию произвели полный переворот в наших познаниях о природе Центральной Азии. Благодаря исследованиям Пржевальского, прежние карты Центральной Азии пришлось совершенно бросить и составить на основании его данных новые. Кроме того, Пржевальский своими путешествиями значительно облегчил позднейшим экспедициям исследование Тибета и прилегающих к нему стран. Ниже мы увидим, что дело исследования Центральной Азии, начатое Пржевальским, было продолжено его учениками Роборовским, Певцовым и Козловым, которые блестяще и закончили общее исследование Центральной Азии. В настоящее время, благодаря всем этим экспедициям, Центральная Азия исследована с такой полнотой, с какой не исследованы многие области, гораздо более доступные, чем эти царства гор, песков и пустынь.

XI.

Путешествия по Средней Азии братьев Грум-Гржимайло.

После Пржевальского наиболее выдающимися русскими исследователями Средней Азии являются братья Григорий Ефимович и Михаил Ефимович Грум-Гржимайло. Гр. Еф. Грум-Гржимайло еще в 1884 г. предпринял большое путешествие в Среднюю Азию, которое продолжалось более года. В это свое путешествие Гр. Еф. исследовал область Алайских гор, северный склон Памира и всю горную Бухару. В 1886 г. Гр. Еф. продолжал свои исследования в Туркестане, посетил северную часть Ферганской области, долину реки Нарына, область озера Чатыр-Куля, Кашгарию и Памир. В 1887 г. Гр. Еф. в сопровождении своего брата Мих. Еф., артиллерийского офицера, совершил третье путешествие по Памиру. Оба брата Грум-Гржимай-

ло произвели съемку пути в пятиверстном масштабе на протяжении 2.000 километров и выяснили направление горных хребтов в западной части Каракорумской горной системы. Кроме того, путешественники произвели также многочисленные наблюдения относительно климата Памира; они собрали богатые материалы по этнографии и антропологии этой области. Но в особенности были ценны зоологические коллекции, собранные в Памире братьями-исследователями. Научные результаты трех экспедиций Грум-Гржимайло дополнили исследования Северцова и Федченко, так что исследования этих трех русских ученых дали полную и исчерпывающую картину всей фауны дотоле совершенно незнакомого уголка Средней Азии.

Григорий Ефимович Грум-Гржимайло.

Возвратившись осенью 1887 г. из своего путешествия в Петербург, Гр. Еф. принялся за обработку своих материалов; результатом этой работы явился объемистый труд «Le Pamir et sa faune lépidoptérologique». Летом 1888 г. Гр. Еф. предпринял путешествие на Урал, откуда он вернулся в начале 1889 г. Когда Русское Географическое Общество получило известие о смерти Н. М. Пржевальского в далеком Караколе, оно решило продолжать начатое дело исследования Средней Азии и вместо предполагавшейся экспедиции Пржевальского снарядило три новых экспедиции. Первая — под начальством Певцова должна была исследовать горную область Куэнь-Луня и северную окраину Тибетского нагорья; вторая — под руководством Громбчевского должна была исследовать Кафиристан, пройдя через Памир, а третья — под начальством братьев Грум-Гржимайло, пройдя через Кульджу, должна была исследовать центральную Джунгарию, восточный Тянь-Шань и северо-восточные склоны Тибета.

Из этих трех экспедиций наиболее важными научными результатами сопровождалась экспедиция братьев Грум-Гржимайло. Эти два путешественника, имевшие солидную научную подготовку и приобревшие опыт во время путешествия по Памиру, составили богатейшие коллекции животных и растений

Средней Азии, определили географическое положение огромного количества местностей, измерили горные вершины и представили на картах правильное направление исследованных ими горных хребтов. Но главная научная заслуга братьев Грум-Гржимайло состояла в открытии ими огромной котловины в Средней Азии, лежащей ниже уровня океана (так называемой Лукчунской впадины). До этого открытия географы считали пустыню Гоби плоскогорьем, так как большинство равнин Гоби расположены более чем на 1000 метров над уровнем моря. Но поверхность Лукчунской впадины опускается до 100 — 200 метров ниже уровня океана.

Экспедиция братьев Грум-Гржимайло в Среднюю Азию продолжалась два года, и оба брата сделали более 8.000 километров. Вся экспедиция состояла, кроме братьев Грум-Гржимайло, из семи казаков, одного сарта и одного калмыка. Экспедиция отправилась в марте месяце 1889 г. из города Верного на восток в Кульджу. Из Кульджи путешественники прибыли в город Урумчи, в окрестностях которого находится священная гора буддистов Богдо-ола (Святая гора). Братья Грум-Гржимайло добились у китайских властей разрешения посетить эту гору. Горы этой местности вообще очень живописны, но гора Богдо-ола выделяется красотою своих пейзажей и здесь. «С каждого холма—пишет Гр. Еф. Грум-Гржимайло—открывалась новая панорама, каждый поворот представлял такое разнообразие, такие чудные сочетания красок и форм, что я положительно не знал, куда смотреть, чем любоваться. И в то же время меня неудержимо тянуло вперед, точно сердце предчувствало, что нечто лучшее еще впереди.

«Взбираемся выше и выше. Вот, наконец, перевал. Внизу, на страшной глубине,—озеро дивного бирюзового цвета. Гигантские скалы кругом. Над ними—трехглавый Богдо. Так вот оно где, это священное озеро, воды которого некогда покрыли останки ста тысяч святых. Вот почему горы эти опоэтизированы китайцами, и воображение окрестных народов населило их своими богами. Вся Средняя Азия не имеет уголка более живописного и вместе с тем более таинственного и величавого. И где же? В сердце Гобийской пустыни, которая двумя широкими рукавами охватила этот, еще неведомый европейцам, «Парнас» тюркских и монгольских народов».

Братья Грум-Гржимайло поднялись на Богдо до высоты 3.680 метров, но они не могли сделать восхождения на самую вершину Богдо, так как эта вершина, покрытая вечными снегами, совершенно недоступна. Вообще гора Богдо считается китайцами и многолами недоступной, так как бог Та-мо-фу не допускает на гору неверных людей. Китайский поэт-монах Чан-

чун, современник Чингис-хана, так описывает эту гору: «Три пика вместе вонзаются в холода облаков. Окруженные падями и уступами, четыре отвеса высятся рядом. Снеговой хребет сопределен здесь небу и никогда не достигнет его человек. Там озеро есть: в его зеркальной поверхности отражается только солнце. Простым же смертным оно недоступно. Если смотреться в него, то лишишься рассудка. Там утес есть неприступный и крепкий. Никогда гибельный меч не обрушится на того, кто сумеет укрепиться на нем...».

Из Урумчи братья Грум-Гржимайло проследовали в Гучен и далее на восток, а затем, перевалив через Тянь-Шань, достигли Турфана и Лукчунской впадины и углубились в центр пустыни. После этого, возвратившись снова на север, путешественники направились вдоль южных склонов Тянь-Шаня и достигли Хамийского оазиса, который уже посещался ранее русскими путешественниками — Потаниным и Пржевальским. Отсюда они перешли через пустыню Гоби. Перейдя пустыню, путешественники исследовали горы Нань-Шаня и озеро Куку-Нор. В горах Нань-Шаня проводники-тангуты бросили экспедицию на произвол судьбы и путешественники сделали около 300 километров одни, рискуя погибнуть среди лабиринта долин и ущелий.

Михаил Ефимович Грум-Гржимайло.

С какими трудностями было сопряжено путешествие по Нань-Шаню братьев Грум-Гржимайло, мы можем судить из следующих слов старшего брата, Гр. Еф.: «Исследование долины Хый-хэ—говорит он—мы производили в августе. Вдруг наступившая непогода, снежные бураны, жестокие морозы, постоянный туман, наше полнейшее одиночество среди необозримых масс снега,—все это в совокупности помешало успеху наших здесь изысканий и заставило думать не о засечках и отдаленных экскурсиях, а о том, как бы выбраться из трудного положения, в которое мы себя поставили, решившись итти без проводников. Интересная часть Нань-Шаня по ту сторону горной гряды, которая вдруг перегородила долину Хый-хэ, осталась неиссле-

дованной. Пусть за это не сетуют на нас ни геологи, ни картографы; мы сделали все, что в силах были сделать при тех условиях, в которых находились. Среди снегов и болот, без топлива и хлеба, донимаемые снежными буранами и резкими холодными ветрами, часто изнуренные бесплодной ходьбой, ради отыскания прохода в горах, по бесконечным долинам и вязким горным покатостям, мы представляли из себя довольно жалкое зрелище... Перевалив на меридиане верховий Хый-хэ пять горных кряжей, мы вышли затем в Сучжоусский оазис; а затем, пробыв здесь недолго, 5 сентября уже тащились со своими усталыми лошадьми по знакомой дороге в Цзя-юй-гуань. Сделав новое пересечение Бей-Шаня и Тянь-Шаня, мы через Гучен, Урумчи, Манас и Джин-хо вернулись в Россию».

Исследования братьев Грум-Гржимайло в Средней Азии пополнили исследования Пржевальского. Но, как замечает и сам Гр. Еф. Грум-Гржимайло, в Средней Азии «осталось еще много неизведанных стран». Продолжателями дела исследования Центральной Азии после Пржевальского и Грум-Гржимайло являются русский путешественник П. А. Козлов и шведский ученый Свен-Гедин; к изложению путешествий этих исследователей мы и перейдем теперь.

XII.

Исследователь Тибета и Монголии — П. К. Козлов.

Петр Кузьмич Козлов является учеником Н. М. Пржевальского и одним из участников его двух последних экспедиций. Козлов родился в 1863 г. в городе Духовщине Смоленской губернии. Под влиянием рассказов Пржевальского о странах Центральной Азии, Козлов еще пятнадцатилетним мальчиком почувствовал влечение к путешествиям. «Как сейчас помню, говорит П. К. Козлов, высокий подъем чувств и горячее стремление к Центральной Азии и ее отважному исследователю—Пржевальскому. Его живое описание красот горной природы, широких пустынных далей, навевавших поэтический простор, положительно захватили всю мою душу, всего меня и неотразимо влекли к великому познанию, самому источнику этого познания—Пржевальскому... Пржевальский быстро зажег во мне горячую любовь к природе Азии и как чистый и цельный человек подчинил меня силе своего обаяния».

Сам Пржевальский, увидя серьезные стремления к путешествиям у юного Козлова, пригласил его в 1883 г. в свое четвертое путешествие в Центральную Азию в качестве своего по-

П. К. Козлов. (С фотографии 1924 г.)

мощника. В то время Козлову было только 20 лет, и он числился вольноопределяющимся. Нечего и говорить, что Козлов с большой радостью принял это предложение. Путешествие Пржевальского продолжалось, как известно, два года. Из этого двухлетнего, первого для П. К., путешествия он возвратился иным человеком. Центральная Азия сделалась для него главною целью его стремлений.

По возвращении из экспедиции Козлов поступил в петербургское военное училище и в декабре 1887 г. был произведен в подпоручики. В 1888 г. Козлов был откомандирован в распоряжение Пржевальского для участия в его новой экспедиции в Центральную Азию. За смертью Пржевальского, последовавшей в самом начале путешествия, начальство над экспедицией принял полковник Певцов, в сообществе с которым П. К. Козлов в течение 1888—1891 г.г. посетил Северный Тибет, Восточный Туркестан и Джунгарию.

В 1893 г. П. К. Козлов вновь принимает участие в экспедиции в Среднюю Азию; эта экспедиция, официально именовавшаяся «экспедицией спутников Пржевальского—Роборовского и Козлова», исследовала Нань-Шань и проникла в северо-восточный угол Тибета. Вследствие острой болезни, постигшей главного руководителя экспедиции, Роборовского, это тяжелое путешествие было закончено под руководством П. К. Козлова, блестяще справившегося со своей ответственной задачей. Это путешествие длилось целых три года.

Возвратясь в 1895 г. из своего путешествия, П. К. Козлов составил проект новой экспедиции в Центральную Азию и предложил этот проект Русскому Географическому Обществу. Совет Географического Общества, убедившись уже в организаторских способностях и солидной научной подготовке П. К., назначил его начальником проектированной им экспедиции. Во время этого путешествия П. К. Козлов исследовал мало известные и даже совершенно неизвестные восточные области Тибета, где берут свое начало великие реки Китая и Индо-Китая—Хуан-хэ, Янтзе-кианг и Меконг. Описание этого путешествия П. К. изложил в своем сочинении «Монголия и Кам».

Во время этого путешествия П. К. Козлов, в сопровождении нескольких казаков, пересек вдоль и поперек всю Монголию. С своим небольшим караваном он объехал значительную часть великой пустыни Гоби. «Более месяца,—говорит П. К. Козлов—тащились мы поперек пустыни, через пески. Эти пески тихи, монотонны, безжизненны. Целыми днями идешь среди бесконечного песчаного моря: бархан за барханом, словно гигантские волны, встают перед глазами усталого путника, открывая короткие желтые горизонты. Даже поднявшись на более высокую

вершину, ничего не видишь, и все песок, песок и песок. Животной жизни также не видно и не слышно; слышится только тяжелое учащенное дыхание верблюдов, да шорох их широких лап. Красивой гигантской змеей извивается по пескам верблюжий караван, то поднимаясь на гребни барханов, то погружаясь между их капризных скатов...».

За Гобийской пустыней путешественники перевалили через высокие скалистые цепи Нань-Шаня. Здесь Козлову и его спутникам пришлось расстаться с верблюдами и заменить их яками, так как верблюды непригодны для путешествия по горам и плоскогорьям. Пройдя область Цайдам, экспедиция весною 1900 г. вступила в пределы Северного Тибета, где П. К. Козлов намеревался провести все лето. Проникнув затем в бассейн Меконга, П. К. Козлов открыл неизвестный до того времени горный хребет, названный им хребтом Русского Географического Общества. Этот хребет исполинским валом тянется с юго-востока на северо-запад километров на семьсот, служа водоразделом между бассейнами Ян-тзе-кианга (Голубой реки) и Меконга. «В замечательно красивую,—пишет П. К.—дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива; вниз к берегам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красная и белая рябина; все это перемешано с массою разнообразнейших кустарников и высокими травами. В горах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов из незабудок, генциан, хохлаток, мытников, камнеломок и других.

«В глубоких ущельях водятся красивые пестрые барсы, рыси, дикие кошки, медведи и даже обезьяны, живущие небольшими колониями нередко в ближайшем соседстве с тибетцами. В ясную теплую погоду в красивых уголках бассейна Меконга натуралист одновременно услаждает и взор и слух. Свободно и гордо расхаживающие по лужайкам стаи фазанов или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба грифы и орлы невольно приковывают глаз; пение мелких пташек, раздающееся из чащи кустарников, ласкает ухо».

На дальнейшем пути вниз по Меконгу тибетцы неожиданно преградили путь экспедиции и в одном ущелье напали на них. После жестокой схватки казакам удалось отбить нападение, и тибетцы разбежались. Вскоре путешественники встретили трех всадников, выехавших из местечка Чамбо для переговоров. Старший из них, высокий брюнет, одетый в темно-красную шелковую одежду и шляпу с синим шариком, настоятельно просил П. Козлова не ехать дальше, так как из Лхассы получено распоряжение не пускать дальше русских путешественников.

2 ноября 1900 г. экспедиция вновь поднялась на хребет Вудвиль Рокхиля, в восточной, еще более величественной его части, где после перевала Мола открывается по всем направлениям бесконечный лабиринт гор. Господствующими, блестящими на солнце, вершинами Рокхильского хребта считаются снеговые вершины Моди и Загжи, на которые ламы окрестных монастырей часто обращают свои взоры, как на последние чистые ступени земного мира, позволяющие человеку скорее отрешиться от житейской суеты и приблизиться к познанию нирваны...

Экспедиция расположилась на зимовку в округе Лхадо, в селении Лун-ток-ндо. Описывая жителей округа Лхадо. П. К. Козлов между прочим говорит: «Лхадосцы—бесцеремонные попрошайки: потомкам монголов ничего не стоит протянуть руку и прочитать прославление—«куцэрен, куцэрен... сирэну...». При встрече с почетными ламами или чиновниками лхадосцы заранее слезают с лошадей, а затем приседают и одновременно с приседанием высовывают язык, произнося слово «дэму» или «тэму», равносильное нашему «здравствуй».

В конце февраля 1901 г. экспедиция выступила в обратный путь и, перевалив снова через хребет Географического Общества, достигла берегов Голубой реки. Отсюда П. К. Козлов двинулся на север и пересек всю пустыню Гоби поперек. Границ Гоби экспедиция достигла лишь в октябре месяце. По мере движения к северу холод все более увеличивался, а осенние дни становились короче. У горы «Два хана» — Хойрхан — Гоби встретила путешественников снежным штормом, подобного которому они еще не видели ни разу. Во время этого шторма все участники экспедиции обморозили себе лица. Перевалив через Гангын-дабан, путешественники радостно приветствовали священную гору буддистов Богдо-ола, сплошь покрытую снежным покровом, на белом фоне которого резко и красиво выделялись темные, густые заросли леса. На другой день, 7 ноября, обогнув ее у западной стороны и переправившись через шумную прозрачную Толу, экспедиция вскоре прибыла в Ургу, где и нашла приют в доме русского консула Я. П. Шишмарева.

«Не берусь описывать тех радостных чувств — говорит П. К. Козлов—которыми мы были переполнены, достигнув конца нашей трудной задачи, увидев родные лица, услышав родную речь... Чем-то сказочным повеяло на нас при виде европейских удобств, при виде теплых уютных комнат, при виде сервированных столов. Наша внешность так сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмарев не мог не подвести меня к зеркалу и показать мне — меня же самого. «Таким, как вы теперь, — говорил добродушный русский хозяин — некогда вступил в Ургу и ваш незабвенный учитель Н. М. Пржевальский,

отдыхавший вот в этой большой комнате, которую я приготовил для вас».

Из Урги П. К. Козлов, через Кяхту и Сибирь, возвратился в Петербург, где ему была устроена торжественная встреча.

Далай-Лама.

Тотчас по приезде в Петербург П. К. занялся разработкой своих материалов и подготовлением их к печати.

В 1907 году П. К. предпринял двухлетнюю так называемую «Монголо-Сычуаньскую экспедицию» с целью исследования Средней и Южной Монголии, изучения Кукунорской области и сбора

естественно-исторических коллекций в северо-западной части китайской провинции Сычуань. Эта экспедиция была доведена П. К. до конца, и, помимо ценных геологических, ботанических и зоологических коллекций, П. К. Козлов собрал богатые коллекции этнографических предметов, в особенности по буддийскому культу и китайской старине. Но главным результатом этого путешествия было открытие Козловым в центре Монголии, в низовьях Эцзин-гола, мертвого города Хара-Хото, в развалинах которого было найдено огромное количество памятников старины, в виде древних книг, свитков бумаг, картин, статуэток, денежных знаков и предметов обихода. Свои наблюдения и впечатления Козлов изложил в своем сочинении «Монголо-Сычуаньская экспедиция Русского Географического Общества 1907—1909 г. г.».

Отправляясь в это путешествие по Монголии, Козлов решил побывать в Хара-Хото, первыя сведения о котором он получил из сочинения Г. Н. Потанина «Тангуто-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Потанин слышал от монголов, что в одном дне езды к востоку от Кунделен-гола, т.-е. от самого восточного рукава реки Эцзина, находятся развалины города «Эргэ-хара-бурюк»; тут, говорят,—пишет Потанин —виден небольшой кэрим, т.-е. стены небольшого города, но вокруг него много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях кэрима большие сыпучие пески, и воды близко нет».

Достигнув реки Эцзин-гола, берущей начало в снеговых полях величественного Нань-Шаня, Козлов подружился с местным властителем племени торгоутов и просил провести его к мертвому городу. 19 марта Козлов в сопровождении нескольких спутников отправился в пустыню и действительно вскоре увидал стены мертвого города с остатками крепостных башен. Козлов распорядился начать раскопки и вскоре исследователям стали попадаться разные предметы: книги, деньги, принадлежности религиозного культа и т. п. Козлов прожил в Хара-Хото более недели и все собранные вещи отправил с особым караваном в Ургу. Вместе с тем Козлов послал и подробное донесение о своем открытии.

Из Хара-Хото Козлов продолжал свое дальнейшее путешествие и в конце июля 1908 г. прибыл в город Синин, большой областной город, где живет китайский губернатор области. Из Синина экспедиция направилась на берега озера Куку-Нор, расположенного на высоте 3.200 метров над уровнем моря. Озеро Куку-Нор производит впечатление моря, так как вы не видите его противоположных берегов; озеро имеет в окружности около 350 километров. Козлов первый из европейцев совершил не-

сколько плаваний по Куку-Нору в лодке и открыл среди него небольшой остров, где жили три отшельника-монаха.

В Синине Козлов получил письмо от Совета Русского Географического Общества с предложением «заменить дальнейшее стремление на юг новыми дополнительными работами в древнем городе Хара-Хото». Вследствие этого П. К. 6 января 1909 г. отправился со своими спутниками в Амдо, с расчетом весною возвратиться в Алашань и до наступления периода жары при-

Западный угол крепости Хара-Хото (слева видна брешь).

быть в Хара-Хото. На пути в Амдо на путешественников было сделано нападение, и только благодаря хладнокровию Козлова он и его спутники избежали смерти. С этой ночи все члены экспедиции стали спать не раздеваясь и с оружием возле себя.

22 мая 1909 г. экспедиция прибыла в Хара-Хото, расположилась бивуаком, и Козлов приступил к раскопкам. В одной из башен Козлову удалось найти целую библиотеку книг, свитков, рукописей и рисунков на холсте, на шелковой материи и на бумаге. Большинство книг и рукописей, благодаря страшной сухости воздуха в пустыне сохранились в очень хорошем виде.

В половине июля экспедиция покинула Хара-Хото и, обремененная собранными предметами, направилась на север. В конце

июня экспедиция достигла Урги, а 9 августа 1909 г. вступила в Кяхту.

Русское Географическое Общество во внимание к выдающейся деятельности П. К. Козлова избрало его своим почетным

Будда на львином престоле, найденный П. К. Козловым в Хара-Хото.

членом. Почти одновременно с этим английское и итальянское Географические Общества присудили Козлову большие золотые медали за его открытия в Центральной Азии.

По своем возвращении в Россию П. К. Козлов намеревался организовать новую экспедицию в Хара-Хото для производства более детальных раскопок. Однако война 1914—1918 г.г.

и затем революция помешали Козлову осуществить свое намерение. Только в начале 1923 г. П. К. Козлову удалось приступить к осуществлению своего плана новой экспедиции. По этому поводу П. К. Козлов сделал доклад в Совете Народных Комиссаров, и Совнарком ассигновал необходимые для организации экспедиции средства.

В начале 1924 г. П. К. Козлов отправился в свое новое путешествие. Цель этой экспедиции Козлова двоякого рода: 1) продолжить дальнейшее иследование мертвого города Хара-Хото и 2) совершить путешествие по восточному Тибету. Козлов предполагает, что все путешествие займет три года.

Весною 1924 г., задержавшись в Урге, П. К. Козлов организовал исследование северной Монголии и здесь ему удалось открыть к северу от Урги около ста могильных курганов. В этих могильниках были найдены — утварь, ковры, материи и т. д. Все эти предметы относятся к эпохе Ханьской династии, царившей в Китае более двух тысяч лет тому назад. Это открытие вызвало огромный интерес во всем ученом мире, так как оно поможет осветить многие страницы древнейшей истории Азии.

XIII.

Исследователь Центральной Азии — В. А. Обручев.— Путешествие Обручева по Монголии, Северному Китаю и Ордосу.

Выяснению геологического строения Азиатского материка очень много способствовали исследования русского ученого Владимира Афанасьевича Обручева (род. в 1863 г.).

В. А. Обручев, геолог по образованию, совершил свое двухлетнее путешествие по Монголии и северному Китаю исключительно с научной целью выяснения геологического и геофизического строения Азиатского материка. Эту задачу В. А. Обручев выполнил блестящим образом, и его труды по геологии и орографии Центральной Азии, наравне с трудами Рихтгофена, являются классическими.

В. А. Обручев, окончив в 1886 г. Горный Институт в Петербурге, под влиянием чтения сочинения Рихтгофена о Китае решил посвятить себя физико-географическим исследованиям Азиатского материка.

При помощи известного русского ученого геолога проф. И. В. Мушкетова, В. А. Обручеву удалось получить командировку для геологических исследований в Закаспийской области. За эти свои работы В. А. Обручев получил от Русского Географического Общества золотую медаль.

После этого в 1889 г. Горное управление Восточной Сибири поручило В. А. Обручеву исследование берегов Ангары, а в 1890 г. В. А. Обручев предпринял геологическое исследование золотоносного района Олекминско-Витимской горной страны, которую впервые исследовал П. А. Кропоткин (о нем говорилось выше).

В 1892 г. Русское Географическое Общество предложило В. А. Обручеву принять участие в качестве геолога в экспедиции Г. Н. Потанина в Китай и Тибет. В. А. Обручев согласился, но по некоторыми обстоятельствам его путешествие было организовано отдельно от экспедиции Потанина и составило самостоятельную экспедицию. В. А. Обручев совершил свое путешествие в сопровождении небольшого каравана, пробыв в путешествии по неисследованным областям Центральной Азии целых два года.

Эта экспедиция, стоившая Русскому Географическому Обществу менее десяти тысяч рублей, имела огромный научный результат, и исследования В. А. Обручева дополнили и осветили наши географические познания о многих неисследованных до того времени областях Центральной Азии.

Путешествие В. А. Обручева по Китаю и Центр. Азии, начавшееся в сентябре 1892 г., закончилось в октябре 1894 г. За это время В.А.Обручев исследовал восточную и центральную Монголию, провинции Северного Китая — Чжи-ли, Шанси, Шенси и Ганьсу; он совершил путешествие по горным областям восточного Куэн-Луня, Нань-Шаня, Ала-Шаня и восточной части Тянь-Шаня.

Во время этого путешествия было выполнено В. А. Обручевым 13.620 километров маршрутов в пределах Китая, были определены высоты 861 пункта и собраны большие и ценные геологические коллекции.

Насколько подробно производилось исследование, можно заключить из того, что отчет и описание этой экспедиции (без всяких посторонних описаний этнографического и т. п. характера) составляют два тома большого формата в 1.300 страниц.

К сожалению, приходится сказать, что В. А. Обручев не нашел для себя возможным обработать результаты своего путешествия в более или менее популярной форме, могущей заинтересовать широкие круги читающей публики, как это делали Пржевальский и Козлов. Благодаря этому труды и научные заслуги В. А. Обручева известны лишь небольшому кругу специалистов, и его имя не пользуется такой широкой известностью, как, например, имя П. К. Козлова, а между тем по своим научным результатам путешествие В. А. Обручева является одним из наиболее ценных [1]).

---

[1]) В настоящее время В. А. Обручев состоит профессором геологии в Моск. Горной Академии и вместе с тем проректором этой Академии.

XIV.

Исследователь Тибета — Свен-Гедин.

Выше уже мы говорили, что многих путешественников по Азии, в том числе Пржевальского и Козлова, сильно манила своей таинственностью малодоступная высокая горная страна Центральной Азии — Тибет. В этой стране находился священный город Лхасса, резиденция Далай-Ламы — этого буддистского папы, личность которого считается тибетцами священной. Дабы охранить Далай-Ламу от всяких неприятностей со стороны европейцев, тибетцы строго охраняли свою страну и ни одному европейскому путешественнику вплоть до 1904 г. не удалось побывать в стенах священного города Тибета.

Мы уже говорили, что Пржевальский мечтал видеть Лхассу, но эта мечта осталась не осуществленной. После Пржевальского эту цель—увидеть Лхассу—поставил себе шведский путешественник Свен-Гедин, который для осуществления этой цели совершил несколько путешествий по Тибету и своими исследованиями внес огромный вклад в географическую науку.

Свен-Гедин родился в Стокгольме в 1865 г. Он учился в Стокгольмском и Берлинском университетах; в Берлинском университете он слушал лекции знаменитого путешественника по Китаю Фердинанда Рихтгофена, и уже тогда Свен-Гедин заинтересовался Азией. В 1885 г. Свен-Гедин совершил свое первое путешествие по Персии и Месопотамии, а в 1893 г. он предпринял путешествие в Тибет.

Осенью в 1893 г., в сопровождении нескольких русских казаков. Свен-Гедин добрался до Кашгара, а оттуда через Яркенд и Хотан достиг границ Тибета. На пути в Тибет Свен-Гедин совершил восхождение на высочайшую вершину Туркестана (Муз-таг-ата, что значит «отец гор»), высотою в 7.800 метров и покрытую вечными снегами и льдами.

Весной 1895 г. Свен-Гедин, один из первых европейских путешественников, пересек большую пустыню Средней Азии—Такла - Макан и здесь, среди сыпучих песков, открыл старинный мертвый город.

Трудности путешествия по Тибету и пустыням Средней Азии были так велики, что Свен-Гедин, утомленный скитаниями по диким местностям, оставил свое намерения добраться до Лхассы, а направился через Северный Тибет в Пекин, откуда возвратился через Монголию и Тибет в Россию. Все путешествие Свен-Гедина продолжалось три года.

Возвратившись в 1897 г. в Швецию, Свен-Гедин тотчас же принялся за разработку плана нового путешествия в Тибет. На этот раз Свен-Гедин решил переодеться персом, так как он знал персидский язык, и под видом торговца проникнуть в Лхассу. В 1899 г. Свен-Гедин отправился через Туркестан в центральные области Тибета; ему приходилось, чтобы избежать преследований, итти через необитаемые области среднеазиатских пустынь.

Путешествие по пустыням Средней Азии затрудняется почти полным отсутствием воды. Приходится переходить пространства в тысячи километров, где нельзя встретить ни одного ручейка, ни одной речки. Когда захваченные с собою запасы воды иссякают, перед путешественниками встает угроза неизбежной смерти. В таком положении неоднократно бывал Свен-Гедин и его товарищи. Вот как описывает он свое состояние в один из таких моментов: «... мы идем по пустыне вперед с героизмом отчаяния. Ноги мои покрыты кровавыми волдырями. Но все же мое решение твердо: я не остановлюсь, пока не найду воды. Тайная надежда, что этот день принесет мне счастье, подкрепляет меня. Чем дальше мы направляемся на запад, тем чаще встречаем следы копыт диких верблюдов, редкие кустарники тамариндов, следы зайцев и антилоп. Вода должна быть, но вопрос — дойдем ли мы до нее? Я на мгновение останавливаюсь, так велико мое волнение. Мои спутники начинают рыть колодец, но напрасная надежда — вода так солона, что абсолютно негодна для питья. Продолжаем наш путь. Моя лошадь неотступно следует за мной, понурив голову: она, кажется, тоже сомневается в том, что мы найдем воду. Моя собака обнюхивает внимательно почву. Животные и люди, — все жаждут только одного: воды, воды! Мы спускаемся в какой-то овраг, я удваиваю свои шаги и спустя десять минут вижу, как собака жадно прильнула к земле... Мы спасены».

Свен-Гедину не удалось и на этот раз проникнуть в сердце Тибета, и он был вынужден вернуться в Европу. Насколько велики были трудности путешествия, можно судить по тому факту, что из 45 мулов и лошадей к концу путешествия выжила лишь одна лошадь, из 60 ослов пали почти все, и из 60 верблюдов остался только один. Во время путешествия умерло также несколько спутников Свен-Гедина, не вынеся усталости и горных болезней.

В 1906 г. Свен-Гедин отправился в третье путешествие по Тибету. На этот раз он поставил своей целью достижение не Лхассы, а лишь города Шигатсе в южном Тибете, на берегах Брамапутры. Шигатсе считается вторым после Лхассы священным городом Тибета, так как здесь живет Таши-Лама, или лама-наместник.

Во время этого путешествия Свен-Гедин занялся, главным образом, выяснением некоторых научных вопросов, и ему уда-

Свен-Гедин в костюме богатого ладакского туземца.

лось открыть истоки великих рек Индии — Ганга, Брамапутры и Инда. Кроме того Свен-Гедин открыл в южном Тибете огромный

неизвестный до того времени горный хребет, названный им «Загималайским», но называемый некоторыми географами хребтом Свен-Гедина. Этот хребет имеет в длину около 4.000 километров. Третье путешествие Свен-Гедина по Тибету продолжалось около двух лет.

Результаты своих путешествий Свен-Гедин изложил, главным образом, в двух своих больших сочинениях: «В сердце Азии» и «Трансгималаи». Эти сочинения переведены почти на все европейские языки. Чисто научные результаты своих путешествий Свен-Гедин резюмировал в большом труде на английском языке под заглавием: «Southarn Tibet. Discoveries in former times compared wilh my own Research in 1906 — 1908». Этот труд, составляющий пять больших томов, с приложением атласа маршрутных карт и многочисленных фотографий, был издан в 1917 г. в Стокгольме.

XV.

Путешествие в Тибет Генри Сэвэджа Ландора.

Почти все путешественники, отправлявшиеся в Тибет, избирали путь с севера, через Памир или хребет Куэнь-Лунь. Английский путешественник Генри Сэвэдж Ландор избрал в 1897 году другой путь, гораздо более трудный, через Гималаи. Сэвэдж Ландор решил также достигнуть «запретного» города Лхассы. Он отправился в Тибет по собственной инициативе и на свой счет, перенес тысячи всевозможных лишений и только благодаря счастливой случайности остался жив. Ему, как и его предшественникам, не удалось проникнуть в самую Лхассу, но путешествие его было не бесплодно; он первый из европейцев изучил до того времени совершенно неизвестную область Южного Тибета, открыл истоки реки Брамапутры и внес в науку ценный вклад своими описаниями жизни и нравов тибетцев.

Генри Сэвэдж Ландор отправился в свое рискованное путешествие из Бомбея. Наняв себе в слуги в пограничном городке одного индуса по имени Чанден-Синга, Сэвэдж Ландор в сопровождении нескольких носильщиков, углубился в горные области Гималаев. С огромными трудностями Сэвэдж Ландор перевалил через Гималаи, ночуя в снегу и вырубая во льду топорами ступени для подъема. Перейдя Гималаи, носильщики Ландора были так утомлены, что положительно отказывались итти дальше. Они жаловались на холод и объявили Ландору, что не пойдут дальше, так как у них нет больше топлива, и они

не могут сварить себе пищу. «Положение было критическое — пишет Ландор,— но мне удалось уладить дело весьма просто. Я знал, что носильщики питают необыкновенное доверие и почтение к моей подзорной трубе и думают, что в эту трубу можно

Сэвэдж Ландор и его два спутника, индусы Чанден-Синг и Ман-Синг.

рассмотреть то, что делается за горами. Поэтому я взял трубу и, взобравшись на вершину близлежащего холма, объявил своим носильщикам, что нас отделяет всего лишь день пути от такого места, где топливо находится в изобилии. Это подействовало на них успокоительным образом, и они согласились итти за мною».

При вступлении на территорию Тибета Сэвэдж Ландор был встречен тибетской пограничной стражей, преградившей дальнейший путь. Но Ландор объявил, что он индусский доктор и идет на поклонение священному озеру Мансаровар и горе Кела, на вершине которой, по верованию индусов, обитает бог Сива. Достигнув озера Мансаровар и проделав все предписываемые религией обряды, Ландор стал обдумывать свой дальнейший путь к Лхассе. Чтобы не возбудить подозрения со стороны тибетцев, Ландор вынужден был оставить часть своих припасов и в сопровождении только четырех спутников отправился в глубь Тибета. Ландору удалось проникнуть на территорию округа Лхассы; он намеревался оставить своих спутников в лесу, а сам, переодевшись тибетцем, решил пробраться один в священный город. Хотя Ландор и говорил по-тибетски, но не так бегло, как настоящий тибетец; поэтому, чтобы не вызвать подозрения, он намеревался притвориться глухонемым.

Однако этот план не удался Ландору. Однажды ночью, когда Ландор и его спутники находились уже недалеко от Лхассы, на них напали тибетцы и связали их. Связанных путешественников привели к одному ламе на допрос.

Лама просил Ландора рассказать о себе всю правду, грозя в противном случае подвергнуть его сначала бичеванию, а затем смертной казни. «Я ответил им — говорит Ландор — что буду говорить правду, но не потому, что боюсь их угроз. Тогда толстый лама, в великолепном красном шелковом кафтане, расшитом золотом, потребовал, чтобы я сознался, что мой слуга Чанден-Синг показал мне дорогу в Тибет, и что он нарисовал мне карты. Если я в этом сознаюсь, говорил лама, то они отпустят меня на свободу и проводят до границы; моему же слуге отрубят голову и этим удовлетворятся.

«Я отвечал ламам, что мой слуга ни в чем не виноват; я сам сделал карту и нашел дорогу в священную страну. Спокойно и внушительно я повторил несколько раз, что мой слуга исполнял только мои приказания и поэтому его не за что наказывать.

«Лама страшно рассердился на мои слова и ударил меня рукояткой кнута, бывшего у него в руке, но я сделал вид, что не почувствовал удара, хотя мне и было страшно больно.

— Ну, так мы будем бить тебя и твоего слугу до тех пор, пока вы не скажете нам того, что мы хотим!—крикнул лама Ландору».

После этих слов ламы тибетцы приступили к истязанию; первоначально они начали бить бичами слугу Ландора — Чанден-Синга, желая устрашить самого Ландора.

К счастию путешественников вскоре пошел проливной дождь, во время же дождя в Тибете в силу религиозного суеверия ни-

чего нельзя делать; поэтому экзекуция была прекращена, и пленники были рассажены по палаткам. Ночью в палатку к Ландору пришел один тибетский офицер, бывший в страже, и по секрету сообщил, что ламы постановили утром на следующий день отрубить головы пленникам. Начальник стражи, проникшись сожалением к Ландору, предлагал ему бежать и развязал его.

«Как ни соблазнительна была мысль о побеге — говорит Ландор,— но мой долг повелевал мне не оставлять в неволе моих верных спутников Чанден-Синга и Ман-Синга, и я остался»...

Днем в палатку явился солдат и сказал Ландору: — Слушай, прежде чем солнце зайдет, тебя подвергнут бичеванию, потом переломают ноги, выжгут глаза и отрубят тебе голову. «Я употребил страшное усилие — говорит Ландор,— чтобы ни один мускул моего лица не дрогнул. Быть может, он все это говорил нарочно, желая напугать меня? В таком случае мне тем более нужно было сохранить хладнокровие и не выказывать ни смущения, ни страха»...

Седло, на котором везли тибетцы Ландора на пытки.

Вскоре за Ландором пришел лама и сказал, что его желает видеть снова помбо. Ландора с кандалами на руках посадили верхом на лошадь и повезли к помбо. Все время, пока ехали, тибетские солдаты наносили Ландору удары, а один даже сделал несколько выстрелов в Ландора из ружья. К счастью для путешественника, солдат делал промахи. После нескольких часов езды Ландора привезли в какой-то укрепленный город, расположенный на вершине холма.

«Меня привели — пишет Ландор — на площадь, где находился помбо, окруженный ламами и солдатами. Один из солдат зарядил ружье, и, когда я увидел, как много он насыпал пороха, я тотчас же подумал, что и на этот раз судьба спасет меня, так как ружье должно разорваться в руках того, кто будет стрелять. Так и случилось. Солдат передал ружье помбо, и когда тот выстрелил в меня, то я остался цел и невредим, а ружье вылетело из рук помбо, к ужасу всех присутствующих и его

самого. Поднялись неистовые крики толпы, требовавшей моей смерти. Но у меня в душе родилось вдруг убеждение, что я не погибну. И я крикнул трусливой толпе, окружавшей меня, что если я умру *сегодня*, то все умрут *завтра*. Я видел, как мои слова подействовали на толпу. Никто не решался сам убить меня.

«Я был спасен, по крайней мере, на время. Ламы столпились и начали оживленно совещаться между собою, но солнце уже близилось к закату, и я знал, что во всяком случае казнь должна быть отложена до следующего дня... К ночи пошел дождь, и нас оставили связанных под дождем. Сторожа наши, завернувшись в одеяла, улеглись спать, и мне пришло в голову воспользоваться этим моментом и попытаться бежать. С неимоверными усилиями мне удалось высвободить правую руку из кандалов, и, развязав Ман-Сингу ноги, я шепнул ему, чтобы он приподнялся и ногою подсунул бы поближе ко мне меч, лежавший возле спящего солдата. Этим мечом я, конечно, легко мог перерезать остальные веревки на себе и на моих спутниках, и мы были бы свободны. Но бедный Ман-Синг не отличался ловкостью; его движения скоро услышали собаки и подняли лай; тотчас же вся стража повскакала со своих мест, но в страхе они сначала побежали от нас, и только потом, принеся огонь, подошли к нам посмотреть, все ли в порядке. Я воспользовался этим моментом, чтобы снова всунуть руку в кандалы и представился крепко спящим. Удивленная стража заметила, что ноги Ман-Синга развязаны, а руки попрежнему связаны. Солдаты пришли в недоумение и никак не могли понять, каким образом это произошло. Это таинственное происшествие так напугало их, что они принялись звать на помощь. Тотчас же проснулся весь лагерь, сбежались люди и, обнажив мечи, окружили нас. Один из них, похрабрее других, решил приблизиться к нам и снова связал ноги Ман-Сингу.

«На утро к нам из монастыря явились ламы и с ними помбо верхом на лошади. Принесены были ящики с моими вещами, и в моем присутствии начали вынимать оттуда все предметы и и научные инструменты, при чем я должен был давать ламам объяснения. Это было не легко, — мои знания тибетского языка были ограничены и не годились для чтения лекций об употреблении барометра, компаса, термометров и т. п. Тибетцы рассматривали никогда не виданные ими предметы не только с любопытством, но и с примесью суеверного страха. Помбо, также с интересом разглядывавший и подмечавший лучше других, заметил, что фотографические пластинки со сделанными мною снимками желтеют при солнечном свете».

— Что это такое значит? — спросил он Ландора.

— Это знак, что тебе придется отвечать за все твои поступки со мною — сказал Ландор.

Тогда лама с ужасом отбросил пластинки от себя и тотчас же приказал зарыть их в землю. Но солдаты, которым это было поручено сделать, не имели никакого желания прикасаться к ним, и только после долгих пререканий ящик с пластинками был зарыт. «Я с грустью смотрел — пишет Ландор, — как результаты моих трудов исчезали под слоем грязи, которою тибетцы забрасывали яму».

В это время произошел курьезный случай: тибетцы вытащили со дна ящика какой-то плоский предмет. Это была, как оказалось затем, простая губка. Слуга Ландора, Чанден-Синг, положил ее на самое дно ящика, а сверху поместил тяжелые инструменты и разные другие вещи, под тяжестью которых губка мало-по-малу превратилась в совершенно плоскую пластинку. Тибетцы никак не могли понять, что это такое, и с большой осторожностью взяли губку в руки, но тотчас же бросили ее в сторону. Случайно она упала возле меня в маленькую лужу воды.

«Мне сейчас же пришло в голову воспользоваться губкой, чтобы напугать тибетцев, и я обратился к губке с громкой речью на английском языке. Я говорил слова, какие только приходили мне в голову, но произносил их таким образом, чтобы тибетцы подумали, что я произношу заклинания. А в это время губка начала постепенно вбирать в себя воду и разбухать. Можно представить себе ужас тибетцев, когда они увидели, что плоский предмет мало-по-малу растет и превращается в шар, по мере того как я произносил непонятные для них слова. Они уверовали еще больше, что я одарен каким-то таинственным могуществом, и под влиянием страха, охватившего их, все разбежались в разные стороны...

«Спустя некоторое время, ламы, очевидно, набрались мужества и снова принялись за мои вещи. Один из них очень заинтересовался моим ружьем и захотел из него выстрелить; он зарядил его по-своему и, держа ружье так, как тибетцы имеют обыкновение держать свои фитильные ружья, когда целятся, то-есть перед самым носом, лама выстрелил. Раздался оглушительный треск; дуло ружья разорвало, и лама получил сильный удар в лицо. Он упал на землю окровавленный, отчаянно крича и взывая о помощи. Надо сказать, что это был один из самых жестоких лам, больше всех мучивший и оскорблявший меня, и наказание, постигшее его, конечно, произвело очень сильное впечатление на окружающих. Я ясно заметил, что сам помбо начал смотреть на меня после всего происшедшего со страхом и почтением. Мне казалось, что он в душе уже решил не лишать

меня жизни. Между ним и ламами произошло очень оживленное совещание, после которого мне развязали ноги и руки и оставили лежать на земле. Так кончился для меня самый ужасный день, какой только мне пришлось пережить. Помбо заметно переменил свое обращение со мною и сделался очень внимателен.

«На ночь меня привязали снова к столбу, но не особенно крепко. Поздно вечером ко мне пришли несколько лам и принесли большую медную миску с горячим чаем. В числе лам был и тот, который был ранен из моего ружья. Лицо и голова у него были перевязаны. Он так настоятельно уговаривал меня напиться горячего чаю, так как ночь была холодная, что у меня явилось подозрение. Я взял в рот глоток предлагаемого мне напитка и сейчас же выплюнул его, так как был уверен, что он отравлен. Несколько капель я все-таки нечаянно проглотил, и у меня сделались такие спазмы в желудке, что это еще более подтвердило мои подозрения».

Когда наступило утро следующего дня, участь путешественников все еще не была решена, так как мнения на совете лам разделились; некоторые ламы и в том числе сам помбо боялись казнить Ландора. Чтобы как-нибудь выйти из затруднения, ламы решили прибегнуть к гаданию, для чего у Сэвэджа Ландора отрезали сначала клок волос, а затем кусочек ногтя. Когда лама отрезал ноготь у Ландора, то он вскрикнул и внимательно стал рассматривать руки Ландора. В тот же момент все ламы вместе с солдатами бросились смотреть руки Ландора, а вскоре явился и сам помбо.

«В эту минуту — пишет Ландор — я решительно не понимал, что произошло, и только гораздо позднее узнал, что именно произвело такое впечатление на тибетцев. Пальцы моих рук, как оказалось, представляли некоторую особенность строения, которой в Тибете придают очень большое значение. Тот, кто обладает такими руками, считается тибетцами неприкосновенным, так как он заколдован от всяких страданий. Нет никакого сомнения, что это странное суеверие тибетцев много способствовало благоприятному повороту в моей судьбе.

«Помбо объявил мне, что ни я ни мои слуги не должны быть казнены, но в тот же день нас отправят, в сопровождении стражи, на границу Индии. Радость моя была велика, когда я, наконец, увидал своего верного Чанден-Синга, который считал меня уже убитым. Чанден-Синг был в ужасном состоянии; избитый и изнуренный голодом, он еле держался на ногах, но уж одно то, что он был жив, делало меня несказанно счастливым».

Помбо сдержал свое слово и отправил Ландора с его спутниками под стражей на границу Индии. Ландор за несколько

месяцев пребывания в Тибете так изменился, что когда он прибыл в Бомбей, то никто из его знакомых не узнал его. Ландор отправился в Тибет молодым человеком, полным сил и здоровья, а вернулся оттуда больным, измученным стариком.

Однако Ландор нисколько не жалел о том, что предпринял путешествие в Тибет, так как ему удалось внести благодаря этому путешествию богатый вклад в географическую науку. Его страсть к путешествиям и исследованиям неизвестных стран была так сильна, что он, едва оправившись от перенесенных им невзгод в Тибете, снова отправился в далекое путешествие на острова Великого океана. В 1912—1913 г.г. Сэвэдж-Ландор совершил грандиозное путешествие поперек материка Южной Америки и исследовал обширные пустыни плоскогорья Матто-Гроссо и тропические леса в бассейне величайшей в мире реки— Амазонки. За все время этого путешествия Сэвэдж-Ландор прошел, большею частью, пешком и проехал верхом на лошади 23.500 километров. Ландор был первым исследователем, перерезавшим весь материк Южной Америки в самом широком его месте от берегов Атлантического океана до берегов Великого океана.

XVI.

Английская экспедиция в Тибет.

Английское правительство, опасаясь, что Тибет подпадет под влияние России, решило в 1902 г. послать к Далай-Ламе официальную экспедицию, цель которой была не столько научно-географическая, сколько чисто политическая. Во главе экспедиции был поставлен майор Ионгхезбенд; в числе участников экспедиции находился также английский ученый Аустин Уоддель, известный исследователь буддизма. Уоддель и составил описание этого путешествия и познакомил европейскую публику с таинственной страной.

В июле 1903 г. экспедиция, сопровождаемая отрядом из 200 вооруженных индусов, перешла границу Тибета, но здесь экспедицию встретили 3.000 вооруженных тибетцев. Предполагая, что между Далай-Ламой и Россией был уже в это время заключен договор, и Далай-Лама принял покровительство России, англичане решили, что им необходимо начать действовать. Кроме того, услужливые шпионы передавали англичанам, что в Тибет ввозится большое количество ружей и амуниции, и что тибетцы готовятся к войне с англичанами, рассчитывая на помощь России. Это еще более увеличило раздражение англичан. Вследствие всего этого 6 ноября 1903 г. английское правительство решило,

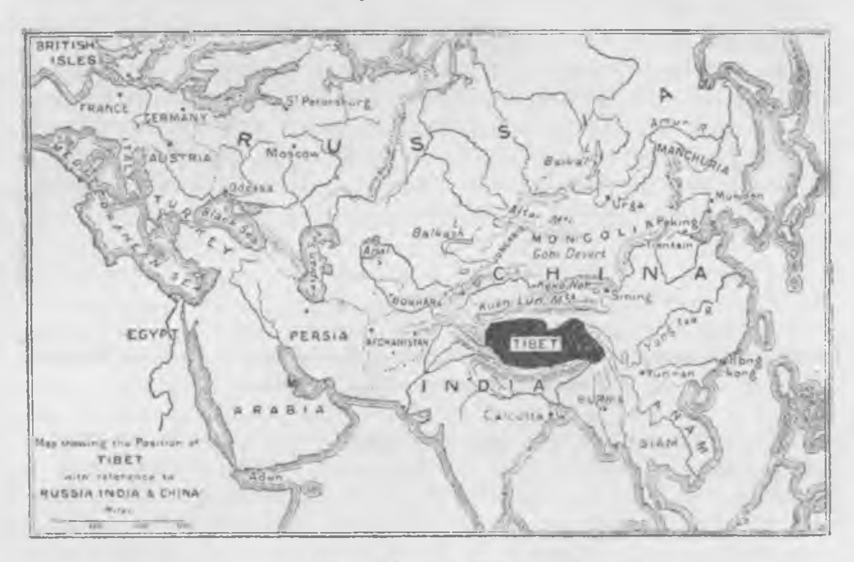
что миссия майора Ионгхезбенда должна без промедлений двинуться вперед, занять долину Чумби и добиться от Далай-Ламы удовлетворительных гарантий. Из Индии было прислано подкрепление в 3.000 человек, и этот отряд под начальством генерала Макдональда вместе с экспедицией Ионгхезбенда двинулся в Тибет. Руководителям экспедиции было предписано держаться мирного образа действий и прибегать к оружию только в случае нападения.

В декабре 1903 г. отряд полковника Ионгхезбенда перевалил через Гималаи и направился через проход Джелеп, расположенный на высоте 4.360 метров над уровнем моря, и скоро достиг долины Чумби. Здесь войска без боя оккупировали форт Фари. После этого английская экспедиция двинулась по направлению к Лхассе. По дороге англичан несколько раз останавливали процессии лам, просивших их вернуться обратно; ламы уверяли, что в Тибете нет никаких русских, и что Далай-Лама не думает переходить под покровительство России. Но англичане требовали ответных послов от Далай-Ламы, а их не было. Волнение тибетцев между тем все возрастало по мере приближения англичан к сердцу Тибета. Наконец тибетцы решили остановить движение англичан силою, оружия, и в местности, носящей название «Кристалльные источники», произошла первая схватка между англичанами и тибетцами. Англичане вышли из этой битвы победителями, и через несколько дней полковник Ионгхезбенд получил от китайского амбаня известие, что он в скором времени прибудет «приветствовать» английскую миссию. Между тем англичане заняли без боя крепость и город Джиантсе, где и стали ждать посольства от Далай-Ламы.

Однако дни проходили за днями, а никакого посольства не было. Вместо того в ночь на 5 мая на форт Джиантсе, где расположилась английская миссия, было сделано нападение. После горячего боя, длившегося почти всю ночь, тибетцы были разбиты. Однако вскоре тибетцы произвели новое нападение, но и на этот раз англичане остались победителями. Борьба с некоторыми перерывами длилась более месяца, и лишь в конце июля между англичанами и тибетцами было заключено перемирие, при чем англичане требовали, чтобы Далай-Лама прислал своих послов для переговоров. Посольство от Далай-Ламы приехало в половине июля, но переговоры с ним не привели ни к каким результатам, и враждебные действия снова возобновились. Англичане разбили тибетское войско у Джиантсе и затем двинулись к Лхассе.

После почти месячного путешествия и неоднократных стычек с тибетцами англичане подошли, наконец, 3 августа 1904 г. к таинственному городу, к «престолу богов», к резиденции

великого Далай-Ламы. Вот как описывает Уоддель этот момент в своей книге: «И вот перед нами был, наконец, предмет наших мечтаний, давно желанный таинственный город отшельников, Рим Центральной Азии, с резиденцией своего священника-бога. И он не разочаровал нас! Естественная красота его местоположения в умеренном климате, посреди плодоносной, опоясанной горами равнины, роскошь его похожих на дворцы монастырей, храмов и зданий, окруженных чудными рощами, до известной степени объясняет, почему ламы так ревниво охраняли свою

Карта Азии и Тибета.

столицу от вторжения посторонних... Как бы желая скрыть столицу Далай-Ламы до последнего мгновения, природа поставила перед нею целую завесу из скал, которые тянутся между двумя крутыми охраняющими ее холмами — Поталой и «Железной Горой»... Когда минуешь окрестные скалы, то перед взорами путешественника открывается обширная и чарующая панорама. Слева виднеется огромный дворец Далай-Ламы, построенный на холме, а справа возвышается на вершине Железной Горы храм медицины, являющийся главным рассадником врачей тибетской науки врачевания».

Английская миссия вошла в Лхассу 4 августа. В это время Далай-Лама был уже в пределах Монголии в городе Урге. Англичан встретил китайский чиновник, а затем к ним явился наместник Далай-Ламы, старый монах лама. Этот наместник Далай-

Ламы, глубоко пропитанный принципами буддизма и ужасом к кровопролитию, много способствовал мирному разрешению конфликта. Наместник обладал недюжинным умом и быстро схватывал сущность вопросов.

Английская миссия прожила в Лхассе около двух месяцев и, наконец, 23 сентября, после подписания мирного договора, покинула этот город. Английская миссия добилась, чтобы в Тибет и в Лхассу беспрепятственно допускались английские торговцы из Индии и мирные исследователи, желающие изучить Тибет с научной целью.

Таким образом англичане первые достигли «запретного» города, к стенам которого стремилось столько путешественников и исследователей. Начиная с 1904 г. земной рай «живого Будды» уже не является более сказочной страной, окутанной тайной. Через его границу проникли европейцы, и действительность рассеяла мираж обманчивых чудес, собиравшихся в течение многих столетий вокруг далекой восточной Мекки.

XVII.

Исследование южного Китая и Индокитая.— Экспедиции в Сиам и Верхнюю Бирму.— Восхождение на Гималаи.

В то время как русские исследователи стремились изучить Центральную Азию и области Северного Китая, французы и англичане старались проникнуть в таинственные страны Южного Китая, Индокитая, Сиама и Бирмы. Первым поводом к исследованию этих стран в XIX веке послужили политические события: в 1826 г. англичане захватили западную часть Индокитая, а именно приморские страны Арракан и Тенассерим. После этого английский посланник Крауфёрд сделал попытку проникнуть во внутренние области Бирмы. В 1837 г. английский путешественник Маклеод совершил сухопутное путешествие от устья реки Салуэна к верховьям Меконга.

В 1862 г. французы последовали примеру англичан и заняли область нижнего течения Меконга. После этого в Индокитай направились и французские исследователи. Из числа этих исследователей особенно выделяются Жан Дюпюи, Дудар де-Лагре и Франсис Гарнье. Жан Дюпюи еще в 1859 г. посетил Шанхай в качестве коммерсанта. Несколько лет спустя он в сообществе молодого французского ученого Евгения Симона отправился вверх по реке Ян-цзе-киангу и достиг города Нанкина. Здесь Дюпюи прожил долгое время и изучил китайский язык.

В 1868 г. Дюпюи совершил большое путешествие по области Юннана и исследовал Красную реку.

Одновременно с Дюпюи капитан французского флота Дудар де-Лагре произвел исследование Камбоджи и совершил плавание по Меконгу. С верховьев Меконга Лагре направился в пределы южного Китая и был первым европейским путешественником, проникшим в Китай с южной стороны. Это путешествие, сопровождавшее громадными трудностями и лишениями, подорвало здоровье Лагре и он скончался в небольшом китайском городке на берегу Голубой реки.

После смерти Дудара де-Лагре начальство над экспедицией перешло к его помощнику Франсису Гарнье. Собственно говоря, Гарнье был инициатором и душой этой экспедиции, и на нем лежала вся работа по определению широт и долгот, по исследованию флоры и фауны и т. д. Он не был назначен начальником экспедиции с самого начала лишь потому, что был еще очень молод. Франсис Гарнье, тоже морской офицер, как и Лагре, отличался необычайной твердостью характера и смелостью, доходившей до героизма. Вместе с тем он обладал натурой ученого исследователя и терпеливо и тщательно отмечал все, что встречалось на пути. «С того момента — пишет он в своих записках — как мы входили в область, еще неизвестную европейцам, каждый поворот реки, занесенный мною на карту, казался мне значительным событием моей жизни».

«Как суха работа географа! — говорит он в другом месте. — Как однообразно наблюдение с буссолью в одной руке и с часами в другой! Как я завидую моим спутникам, которым их занятия не мешают наслаждаться удовольствиями путешествия! Увы! все это не для меня: чем разнообразнее дорога, тем больше у меня работы. Вот гора! поскорее надо снять ее вид, измерить ее уклон! Вот река! прежде всего надо узнать ее название и откуда она течет. А там деревня, которую приходится заносить на карту... И так всегда и постоянно; ни минуты отдыха, ни минуты спокойного созерцания».

Однако Гарнье, несмотря на свои жалобы, не бросал «тяжелого ремесла географа», которое он в действительности любил. Целые годы проводил он в горах и долинах Индокитая и вернулся во Францию лишь в 1870 г. Ужасная франко-прусская война 1870—1871 г.г. отвлекла Гарнье от мирных научных занятий, но после заключения мира французское правительство снова послало Гарнье в Тонкин. Это путешествие имело для Гарнье печальный конец. В это время в южном Китае вспыхнуло восстание тайпингов, и Гарнье был убит ими в окрестностях города Ганои. Тайпинги отрубили Гарнье голову. Так погиб на 34 году своей жизни талантливый

исследователь, которому Франция и географическая наука обязаны исследованием Тонкина.

В 70 годах XIX столетия, благодаря соревнованию между Англией и Францией в деле установления торговых сношений с Юннаном и Сечуаном , англичане предприняли ряд путешествий из Бхамо в юго-западный Китай и обратно. Английские путешественники Броун (1873—1874), Купер (1876 г.) и Лепперс (1878 г.) старались проникнуть из западной Бирмы и Ассама в Юннан и Сечуан, но ни одна из этих экспедиций не увенчалась успехом. Почти в это же время английские экспедиции Мартери, Мак-Карти и австро-венгерская экспедиция Сечени, избрав обратный маршрут, то-есть из юго-западного Китая в Бирму, благополучно перешли северную часть Индокитая.

В 1885 г. англичане захватили Верхнюю Бирму, вскоре проложили железную дорогу по долине реки Иравади и подвергли всю страну топографическому, геологическому и метеорологическому исследованию. Точно так же и французы, включившие путем захвата в 1883 году Тонкин в состав французских колониальных владений и провозгласившие затем свой протекторат над Аннамом, сделали подобную же работу в Индо-Китае.

Что касается обширной территории Индии, то англичане в точности исследовали эту страну вскоре после захвата ими этой области. Впрочем, здесь не приходится отмечать сколько-нибудь выдающихся научных путешествий, так как работа по топографической съемке была вверена специальным топографическим учреждениям, которые в течение целого ряда лет постепенно наносили на карты результаты своих исследований. Благодаря этим работам основные черты географии всего Индостана могут считаться в наше время окончательно выясненными. То же можно сказать и о большом острове Цейлоне и вообще о всех островах, расположенных близ берегов Индостана.

Долгое время совершенно неисследованной частью Индии была область Гималайских гор. В эту область и направлялись преимущественно отважные исследователи. Еще в 1783 г. английский путешественник Тернер проехал по горной области Бутана и перевалил через Гималайский хребет. В 1808 г. Уэбб нашел истоки Ганга, а в 1814 г. Фразер — истоки Джумны. В 1820 г. Муркрофт совершил большое путешествие по Кашмиру, а в сороковых годах область Гималаев исследовал Г. Эверест. В честь его позднее исследователь Фогт назвал высочайшую вершину Гималаев «Эверестом».

В период 1854—1857 годов немецкие исследователи братья Герман, Роберт и Адольф Шлангинтвейты предприняли общее исследование Передней Индии и Гималайских гор с точки зрения физической географии. Пропутешествовав целый год

по Индии, они пробрались через Гималаи в Китайский Тибет. Затем в июле 1856 г. Герман и Роберт Шлагинтвейты прошли переодетыми в китайское платье из Симлы через Каракорум и поднялись на вершины Куэн-Луня. Третий из братьев, Адольф, направился из Симлы к верхнему Гангу, намереваясь исследовать Западный Тибет, но ему не удалось окончить свое путешествие: он был убит в Кашгаре. Научные результаты путешествия братьев Шлагинтвейтов были, сравнительно, ничтожны, так как Шлагинтвейты производили мало исследований и определений географических широт и долгот.

Во второй половине XIX века исследованием Гималаев занималось много английских и немецких ученых. Из этих исследователей особенно заслуживают упоминания Годвин Ауст (1860—1861 г.г.), Бленфорд (1879 г.), Таннер (1883—1884 г.г.), Мартин Конвей (1892 г.), К. Динер (1893—1894 г.г.), Фрешфильд (1899 г.), супруги Беллок-Воркман (1899 — 1900 и 1902 — 1903 г.г.), Аустин Уоддель (1904 г.), Дональдсен и др.

Но ни одному из названных путешественников не удалось подняться на высочайшую вершину Гималайских гор — Эверест или по тибетски Чомо-Лунгма — «Божественная мать земли», высота которой определялась в девять километров.

Между тем, неисследованные высочайшие вершины гор всегда привлекали к себе интерес путешественников, как бы возбуждая характерную способность человеческого духа стремиться всегда вперед и выше.

Но все попытки проникнуть в сердце Гималаев и подняться на их высшую точку, которая является также и высшей точкой на всем земном шаре, оканчивались неудачей. На самом деле, трудности восхождения на Гималаи неисчислимы: нужно целые месяцы путешествовать по пустынной стране, среди льдов и снегов, на высоте от 4 до 6 тысяч метров, в разреженной атмосфере, где царят необычайные бураны и мятели.

Однако для человеческой энергии почти не существует препятствий на земле. В 1922 г. вершина Эвереста была завоевана человеком, достигшим высоты 8.326 м. Эта победа была одержана английской экспедицией под руководством исследователей Тибета и Гималаев полковника Говард-Бери и генерала Брюса.

Экспедиция Говард-Бери выступила в путешествие в мае месяце 1921 г., имея 100 мулов и 40 человек носильщиков; сама экспедиция состояла из руководителя, Говард-Бери, и его помощников — известных исследователей Гималаев: Ридберна, доктора Келласа, Маллори и Буллоко, двух офицеров-топографов, геолога, доктора Герона, и врача Волластона.

Восхождение на Эверест решено было начать с севера, со стороны Тибета, где склоны Гималаев более отлоги. Пройдя для

этого из Сиккима в Тибет, экспедиция миновала священную гору Гомальгари (7.346 метров) и отсюда обходным путем через Танг-ла начала подниматься на Кампа-дзонг.

Но уже здесь начались сказываться трудности путешествия по высоким странам; многие члены экспедиции были постоянно больны от перемены климата и пищи; первой жертвой пал доктор Келлас; сердце этого замечательного ученого исследователя не выдержало, и он умер у подножия Гималаев. Здесь же заболел и другой участник экспедиции Ридберн, который поспешил вернуться обратно.

Только после четырехмесячного путешествия по диким склонам и ущельям, а именно 22 сентября экспедиции удалось подняться на 6.400 метров высоты. До вершины Эвереста оставалось, таким образом, еще 2.000 метров. Дальнейший подъем пришлось оставить, так как на склонах горы царил такой сильный шторм, что не было никакой возможности продвигаться вперед. Буря несла тучи снега с вершины в долину; упорство было безумием, и путешественники решили вернуться обратно, чтобы будущей весной с новыми силами снова начать атаку.

Новая экспедиция, на этот раз под начальством лучшего знатока Гималаев генерала Брюса, в составе 9 человек выступила в путь 26 марта 1922 г. Уже 8-го мая экспедиция была на высоте 6.040 метров, а 13 мая экспедиция сделала остановку на высоте 7.015 метров, среди фантастической дикой природы — ледяных ущелий и необозримых снежных полей. 19 мая началось восхождение на самую вершину. Воздух был здесь так редок, что приходилось надевать аппараты с кислородом. Достигнув высоты 8169 метров, исследователи вынуждены были вернуться.

25 мая двое более молодых членов экспедиции Финч и Брюс (племянник начальника экспедиции) решили сделать новую попытку восхождения; взяв с собою 12 носильщиков с провизией и аппаратами с кислородом, они начали восхождение. Подъем с неимоверными трудностями продолжался двое суток. По мере подъема более слабые носильщики падали от изнеможения, и их приходилось отсылать обратно. Наконец, остались только Финч, Брюс и один носильщик. Эти трое людей провели целых две ночи среди снежной бури и страшного ветра, не дававшего возможности поставить палатку.

Достигнув высоты в 8.326 метров, путешественники вынуждены были остановиться; их силы падали с каждой минутой, а между тем до вершины оставалось еще 500 метров. Обмороженные и изнуренные исследователи с большим трудом спустились в лагерь, где их с нетерпением ждали остальные члены экспедиции.

3 июня была сделана третья попытка восхождения на вершину Эвереста. Но на этот раз попытка окончилась смертью

семи человек носильщиков, сброшенных ветром в ледяную пропасть. Путешественники, полубольные и с отмороженными ногами и руками, вынуждены были спуститься в долины.

XVIII.

Исследование островов Малайского архипелага.— Путешествие Альфреда Русселя Уоллэса.— Исследование острова Явы Юнгхуном.

Если мы посмотрим на карту восточного полушария, то мы заметим между Азией и Австралией группу многочисленных островов. Эти острова носят общее название Инсулинда или Индонезии, что значит в переводе на русский язык «Островная Индия». Острова эти, расположенные вдоль экватора, омываются теплыми водами тропического океана и отличаются богатейшей природой. Их вечно теплый и влажный климат позволяет произрастать здесь таким растениям, которые неизвестны нигде в ином месте. Здесь родина самых нежных плодов, драгоценных кореньев, большой человекообразной обезьяны оранг-утанга и чудесных райских птиц. Эти острова — те самые таинственные «острова пряностей», к открытию которых стремились великие мореплаватели средних веков Васко де-Гама, Христофор Колумб и другие.

Благодаря своей природе и роскошной растительности эти острова и в новейшее время привлекали к себе десятки исследователей, приезжавших сюда с разных концов света. В особенности много исследователей и естествоиспытателей путешествовало по этим островам во вторую половину девятнадцатого столетия, после того как знаменитый английский естествоиспытатель Уоллэс, исследовавший эти острова в период 1854—1860 г.г., издал свое классическое сочинение «Малайский Архипелаг. Страна оранг-утанга и райской птицы».

Уоллэс, можно сказать, открыл вновь эти острова для науки. Он путешествовал по островам Малайского архипелага целых восемь лет, живя среди дикарей и тропической природы. Он тщательно изучил природу всех этих островов и жизнь дикарей, населяющих Малайский архипелаг. Насколько огромны были результаты этого путешествия, мы можем судить по тому факту, что Уоллэсом было собрано и описано более 8.000 видов птиц, 7.500 различных моллюсков, 13.000 бабочек и 300 млекопитающих. Все же коллекции Уоллэса, вывезенные им с островов Малайского архипелага, заключали более 125.000 предметов. Кроме того, Уоллэс произвел также измерения черепов живущих на островах племен, изучил туземные наречия и составил словари

семидесяти пяти наречий. Но главное географическое открытие Уоллэса состояло в том, что он доказал, что Малайский архипелаг распадается как в геологическом отношении, так и по своей фауне и флоре на две резко разграниченные между собою половины: азиатскую и австралийскую. Уоллэсу удалось установить между этими половинами разграничительную линию, которую географы и назвали в честь Уоллэса— «Уоллэсовой пограничной линией». Позднейшие исследования подтвердили это открытие Уоллэса и доказали, что некогда одни острова архипелага — Суматра, Борнео, Ява и другие, лежащие ближе к Азиатскому материку — составляли часть великого азиатского материка, а другие — часть Австралийского материка.

Наблюдения над тропическим миром Малайского архипелага привели Уоллэса к важным выводам о происхождении видов, и он еще в 1858 г. послал отсюда в Лондон свою первую статью, где указывал на важную роль естественного подбора, совершенно не зная, что к таким же выводам пришел в это время и другой английский естествоиспытатель Чарльз Дарвин. Узнав об этом по возращении в Англию, Уоллэс великодушно отказался от права первенства на теорию о происхождении видов и ревностно посвятил свою жизнь для дальнейшего развития этого учения, ставшего известным в науке под именем «дарвинизма».

Заканчивая описание своего путешествия по островам Малайского архипелага, Уоллэс говорит: «Я рассказал о своих восьмилетних странствованиях по самым большим и самым роскошным островам, украшающим земную поверхность. Но прежде чем проститься с читателями, я хочу сказать несколько слов относительно важного предмета, который обратил на себя мое внимание благодаря наблюдению жизни диких, и из которого мы видим, что цивилизованному человеку можно многому поучиться у дикарей.

«Большинство думает, что мы, высшие расы, шли всегда вперед и идем вперед и теперь. Если это правда, то должна же существовать такая высшая степень совершенства, к которой мы должны приближаться все ближе и ближе. Какое же это идеальное состояние, к которому всегда стремилось и стремится человечество? Наши лучшие мыслители говорят, что это есть состояние личной свободы и самоуправления, — состояние, когда каждый будет знать, в чем заключается справедливость, и притом будет стараться воплотить эту справедливость в жизнь, вследствие чего всякие законы и наказания сделаются ненужными. Тогда всякий человек будет понимать нравственный закон, и его не нужно будет принуждать повиноваться этому закону, потому что он сам свободно будет исполнять его.

«Замечательно, что у людей, стоящих на очень низкой ступени цивилизации, встречается нечто близкое к подобному совершенству. Я жил среди дикарей Южной Америки и на островах Малайского архипелага, и я видел, что у них не было иного закона или суда, кроме свободно выраженного общественного мнения всего селения. Каждый отдельный человек у них вполне уважает права своих собратьев и редко посягает на эти права. В таком обществе дикарей все приблизительно равны. В нем нет тех громадных различий между образованием и невежеством, между богатством и бедностью, между господином и слугою, какие существуют в нашем цивилизованном обществе. Среди дикарей нет такого страшного соперничества или борьбы за существование, которое существует в наших густо населенных цивилизованных странах. Следовательно, там нет и поводов для крупных преступлений, а мелкие подавляются влиянием общественного мнения и еще более тем сознанием справедливости и прав своего ближнего, которое до некоторой степени присуще каждому человеку.

Альфред Уоллес.

«Таким образом выходит, что мы значительно ушли вперед перед дикарями в умственном отношении. Но громадная масса европейского населения в понятиях о нравственности вовсе не ушла далее дикаря и во многих отношениях даже опустилась ниже его.

«В течение последнего столетия мы далеко подвинулись вперед в умственном и материальном отношении. Но богатства, знания и культура выпадают лишь на долю немногих людей, а это указывает на несовершенство нашего строя. Наши беспримерные успехи в промышленности и торговле, наши обширные и многолюдные города создали многочисленный класс людей, вся

жизнь которых проходит в тяжелом неблагодарном труде, между тем как на долю ничтожного меньшинства выпадают одни удовольствия. Трудящиеся массы видят вокруг себя роскошь и довольство, пользоваться которыми они не могут. В этом отношении положение их хуже дикаря.

«Явление это очень неутешительно, и до тех пор пока мы не сознаем недостатков нашей цивилизации и не проникнемся более гуманными чувствами, наше общество вряд ли будет иметь какое-нибудь превосходство над обществом лучших племен дикарей...».

Из всех Малайских островов наиболее исследованным является большой остров Ява. Самым выдающимся исследователем Явы бесспорно следует считать Франца Вильгельма Юнгхуна, который посвятил изучению острова Явы целых пятнадцать лет (с 1835 по 1849 г.) и после этого составил подробное описание Явы и ее природы. Это сочинение Юнгхуна считается классическим произведением по географии Явы. Юнгхун путешествовал также и по другим островам Инсулинда.

XIX.

Исследование Передней Азии.— Людвиг Буркгардт.— П. А. Чихачев.— Арминий Вамбери.

Географическое исследование Передней Азии первоначально мало интересовало правительства западно-европейских государств, так как в Передней Азии не было свободных областей для основания новых колоний. Как известно, вся Малая Азия с половины Средних веков была захвачена турками, а обширные плоскогорья Ирана были заняты Персией. Но, тем не менее, области Малой Азии, едва ли не больше, чем все другие части земного шара, уже с давних пор привлекали к себе массу путешественников и исследователей. Большинство этих путешественников стремилось сюда со всех концов земли большею частью ради религиозных целей. В Западной Азии находятся священные местности и города как христианского, так и мусульманского мира, и эти-то места являлись притягивающими центрами для многих тысяч путешественников со времен Средних веков.

С начала XIX столетия многие европейские путешественники начали стремиться в Западную Азию уже с чисто научными целями. Но так как правительства европейских государств были мало заинтересованы в исследованиях Передней Азии, то большинству исследователей приходилось совершать свои путешествия на Ближний Восток всецело по своей инициативе и на свой счет

и риск. Было бы слишком долго и утомительно перечислять здесь всех более или менее выдающихся исследователей Передней Азии, и поэтому мы остановимся лишь на тех, которые внесли в географическую науку особенно ценный вклад по географии Передней Азии в смысле ознакомления с ее природой, с бытом и нравами ее населения.

На предшествующих страницах мы уже упоминали об исследованиях Малой Азии и стран Ближнего Востока Карстеном Нибуром, который в 1763—1767 годах объездил весь Синайский полуостров, Аравийское побережье, некоторые местности Иемена, Южную Персию, Палестину и Малую Азию. Хотя Нибур был собственно историком, он, тем не менее, внес ценный вклад и в географическую науку. Нибур составил подробную географическую карту Передней Азии на совершенно новых основаниях и тем оказал географической науке неоценимые услуги. Нибур может вполне считаться пионером научного исследования Передней Азии. Отчасти по его следам направились и первые исследователи этой области в XIX столетии. Так, в 1805 г, соотечественник Нибура, Ульрих Гаспар Зецен посетил Сирию, а в 1809 г. Аравию; он умер в 1811 г. на пути во внутренние части этой страны.

Огромную услугу делу познания Передней Азии оказал швейцарский путешественник Иоган Людвиг Буркгардт. Предварительно изучивши арабский язык, историю арабского народа и ислам, Буркгардт в 1809 г. отправился на остров Мальту, откуда в восточном одеянии, под именем шейха Ибрагима, направился в Алеппо, а затем в Дамаск. В Сирии Буркгардт прожил $2^1/_2$ г. и окончательно усвоил арабские обычаи. В 1810—1812 г.г. Буркгардт исходил пешком и изъездил верхом на осле Ливан и Хауран, где открыл много развалин и греческих надписей времен Траяна и Марка Аврелия. После этого он подробно изучил область Десятиградия и долину реки Иордана. Уехав осенью 1812 г. в Египет, Буркгардт в 1814 г. снова прибыл в Азию и решил проникнуть в священный город мусульман — Мекку, куда всем немусульманам доступ закрыт под страхом смерти. Прибыв в Джидду 26 июля 1814 г., Буркгардт был заподозрен арабами в том, что он христианин; он был арестован и его заставили перед двумя учеными арабами выдержать особое испытание. Буркгардт так хорошо изучил ислам, что ученые законники признали его магометанином и позволили ему совершить паломничество в Мекку. Буркгардт пробыл в Мекке четыре месяца и затем присоединился к каравану в 80.000 богомольцев, отправлявшихся на гору Арафат, после чего получил право называться «хаджи». Из Мекки Буркгардт совершил путешествие в Медину, на родину пророка Магомета, а затем через Суэц

возвратился в Каир. Поселившись в Каире, Буркгардт принялся за обработку своих материалов, но ему не удалось поведать миру о всех приключениях и открытиях: он умер 17 октября 1817 г. Свои дневники он завещал Лондонскому Географическому Обществу, которое и издало несколько дневников под заглавием: «Путешествия по Нубии», «Путешествия по Сирии и Святой Земле», «Путешествия по Аравии».

Из всех путешественников-исследователей Малой Азии и Палестины после Буркгардта наиболее выдающимся является русский ученый Петр Александрович Чихачев. Сочинение Чихачева о Малой Азии (8 томов) до сих пор считается классическим. Чихачев дал в этом своем труде подробные сведения по геологии, физической географии, ботанике, зоологии, палеонтологии и археологии Малой Азии. Исследования Чихачева продолжались 15 лет, а на обработку собранных материалов Чихачев посвятил целых 20 лет.

Петр Александрович Чихачев, кроме Малой Азии, путешествовал по Алтаю и является одним из его первых исследователей. Он совершил также большое путешествие по Алжиру и Тунису; описание этого путешествия издано Чихачевым в 1880 г. на французском языке.

П. А. Чихачев родился в 1808 г.; получив лишь домашнее образование, он собственными усилиями пополнил недочеты и пробелы в своих знаниях. 18-летним юношей Чихачев поступил на службу в министерство иностранных дел, которое послало его чиновником в русское посольство в Константинополе. Отсюда он и совершил свои первые поездки в Египет, Сирию и Грецию. Эти страны и их природа пробудили у Чихачева страстный интерес к путешествиям и к научным исследованиям особенно заинтересовала его геология. Вскоре Чихачев оставил службу в посольстве и отправился в Саксонию, во Фрейберг, где и поступил в знаменитую Фрейбергскую Горную Академию. Здесь Чихачев пробыл 2 года, усердно занимаясь геологическими работами.

В 1837 г. Чихачев совершил свое первое научное путешествие по Испании и Алжиру, исследовал строение Калабрийских гор (в южной Италии), а также гор Сицилии и приморских Альп. Плодом этих исследований явилось большое сочинение на французском языке, давшее Чихачеву громкую известность, как специалиста по исследованию горных богатств. Благодаря этому в 1840 году Чихачев и получил приглашение от русского правительства поехать для исследования на Алтай. Чихачев с успехом выполнил это поручение и сделал много открытий, проникнув в дикие области, куда до того времени не проникал ни один европеец. Чихачева сопровождал художник (впослед-

ствии академик) Мейер, который зарисовал большинство местностей, посещенных Чихачевым. Об этом своем путешествии Чихачев написал на французском языке большое сочинение «Voyage dans l'Altai Oriental» (Путешествие в Восточный Алтай), вышедшее в 1844 г. в Париже.

Вскоре по возвращении своем с Алтая Чихачев задумал о путешествии в Малую Азию. Подготовка к этому путешествию заняла у него несколько лет, и лишь в 1848 году Чихачев попал в Сирию. Путешествие это Чихачев предпринял по своей личной инициативе и на свои собственные средства, продав для этого доставшееся ему в наследство после матери имение. Благодаря ограниченности средств, Чихачев мог взять с собою только двоих спутников — француза-слугу и одного татарина. С небольшими перерывами путешествие Чихачева по Малой Азии длилось, как мы сказали выше, целых 15 лет. За это время Чихачев изъездил всю страну вдоль и поперек и собрал богатейшие материалы по геологии и географии страны, а также по ее флоре и фауне. Возвратившись в 1863 г. в Париж, Чихачев занялся обработкой собранных материалов. Сознавая, что его обширное сочинение не найдет издателей в России, Чихачев написал его по-французски. Это сочинение было издано в Париже в роскошном виде с приложением большого альбома рисунков.

П. А. Чихачев скончался в 1890 году, на 82-м году своей жизни, в Париже, который он страстно любил. Он завещал Парижской Академии Наук значительный капитал для поощрения научных исследований Малой Азии.

В 60-х годах XIX столетия громкую славу приобрел своими путешествиями по Передней Азии венгерец Арминий Вамбери. Правда, интерес к путешествиям Вамбери вызывался не столько научными открытиями и исследованиями, сколько личностью самого путешественника и теми приключениями, которые ему пришлось испытать во время своих путешествий.

Арминий Вамбери родился в бедной семье венгерских евреев приблизительно в 1831 или 1832 г.; сам Вамбери не мог точно установить дату своего рождения. Лишившись в раннем детстве отца, умершего от холеры, Вамбери вынужден был уже с шестилетнего возраста сам зарабатывать себе пропитание; он ловил в болотах пиявок и продавал их затем деревенским лекарям. «Но по мере того, как врачи стали высказываться против кровопускания,— говорит Вамбери,— спрос на пиявки стал падать, и плата за них понижалась». В это время семье Вамбери приходилось буквально нищенствовать, и юный Арминий влачил самое жалкое существование.

Но, несмотря на всю ужасную обстановку, Вамбери страстно стремился к знанию; к восьми годам он уже умел читать по-

еврейски и знал хорошо библию и другие священные книги евреев. Вскоре он выучил почти самоучкой венгерский и немецкий языки. Когда Вамбери исполнилось 11 лет, он решил в поисках лучшего будущего покинуть родной городок. С костылем в руке (Вамбери был хром на одну ногу) и с небольшим узелком вещей на спине, он направился в свое первое путешествие по Венгрии без гроша денег в кармане. Вскоре ему посчастливилось найти место учителя у одного еврея кабатчика; по договору Вамбери обязан был учить мальчика кабатчика письму, чтению, арифметике и библии, но в действительности он был не только учителем, но и приказчиком и домашней прислугой. Прожив 6 месяцев у кабатчика, Вамбери не выдержал тяжелой жизни и бросил место.

На четырнадцатом году жизни Вамбери добился своей заветной мечты: он поступил в училище в небольшом городке Сен-Георген. В училище он пробыл 2 года, но по недостатку средств он не мог окончить всего курса. Пятнадцати лет Вамбери отправился в Вену искать счастья; из Вены он перебрался в Пресбург, где ему удалось поступить в коллеж бенедиктинских монахов. Живя все время впроголодь и ютясь по углам, среди нищих и беднейших жителей Пресбурга, Вамбери окончил курс учения в коллеже и в 18 лет решил сделаться домашним учителем. В это время он, кроме немецкого, венгерского и латинского языков, изучил еще и французский. Благодаря знаниям языков, он вскоре нашел уроки в Будапеште. Давая уроки языков, Вамбери в то же время пополнял запас своих знаний и между прочим изучил русский язык, чтобы читать в подлиннике Пушкина, Лермонтова и других русских писателей. В это же время Вамбери сильно заинтересовался Востоком и с жаром принялся за изучение турецкого, арабского и персидского языков. «Уже первое знакомство с восточными языками показало мне, — пишет Вамбери, — что изучение Востока и его литературы способно доставить безграничное наслаждение. Вместе с тем для меня стало совершенно ясно, что тому, кто действительно хочет уяснить себе этот оригинальный мир, полный чудес, и оценить его по достоинству, безусловно необходимо самому побывать там и ближе познакомиться с природой и людьми... Но мог ли мечтать о путешествии, требовавшем в то время огромных средств, такой бедняк, как я. не имевший даже предметов первой необходимости...».

Однако Вамбери, привыкший бороться с нуждою и лишениями, не остановился перед новыми препятствиями и, оставив место домашнего учителя у помещика, отправился в Турцию. Когда он добрался до Константинополя, у него не было уже ни гроша денег, и его приютил у себя рабочий, венгерский эмигрант, сам снимавший крошечную комнату без всякой меблировки.

Он же указал ему на одну кофейню, где можно было недорого пообедать, и где, самое главное, Вамбери мог встретить своих земляков, которые могли бы подыскать ему заработок. Первое время Вамбери занимался в Константинополе тем, что ходил

Арминий Вамбери во время своего путешествия.

по кофейням и читал нараспев отрывки из творений восточных поэтов, за что получал он в виде милостыни хлеб, сыр и кофе, а иногда и кусок кебаба (жареного мяса). Несколько месяцев Вамбери прожил в Константинополе, при чем, говорит он сам, «по утрам я не знал, буду ли я есть вечером, и если да, то где именно: но такая неопределенность меня нисколько не тревожила; я променял шляпу на феску и, имея достаточно оборванный вид,

чтобы сойти за странствующего чтеца, наслаждался всем своим существом прелестью бродячей жизни»...

«К несчастью,—замечает Вамбери,—мое благополучие скоро кончилось; рабочий, у которого я жил, получил место на одном пароходе и уехал из Константинополя; таким образом я лишился ночного приюта, и мне пришлось долго скитаться... Моим новым избавителем оказался другой соотечественник, майор. У него случилось несчастье: околела собака. А так как его жена боялась оставаться одна в доме, то он и предложил мне пожить у него до тех пор, пока он не приобретет новой собаки. Как видите — с иронией замечает Вамбери — мне предстояло занять вакантное место сторожевого пса»... Однако другого выбора у Вамбери не было, и он согласился занять эту должность. Вскоре после этого Вамбери удалось найти уроки французского языка в доме у одного богатого турка, который рекомендовал его своим знакомым, и заработок Вамбери был вполне обеспечен. Во время пребывания в Константинополе Вамбери превратился в настоящего турка, и один знатный паша, в доме которого Вамбери давал уроки, дал ему даже турецкое имя Решида, что значит «доблестный, честный». Под именем «Решида-эффенди» Вамбери приобрел широкую известность среди константинопольских богатых турок, как талантливый преподаватель иностранных языков, и Вамбери был завален уроками.

Верный своему принципу быть настойчивым в стремлении к цели и без ропота переносить все, что угодно, лишь бы добиться своего, с детства закаленный в страданиях, Вамбери, достигнув обеспеченного положения и сделавшись наставником в доме министра Афиф-паши, а затем секретарем у Фуада-паши, не оставил своей мечты совершить путешествие на Восток. Все свободное время он занимался изучением восточных языков и изучал в константинопольском медрессе (высшая школа для изучения корана) ислам. «Здесь, сидя на полу, у ног «хаджей» (учителей), закутанных в огромные тюрбаны — говорит Вамбери — я постигал самую сущность ислама. Но в то время как мои коллеги-богословы жадно впитывали в себя преподаваемую им мудрость, преисполненные религиозного благоговения, для меня она имела чисто-практическое значение. Я ценил новые знания ровно постольку, поскольку они могли облегчить мне приобрести еще больше авторитета в глазах правоверных турок и приобрести своего рода талисман для предстоящих опасных путешествий по Востоку».

В 1861 году Вамбери, при содействии венгерской Академии Наук, предпринял грандиозное и опасное путешествие на Восток через Армению, Персию, Хиву, Бухару до Самарканда, откуда через Меймене, Герат Мешед и Трапензунд вернулся

в 1864 г. в Константинополь, привезя с собою богатейшие географические, этнографические и лингвистические материалы. Вамбери путешествовал по Востоку под видом странствующего дервиша. Добравшись до Тавриза, Вамбери присоединился здесь к каравану курдов и арабов, промышлявших пением религиозных гимнов и перевозкой покойников в Кербелу и Неджеф (магометане, последователи Али, после своей смерти, где бы они ни умерли, завещают похоронить себя в Кербеле или Неджефе, куда их останки и привозят иногда за несколько сот километров). «Путешествуя вместе с представителями этой своеобразной профессии — пишет Вамбери — я убедился своими глазами, что легковерных людей обманывают с одинаковым успехом как на Западе, так и на Востоке, магометан не меньше, чем приверженцев других религий. И тут и там находит себе подтверждение пословица: «Mundus vult decipi, — ergo decipiatur» (люди хотят обмануться, — их и обманывают)...»

Вамбери так хорошо вошел в свою роль странствующего дервиша, что всюду его принимали за настоящего паломника и считали даже святым. «За мной — говорит Вамбери — постоянно следовали толпы народа в надежде получить благословение или хотя бы удостоиться дыхания нового святого, что якобы предохраняет от разных болезней». Впрочем, проезжая по Афганистану, Вамбери был заподозрен одним афганцем. Афганец настойчиво твердил, что дервиш не кто иной, как переодетый шпион-европеец. «Как я ни старался расположить его к себе — пишет Вамбери — все было напрасно. Не помогали ни ласка, ни предупредительность, ни даже попытки подействовать на его самолюбие. Он упорно стоял на своем и однажды вечером заявил «керванбаши» (вождю каравана): «Бьюсь об заклад, что это «френчи» (европеец) или русский шпион. Я видел, он отмечает у себя карандашом все горы, долины, реки и ручьи, и когда-нибудь русские доберутся сюда сами, не нуждаясь в проводнике, завладеют вашими стадами и заберут в плен ваших жен и детей. К счастью — продолжал он, посмотрев на меня — хивинский хан позаботился принять меры против подобных людей. В Хиве пытка сделает свое дело, и раскаленное железо покажет, кто он такой на самом деле». Я слушал эти речи — пишет Вамбери — и напрягал все свои усилия, чтобы ни один мускул на моем лице не дрогнул, и никто бы не мог прочесть в моих глазах, что я переживал в тот момент».

«С этим афганцем у меня — пишет Вамбери — был, между прочим, такой случай. Как-то ночью мы очутились с ним на ночлеге рядом. Он курил свой опий, и, при свете вспыхнувшего в трубке огонька, я по выражению его лица увидел, что он уже опьянел от опия и совершенно обессилел. И вот у меня мелькнула

дьявольская мысль: «Этот человек замышляет меня погубить, а между тем стоит мне только опустить в его чашку с чаем одну из трех своих пилюль с стрихнином (Вамбери дал эти пилюли один доктор, рекомендуя принять их, если его будут подвергать где-либо пыткам), и я спасен и буду продолжать свое дело». Я достал пилюлю из-под подкладки своей одежды—говорит Вамбери,—и несколько времени держал ее у самого края чашки. Жуткая тишина ночи и одурманивающий запах опия, окончательно сразившего афганца, — все как нельзя более благоприятствовало злодейскому плану. В этот миг я оглянулся, увидел над собою небесный свод, усеянный звездами, сверкавшими во всей своей чарующей красоте, и мне стало совестно. На меня упали первые лучи восходящего месяца, и я отпустил руку, устыдившись самого себя. Я понял, что задумал дело, недостойное цивилизованного человека, и быстро спрятал пилюлю обратно за подкладку».

Чтобы отвлечь от себя всякое подозрение, Вамбери совершал аккуратно все предписания закона Магомета, молился вместе со всеми и не уступал ни в чем наиболее рьяным из богомольцев. «Мне и теперь непонятно — пишет Вамбери — откуда у меня тогда брались потоки слез, и как я мог разыгрывать свою роль так долго и с таким совершенством».

В Бухаре Вамбери расстался со своими спутниками и присоединился к другой компании паломников, направлявшихся в Мекку. Вамбери намеревался было продолжать свое путешествие дальше на восток, в Китай и затем в Индию, но от долговременного и полного лишений путешествия, он чувствовал, как силы его быстро падают. Усталый и измученный нравственно и физически, Вамбери решил направиться в обратный путь. В это время он случайно познакомился в Бухаре с бухарским сановником Рахмет-беем, который, несмотря на оборванную и грязную одежду Вамбери, узнал в нем европейца. Рахмет-бей долго колебался — выдать ли ложного дервиша властям или же пощадить. В конце концов чувство человеколюбия в нем одержало верх. Рахмет-бей не только не задержал путешественника, но выдал ему даже паспорт, в котором говорилось: «Да будет ведомо всякому, что предъявитель сего письма, знатный Хаджи-Абдул-Решид, родом из Турции, прибыл в наши края с целью совершить паломничество к гробницам святых в Бухаре и в Самарканде. Побывав у гробниц и засвидетельствовав почтение его величеству эмиру Бухарскому, он возвращается к себе на родину. Он имеет при себе бумагу (паспорт) от его величества повелителя всех правоверных и имама всех мусульман (султана). Ввиду того никто не должен чинить никаких препятствий вышеупомянутому Хаджи ни в пути ни на остановках; напротив,

всякий должен по мере сил оказывать ему содействие и относиться к нему с уважением»...

Это письмо гарантировало Вамбери некоторую безопасность как в самой Бухаре, так и на всем пути через Меймене к персидской границе. Но, тем не менее, конец путешествия оказался для Вамбери необычайно тяжелым. «Мне приходилось — говорит Вамбери — спать в осенние холодные ночи на голой земле... Кормился я, в буквальном смысле слова, подаянием и жил тем, что удавалось набрать за день у фанатичных шиитов или у скупых афганцев. Вместо хлеба меня часто награждали бранью, а заподозрев, что я «френчи», нередко колотили, грозя убить. Даже теперь меня пробирает дрожь при одном воспоминании, чем я тогда питался и с какой злобой смотрели на меня фанатики»...

Результаты своего четырехлетнего странствования по Персии, Хиве, Бухаре и Самарканду Вамбери изложил в своем сочинении «Путешествие по Средней Азии». Кроме того, дополнением этой книги является второе сочинение Вамбери «Очерки Средней Азии». Эти книги, написанные Вамбери по-английски, были переведены почти на все европейские языки, в том числе и на русский. Благодаря этим сочинениям и необычайным своим приключениям Вамбери получил европейскую известность. В 1865 г. Вамбери получил приглашение от Пештского университета занять кафедру восточных языков. Эту кафедру он занимал все время, вплоть до своей смерти в 1913 году. В последующие годы своей жизни Вамбери писал много статей по вопросам политики в азиатских странах. Научная ценность сочинений Вамбери очень велика, но почти во всех этих трудах чувствуется неприязнь к России, или, вернее, к тогдашнему русскому правительству. Однако, после 1906 года, взгляд Вамбери на Россию и русских сильно изменился, и у него почти совершенно исчезла былая антипатия к России, зародившаяся после 1848 года под впечатлением эпохи Николая I, войска которого подавили венгерскую революцию.

XX.

Исследование Аравии.—Путешествие по Аравии Пальгрева.

Громадный полуостров Аравия, равный по величине $^1/_3$ Европы, до начала XIX столетия представлял совершенно неизвестную страну. Древние завоеватели и путешественники никогда не проникали в глубь полуострова, бо́льшая часть которого покрыта бесплодными пустынями. Рим послал туда только одну

военную экспедицию, в 22 году до начала нашей эры, и римские легионы, под начальством Элия Галла, проникли лишь на некоторое расстояние в юго-западной области, относительно населенной, которую Птоломей обозначает именем «Счастливой Аравии». Со времени установления геджры (магометанского летосчисления) и до половины XVIII столетия единственные сведения, доходившие в Европу о Центральной Аравии, приносились мусульманами пилигримами, посещавшими святые города ислама.

Географическое исследование Аравии европейцами началось лишь в 1762 г., со времени путешествия Карстена Нибура в Иемен. После Нибура Аравию посетили Зецен, Буркгардт, Али-бей, Шедюфо, Тимизье, Ферре и Галинье, но все эти путешественники исследовали лишь прибрежные области полуострова. Лишь в 1819 г. англичанин Садлиер прошел через аравийский полуостров по всей его ширине, от Персидского залива до Красного моря. Исследователи Фюльжанс, Френель и Арно изучили во время своих путешествий западные берега и юг Аравии, тогда как Вреде проник в Гадрамаут, куда до этого времени не доходил ни один европеец. В 1862 г. английский путешественник Пальгрев, следуя по диагональной линии, с северо-запада на юго-восток, исследовал внутренние пустыни Аравии. В 1864 г. Гуармани прошел путь из Иерусалима в Касим. Немного ранее Бертон и Кин совершили путешествие в Мекку, переодетые в арабское платье.

Для географической науки всего важнее было путешествие Пальгрева, так как Пальгрев составил большую книгу об Аравии и описал такие области полуострова, которые до этого времени были совершенно неизвестны. Путешествие Пальгрева по аравийским пустыням замечательно также и по тем трудностям, которые пришлось ему перенести. Вилльям Пальгрев, сын знаменитого английского юриста, блестяще окончил курс Оксфордского университета и готовился избрать карьеру своего отца. После окончания университета Пальгрев поехал в Индию. Невиданные картины природы, быт и нравы людей так заинтересовали молодого человека, что он решил бросить занятия юридическими науками и сделаться путешественником. После путешествия по Индии Пальгрев посетил Сирию и Палестину и жил некоторое время в Дамаске. Здесь Пальгрев изучил в совершенстве арабский язык и решил пересечь Аравийский полуостров от берегов Средиземного моря до берегов Персидского залива. Он надел арабскую одежду и в сопровождении одного христианина-сирийца и нескольких бедуинов отправился на верблюдах в свое опасное путешествие.

«После нескольких дней путешествия по песчаной пустыне— пишет Пальгрев — когда мы приближались к уади Серхан,

вдруг в один прекрасный день поднялся жаркий южный ветер. Бедуины тотчас же сделались беспокойными и погнали верблюдов к видневшейся на горизонте палатке. На вопросы Пальгрева об их беспокойстве, старший бедуин коротко ответил: «Если мы

Путешественник Пальгрев в Аравии, застигнутый самумом.

не достигнем палатки, мы погибнем». Пальгрев недоумевал, но последовал примеру бедуинов и погнал тоже своего верблюда. После четвертичасовой безумной гонки путешественники достигли одинокой палатки, тотчас слезли с верблюдов, и все легли за палатку с подветреной стороны; верблюды тоже, как по команде, легли на песок, уткнув свои морды в землю. Как оказалось, приближался *самум*. Вскоре воздух стал таким жарким, что пустыня казалась раскаленной печью. Солнце заволоклось

облаками, и все предметы приняли фиолетовый или темно-красный оттенок. Воздух наполнился пылью, проникавшей повсюду. Через несколько минут сделалось темно, как ночью. От жара было невозможно дышать. Кожа на лице начинала трескаться, губы запекались, а песчаные тучи засыпали путешественников. Так продолжалось несколько часов, а затем в воздухе стало яснее, и вскоре самум прошел совсем, и люди и животные вздохнули полной грудью.

После Пальгрева внутреннюю часть Аравии исследовали Гуармани в 1864 г. и Пели в 1865 г. Эти путешественники, равно как и В. С. Блент с женой (1879 г.), Бертон, путешествовавший вторично по Аравии в 1877 г. и Мак-Доуги, начинали свои путешествия с запада. Лишь в 1883—1884 г.г. Х. Гюбер, И. Эйтинг и Эд. Нольде в 1892 г. избрали маршруты с восточной стороны Аравии. Из всех областей Аравии наиболее исследованы Иемен и Гадрамаут. В 1870 г. эти области исследовал Галеви, а после него по Иемену и Гадрамауту путешествовали Мальцан, Эдуард Глазер, Швейнфурт и А. Дефлерс. Из более поздних исследователей Аравии следует отметить голландского путешественника Снук-Кургронье, который совершил большое путешествие по Аравии в 1885 г. и написал обширную монографию о Мекке с атласом фототипий. Большая часть внутренних областей Аравии и до сих пор являются одними из наименее известных областей Азиатского материка.

XXI.

Исследование Персии, Афганистана и Армении.

Более исследованы и лучше изучены, чем Аравия, страны Ирана или Персия, которая не могла в такой степени как Аравия оградить себя от европейского влияния. Уже со времени Марко Поло, Персия была довольно часто посещаема иностранными путешественниками, из которых о наиболее известных мы уже упоминали в своем месте. Много интересных сообщений о Персии доставили в начале XIX столетия английские и французские посольства, а также прусская миссия Минуголи, к которой был прикомандирован египтолог Бругш. В 1858 г. северную Персию исследовал русский ориенталист Н. В. Ханыков, который пробыл в Персии около двух лет. Результатом этого исследования явился капитальный труд Ханыкова—«Иран». В 1886—1887 г.г. северную Персию исследовал также русский геолог Богданович. В это же время по северной Персии путешествовали немцы Гоутум-Шиндлер, Тице, Розен и Родлер, а около 1900 г. Штальь и Сарре.

Что касается южной Персии, а также Афганистана и Белуджистана, то исследованием этих стран занимались, главным образом, англичане. Так, в 1884 г. южную Персию изучал английский путешественник Белль, а в 1889 г. — Линч. Восточные окраины Персии были исследованы Воганом, который в период 1887 — 1888 г.г. пробрался от Персидского залива в Иезд, а в 1890—1891 г.г. проник в большую северо-персидскую пустыню и, наконец, перевалив через горный хребет Кух, достиг Бушира. Установление границ между Персией, Афганистаном и Белуджистаном, произведенное под руководством английских топографов, имело своим последствием также важные географические работы, среди которых особенно выдается труд по геологии Афганистана Грисбаха.

В 1893 г. вышла в свет большая монография о Персии лорда Керзона. Из новейших исследователей Персии заслуживают упоминания англичанин Сайкс, который в 1893—1897 г.г. исследовал области Мешеда, Шираза и Бушира, француз де-Морган, исследовавший в 1890—1892 г.г. Луристан, и немецкая путешественница Бишоп (Изабелла Берд), проникшая с западной стороны через Керманшах и Иком в Тегеран. По Курдистану в конце XIX столетия путешествовали Маунсель и Галланд, а область озера Урмии исследовал, главным образом, Гюнтер.

Армению и прилегающие к ней области Закавказья исследовал в геологическом отношении, главным образом, В. Г. Абих. На границе между Турцией и Персией Генри Раулинсон, в продолжение 1848—1853 г.г., сделал ряд детальных съемок, а Мориц Вагнер исследовал в период 1848—1852 г.г. Закавказье, Армению и Малую Азию. В новейшее время в область географии Армении много внесли своими изысканиями Радде, Ивановский, И. Бельк, Леман и, главным образом, Линч. Выдающимся исследователем Кавказа, северной Персии и Закаспийской области является Густав Радде, который с 1863 года, почти в течение целых 40 лет, производил тщательное исследование вышеназванных стран. По инициативе Радде были основаны в Тифлисе Кавказский музей и Публичная библиотека, директором которых он состоял до самой смерти (в 1902 г.). Многочисленные путешествия и исследования Радде печатались на немецком языке в известном географическом журнале «Petermanns Mitteilungen» и отдельными изданиями. Некоторые из них переведены на русский язык.

Заканчивая наш краткий и далеко не полный обзор географических открытий и исследований Азии в течение XIX столетия, мы должны сказать, что хотя исследователям XIX века и удалось снять завесу, окутывавшую многие области обширного

Азиатского материка, тем не менее, в Азии, так же как и в Африке, остается еще много работы для исследователей XX века. Необходимо сознаться, что огромные пространства этой обширнейшей части света остаются до сих пор исследованными лишь поверхностно. Как в Африке и в Южной Америке, так и в безграничных областях Центральной и Северной Азии имеется лишь очень немного изученных путей, вне которых простираются обширные неисследованные пространства. Так, например, огромные области в Хангае, пустыни Тибета и Монголии, Западная Манчжурия, все крупнейшие горные цепи Центральной Азии, бо́льшая часть Восточной Сибири, Амурская область, а также горные области Афганистана, Белуджистана и Памира, значительная часть Индо-Китая и Малайских островов, за исключением Явы, еще требуют тщательного исследования, и многие географические вопросы, связанные с этими странами, ожидают еще своего разрешения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Исследование Гренландии и полярных стран.

I.

Исследователь полярных стран — Фритьоф Нансен. — Путешествие Нансена поперек Гренландии.

В конце девятнадцатого столетия путешественников-исследователей все более и более стали интересовать обширные и малодоступные области на земном шаре, расположенные за так называемым «полярным кругом», то-есть за $72^1/_2$° северной или южной широты. В особенности внимание исследователей притягивала северная полярная область, где, сравнительно недалеко от европейских берегов, простирается огромный остров, покрытый вечными снегами и ледниками,—Гренландия.

Почти до самого конца XIX столетия Гренландия представляла совершенно неисследованную страну. Только в 1857 г. начальник датских колоний, Ринк, первый познакомил культурный мир с этим островом. В конце 70-х и в начале 80-х годов прошлого столетия, когда в геологии получила право гражданства теория о ледниковом периоде[1]), Гренландия стала интересовать исследователей как место изучения ледников; с этой целью в 1875—76 г.г. берега Гренландии посетила английская экспедиция Нерса, а в 1881—84 г.г.— американская. В 1883 г. известный шведский ученый Норденшельд пробовал пройти в глубь острова, но ему удалось отойти от берега только на 100 километров. Точно так же и в 1886 г. американскому исследователю Роберту Пири удалось углубиться от берега внутрь страны только на 170 километров. После этих попыток внутренность Гренландии стали считать недоступной. Однако несмотря на такое утверждение авторитетных исследователей, в 1888 г. молодой норвежский ученый Фритьоф Нансен решил предпринять смелую по-

---

[1]) Одним из творцов этой теории является П. А. Кропоткин, о котором мы уже говорили выше.

пытку пересечь поперек весь остров Гренландии. В компании с тремя спутниками Нансен блестяще выполнил намеченный план и сразу создал себе репутацию смелого исследователя. Прежде чем говорить о подвиге Нансена, мы должны сказать несколько слов о нем самом.

Нансен родился 10 октября 1861 года, в Норвегии, недалеко от Христиании. Норвегия, занимающая западную половину Скандинавского полуострова, представляет собою горную страну, изрезанную со стороны моря бесчисленными заливами или «фиордами». Горы Норвегии бо́льшую часть года покрыты снегом, а на высоких вершинах на севере страны лежат никогда не тающие ледники, медленно сползающие в дикие и мрачные ущелья. Гигантские скалы совершенно лишены всякой растительности, и только на нижних склонах гор и в долинах растут громадные сосновые и еловые леса. В южных долинах Норвегии попадаются даже лиственные деревья, и климат здесь сравнительно теплый благодаря тому, что вдоль западных берегов Норвегии проходит теплое морское течение гольфстрем. В прибрежных областях сосредоточилась преимущественно и бо́льшая часть норвежского населения.

В глубокой древности Норвегия была заселена народом, называвшим себя «норманнами» или «северными людьми». Норманны рано научились бороться с враждебными стихиями и в Средние века были уже известны как смелые и отважные мореплаватели. На своих легких судах норвежские завоеватели, или «викинги», достигали берегов Англии, Франции и даже Италии, всюду устанавливая торговые сношения и основывая свои колонии. В настоящее время норвежцы считаются лучшими моряками в свете, и норвежские суда можно встретить в самых отдаленных морях земного шара.

Фритьоф Нансен является сыном своего народа и отважным потомком храбрых викингов; в нем воплотились все лучшие стороны национального характера норвежцев. Нансен родился в небогатой семье секретаря суда и с раннего детства приучился к трудовой жизни. Первые годы своей жизни Нансен провел среди деревенской природы, в усадьбе своего отца, недалеко от Христиании. Летом маленький Нансен почти все время проводил в окрестных лесах и на горах, наблюдая жизнь животных и птиц. В обществе одного охотника юный Нансен иногда жил в лесу по нескольку дней, ночуя в походной палатке. Зимою Нансен в свободное от школьных занятий время бегал на лыжах (в Норвегии бег на лыжах считается национальным спортом) и вскоре сделался отличным лыжебежцем, неустрашимо спускавшимся на лыжах с гор и утесов. Экскурсии по лесам и горам и спорт закалили здоровье Нансена и развили в нем смелость и

Фритьоф Нансен. (С фотографии 1922 г.)

отвагу. Эти же экскурсии развили в Нансене и любовь к путешествиям.

После окончания курса в реальном училище, Нансен поступил в университет, где он более всего заинтересовался естественными науками, в особенности же зоологией. Один знакомый профессор, заметив интерес Нансена к миру животных, предложил ему в 1881 г. принять участие в научной экскурсии в Ледовитый океан для наблюдений над жизнью полярных животных. Нансен с радостью принял это предложение и весною 1881 г. отправился в плавание на китобойном судне «Викинг». «Викинг» вскоре по выходе в океан был захвачен сильным штормом, а затем простоял целый месяц во льдах у восточного берега Гренландии. Во время этой стоянки Нансен часто охотился на белых медведей и занимался в то же время научными наблюдениями.

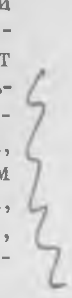
Ледовитый океан произвел на Нансена сильное впечатление, и он цЕлые дни проводил на палубе судна, наблюдая плавающие ледяные горы. Многим скоро наскучило бы видеть перед собою только льды, воду и небо, но Нансен находил неизмеримое удовольствие следить за плавающими льдинами, которые напоминали собою то огромные башни странной архитектуры, то крепостные замки. Иногда на этих льдинах виднелись группы моржей или медведей, а изредка на них попадались целые стаи полярных птиц. Днем верхушки плавающих ледяных гор блестели под лучами солнца, как серебро, а вечером и ночью, когда полночное солнце окрашивало всю поверхность моря в оранжевый цвет, их дикая красота выступала еще ярче.

Это плавание Нансена по Ледовитому океану имело решающее влияние на дальнейшую судьбу его. Полярная природа пробудила в Нансене огромный интерес: «На севере—говорит Нансен—нет ничего похожего на обыкновенную жизнь, к которой мы привыкли. Но тот, кто ищет в природе мира, постоянства и свободы, найдет их и здесь».

Едва Нансен вернулся из своего первого путешествия в полярные области, как ему было предложено место хранителя музея в Бергене. Этот музей был основан известным норвежским ученым Даниэльсеном, и под его руководством Нансен работал в Бергенском музее несколько лет. Однако его кипучая натура, жаждавшая новых впечатлений, не могла примириться со спокойной жизнью в Бергене, и в 1885 г. Нансен стал мечтать о путешествии в Америку. Он писал о своих планах отцу и говорил в письмах, что готов пожертвовать всем: богатством, роскошью и удобствами жизни, лишь бы увидеть новые страны. Говоря в одном из своих писем о плавании известного путешественника Норденшельда вокруг Азии, Нансен пишет: «Меня так и подмывает пуститься в путь всякий раз, как мне прихо-

дится услышать что-нибудь подобное; во мне просыпаются тоска и желание испытать что-нибудь новое, во мне крепнет стремление путешествовать. И как оно волнует меня, как его трудно подавить»...

В конце концов Нансен решил оставить место в музее и отправиться в Америку, тем более, что известный американский профессор, палеонтолог Марч, через одного англичанина предложил Нансену быть его помощником. Нансен решил принять это предложение, и когда отец указывал ему на материальную необеспеченность, Нансен писал: «Я сумею примириться с самой скромной обстановкой, раз дело идет о дорогой мне науке, в которой я вижу свое счастье и ради которой мне ничего не стоит пожертвовать так называемыми потребностя и жизни... Нуждаться в малом—лучший капитал, нежели большой заработок. Потребность в большом заработке порождает людей зависимых, связанных; способность же ограничивать свои нужды малым создает свободных людей. Человеку, нуждающемуся в малом, легче стремиться к цели, да и жизнь его вообще будет полнее, богаче содержанием, нежели жизнь того, кто нуждается во многом».

Нансену не суждено было, однако, попасть в Америку. В 1885 г. у него заболел отец, который вскоре скончался, а весною 1886 г. Нансен сильно заинтересовался зоологической станцией в Неаполе и уехал в Италию для научных работ. Занимаясь в Неаполе исследованием морских животных, Нансен не переставал также интересоваться полярными странами. В это время у него и созрел план проникнуть внутрь Гренландии.

Нансен, бывший, как мы сказали выше, хорошим лыжебежцем, решил отправиться туда и задумал пересечь на лыжах весь обширный остров поперек с востока на запад. Возвратясь из Неаполя на родину, Нансен познакомил со своим проектом многих норвежских и шведских ученых, в том числе и знаменитого Норденшельда. Большинство этих ученых отнеслось к проекту Нансена отрицательно, так как внутренние области Гренландии считались недоступными. Однако Нансен, несмотря даже на сомнения самого Норденшельда, решил попытаться выполнить свой план. Он ходатайствовал перед правительством о выдаче ему пособия в 5.000 крон для организации экспедиции, но правительство ответило на его просьбу отказом, говоря, что оно не может поддерживать подобные безрассудные предприятия. Тогда Нансен забрал часть своих средств и 2.500 крон взял взаймы у богатого датского купца Гаммеля. Нансен был твердо убежден, что успех его предприятия будет зависеть, главным образом, от правильного снаряжения экспедиции, и поэтому тщательно занялся подготовкой к путешествию. Прежде всего ему нужно

было подобрать подходящих спутников; из числа желающих сопровождать его Нансен выбрал трех норвежцев: капитана Отто Неймана Свердрупа, лейтенанта Олафа Христиана Дитрихсона и Христиана Трана; кроме этих трех лиц, Нансен нанял для услуг еще двух лапландцев.

Для всех участников экспедиции Нансен заготовил ясеневые лыжи, подбитые сталью; для перехода по мокрому снегу и для подъема на горы были взяты еще индейские и норвежские лыжи. Кроме того, Нансен взял с собою пять небольших саней, на которые были положены съестные припасы, научные инструменты, меховые мешки для спанья, брезентовая палатка и запасная одежда. Так как Нансен и его спутники должны были везти сани с провизией и с другими вещами на себе, то они взяли с собою очень небольшое количество провианта. Провиант экспедиции состоял, главным образом, из сухарей, мясного порошка, масла, сыра, гороховой муки, кофе, чая и сгущенного молока.

2 мая небольшая экспедиция Нансена выехала из Христиании в Шотландию, откуда она и отправилась на промысловом судне на восточный берег Гренландии. 11 июня на горизонте показались скалистые берега Гренландии; но так как судно, на котором ехал Нансен, шло с специальной целью охоты за тюленями, то оно не могло долго искать удобной гавани для высадки путешественников, тем более, что берега Гренландии были окружены пловучим льдом километров на пятнадцать; капитан судна предложил Нансену высадиться на льдину и затем по льду перебраться на берег. 17 июня путешественники высадились на большую льдину и сделали попытку перебраться на берег. Однако течением льдину отнесло далеко на юг и прочь от берега; вскоре расстояние между льдиной с путешественниками и берегом увеличилось еще более и нечего было думать добраться до берега.

Целых десять дней носились путешественники на этой льдине, подвергаясь ежеминутно опасности погибнуть. Наконец льдина попала в более тихое место, где течение было слабо, и Нансен распорядился тотчас же спустить бывшую с ними лодку на воду; после необычайных усилий путешественникам удалось высадиться на берег.

Первые шаги путешественников были не легки. Приходилось круто подниматься в гору по обледенелому снегу. Вскоре наступили морозы, доходившие до сорока градусов. Кроме мороза часто свирепствовали снежные бури, засыпавшие путешественников снегом. 5 сентября экспедиция достигла наибольшей высоты, и отсюда путь пошел под гору. Почти все время, пока путешественники шли по ледяному плоскогорью, небо стояло безоблачное,

и солнце ярко светило, играя всеми цветами радуги на бесконечной снежной равнине. Нансен и его спутники днем вынуждены были итти в темных очках, так как яркая белизна снега слепила глаза; лица приходилось закрывать вуалями, без этого кожа на лице трескалась и лупилась, покрываясь нарывами и опухолями.

Несмотря на бури и мятели путешественники проходили ежедневно километров по 30 и часов в 8—9 останавливались на ночлег и разбивали палатку. Нансен, исполнявший также и должность повара, готовил на спиртовой лампе обед и затем угощал своих спутников чаем. Около лампы путешественники

Нансен в Гренландии.

немного отогревались и отдыхали от перехода. «Наши вечера в палатке—говорит Нансен — когда мы, тщательно отряхнув снег, сидели все кружком на своих мешках с платьем, были, несомненно, самыми светлыми моментами нашего существования в то время. И тяжелая дневная работа, и усталость, и сильный холод—все забывалось в те минуты, когда мы, сидя вокруг своей печки, смотрели на слабые лучи света, бросаемые лампой, и нетерпеливо ждали ужина. Право, немногие часы своей жизни я вспоминаю с таким удовольствием! А когда суп, похлебка или вообще наше кушанье было готово, когда каждый получал свою порцию, и мы зажигали огарок свечи, чтобы видеть, что мы едим, тогда мы окончательно приходили в веселое настроение, и я уверен, что мои товарищи думали так же, как и я, что на свете стоит жить».

24 сентября, т.-е. после 45-дневного путешествия по снежным и ледяным пустыням, Нансен и его спутники увидали свободную ото льда и снега землю, а через несколько дней достигли западного берега Гренландии. 3 октября путешественники добрались до эскимосского селения на мысе Гутхоб. Здесь, согласно уговору, должен был ожидать Нансена корабль для того, чтобы доставить его в Норвегию. Однако судно, прождав Нансена до конца сентября, отправилось в Европу, не дождавшись его возвращения. Все считали, что Нансен и его спутники погибли в Гренландии.

Нансен с товарищами вынужден был перезимовать в эскимосском поселении. Нансен выучился за зиму эскимосскому языку и подружился со многими эскимосами. 15 апреля 1889 г. на мыс Гутхоб зашел корабль «Белый медведь», и Нансен со своими спутниками отправились на нем на родину. Эскимосы сильно горевали, расставаясь с путешественниками, и говорили Нансену: «Ты увидишь много людей, много новых радостей и забудешь нас; мы же тебя никогда не забудем». Но и Нансен не забыл своих друзей эскимосов; он написал очень интересное сочинение об эскимосах, в котором вылилась вся горячая симпатия его к этому обреченному на вымирание первобытному народу.

21 мая он и его спутники прибыли в Копенгаген, а оттуда вернулись в Христианию, где Нансен был принят с большим почетом. За свой подвиг Нансен получил от Шведского Географического Общества медаль «Веги», а от Лондонского Географического Общества медаль «Виктории», которая выдается только за особо ценные научные заслуги. Результаты своих наблюдений и исследований в Гренландии Нансен изложил в своей книге: «На лыжах через Гренландию».

Все метеорологические, астрономические, магнитные и тригонометрические наблюдения экспедиции были обработаны профессором Моном. Самым ценным результатом экспедиции Нансена были сведения относительно формы ледяного покрова Гренландии. Нансен установил, что ледяной покров Гренландии представляет в общем довольно правильный, выпуклый щит, постепенно опускающийся на восток и на запад. Наивысшая точка этого ледяного «щита»—около 2.600 метров над уровнем моря. Научные результаты экспедиции Нансена были тем более ценны, что собирались при исключительно суровых условиях. «Это может понять лишь тот,—пишет Нансен,—кто испытал, что значит делать наблюдения и с безукоризненной точностью заносить их изо дня в день в тетрадь при 30^{0} мороза, когда пальцы распухли от холода и едва держат карандаш, когда чуть не падаешь от усталости и когда в глаза тебе отовсюду смотрит гибель».

Вернувшись на родину и снова отдавшись научной работе по биологии, Нансен стал мечтать о более грандиозной экспедиции в полярные страны, а именно о путешествии к северному полюсу. На выработку плана и на подготовку к этой экспедиции Нансен и употребил те 4 года, которые он прожил в Норвегии после возвращения из Гренландии. Осенью 1889 г. Нансен женился на младшей дочери известного норвежского естествоиспытателя, профессора Сарса — Еве Сарс. До того времени Ева Сарс занималась пением и давала уроки. Сделав предложение, Нансен посвятил невесту в свои планы и поставил ей условием не препятствовать ему в его путешествии к северному полюсу. Девушка дала слово и сдержала его. Она безропотно перенесла трехлетнюю разлуку с мужем, и Нансен в благодарность за это, возвратившись из путешествия, посвятил ей свою книгу «Среди льда и ночи», написав на ней: «Той, которая имела мужество ждать».

Об этом знаменитом путешествии Нансена к северному полюсу мы будем говорить подробно ниже, в главе «Завоевание полюсов».

II.

Путешествия по Гренландии Роберта Пири.— Экспедиция Мюлиуса Эриксена.

После смелой экспедиции Нансена в Гренландию эта полярная земля стала привлекать к себе много исследователей, ежегодно направлявшихся в ту или иную область огромного острова. Из числа наиболее выдающихся исследователей Гренландии после Нансена особенно выделяются американский путешественник по полярным странам Роберт Пири и датчанин Мюлиус Эриксен, погибший бесследно в ледниках Гренландии. Роберт Пири совершил важные исследования в северной Гренландии, которую он посетил 9 раз. Географическая наука обязана Пири исследованием всей северной Гренландии; Пири окончательно установил, что Гренландия—остров, кончающийся на 83° 39′ северн. широты.

В свое первое путешествие в 1891 году Роберт Пири дошел до залива Мельвиля, где льды так затрудняли движение вперед, что на прохождение 170 километров потребовалось 3 недели времени. Весною 1892 г. Пири предпринял новое путешествие на собаках по ледникам северной Гренландии. В сопровождении норвежца Аструпа и трех других спутников он прошел поперек огромного ледника Гумбольдта, исследовал затем все побережье вплоть до большого залива, названного им бухтой Независимости, так как этот залив Пири открыл 4 июля, в день объявления независимости Северо-Американских Штатов.

В обратный путь Пири отправился более южной дорогой, через обширное ледяное плоскогорье в 1.200—2.500 метров высоты.

Удачный исход второго путешествия по Гренландии побудил Пири предпринять летом 1893 года новую экспедицию в Гренландию, чтобы исследовать лежащие к северу от Гренландии острова. На этот раз Пири взял с собою 8 человек спутников и 92 собаки, запряженных в 12 саней. Вместе с Пири в Гренландию отправилась и его жена. Однако эта экспедиция

Путешествие Пири по Гренландии.

не увенчалась успехом. Путешественники, потерявши 66 собак, погибших от голода, вынуждены были вернуться обратно.

После этой экспедиции Роберт Пири предпринимал еще несколько путешествий на север Гренландии в 1895, 1898 и 1901 г.г., но эти путешествия имели главной целью не исследование самой Гренландии, а достижение через Гренландию северного полюса; об этих путешествиях мы скажем несколько подробнее ниже, когда будем говорить о «завоевании» северного полюса. Гораздо важнее, чем эти последние путешествия Пири, были в научном отношении экспедиции в Гренландию датского исследователя Мюлиуса Эриксена, совершившего по Гренландии два путешествия, последнее из которых окончилось гибелью исследователя.

Открытия Роберта Пири в северной Гренландии побудили датское правительство, считавшее Гренландию владением Дании, снарядить в 1902 г. большую экспедицию для исследования северо-западного побережья Гренландии. Начальником этой экспеди-

ции был назначен молодой, но опытный исследователь Мюлиус Эриксен. Экспедиция Эриксена пробыла в Гренландии целых два с половиною года. Перезимовав в Якобсгафене, экспедиция отправилась на север Гренландии. На пути их судно было раздавлено льдами, и участники экспедиции едва избежали гибели. Добравшись пешком до одного эскимосского селения, путешественники провели среди эскимосов вторую зиму и с большим трудом добрались летом 1904 года до Упернивика, самого северного из датских поселений в Гренландии. Отсюда они уже морем прибыли в Ивигтут, откуда и возвратились в Данию.

Мюлиус Эриксен.

Во вторую экспедицию Эриксен намеревался исследовать северо-восточные берега Гренландии, но, к сожалению, ему не удалось осуществить до конца свой план: он погиб вместе с некоторыми своими спутниками среди ледяных пустынь «полярной Сахары». В эту экспедицию Эриксен отправился летом 1906 г. Экспедиция отплыла на специально построенной для этой цели шкуне «Дания». Эриксен взял с собою 27 человек спутников, 120 собак и запас провианта на три года. После трудного плавания среди льдов, которые образуют у северо-восточных берегов Гренландии почти сплошной пояс, шириною в 200—250 километров, экспедиция достигла мыса Амалия, открытого герцогом Орлеанским, во время плавания его на корабле «Бельгия». 30 июля 1906 г. «Дания» благополучно миновала мыс Бисмарка и бросила якорь в маленькой бухте, недалеко от островов Кольдевея. Здесь «Дания» пробыла около двух лет, пока участники экспедиции исследовали на санях и пешком все побережье.

Перезимовав на «Дании», Эриксен, с своими спутниками весною 1907 г. отправился на север. Экспедиция разделилась на два отряда. В первом отряде были сам Эриксен, картограф лейтенант Гаген и гренландец Бронлунд; второй отряд составляли

капитан Кох, художник Бертельсен и гренландец Товий Гобвильсен. Эриксен с двумя своими спутниками должен был пройти в глубь острова к западу, через бухту Независимости, к мысу Глясье, а отряд Коха направился на север вдоль берега. Оба отряда шли сначала вместе, но затем каждый отправился по своему маршруту. Кох с своими спутниками, несмотря на тысячи препятствий, достиг мыса Бриджмена и к началу осени возвратился благополучно на «Данию». Эриксен также, как это удалось установить впоследствии, ценою неимоверных усилий достиг мыса Глясье. На возвратном пути таяние льда застало Эриксена и его спутников врасплох, принудив их провести лето у фиорда Дании. Осенью Эриксен и его два спутника направились в обратный путь, но холод, голод и полярная ночь погубили их одного за другим.

Эскимос Бронлунд, спасший труды экспедиции и погибший сам.

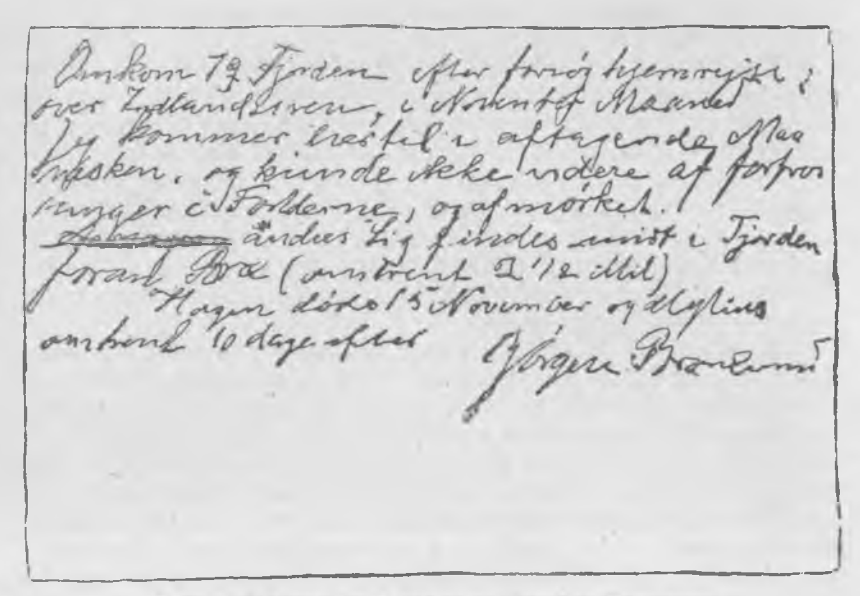
Гренландец Бронлунд, переживший Эриксена и Гагена и умерший последним, все время вел дневник, в котором отразился весь ужас полярной драмы. День за днем он отмечал все ухудшающееся положение. Так, 26 июля он записал: «Охота безуспешна. Дичь все реже. Силы исчезают как у собак, так и у людей»...

Отчаянная борьба с голодом тянулась с августа до 16 октября; между тем солнце спускалось с каждым днем все ниже и ниже к горизонту,—приближалась длинная полярная ночь...

6 октября Бронлунд отмечает в своем дневнике: «У нас только 4 собаки, которые уже не в силах тащить сани, а потому их решили оставить. Эриксен решается поискать пути по материку,—единственная надежда, которая у него остается. Правда, на ледяных полях никакая охота невозможна, да ничего и не видать в этих местах с приближением полярной ночи; но Эриксен и Гаген думают о документах и картах, которые нужно во что бы то ни стало спасти»...

10 октября Бронлунд пишет: «Солнце зашло. Мы достигли льдов на материке; у нас нет обуви; холод, голод заставляют страдать ужасно; особенно больно ногам»...

Наконец, последняя страница дневника содержит следующее краткое сообщение: «Умерли на 79° широты, в фиорде, после попытки вернуться через материковый лед, в ноябре. Я прибыл сюда в конце октября и не могу двинуться дальше благодаря темноте и замерзшим ногам. Тела товарищей находятся посреди фиорда, перед ледником (приблизительно $2^1/_2$ мили). Гаген умер 15 ноября, а Мюлиус—спустя почти 10 дней.—Иорген Бронлунд».

Omkom 79 Fjorden efter forsøg hjemrejse i
over Indlandsisen, i November Maaned
Jeg kommer hertil i aftagende Maa-
neskin, og kunde ikke videre af forfros-
ne Fødder og af Mørket.
~~[illegible]~~ Andres Lig findes midt i Fjorden
foran Bræ (omtrent 2 1/2 Mil)
Hagen døde 15 November og Mylius
omtrent 10 dage efter
Jörgen Brønlund

Факсимиле с последней страницы дневника Бронлунда.

Предчувствуя несчастье, Кох со своими спутниками направился навстречу Эриксену но они нашли на пути лишь один труп Бронлунда; документы Эриксена, а также дневник Бронлунда были найдены подле него, тщательно запакованные.

В средине июля 1908 г. «Дания», освободившись из ледяного плена, отправилась в обратный путь и благополучно вернулась в Копенгаген. Научные заслуги этой экспедиции были огромны: исследования Эриксена и его товарищей окончательно установили, что Гренландия—остров, отделенный от Земли Пири широким морским проливом; кроме того, экспедиция привезла с собою огромную массу разнообра́зных наблюдений над поляр-

ной природой; участники экспедиции, художники Ахтон Фриис и Бертельсен, сделали много эскизов и в своих картинах дали яркое, живое представление об этой своеобразной стране дальнего севера, когда-то получившей от норвежцев название «Зеленой страны» (Гренландия—Зеленая страна), но на самом деле являющейся белой страною «вечного льда и снега».

III.

Экспедиция в Гренландию Эйнара Миккельсена.

Вскоре по возвращении оставшихся в живых спутников Эриксена, в Дании был поднят вопрос о том, что необходимо во что бы то ни стало разыскать тела погибших путешественников и их дневники. С этою целью в Дании был образован особый комитет, который собрал денежные средства, необходимые для снаряжения экспедиции, и выработал план путешествия. Вскоре нашелся и отважный путешественник, который высказал желание отправиться на поиски несчастных жертв ледяной пустыни. Это был молодой, но опытный исследователь полярных стран, датчанин Эйнар Миккельсен.

Весною 1909 года Миккельсен приобрел для своей экспедиции яхту «Алабама» и подобрал шестерых спутников. Взяв с собою съестных припасов на полтора года, Миккельсен летом 1909 г. вышел из Копенгагена и направился к восточным берегам Гренландии. В течение года в Европу изредка доходили скудные сведения о судьбе маленького экипажа «Алабамы». В августе 1910 г. одно китобойное судно подобрало на льдине и доставило в Данию пятерых участников экспедиции, потерявших свою яхту, которая погибла, раздавленная льдами. Среди пяти человек спасенных не было ни самого Миккельсена ни его ближайшего помощника, механика Ивера Иверсена. Оказалось, что они еще весною ушли в глубь Гренландии, распорядившись, чтобы остальные члены экспедиции ждали их до 1 августа на острове Шанноне, при чем было условлено, что если к 1 августа Миккельсен и Иверсен не вернутся, то оставшиеся участники экспедиции могут уехать на родину. Условленный срок прошел, и путешественники, считая своих товарищей погибшими, с грустью сошлись на берегу, готовясь к отплытию. Но не успели они приготовиться к путешествию, как «Алабама» была раздавлена льдами, а сами путешественники были вскоре спасены китобойным судном.

Прошло 2 года после возвращения в Европу спутников Миккельсена и Иверсена. Все были так уверены в гибели обоих исследователей, что ни у кого не возникало ни малейшего сомне-

ния относительно их судьбы. Но в июле 1912 г. матросы одного норвежского судна, зашедшего к берегам Гренландии, нашли на берегу деревянный шест с вырезанной надписью «1912». Моряки стали исследовать окрестную местность и вскоре наткнулись на небольшую землянку. На стук в дверь из землянки показались две странные человеческие фигуры, почти нагие, обросшие длинными волосами. Это были капитан Миккельсен и его спутник Иверсен, прожившие около двух лет в безлюдных пустынях Гренландии.

Хижина Миккельсена и Иверсена в Гренландии.

Оказалось, что Миккельсену удалось напасть на след погибшего Эриксена и найти его путевые записки, представляющие огромную ценность для географии Гренландии. Но на обратном пути, полуголодные, больные Миккельсен и Иверсен, потеряв гербарии и коллекции, с величайшим трудом добрались, наконец, до стоянки на острове Шанноне. Здесь путешественники увидали покинутую зимовку и полузатопленную «Алабаму». К счастью, они нашли на берегу оставленный их товарищами склад припасов и благодаря этому скоро восстановили свои силы и стали деятельно готовиться к длинной зиме. Однако Миккельсену и Иверсену пришлось прожить в Гренландии не одну зиму, а целых два года; к концу своего невольного заточения они стали уже было терять надежду на спасение и видели

перед собою голодную смерть. Свое двухлетнее пребывание в Гренландии Миккельсен описал в книге «Полярные Робинзоны», переведенной теперь почти на все европейские языки. На страницах этой книги Миккельсен просто передает все перипетии своей ужасной жизни на севере.

Добравшись до места зимовки в Датской бухте и найдя в хижине обилие припасов, Миккельсен и Иверсен были страшно обрадованы. «Итак, мы добрались до земного рая,—пишет Миккельсен в своем дневнике.—В течение нескольких минут мы сидели в немом восторге на скамейке, шевелили нашими слабыми и одеревенелыми ногами,—они почти совсем отказывались нам служить,—затем мы принялись готовить себе обед... Буря свирепствует за стенами хижины, снег кружится, лед ломается с треском, но мы сидим в уюте и следим из окна за медленным угасанием дня. Мы довольны и рады, наконец, что,—чуть было не сказал: ступили на твердую землю; ведь мы чувствуем себя, как потерпевшие крушение, которые, после долгой борьбы с бурями, голодом и лишениями, достигли, наконец, обитаемого берега. Последние месяцы трудов, усталости и голода забыты,—нет, не забыты, а лишь отодвинуты далеко назад. Они кажутся нам далекими и чуждыми, словно мы прочитали повесть о двух людях, одиноких и покинутых; едва верится, что мы сами пережили целые месяцы голода, болезни и изнурения. Здесь, в комфорте, все лишения прошлого представляются нам чем-то невозможным. Лишь принимаясь за тяжелый труд, мы чувствуем, насколько мы обессилены; в особенности болят ноги. Но в общем мы так же здоровы, как и прежде. Недомогание проходит, и с каждым днем мы чувствуем себя крепче и здоровее».

«Мы только и делаем,—пишет далее Миккельсен,—что едим, читаем и спим,—если не говорим о наших товарищах. Мысль о том, что они еще здесь, в Гренландии, сделалась нашей постоянной мыслью, и каждое утро, просыпаясь, мы говорим себе: «сегодня они явятся сюда!». Иногда нам кажется, что кто-то зовет нас; бросаемся вон из хижины,—но через несколько минут напряженного ожидания в снегу снова возвращаемся под кров, отряхиваем с себя снег и садимся у окна, ожидая тех, которые—увы!—не вернутся никогда...»

«Наступил октябрь. Лед стал прочным и держится крепко, несмотря на сильнейший ветер, бушующий над морем и землей... Солнце уже скрылось, и едва ли теперь наши товарищи придут за нами... Дни проходят за днями, похожие один на другой. Наконец наступило Рождество».

«На дворе разыгрывается буря; вихри яростно рвут с крыши парусину, ветер задает адский концерт; слышится визг и вой, треск и грохот, словно вся нечистая сила вырвалась из ада...

На дворе в такую погоду не особенно приятно, даже совсем скверно, да и в хижине у нас немногим лучше. Лампа коптит, огни свечей колеблются от сквозняка и, несмотря на все наши старания, мы чувствуем себя неважно в этом грязном, прокопченом помещении. Поэтому нет ничего удивительного, что все наши мысли несутся к югу, вслед за порывами мятели, к родному очагу, где собрались наши родные, которые, по всей вероятности, не смеют и вспоминать об отсутствующих. Мы с Иверсеном пьем за отсутствующих друзей последний стакан виски, уцелевший у нас от дней нашего великолепия. Мы по-братски делим его между собою, затем отправляемся к своим койкам...»

Миккельсен после 28 месяцев скитаний в стране льдов.

«Как скучно зимою, адски скучно!—говорит Миккельсен дальше в своем дневнике.— День проходит за днем без всякой перемены... но каждый истекший день приводит нас в восторг, так как приближает нас к тому времени, когда появится солнце... Наконец наступает день, когда солнце должно было бы показаться, но нам не удается полюбоваться на него, так как небо покрыто облаками, сгущается туман, и поднимается буря. Только на следующий день, 10 февраля, приветствуем мы багровый диск царственного светила. Мы стоим перед своим домом и ждем; ждем уже с полчаса и начинаем терять терпение. Но вот заря на юге разгорается так сильно, что почти режет глаза; вершины гор окрашиваются в розоватый цвет, свет медленно приближается к нам. Вот по льду пробегает красновато-золотой луч, и мы с Иверсеном кричим: ура! ура! Зима кончилась. Скоро наступит лето. Лето, несущее нам освобождение!...»

Однако надежда на освобождение была напрасна. Летом 1911 г. ни одно судно не приближалось к тому месту, где находились Миккельсен и Иверсен. Весною оба путешественника перебрались по льду на остров Шаннон, где было больше шансов на спасение. На одном береговом холме они подняли на высоком шесте флаг и с нетерпением стали всматриваться вдаль, на освободившееся ото льда море. «Мы часто и долго стоим на пороге нашей хижины — пишет Миккельсен — с моря доносится

грохот и треск, и нам кажется, что кто-то стреляет из ружья. Взоры наши напряженно впиваются в серую влажную степу тумана, силясь проникнуть сквозь нее; ухо жадно ловит звуки... Мы многократно и громко кричим и ждем ответа, но ответа никогда не бывает, и мы возвращаемся в дом, упавшие духом, покинутые и одинокие!..»

В августе месяце снова начались морозы, скоро льды покрыли море, и надежда на избавление рухнула. Приходилось готовиться к третьей зимовке. Миккельсен и Иверсен, прежде чем вернуться на место прежней зимовки в Датской гавани, решили совершить путешествие по льду к югу на островок Малый Пенделум в гавань Бас-Рок. Здесь Миккельсен и Иверсен увидали к своему удивлению хижину на берегу и высокий шест с крестом на верхушке. Взломав дверь, Миккельсен и Иверсен нашли в хижине письмо лейтенанта Лауба с «Алабамы» к китоловам, другое письмо китоловов, заходивших сюда, и, наконец, сообщение капитана шкуны «Лаура», помеченное им 23 июля 1911 г. Это известие о том, что здесь было судно, когда несчастные исследователи ожидали его на Шанноне, так подействовало на Миккельсена и Иверсена, что они совершенно упали духом. «Всего шестнадцать миль, — восклицает Миккельсен в своем дневнике,— отделяли нас от цели наших грез, от других людей, от цивилизации, от возможности попасть на родину! Это так ужасно, что у нас нет даже охоты пускать в ход крепкие словечки; молча усаживаемся мы на ящики, а в ушах у нас так и гудит: «16 миль, 16 миль. всего 16 миль»... Все, повидимому, складывается против нас; с таким трудом приобретенная уравновешенность наша исчезает, и мы угрюмо сидим каждый на своем ящике, сложа руки на коленях, и думаем о том, что могло бы быть... И раньше нам не весело было зимою; теперь же мы почувствовали себя еще хуже,— нас мучит мысль: «почему мы не пробрались сюда весною и не оставили здесь вести о себе!..»

Миккельсен по возвращении на родину.

Миккельсен и Иверсен решили не возвращаться на место старой зимовки, а поселиться на этот раз в гавани Бас-Рок,

надеясь, что сюда летом 1912 г. снова зайдет какое-нибудь судно. Третья зима была особенно тяжела для путешественников, и длинная полярная ночь тянулась бесконечно долго. Съестных припасов оставалось крайне мало, и их приходилось сильно экономить. Кроме того, запас пороха и дроби также истощался, а между тем вокруг жилища бродили в изобилии медведи, волки и целые стада лисиц. Не один раз медведи, чувствуя поживу, нападали на жилище путешественников. Один раз медведь даже взломал дверь и забрался в землянку. Только благодаря самообладанию обоих исследователей им удалось одержать победу над сильным животным.

С приходом весны у путешественников снова воскресли надежды на избавление. Они снова стали всматриваться жадно в море. В июне их ожидания достигли своего апогея; Миккельсен и Иверсен почти круглые сутки не сходили с вершины холма. «Чем ближе подходило то время, когда можно было ожидать судна,— говорит Миккельсен,— тем сильнее становились наши опасения, что оно не придет совсем».

Иверсен после 28 месяцев скитаний.

Однажды рано утром путешественники были разбужены каким-то шорохом около наружной двери; в первую минуту они подумали, что это бродит медведь. Иверсен с ружьем бросился к двери, за ним выскочил из своего спального мешка и Миккельсен и также схватил ружье, готовясь дать отпор непрошеному гостю. Но он вдруг остолбенел на полдороге, так как Иверсен, успевший уже распахнуть дверь, кричал: «Ура! Судно! Судно!..» «В следующее мгновение — говорит Миккельсен — я стоял рядом с моим верным товарищем и смотрел на людей на берегу»...

«Что было вслед за этим — пишет Миккельсен — мне в точности неизвестно. Должно быть, мы набросили на себя кое-какую одежду и бросились на берег. Недалеко от берега мы увидели норвежский пароходик. Мы смотрели друг на друга молча, затем зашли за домик и крепко пожали друг другу руки. Теперь ведь конец нашей жизни вдвоем, конец испытаниям... Затем мы бросились снова на берег, где столпились норвежцы. Мне показалось, что на берегу целое войско, а на самом деле там было всего восемь человек. Я не видал людей, кроме Иверсена, целых двадцать восемь месяцев, и поэтому толпа в восемь человек мне казалась огромной. Норвежцы встретили нас сердечно, и скоро мы рассказали им всю нашу историю.

Первоначально, когда мы выскочили из своего жилища, они приняли нас за сумасшедших. Вид у нас в самом деле был странный: развевающиеся длинные волосы и ничего на теле, кроме исландских фуфаек!..

«Скоро все наши вещи были упакованы, и норвежцы в одну минуту убрали весь оставшийся провиант в землянку, заколотили ее дверь наглухо и посадили нас в лодку. Через несколько минут мы были уже на борту парохода, называвшегося «Морской цветок»... Через несколько дней «Морской цветок» доставил обоих «полярных Робинзонов» в Норвегию, откуда они и вернулись на родину, всюду встречаемые с большим торжеством.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Великий северный морской путь из Европы в Сибирь».

I.

Возобновление поисков «северного морского пути из Европы в Сибирь» в наше время.— Экспедиция Толя.

Хотя вопрос о «северо-восточном» проходе из Европы в Восточную Азию и был разрешен, как мы видели выше, знаменитым шведским мореплавателем Норденшельдом, установившим возможность морского плавания из Европы в Сибирь и Восточную Азию, тем не менее после плавания «Веги» мореходство по новому пути не установилось. Правда, после 1878 г. почти ежегодно делались попытки использовать с торговою целью морской путь из Европы в Сибирь, но большинство этих попыток оканчивалось неудачно, вследствие чего плавания из Европы в Сибирь постепенно почти совсем прекратились. В начале XX столетия «великий северный морской путь» был совершенно забыт.

Коренной причиной такого положения дела являлась не столько трудность плавания вдоль северных берегов Европы и Азии, сколько неизвестность пути, отсутствие верных карт и практических руководств для мореходов. Когда, вместе с экономическим развитием Сибири, вопрос о северном морском пути снова был поставлен на очередь, русское правительство решило предпринять прежде всего обширные исследования и опись северного побережья Сибири и великих сибирских рек.

Сильным толчком для современного гидрографического исследования морского пути из Европы в Сибирь послужила постройка Сибирской железной дороги, нуждавшейся в дешевой доставке строительных материалов из Европы. Вследствие этого в 1893 г. по поручению Комитета Сибирской жел. дороги была снаряжена экспедиция к устью Енисея, которая и исследовала фарватер реки Енисея от устья до города Енисей-

ска. Эта экспедиция состояла из винтового парохода «Лейтенант Овцын», колесного парохода «Лейтенант Малыгин» и парусной баржи «Лейтенант Скуратов». Начальство над этой флотилией было вверено лейтенанту Добротворскому и капитану Виггинсу, который уже совершал неоднократно плавания вдоль северных берегов Сибири и Европы. Эта экспедиция без труда добралась до Енисейска и доставила благополучно весь груз. В 1894 г. капитан Виггинс также прошел через Карское море в устье Енисея. В том же 1894 г. было приступлено к исследованию и описи берегов Ледовитого океана, устьев Оби и Енисея. Гидрографическая экспедиция, работавшая под начальством Вилькицкого (отца), описала за первые два года весь Енисейский залив, составила атлас реки Енисея и описала восточный берег Обской губы. Благодаря этим работам в 1896 г. из Англии было отправлено в Сибирь три парохода с грузом, а в 1897 г.— одиннадцать. В последующие годы гидрографические работы велись, главным образом, в области Югорского Шара, Карских ворот и Карского моря.

Из наиболее значительных русских экспедиций, снаряженных в начале XX столетия для исследования Сибирского Ледовитого океана, является экспедиция Толя на пароходе «Заря». Эта экспедиция ознаменовалась гибелью самого Толя и нескольких его спутников. Толь, геолог по образованию, путешествовавший неоднократно на север Сибири, в области реки Яны и на Ново-Сибирские острова для производства раскопок, представил Академии Наук план обширных исследований Сибирского полярного океана. Согласно этому плану и была организована под начальством Толя большая морская экспедиция. Для этой экспедиции в Норвегии было приобретено паровое китобойное судно, названное «Зарею». Толь взял с собою провианта на три года и 8 июня 1900 г. вышел из Петербурга на Мурман. В состав экспедиции вошли, кроме Толя, капитан Коломийцев, лейтенант Матисен, гидролог Колчак, зоолог и ботаник Бялыницкий-Бируля, астроном Зеберг, доктор Вальтер и 19 человек матросов.

Обогнув Норвегию, «Заря» прибыла 11 июля 1900 г. в порт Александровск (Екатерининская гавань) на Мурмане, где Толь взял приготовленных для него 20 ездовых собак. Оставив 18 июля порт Александровск, «Заря» 25 июля прибыла к Югорскому Шару и в тот же день вошла в Карское море. 13 сентября Толь вынужден был остановиться на зимовку в северо-западной части Таймырского полуострова, в Таймырском проливе, на широте 76° 8′.

После зимовки «Заря» могла выйти в море лишь 12 августа 1901 г., так как до этого времени весь Таймырский пролив был

забит льдом. 19 августа «Заря» обогнула мыс Челюскин, а 29 была в виду острова Беннета, подойти к которому ей помешали льды. 3 сентября «Заря» вынуждена была сделать остановку в Нерпичьей губе острова Котельного для исправления повреждений машины и помп. 11 сентября температура настолько понизилась, что Толь решил не выходить в море и остался зимовать на острове Котельном.

В Нерпичьей губе экспедицию встретила прибывшая туда через Сибирь вспомогательная партия К. Воллосовича, устроившая в разных местах склады провианта и произведшая важные геологические наблюдения, особенно на островах Ляхова, Новой Сибири, Котельном и Фаддеевом. Толь еще в прежние свои экспедиции по Сибири слышал, что к северу от Ново-Сибирских островов существуют какие-то острова, первые известия о которых были получены еще в начале XIX века от промышленника Санникова, почему эти острова и получили название Земли Санникова. Весною 1902 г. Толь решил в сопровождении астронома Зеберга и двух якутов пробраться на собаках на остров Беннета, чтобы оттуда проследовать далее на север для открытия Земли Санникова. Было условлено, что «Заря» зайдет за исследователями на остров Беннета летом 1902 г., но если этому помешают льды, то Толь дал приказание не ждать его, а итти к устью Лены.

Крест на о. Беннета в память погибшего Толя.

Летом лед на море тронулся, сравнительно, рано, но в Нерпичьей губе лед стоял долго, и «Заря» вышла оттуда поздно. Капитан Коломийцев, направившись к острову Беннета, встретил льды и после нескольких попыток пробиться сквозь них, вынужден был итти к устью Лены, где его уже ожидал пароход «Лена», который и отвез участников экспедиции и коллекции в Якутск. Для оказания помощи оставшимся на острове Беннета Толю и его спутникам в мае 1903 г. на остров Беннета отправился А. Колчак. Осмотрев сначала Ново-Сибирские острова, он отправился в вельботе на остров Беннета, которого и достиг 4 августа. Здесь, под грудой обледенелых и занесенных снегом камней, Колчак нашел оставленные Толем инструменты, коллекции и писанные его рукою документы и план острова. Кроме того, была найдена записка Толя, оканчивающаяся словами: «Отправляемся на юг, провизии имеем на 14 — 20 дней. Все здоровы».

Взяв с собою часть коллекции и документы, Колчак 7 августа оставил остров Беннета, а 9-го прибыл на Новую Сибирь, где в это время занимался топографическими работами инженер Бруснев. Обождав здесь наступления санного пути, Колчак вместе с Брусневым вернулся на материк. После этого никаких сведений о судьбе Толя и его спутников не было получено. Очевидно, все они погибли во время перехода с острова Беннета на острова Новой Сибири, попав, вероятно, в какую-нибудь полынью, которые обычны даже зимою в Ледовитом океане.

II.

Экспедиции в Северный Ледовитый океан ледоколов «Таймыр» и «Вайгач».— Открытие Земли Николая.— Плавание капитана Вилькицкого через «северно-восточный проход».

С целью более детального исследования побережья Сибири и вообще Сибирского Ледовитого моря русское правительство построило в 1909 году два специальных парохода-ледокола «Таймыр» и «Вайгач». Эти пароходы были построены по образцу знаменитого нансеновского корабля «Фрам», то-есть рассчитаны на то, чтобы при напоре льдов в борты судно выпиралось кверху. Существенным же отличием «Таймыра» и «Вайгача» от «Фрама» было то, что их борты были обшиты железом. Начиная с 1910 г., «Таймыр» и «Вайгач» ежегодно совершали плавания по Северному Ледовитому океану. Эти плавания носят официально название «Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана».

Первое плавание «Таймыра» и «Вайгача» в 1910 г. было неудачно; выйдя в конце августа из Берингова пролива, экспедиция вскоре встретила густой лед и вынуждена была вернуться на зимовку во Владивосток. Более продуктивными оказались плавания 1911 и 1912 годов. Летом 1911 г. «Таймыр» и «Вайгач» обследовали побережье около Шелагского мыса и устья реки Колымы. Кроме того, «Вайгач» исследовал остров Врангеля.

Плавание 1912 г. имело своей задачей продолжать съемку сибирского побережья до устья реки Лены и затем попытаться обогнуть мыс Челюскин, чтобы пройти оттуда через Карское море в Баренцово на Мурман. Кроме этой главной задачи, ледоколы должны были по пути в Ледовитый океан зайти на Камчатку и проверить съемку ее северных берегов. Здесь было несколько кораблекрушений, которые объясняли неверностью карт. Выполнив эту задачу, «Таймыр» и «Вайгач» отплыли в Ледовитый океан. Занимаясь съемкой и описью побережья, оба корабля достигли восточного берега Таймырского полуострова,

но им не удалось из-за плавающих льдов выполнить намеченный план и пройти мимо мыса Челюскина в Европу.

Летом 1913 г. попытка пройти северо-восточным проходом от берегов Сибири в Европу была снова повторена «Таймыром» и «Вайгачем». На этот раз начальство над экспедицией было вверено молодому, но опытному капитану Б. А. Вилькицкому.

Ледокол «Таймыр» во льдах.

Хотя и на этот раз не удалось пробиться сквозь ледяные поля Карского моря, но экспедиция 1913 г. увенчалась важными результатами. Капитану Вилькицкому, в поисках свободного от льда моря, удалось открыть неизвестный до того времени большой остров, названный «Землею Николая II [1])».

[1]) Как сообщает «Правда» (от 29 мая 1925 г.) Научно-Технич. отд. ВСНХ СССР постановил отправить экспедицию для исследования «Земли Николая II»... По прибытии экспедиции на место будет водружен советский флаг, и земля будет названа именем В. И. Ленина.

«Таймыр» и «Вайгач» достигли восточного берега Таймырского полуострова уже в первых числах августа. 21 августа ледоколы поднялись вдоль восточного берега полуострова до мыса Челюскина. Но здесь их ждала неудача; дальнейший путь на запад был закрыт сплошным льдом. Несколько попыток показали, что этот лед не поддается действию ледоколов. Приходилось отступать. Но капитан Вилькицкий решил подняться далее на север от мыса Челюскина, надеясь найти там свободное от льда море, через которое он мог бы провести свои суда до Новой Земли. Подвигаясь на север, капитан Вилькицкий неожиданно натолкнулся на довольно большой остров, который он назвал островом Алексея. На следующий день экспедиция открыла обширный остров, названный Вилькицким «Землею Николая».

Экспедиция высадилась на берег, водрузила русский флаг, и капитан Вилькицкий объявил, что вновь открытая земля присоединяется к владениям России. После этого ледоколы направились вдоль берегов новооткрытой земли вновь на север, но искомого прохода не было. Вследствие этого 24 августа капитан Вилькицкий отдал приказ итти обратно к мысу Челюскину. Здесь он снова сделал попытку пробиться через льды на запад, но безуспешно. Чтобы убедиться, как далеко на запад простирается ледяной покров, часть экспедиции была высажена на берег и прошла на запад насколько это было возможно. Но и это путешествие не дало никаких результатов. На сколько хватал глаз, все пространство к западу от мыса Челюскина было покрыто сплошным льдом.

По возвращении с берега членов экспедиции капитан Вилькицкий счел свою миссию выполненной и повернул назад на восток, чтобы вернуться на зиму во Владивосток. На пути от мыса Челюскина экспедиция пристала к острову Беннета. Здесь капитан Вилькицкий разыскал оставленные погибшим Толем научные коллекции и воздвиг в память погибшего исследователя деревянный крест на высоком берегу острова. 16 сентября оба ледокола пришли в Колючинскую бухту, где впервые за два месяца плавания встретились с людьми. Правда, это были полудикари-чукчи, но все-таки это были люди.

Наконец 22 сентября ледоколы прошли мимо мыса Дежнева и направились через Берингов пролив на юг. В Беринговом море оба корабля подверглись жесточайшей буре; они потеряли друг друга из вида и вновь соединились только около острова св. Лаврентия. Вследствие некоторых повреждений и недостатка угля суда вынуждены были направиться к американскому берегу, к селению св. Михаила. Отсюда капитан Вилькицкий вышел 6 октября и через 8 дней прибыл благополучно в Петропавловский порт на Камчатке.

Хотя экспедиция и не достигла намеченной цели—пройти вдоль северных берегов Азии и Европы,—тем не менее эта экспедиция принадлежит к числу выдающихся путешествий нашего времени. Эта экспедиция, открыв Землю Николая и Остров Алесея, доказала, что Северный Ледовитый океан хранит еще много тайн, и не один смелый исследователь может сделать здесь еще много новых открытий.

Капитан Б. А. Вилькицкий, не разочарованный неудачей 1913 года, решил в 1914 г. еще раз попытаться пройти северо-восточным проходом от берегов Сибири в Европу. Перезимовав во Владивостоке и получив предписание закончить опись Таймырского полуострова и вновь открытой Земли Николая, капитан Вилькицкий вышел в июле 1914 г. в Северный Ледовитый океан. Достигнув в августе месяце Таймырского полуострова, он 20 августа обогнул мыс Челюскин и направился на запад. Однако в Карском море он встретил массу льдов и вынужден был стать на зимовку около Земли короля Оскара. За дальностью расстояния капитан Вилькицкий не мог дать сообщение по беспроволочному телеграфу о месте своего нахождения, и многие уже считали экспедицию Вилькицкого погибшей.

К счастью для путешественников в 265 километрах к западу от стоянки «Таймыра» стало на зимовку судно «Эклипс», посланное в 1914 г. на поиски экспедиции Русанова и Брусилова. «Эклипс», также оборудованный беспроволочным телеграфом, вошел в переговоры с «Таймыром» и «Вайгачем» и, в свою очередь, передал известие о судьбе этих кораблей на радио-телеграфную станцию Югорского Шара, откуда известие о капитане Вилькицком и его спутниках было сообщено в Архангельск. Таким образом цивилизованный мир узнал, благодаря беспроволочному телеграфу, что «Таймыр» и «Вайгач» зазимовали в Карском море.

Весною 1915 г. «Таймыр» и «Вайгач» вместе с «Эклипсом», командиром которого был известный спутник Нансена, капитан Свердруп, направились далее на запад, и 3 сентября экспедиция капитана Вилькицкого благополучно прибыла в Архангельск. Таким образом капитан Вилькицкий совершил морское плавание с Дальнего Востока в Европу мимо северных берегов Азии и Европы, то-есть он прошел так называемым «северо-восточным проходом», открытие которого Норденшельдом доставило последнему мировую известность. Капитан Вилькицкий является вторым, после Норденшельда, мореплавателем, которому удалось разрешить проблему «северо-восточного прохода». Разница между плаванием Норденшельда на «Веге» и Вилькицкого на «Таймыре» и «Вайгаче» заключается в том, что Норденшельд совершил свое плавание, следуя с запада на восток, то-есть из

Европы в Азию, а капитан Вилькицкий плыл, как мы видели, в обратном направлении—из Азии в Европу. Этот маршрут следует признать гораздо труднее, чем первый, так как самую трудную часть пути—вторую половину—приходится проходить под конец, когда экипаж уже сильно утомлен от плавания, и когда припасы, уголь и провиант подходят к концу. Вследствие этого от малейшей ошибки в расчете может легко произойти катастрофа, и вся экспедиция закончится гибелью.

Практические результаты плавания капитана Вилькицкого весьма существенны; это плавание, помимо своих чисто научных приобретений, доказало еще раз возможность северного морского пути из Европы к берегам Сибири и на Дальний Восток. О громадном значении этого пути для всей Сибири мы скажем несколько ниже, когда будем говорить о путешествии в Сибирь Нансена. Теперь же мы упомянем здесь о других русских исследователях нашего времени—Брусилове и Русанове, погибших в безграничных ледяных пустынях Ледовитого океана.

III.

Экспедиция капитана Брусилова.— Экспедиция Русанова.

Говоря о русских мореплавателях нашего времени, посвятивших свою жизнь на разрешение вопроса о северном морском пути из Европы в Восточную Азию, мы не можем обойти молчанием имена Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова, предпринявших попытку пройти северо-восточным проходом, но, к сожалению, погибших среди полярных льдов.

Капитан Брусилов на своем судне «Св. Анна» вышел в сентябре 1913 г. и направился через Карские ворота в Карское море с тем, чтобы плыть все время вдоль северных берегов Сибири, производя подробную съемку их. Вскоре после того, как Брусилов проник в Карское море, о судьбе его экспедиции прекратились всякие слухи. Лишь летом 1914 г. спасшиеся члены экспедиции Г. Я. Седова [1]) совершенно неожиданно встретили на мысе Флора двух участников брусиловской экспедиции — штурмана В. И. Альбанова и матроса Конрадта. Они рассказали о печальной судьбе, постигшей остальных членов этой экспедиции. Судно «Св. Анны» вскоре после начала плавания было затерто льдами в Карском море. Затем оно было вместе со льдами подхвачено полярным течением, которое увлекло его к северо-западу. 10 апреля 1914 г. «Св. Анна» достигла 73° 17′ сев. шир. и 60° вост.

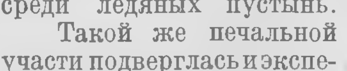
[1]) Об этой экспедиции см. ниже в главе «Завоевание полюсов».

долг. В это время на корабле почти не было съестных припасов, и экипажу грозила голодная смерть. Вследствие этого часть команды судна решила высадиться и пойти по льду к мысу Флора. Отправились всего одиннадцать человек. Дорогой, претерпевая невероятные злоключения, перенося страшные лишения, путешественники питались лишь одним мясом моржей и белых медведей. От холода и усталости во время перехода двое из путешественников скончались. Недалеко от мыса Гранта 7 человек из оставшихся 9 пропали без вести, а двое остальных, выбившись совершенно из сил, достигли, в конце концов, 9 июля 1914 г. мыса Флора.

Г. Л. Брусилов.

По счастливой случайности близ этого мыса сделала остановку и экспедиция Г. Я. Седова на судне «св. Фока» и, таким образом, двое полуживых путешественников были спасены от неминуемой гибели среди мрака и льдов суровой полярной природы. Сам Брусилов и его ближайшие спутники, оставшиеся на судне, по всей вероятности, были раздавлены, в конце концов, льдами или же погибли голодной смертью среди ледяных пустынь.

Такой же печальной участи подверглась и экспедиция В. А. Русанова, отправившаяся в июне 1912 г. первоначально к острову Шпицбергену, чтобы оттуда пройти к Берингову проливу. В. А. Русанов, геолог по профессии, в течение нескольких лет производил тщательные исследования на Новой Земле и в 1910 г., первый из всех исследователей Новой Земли, совершил плавание вокруг всего северного острова Новой Земли. Путешествия Русанова на Новую Землю и исследование ее северной оконечности навели его на мысль попытаться пройти в Карское море не через южные проходы в это море — Карские ворота, Югорский или Маточкин Шар, а именно мимо северного мыса Новой Земли, названного Русановым мысом

Желания. По мнению Русанова, путь в Карское море мимо северной оконечности Новой Земли гораздо безопаснее, так как теплое течение гольфстрем, идущее из Атлантического океана, доходит до Новой Земли. Правда, около Новой Земли от мощной теплой струи гольфстрема остаются лишь ничтожные струйки, но тем не менее эти незначительные слои более теплой воды оказывают свое влияние и препятствуют скоплению больших масс льда около Новой Земли.

В. А. Русанов.

Чтобы проверить свои предположения, Русанов летом 1910 г. на небольшом промысловом судне «Дмитрий Солунский» отправился к мысу Желания. В начале августа Русанов достиг своей цели и около северной оконечности Новой Земли не встретил почти ни одной льдины. Таким образом предположения Русанова оправдались, и он решил итти далее на восток. Но уже на третий день стоянки около мыса Желания с севера надвинулись льды и заперли небольшую бухту, где стояло судно Русанова. Однако Русанов решился пробиться через льды, так как иначе всем участникам экспедиции грозила голодная смерть. В течение трех дней утлое судно боролось со льдами и, в конце концов, мореплавателям удалось добраться до открытого моря с восточной стороны Новой Земли. Через две недели «Дмитрий Солунский» находился уже у входа в Маточкин Шар. Эта первая попытка убедила Русанова в возможности осуществить свою идею—пройти через Северный Ледовитый океан из Европы в Восточную Азию, следуя не вдоль берегов Сибири, а плывя от мыса Желания прямо на восток к Ново-Сибирским островам и далее к мысу Дежнева. Русанов не знал еще тогда об открытой Вилькицким Земле Николая, которая преграждает прямой путь от Новой Сибири на восток.

Для осуществления своей идеи Русанов снарядил в 1912 г. экспедицию, в состав которой вошли геолог Р. Л. Самойлович,

зоолог З. Ф. Сватош, женщина-врач Жюльетта Жан (невеста Русанова) и сам Русанов. Для плавания был куплен моторный бот «Геркулес», командовать которым был приглашен опытный моряк А. С. Кугин, один из спутников Амундсена в его путешествии к южному полюсу; кроме него и участников экспедиции на Геркулесе находилось 7 человек команды.

В июне 1912 г. «Геркулес» направился к Шпицбергену для производства геологических работ. Это исследование привело к открытию на Шпицбергене богатейших залежей каменного угля. Окончив научные работы, Самойлович и Сватош вернулись в Россию, а Русанов с остальными участниками экспедиции направился на восток к мысу Желания, чтобы оттуда пройти к Берингову проливу.

Последние известия от Русанова были получены в сентябре 1912 г. Это была небольшая записка, которую он бросил в бутылке в море. Русанов писал в ней: «Штормом отброшен к Маточкину Шару. Иду к северной оконечности Новой Земли, и далее на восток к Ново-Сибирским островам». С тех пор об экспедиции Русанова не было получено никаких известий.

На поиски экспедиции Русанова было послано под командой известного норвежского мореплавателя капитана Свердрупа судно «Эклипс». Но эти поиски не привели ни к каким результатам, и до сих пор судьба экспедиции Русанова неизвестна. Вероятно, все участники экспедиции погибли голодной смертью среди льдов полярного океана.

IV.

Плавание Нансена из Европы в Сибирь на пароходе «Коррект».— Экспедиции последних лет для исследования северного морского пути.

Благодаря исследованиям северного побережья Сибири явилась возможность составить более точные карты этого побережья, и поэтому плавание по великому северному морскому пути стало менее опасным. Вследствие этого в 1912 г. возникло специальное торговое общество—«Сибирское акционерное Общество пароходства, промышленности и торговли»,—имеющее главной своею целью установление торговых сношений Северной Европы (Норвегии, Швеции и Дании) с Центральной Сибирью через Карское море и устье Енисея. В 1912 г. это Общество сделало первую попытку отправить пароход с грузом товаров из Норвегии в Сибирь. Попытка эта кончилась неудачей: пароход встретил в Карском море много льда и вынужден был вернуться обратно.

Однако в 1913 г. Общество послало в Сибирь более сильный и подходящий для плавания пароход «Коррект». На этот раз в плавание отправился основатель и директор названного Общества, И. И. Лид, который пригласил на «Коррект» знаменитого Фритьофа Нансена. Эта экспедиция, закончившаяся полным успехом, в свое время вызвала большую сенсацию. Длинный путь от Тромсе (на севере Норвегии) до устья Енисея через Карские ворота был пройден вполне благополучно. Товар, предназначенный для Сибири (с перегрузкой в устьи Енисея) был доставлен на места назначения, равно как и обратный груз из Сибири в Тромсе.

Об этом путешествии Нансен написал большую и интересную книгу под заглавием «В страну будущего». «Страною будущего» Нансен называет нашу Сибирь и предсказывает ей огромную роль в жизни России в недалеком будущем. Описывая свое плавание на «Корректе», Нансен касается, между прочим, многих других вопросов, связанных с Сибирью.

В предисловии к своей книге Нансен пишет: «Большая часть этой книги была написана под огромным впечатлением беспредельных равнин на востоке Азии, все еще лежащих втуне и ждущих человека. Как утешительно было воочию убедиться, что на земле есть еще много места, где могут возникнуть миллионы счастливых семейных очагов!

«И какой жуткий контраст с этой картиной представляет разгорающийся с каждым днем все ужаснее гигантский европейский пожар! Европа как будто вдруг стала тесной для народов, и они начали прилагать все усилия для взаимного истребления.

«Какая зловещая расточительность благородных сил человеческого духа! Какая невознаградимая потеря для европейской культуры! Каких благих результатов могли бы достигнуть человеческие силы и организаторские способности, воодушевление и самопожертвование, проявляемое в столь грандиозных размерах в этой бойне людской, если бы они были направлены на покорение сил природы и обработку земли!

«Очень кстати было бы теперь вспомнить слова Бэкона о трех видах честолюбия: «Первое сводится к стремлению усилить собственную власть и влияние в своей стране. Это честолюбие низменного сорта. Второе заключается в стремлении усилить могущество своей страны и распространить свою власть среди других народов; это честолюбие более благородное, но не менее алчное. Тот же, кто стремится упрочить и увеличить силу и владычество человека над природой, над вселенной, проявляет, без сомнения, честолюбие—если только это слово здесь уместно—более здоровое и благородное, чем первые два вида честолюбия».

«Каков будет исход нынешней великой войны, никому из нас не дано предвидеть. Она может привести к полной пере-

Нансен на капитанском мостике «КоррекTа».
(С фотографии И. И. Лидъ.)

оценке жизненных ценностей и принудить старую Европу к составлению нового баланса, о котором мы пока ещё не имеем понятия. Но одно мы знаем: громадные леса Сибири, безграничная тайга с могучими реками и волнистыми степными простран-

ствами, лежащие в стороне от шума битв, попрежнему ждут людей — когда они устанут истреблять и разрушать»...

После экспедиции Вилькицкого и после авторитетных заявлений Нансена о возможности плавания по «северному морскому пути» вопрос об этом пути перешел в новую стадию развития. Успехи современной техники и науки дали в это время в руки человека и то средство, при помощи которого удалось одержать победу над суровыми природными условиями. Этим средством явился радио-телеграф. Уже в 1913 г. на острове Вайгаче и в Югорском Шаре были установлены первые радио-станции; вскоре были установлены еще две станции на южной части полуострова Ямал (Маре-Сале) и на острове Диксона. В 1920 и 1921 г.г. уже советским правительством установлены еще четыре радио-станции: в Обдорске, Усть-Енисейске, Дудинке и в бухте Новый Порт в Обской губе.

С установлением радио-станций на берегах Карского моря открывается новая эра в истории северного морского пути. Установленные в различных наиболее вынесенных пунктах берегов Карского моря радио-станции систематически наблюдают за движением льдов, направлением ветров, давлением атмосферы, температурой воздуха. Свои наблюдения они ежедневно сообщают «всем, всем, всем», и мореплаватель, получив эти сведения и отметив на карте места, где находится лед, избирает путь, свободный ото льдов.

В прежнее время мореход, совершавший плавание по Карскому морю, должен был сам отыскивать свободный пролив. Убедившись в том, что какой-либо из проливов забит льдом, он шел к другому, затем к третьему, и зачастую должен был совсем отказаться от дальнейшего плавания, так как на поиски свободного прохода у него иногда уходило почти все время, в течение которого Карское море доступно для плавания. Теперь радиотелеграф безошибочно указывает путь, свободный ото льда, и мореплаватель заранее знает, куда ему следует держать курс.

Радио-телеграфные станции явятся, повидимому, и теми основными пунктами, около которых начнется колонизация стран Ледовитого океана. По плану, разработанному Комитетом Северного Морского Пути, радио-телеграфная сеть на Карском море должна состоять из 12 радио-станций. В настоящее время почти все эти станции уже действуют.

В 1920 и 1921 г.г. Главное Гидрографическое Управление снарядило экспедиции под начальством полярного исследователя К. К. Неупокоева для обследования устьев реки Оби и Енисея, а также Обской и Енисейской губы. В свою очередь, Русское Географическое Общество в 1921 г. составило проект специальной экспедиции для физико-географического исследования Таймыр-

ского полуострова. По плану Географического Общества работы экспедиции рассчитаны на три года. Однако за недостатком средств снаряжение этой экспедиции временно отложено. В 1922 г. на специально оборудованном судне «Персей» были произведены научные исследования Карского и Баренцова морей.

Таким образом исследования последних лет установили возможность плавания вдоль северных берегов Европы и Азии, даже при неблагоприятных климатических условиях; великий северный морской путь, наконец, дает возможность установить регулярные морские сношения Сибири с Европой и европейской частью СССР. Теперь огромная Сибирь имеет свой выход на море, то «окно в Европу», которого ей недоставало.

За последние четыре года возникшее в 1920 г. в Лондоне русско-английское торговое общество «Всероссийское Кооперативное Общество» (All Russian Cooperative Society), получившее сокращенное название АРКОС, приобрело пять пароходов для плавания из Лондона в устье Оби и Енисея. Первый опыт был сделан в 1921 г. Эти пароходы, в сопровождении русского ледокола «Ленин», благополучно доставили в Сибирь около 600.000 пудов груза (сельско-хоз. машины, орудия, инструменты, гвозди, чай, сахар, лекарства и т. д.). Обратно на этих пароходах из Сибири было отправлено свыше 300.000 пудов шерсти, кож, мехов, асбеста и графита. В 1922 и 1923 г.г. «Аркос» снова посылал свои пароходы с грузом, и каждый раз плавание заканчивалось вполне благополучно. Таким образом «великий северный морской путь» можно считать теперь уже установленным и дающим уже практические результаты.

Открытие северного морского пути вызывает к жизни целый край, огромный и важный по своим размерам и естественным богатствам. Уже и теперь, после совершения под-ряд трех экспедиций северным морским путем, начинает чувствоваться оживление в таких местах Сибири, где до самого последнего времени еще не ступала нога культурного человека.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Завоевание полюсов.

I.—Завоевание северного полюса.

I.

Земные полюсы.— Полярная природа.— Трудность географических исследований в полярных областях.

В XIX столетии географическая наука поставила перед исследователями новую задачу, а именно открытие земных полюсов. Земные полюсы представляют собой, как известно, две математические точки на поверхности земного шара, где сходятся все меридианы, и где находятся оконечности воображаемой земной оси; одна из этих точек расположена на крайнем севере и называется поэтому северным полюсом, а другая—на крайнем юге, почему и носит название южного полюса.

Земные полюсы и окружающие их области, благодаря своему исключительному положению на поверхности земного шара, отличаются очень многими характерными особенностями от всех других областей Земли. Здесь, во-первых, нет собственно говоря, обычных стран света—востока, запада, севера и юга; вместо них на северном полюсе мы видим только один юг, а на южном полюсе во все стороны простирается только один север. Во-вторых, на самих полюсах нет также времени в обычном смысле этого слова, так как там не существует деления времени на дни и ночи, на сутки и месяцы. Там нет также обычных четырех времен года: весны, лета, зимы и осени. На полюсах существует лишь один день и одна ночь в году. Так, на северном полюсе, начиная с 21 апреля вплоть до 23 сентября, то-есть в течение целых пяти месяцев, солнце все время не заходит за горизонт, совершая полный круг на небосводе. Остальная часть года с 23 сентября по 21 апреля состоит из двух периодов сумерек, по 50 дней каждый, и беспросветной 3-месячной полярной ночи.

во время которой солнце совершенно не показывается над линией горизонта.

В то время как на северном полюсе царит длинная мрачная ночь, на южном полюсе солнце круглые сутки не сходит с неба, и там в это время стоит один беспрерывный день. Этот день сменяется, в свою очередь, длинной беспросветной ночью, продолжающейся с апреля до сентября.

Такое своеобразное разделение времени на полюсах и само положение полярных стран на земном шаре обусловливают и своеобразную природу полюсов. Хотя здесь солнце и сияет на небе

Схематическое изображение земного шара и расположение полюсов.

в продолжение целых 5 месяцев, но оно никогда не поднимается высоко над горизонтом, и его лучи лишь косвенно падают на землю, почти совершенно не согревая почву даже и летом. Кроме того, солнечные лучи в полярных странах должны проходить через очень густой слой воздуха, и поэтому они оставляют в воздухе значительную часть своей теплоты. Благодаря этому на полюсах даже в самый разгар лета не бывает больше 6—8° тепла.

Вследствие этого солнце во время короткого лета не успевает растопить в полярных областях весь снежный и ледяной покров, и поэтому вся поверхность полярных стран, за очень редкими исключениями, покрыта мощными пластами вечных снегов и льдов.

Если еще лето в полярных странах довольно сносно, зато полярная зима прямо ужасна. Зимой, когда там царствует полнейший мрак, холод достигает 40 и даже 50°. Холод этот еще более увеличивается благодаря свирепствующим на полюсах страшным ветрам и бурям. Но самое ужасное в полярной зиме, это—ее вечная тьма. Она не опасна для человека, но своей мертвенной скукой она парализует его ум и душу. Чтобы вынести эту шестимесячную тьму, приходится призвать на помощь всю свою волю. все свое мужество, все свое терпение. Непроницаемая мгла и зловещее уединение, среди которых вынужден жить человек в полярной области, тяжелым гнетом ложатся на душу. Вот как описывает один полярный путешественник свои впечатления от полярной зимы: «Небеса и земля погружены в вечный покой. Нигде ни одного признака жизни, ни одного воспоминания о ней. Ум ни над чем не работает, ни на чем не отдыхает. Бесконечные созвездия не могут уронить ни одной радостной искорки в эту мертвую атмосферу. Холодные, безжизненные звезды ничего не говорят сердцу. Глаза устают смотреть на них и снова обращаются к земле; ухо чутко прислушивается, не нарушит ли хоть малейший шум это гнетущее молчание; но нет, ниоткуда не раздается ни одного человеческого шага, не доносится ни одного звука живого голоса. Не слышно даже слабого крика птиц. даже легкого шелеста ветвей, колеблемых ветром. В этой беспредельной пустыне я слышу только биение собственного сердца; кровь, бьющая в моих артериях, утомляет меня своими сильными ударами. Молчание перестает быть отрицательным понятием, оно наделяется положительными качествами. Я слышу его, вижу, чувствую. Страшным призраком встает оно передо мною, возвещая конец всему существующему, наполняя мою душу чувством смерти... Я не могу дольше выносить этого: я сбегаю со скалы, на которой сидел; я начинаю ходить, сильно стуча ногами, заставляя скрипеть снег, чтобы только удалить ужасное видение, прогнать страшный призрак»...

Путешественник, переживающий длинную полярную ночь, вознаграждается время от времени только одним зрелищем — полярным сиянием. Явление это происходит вследствие разрядов электричества в атмосфере, но эти разряды совершаются не с треском и громом, как в наших странах во время гроз, а совершенно тихо, без всякого шума.

Описать в точности полярное сияние невозможно, так как наши слова бессильны передать всю красоту и величие этого явления. Кроме того, полярные сияния отличаются чрезвычайным разнообразием форм и никогда не повторяются в одном и том же виде. Иногда на темном небе появляются как бы огромные завесы, вытканные из золота и света и колеблемые ветром. Через

Северное сияние в виде волнующихся завес.

несколько мгновений эти завесы сменяются разноцветными гигантскими колоннами, которые медленно движутся, беззвучно сталкиваются и пропадают. Нередко во время полярного сияния весь небосклон закрывается лучезарной аркой. Эта арка бывает сначала ослепительно-белого цвета, затем она становится ярко-красной, и из нее начинают выделяться пучки разноцветных лучей.

В зените эти лучи соединяются вместе, и из них образуется сияющая корона, которая, в свою очередь, выбрасывает снопы разноцветных огней. Скоро весь небосвод охватывается пламенем; пламя это двигается и переливается разными цветами... В это время поверхность полярной области представляет волшебную картину: вершины ледяных гор, снег, ледяная поверхность моря загораются миллионами разноцветных огней, которые внезапно гаснут и вновь вспыхивают, освещая беспредельную и мертвую ледяную пустыню... Но это чудесное зрелище длится всего несколько минут. Блестящая арка перестает испускать новые лучи, прежние лучи постепенно бледнеют и гаснут. Вскоре все созвездия, утонувшие было в потоках света, выплывают снова на небе, и мрачная полярная ночь опять вступает в свои права над полярной пустыней и безмолвно застывшей землей...

Что же влекло и влечет людей к земным полюсам, окруженным мраком и холодом? Что заставляло их упорно стремиться в полярные пустыни? Без сомнения, стремление исследователей в приполярные страны севера и юга объясняется отчасти очарованием неведомого, желанием узнать таинственные области и происходящие там явления. Но нигде знание не приобреталось с таким количеством лишений, опасностей и страданий, как в полярных странах. Однако, несмотря на все препятствия, какие человек встречал на крайнем севере и на крайнем юге, человеческий ум не мог успокоиться и не успокоится до тех пор, пока в этих областях не сделается известной каждая пядь земли, пока все тайны этих областей не будут раскрыты...

Медленно, но неустанно проникал человек через льды полярных океанов к заветным точкам. Миля за милей, градус за градусом пробирались исследователи вперед, напрягая все свои силы, и ценою страшных, неимоверных жертв завоевывали каждый шаг в этих таинственных областях. После почти столетних усилий вечная тайна, покрывавшая оба полюса Земли, была раскрыта исследователями XX века, и теперь полярные страны более или менее известны. Но сколько энергии и человеческих жизней было затрачено, прежде чем удалось достигнуть этих таинственных точек земного шара!

В этой упорной борьбе за достижение полюсов, в борьбе совершенно бескорыстной,так как завоевание полюсов не может принести никакой материальной выгоды — проявился, как и во

многих других завоеваниях человеческого гения, отрадный факт— солидарность усилий исследователей различных наций, так как только благодаря совместной работе нескольких поколений полярных исследователей, исследователям нашего времени удалось успешно разрешить вопрос о полюсах. Каждый исследователь, делавший новый шаг и новое открытие в полярных странах, этим самым облегчал задачу для последующих, и нигде, как в истории завоевания полюсов, мы не видим такой тесной взаимной связи прошедшего с настоящим и настоящего с будущим...

II.

Первые попытки завоевания северного полюса.—Плавание Кента Кэна.— Экспедиция Исаака Гэса.— Путешествие на север на корабле «Полярис» капитана Галя и Бессельса.

Северная полярная область сделалась предметом исследования, как мы видели выше, уже с XVII столетия. Мы уже говорили, что почти тотчас же после открытия Америки перед исследователями встали две новые проблемы о «северо-восточном» и «северо-западном» проходах из Европы к берегам Восточной Азии. Эти проблемы, продиктованные скорее интересами коммерческими, чем научными, привели европейцев впервые в полярную область. Мы уже говорили в своем месте об этих не увенчавшихся успехом попытках.

В XIX столетии попытки отыскать «северо-восточный» и «северо-западный» проходы снова возобновляются, сильно возрастает и интерес к северо-полярной области. Северные полярные страны в особенности привлекли внимание исследователей XIX в. после несчастной экспедиции Джона Франклина, когда на поиски этой экспедиции несколько лет под-ряд посылались вспомогательные экспедиции. Гибель экспедиции Франклина была одной из причин возникновения вопроса о завоевании северного полюса. Некоторые исследователи, отправившиеся на поиски Франклина и его спутников, заметили к северу от пролива Смита свободное ото льда море, и это открытие дало повод предполагать, что севернее пролива Смита и вообще между арктическими областями Америки и Азии нет суши, а находится открытое и, сравнительно, легко доступное море, согреваемое каким-нибудь ответвлением гольфстрема. Это мнение разделял также и известный географ Август Петерман. Но он искал доступа в открытое полярное море со стороны Шпицбергена, считая путь через пролив Смита невозможным. Целую четверть века продолжался этот спор, который, по окончании Франклиновских экспедиций, сосредоточил на себе все внимание полярных исследователей и опре-

делил ход научных экспедиций, пока, наконец, неудачи многих из этих экспедиций не доказали, что мысль о существовании открытого полярного моря есть заблуждение, хотя и оказавшееся очень плодотворным для развития исследований в северных полярных областях.

Одним из первых исследователей, поставивших себе целью достижение северного полюса, является американский доктор Кент Кэн. В половине XIX столетия Кент Кэн заинтересовал своим проектом крупного американского коммерсанта Германа Гриннеля, который и снарядил на свои средства под начальством Кэна бриг «Помощь». На этом бриге Кэн и отправился в 1853 г. в полярные моря. Главная задача экспедиции заключалась, впрочем, не в открытии полюса, а в отыскании Франклина и его спутников. Кэн направил свое судно в пролив Смита, чтобы, если будет возможно, пройти через этот еще малоизвестный канал в открытое море, где он надеялся найти, наконец, Франклина. Спутниками Кэна были врач Исаак Гэс, астроном Август Зонтаг, штурман Мортон и эскимос Ганс Гендрик, участвовавший также во всех позднейших экспедициях к проливу Смита и составивший на эскимосском языке свою автобиографию и описание своих путешествий.

Достигнув пролива Смита, Кент Кэн очень скоро должен был убедиться, что в действительности свободного прохода на север нет. Судну Кэна приходилось бороться с ветром и льдами, которые скоро окружили его со всех сторон. К счастью для путешественников, судно было отнесено в защищенную бухту Ренселер, у Земли Прёдго, где путешественникам пришлось прожить почти два года в ожидании освобождения. Когда и после второй зимовки положение дела не улучшилось, и путешественникам стал угрожать призрак голода, Кент Кэн решился бросить судно и научные коллекции и отправился с своими спутниками через льды на юг. Целых восемьдесят четыре дня передвигались путешественники то на лодках, то на санях к югу, пока им не удалось добраться до датских поселений в Гренландии, откуда все члены экспедиции благополучно прибыли на родину.

Так как Кент Кэн первый из исследователей перезимовал под высокой широтой в $78^1/_2{}^0$, то его магнитные и метеорологические наблюдения представляли большую ценность. Кроме того, им был открыт в Гренландии ледник Гумбольдта, самый могучий арктический ледяной поток, имеющий более ста километров в ширину. Во время зимовки члены экспедиции посетили также Землю Гриннеля и канал Кеннеди. Но наибольшую сенсацию произвело открытие Мортоном и Гендриком свободного от льда водного пространства, простиравшегося, по их словам, далеко на север.

Чтобы убедиться в существовании этого открытого моря, Исаак Гэс, один из спутников Кэна, решил в 1860—1861 г.г. про-

должать дело Кэна. На небольшой шкуне «Соединенные Штаты» он направился снова через пролив Смита на север, но в постоянной борьбе со льдом и ветрами вынужден был остановиться на зимовку в фиорде Фулке, еще южнее места зимовки Кэна. С нечеловеческими усилиями Гэсу и его спутникам удалось добраться по льду до $81^1/_2{}^0$ сев. шпр., откуда они увидали на севере темную полосу воды. Со своими измученными спутниками и собаками

Плавающая ледяная гора в Южном полярном океане и группа пингвинов на льдине.

Гэс не мог добраться до этого моря, хотя он был в полной уверенности, что эта полоса воды на горизонте и была свободным полярным морем.

Междуусобная война американцев прекратила на время дальнейшее исследование ими северных полярных областей. Лишь в 1871 г. правительство Соединенных Штатов снарядило новую экспедицию к полюсу. Начальником этой экспедиции был назначен капитан Галль, хорошо знакомый с полярными странами; помощником его был избран естествоиспытатель доктор Эмиль Бессельс. Для путешествия был построен винтовой

пароход, названный «Полярис». Среди экипажа «Поляриса» находились некоторые участники экспедиции Кэна и Гэса, а именно штурман Мортон и эскимос Ганс Гендрик.

Первое время плавание «Полярис» было удачно, но в конце августа на море появились туманы, и вскоре показались плавающие льды. В конце августа мореплаватели открыли новый остров, названный в честь начальника экспедиции землею Галля. В начале сентября льды преградили «Полярису» дальнейший путь, и Галль вынужден был остановиться на зимовку в небольшой гавани «Благодарение богу». Отсюда члены экспедиции предпринимали неоднократно санные поездки для исследования окрестных местностей. В одну из таких поездок сам Галль сильно простудился и умер в начале ноября 1871 г. Смерть начальника была страшным ударом для экспедиции; дисциплина, и раньше не стоявшая на высоте, стала падать, и вскоре между членами экспедиции возникли распри. О дальнейшем пути вперед нечего было и думать. Летом 1872 г., когда судно освободилось от льда, решено было направиться в обратный путь. Но при выходе из гавани «Полярис» был окружен льдами и так стиснут, что пришлось спешно выгрузить с него весь провиант и припасы на лед. Но этим несчастье не кончилось. Льдина, на которую высадился экипаж, вдруг затрещала и отделилась от судна. На этой льдине осталось 19 человек с помощником начальника экспедиции Тейзоном. Вскоре эта льдина была унесена течением далеко к югу.

Невольные путешественники имели на льдине очень немного съестных припасов и топлива. Для защиты от ветра и непогоды они соорудили из снега небольшую хижину. Льдина, на которой очутились путешественники, имела в окружности около $7^1/_2$ километров. Первое время мореплаватели чувствовали себя в безопасности на своем ледяном плоту, который уносило течением и ветром все дальше и дальше к югу.

Но вскоре были съедены все запасы мяса, консервов и жира, и приходилось питаться только мясом случайно встречавшихся тюленей. На-ряду с голодом, путешественников волновал и другой вопрос: чем дальше они подвигались на льдине к югу, тем больше увеличивалась опасность погибнуть; от льдины, попавшей в теплое течение, стали отламываться куски и глыбы, и поверхность ее постепенно уменьшалась. Вскоре льдина раскололась пополам, но, к счастью, путешественники успели сесть в лодку, случайно снятую с «Поляриса». Однако лодка была тесна для всех 19 человек, и поэтому путешественники снова перебрались на другую льдину, встреченную на пути. Положение их становилось с каждым днем отчаяннее. Вечно мокрые, путешественники ужасно страдали от холода и недостатка пищи. К счастью, один из них увидел плывущего на льдине белого медведя

и удачным выстрелом убил его. Голодная смерть была отсрочена еще на несколько дней.

Путешественники окончательно было приготовились к неизбежной смерти, как вдруг 28 апреля, после семимесячного плавания на льдине, один из путешественников заметил вдали дымок и закричал: «Пароход!». Это слово подействовало на всех магически; все вскочили на ноги, заволновались и стали смотреть на море; вдали виднелся дымок, и показались мачты парохода. У всех трепетало сердце от страха, что пароход может пройти мимо, не заметив их сигналов. Действительно, этот пароход вскоре скрылся из виду, но к утру следующего дня путешественники заметили другой пароход, с которого увидали сигналы. Вскоре пароход подошел к льдине. Это было китоловное судно «Тигрица». Можно себе представить, как обрадовались несчастные мореплаватели, когда они очутились на палубе судна!

Оставшиеся на «Полярисе» 14 человек также не погибли и, в конце концов, были спасены. Им удалось полузатонувший «Полярис» подвести к берегу, куда они перенесли все оставшиеся припасы. Из деревянных частей судна путешественники построили себе зимнее помещение, а весною на 2 лодках отправились на юг. 20 дней они плыли, ежеминутно подвергаясь опасности погибнуть в волнах полярного океана, пока, наконец, в проливе Мельвиля их не подобрало одно китоловное судно.

Несмотря на неудачу, научные результаты экспедиции «Поляриса» были, тем не менее, очень значительны. Благодаря новым открытиям карта полярных областей была дополнена и исправлена, а далеко на север, у пролива Смита, было найдено большое обилие полярных животных. Затем Бессельс сделал наблюдение, что в проливе Робсона идущая с юга проливная волна встречается с волной, идущей с севера. Этим наблюдением островной характер Гренландии был установлен с значительной вероятностью и в то же время было доказано, что Земля Гриннеля отделена от Гренландии проливом Робсона, который соединяется с Ледовитым океаном.

III.

Первые английские экспедиции к северному полюсу.— Экспедиция Нерса.— Американская экспедиция Грили.

После неудачной экспедиции «Поляриса» правительство Соединенных Штатов прекратило снаряжение полярных экспедиций. В 70 годах XIX столетия инициатива в области полярных исследований переходит в руки англичан. В 1875 г. Лондонское Географическое Общество снарядило первую английскую экспе-

дицию к северному полюсу. Эта экспедиция должна была продолжать исследования «Поляриса». Экспедиция была отлично снаряжена и имела в своем составе ряд выдающихся ученых. Начальником был назначен капитан Джордж Нерс, участвовавший уже в поисках Франклина и командовавший знаменитым кораблем «Челленжер», производившим обследование морских глубин Великого океана. Экспедиция отправилась на двух судах—«Алерт» и «Дисковери», командирами которых были опытные моряки и исследователи, Маркгам и Стефенсон.

Оба судна первоначально направились к проливу Смита, с большим трудом проложили себе путь через узкие места пролива и достигли места зимовки «Поляриса». Отсюда «Алерт» и «Дисковери» продвинулись еще далее на север и зазимовали у берегов Земли Гранта. Весною 1876 г. экспедицией были выполнены три больших санных путешествия вдоль берегов Земли Гранта, Земли Гриннеля и в северо-западную Гренландию.

Капитан Маркгам с несколькими спутниками с невероятными усилиями добрались до 83° $20^1/_2{}'$ северн. широты, которой до того времени не удавалось достигнуть ни одному исследователю. Путешественники пробыли в пути 2 месяца и совершенно выбились из сил. Они, без сомнения, погибли бы, если бы навстречу им не был послан с «Алерта» вспомогательный отряд.

Видя невозможность достижения полюса, капитан Нерс решил отправиться в обратный путь, тем более, что цынга, принявшая среди экипажа значительные размеры, уже успела унести три жертвы. Недоступность моря со стороны пролива Смита привела капитана Нерса к убеждению, что полюс с этой стороны недостижим. Это убеждение Нерс выразил в своей лаконической телеграмме, посланной им Лондонскому Географическому Обществу: The North-Pole impracticable (северный полюс недостижим).

Исследования в проливе Смита, у берегов восточной Гренландии и у Шпицбергена доказали, что открытого, свободного от льдов полярного моря не существует. С каждым новым исследованием границы этого моря отодвигались все далее и далее к полюсу; в конце концов исследователи убедились, что все пространство Ледовитого океана вокруг полюса представляет непроходимый ледяной хаос.

Таким образом английская экспедиция, несмотря на большие материальные затраты и огромные усилия, не достигла своей цели и прошла к северу дальше экспедиции Галля только на 130 километров.

Ввиду категорического заявления капитана Нерса, что полюс недостижим, следующая за этой экспедицией американская экспедиция лейтенанта Грили не ставила уже себе целью достижение полюса, а имела в виду постройку на Земле Гранта одной из

международных полярных станций. Кроме того, Грили рассчитывал встретить где-нибудь около Земли Гранта судно «Жаннету» или найти его остатки. Выше мы говорили об отправленной к берегам Сибири на поиски Норденшельда экспедиции «Жаннеты» и пропавшей, в свою очередь, без вести.

Во время своей зимовки Грили и его спутники исследовали неизвестную еще в то время область к северу от Земли Гранта и Гренландии. Во время этих путешествий лейтенант Локвуд достиг вместе с сержантом Брэнардом 83° 30$^1/_2$′ сев. широты, до которой после него вплоть до Нансена никто не поднимался. Сам Грили исследовал внутренние области Земли Гриннеля; земля эта оказалась горной страною, с огромными ледниками, большими реками и озерами. Всюду встречались дикие полярные птицы и следы прежних поселений эскимосов.

Лейтенант Грили.

Так как Грили отослал свое судно, как только прибыл на Землю Гриннеля, то он и его спутники вынуждены были ждать прихода другого судна, которое и должно было отвезти их в Америку. Но лето 1882 г. было крайне неблагоприятно для плавания в полярных морях, и поэтому посланное за Грили судно не могло добраться до места его зимовки. Вследствие этого Грили и его спутники вынуждены были остаться в полярных областях и вторую зиму. Перезимовав с большим трудом вторично, Грили и его товарищи, не дождавшись и в этом году помощи, решили отправиться к югу пешком, надеясь добраться до какого-нибудь склада провианта или до одного из датских поселений в Гренландии.

Но горы льда, нагромоздившиеся друг на друга, совершенно преграждали путь и вынудили экспедицию остановиться на третью зимовку на мысе Сабин. Незначительные запасы провизии скоро были съедены, а охота не приносила почти ничего; путешественники вынуждены были есть даже кожу от обуви и платья; скоро голодная смерть начала уносить несчастных путешествен-

ников одного за другим. Когда, наконец, в 1884 г. вспомогательная эскадра, под командой Шлея, проложила себе путь на север, ей пришлось из 26 участников экспедиции спасти только семь человек. Эти люди находились в таком плачевном состоянии, что едва могли держаться на ногах. Вскоре один из спасенных умер, и в Америку было доставлено лишь шесть человек. Остались в живых только сам Грили, сержант Бэрнард и четыре солдата. Грили привез с собою значительные коллекции и массу научных материалов.

Печальный исход экспедиции Грили и почти одновременная гибель экспедиции Делонга на «Жаннете» в значительной степени охладили интерес к полярным экспедициям в Соединенных Штатах. Точно так же Англия, после неудачной экспедиции к полюсу капитана Нерса, тоже не решалась снаряжать новые экспедиции в полярные области, и поэтому вопрос об открытии полюса временно заглох. Открыть новую эру в области полярных исследований суждено было норвежцу Фритьофу Нансену, о путешествии которого поперек Гренландии мы уже говорили выше.

IV.

План Нансена относительно достижения полюса.—Корабль Нансена «Фрам».—Отъезд Нансена к полюсу.

Прежде чем перейти к описанию знаменитого в летописях путешествий трехлетнего плавания Фритьофа Нансена «среди льда и ночи», мы должны изложить план его путешествия в том виде, в каком он был представлен Нансеном на обсуждение ученых обществ перед отправлением в свою рискованную экспедицию. План этот важен не только для правильной оценки исследований Нансена, но также и потому, что он был выполнен этим достойным потомком викингов до мельчайших подробностей.

При выработке своего плана Нансен подверг тщательному разбору, во-первых, *способы*, употреблявшиеся для исследования полярных стран, а во-вторых—*пути*, которые избирались путешественниками для достижения полюса. Разбирая различные пути и способы исследования полярных стран, Нансен высказал мысль, что вместо того, чтобы бороться с силами природы на крайнем севере, нужно призвать их на помощь. «Я полагаю — говорит Нансен—что если мы обратим внимание на силы, которые самой природой предоставлены в наше распоряжение, и постараемся работать *вместе с ними*, а не *против них*, то найдем если не кратчайший, то, во всяком случае, вернейший путь к цели.

Мы уже видели—продолжает дальше Нансен—что бо́льшую часть полярных экспедиций останавливали непреодолимые течения с севера, несшие громадные массы пловучего льда. Из этого факта мы, повидимому, в праве вывести простое заключение: если существуют течения, направленные *из* центральных полярных стран, то должны быть где-нибудь течения *в эти страны*, и что если одни экспедиции относились на юг от этих стран, то другие могли бы, по желанию, быть отнесены к северу, если бы только им удалось попасть в течение с надлежащей стороны».

Исследуя далее вопрос о полярных течениях, Нансен пришел к заключению, что от берегов Сибири или Берингова пролива должно существовать полярное течение, проходящее, быть может, через самый полюс или же поблизости от него. В подкрепление своего мнения Нансен привел следующие доказательства: корабль Делонга «Жаннета», затертый льдами под 71° 30′ северн. широты, к северу от Берингова пролива, 6 сентября 1879 г., был унесен в северо-западном направлении. 18 июня 1884 г. недалеко от южной оконечности Гренландии, на льдине были найдены 58 различных предметов с «Жаннеты». Очевидно эта льдина была принесена течением от Ново-Сибирских островов к южной оконечности Гренландии. Если бы экипаж «Жаннеты» имел достаточно припасов и потому мог бы остаться на льдине вместе с покинутыми вещами, то через три года и он приплыл бы, наверное, к берегам Гренландии.

Таким образом эти «остатки Жаннеты», по мнению Нансена, неоспоримо доказывали, что, действительно, в полярном бассейне существует течение с востока на запад. «Мы имеем право—говорит Нансен—вывести заключение, что внутри неисследованной полярной области, окружающей самый полюс, находится течение, идущее из Сибирской части Ледовитого океана в Гренландское море, и, как мы видели, лед постоянно переносится этим течением возле полюса из одного моря в другое. А если так, то естественным способом проникновения в глубь полярной области будет войти в это течение с той стороны, где оно направляется к северу, т.-е. где-нибудь возле Ново-Сибирских островов, и предоставить льду нести себя в те широты, которых тщетно старались достигнуть прежние исследователи.—Если же течение это идет не через самый полюс, а где-нибудь между ним и Землей Франца-Иосифа, что тогда сделает экспедиция, чтобы достигнуть полюса?—возразят мне.—На это я отвечу, что мы хотим отправиться *не* для достижения того математического пункта, который составляет северный конец земной оси,—а *целью нашего путешествия является исследование той громадной, неведомой области, которая окружает северный полюс»*.

Таков был план Нансена; но когда он напечатал его и сообщил о нем в Лондонском Географическом Обществе, то большинство ученых и полярных исследователей признало и его обреченным на неудачу. Однако авторитет Нансена был в то время уже так велик, что король и стортинг (норвежский парламент) согласились выдать Нансену средства для снаряжения экспедиции. Кроме того, многие частные лица, географические общества и научные учреждения пожертвовали Нансену значительные суммы денег, и таким образом составился капитал в 440.000 крон (крона—около 50 коп.).

Чтобы построить корабль для своей экспедиции, Нансен обратился к известному норвежскому корабельному мастеру Колину Арчеру. Вместе с Арчером он разработал план корабля, который мог бы выдержать давление полярных льдов. Чтобы достигнуть этой цели, Нансен сделал бока своего судна настолько округленными, что при давлении льдин на борта, корабль должен был «выскальзывать» из крепких объятий льдни и подниматься на поверхность льда. Большая часть корпуса судна была сделана из крепкого итальянского дуба и американской сосны. Обшивка бортов была тоже дубовая, тройная, так что стенки корабля имели около метра толщины. Вся длина корабля была около 40 метров, ширина 13 метров, а высота около 5 метров. Нансен назвал свой корабль «Фрам», что значит «Вперед». Он нагрузил на корабль припасов и провианта на пять лет и сделал также запасы угля, керосина и жиру. Экипаж «Фрама», не считая самого Нансена, состоял из двенадцати человек, уже бывавших большею частью в полярных путешествиях.

24 июня 1893 г. «Фрам» вышел из гавани Христиании и отправился в свое дальнее плавание. Обогнув Норвегию, Нансен направился на восток, миновал благополучно Карское море и в половине сентября прибыл к Ново-Сибирским островам. От этих островов Нансен повернул на север, надеясь попасть в морское течение, которое должно было принести «Фрам» на полюс. 20 сентября «Фрам» встретил плавающие льды, которые вскоре окружили его со всех сторон. Между тем полярная зима наступала. Солнце с каждым днем стояло все ниже и ниже над горизонтом, по ночам морозы доходили до 25°. Вскоре льды образовали вокруг «Фрама» одну сплошную массу, и путешественники очутились в ледяном плену. Экипаж начал готовиться к зимовке. Из котлов спустили воду, паровую машину разобрали и смазали салом. На палубе корабля была устроена ветряная мельница, которая должна была приводить в действие динамо-машину, вырабатывавшую ток для электрического освещения.

Время на «Фраме» потянулось однообразно. В восемь часов утра все вставали и завтракали. После завтрака до обеда занима-

лись работами и научными наблюдениями. В час дня все собирались к обеду. После короткого послеобеденного отдыха все снова принимались за работы. В 6 часов вечера дневной труд считался оконченным, и подавался ужин. Вечера проводили большею частью за чтением книг. Нансен собрал на «Фраме» целую библиотеку. Иногда кто-нибудь играл на гармониуме. Все члены экипажа должны были по очереди нести дежурство. Вахтенный должен был производить метеорологические наблюдения. Эти наблюдения вскоре показали, что корабль, хотя и очень медленно, подвигается вместе со льдами к северу.

«Фрам», затертый льдами и превращенный в зимнюю стоянку.

2 октября однообразная жизнь путешественников была нарушена событием, едва не стоившим жизни троим участникам экспедиции. В этот день трое из экипажа—Скотт Гансен, Блессинг и Иогансен устраивали на льду палатку для метеорологических наблюдений. В то время, как они были усердно заняты своим делом, вдруг показался громадный белый медведь, направлявшийся прямо на них. Никакого оружия ни у одного из троих моряков не было. В первую минуту Блессинг хотел было бежать на корабль, чтобы поднять там тревогу, но едва он отделился от товарищей, как медведь повернул в его сторону. Тогда Блессинг снова подошел к остальным своим спутникам, и все трое стали ждать нападения страшного хищника. Каждый схватил

в руки первый попавшийся предмет: Гансен—пилу, Иогансен—топор, а Блессинг стоял прямо с голыми руками. Когда медведь был от них уже в нескольких шагах, они не выдержали и бросились бежать к кораблю. Без сомнения, медведь в два-три прыжка настиг бы любого из них, но, к счастью для них, медведь, очевидно, заинтересовался больше палаткой и потому направился прежде к ней, и только исследовав ее основательно и найдя, вероятно, что это вещь несъедобная, он быстро пошел за беглецами. Но на судне в это время уже заметили медведя, и Нансен бросился с ружьем на лед. Еще минута, и он стоял лицом к лицу с медведем. Зверь на мгновение остановился, и в этот момент Нансен метким ударом убил его наповал. После этого члены экспедиции не решались больше спускаться на лед без оружия.

Наступивший новый 1894 год, не принес почти никакой перемены затерянным во льдах Нансену и его товарищам: та же бесконечно снежно-белая пелена расстилалась перед ними, то же безмолвие пустыни царило кругом, лишь изредка нарушаемое треском ломавшихся ледяных глыб. Уныние и тоска! И если экипаж «Фрама» не поддавался тоскливому настроению, то единственно благодаря предусмотрительности начальника экспедиции, заранее позаботившегося о работе для каждого, а за работой и время проходило незаметно...

Между тем «Фрам» постепенно, хотя и медленно, подвигался вперед вместе со сковавшими его льдинами к северу; в апреле 1894 г. он находился под 80°20′ сев. шир. в июне—под 81°31′, а в конце октября—уже под 82°. Незаметно промелькнуло короткое полярное лето, и Нансен с товарищами стали готовиться ко второй зимовке. За лето были сделаны все необходимые приготовления на случай, если бы экспедиции пришлось почему-либо покинуть «Фрам» и вернуться на родину по льду: были сооружены шесть двойных легких лодок, исправлены сани и прочие принадлежности.

16 октября в последний раз весь солнечный диск показался над горизонтом в виде красного сжатого шара. Затем опять наступила долгая полярная ночь. Главным развлечением во время этой долгой ночи служили, как и в предыдущую зиму, величественные явления северного сияния. 20 ноября Нансен объявил своему экипажу о своем намерении покинуть следующей весной «Фрам» и отправиться вместе с Иогансеном на санях к полюсу. Расстояние от «Фрама» до полюса составляло около 420 морских миль (778 километров), и Нансен надеялся пройти это расстояние в 50 дней.

После сообщения Нансена об этом плане на «Фраме» начались приготовления к предположенной экспедиции. Были постро-

ены два бамбуковых каяка, обшитых парусиной, для переправы через полыньи и проливы. Кроме того, были сделаны сани на широких полозьях, на которые были уложены запасы провизии и научные инструменты, необходимые для наблюдений. За этими приготовлениями незаметно прошла вся зима 1894 года, не ознаменовавшаяся никакими эпизодами. Временами «Фрам» подвергался сильным толчкам, льдины с страшным шумом нагромождались кругом, трескались и своим давлением потрясали весь корпус судна.

Между тем движение на север не прекращалось. 12 декабря «Фрам» был под 82°30′ северн. шир., а к Рождеству перешел 83°, по случаю чего на корабле было устроено торжество. Новый 1895 год едва не принес с собою несчастья. 3 января начался напор льда позади «Фрама». Лед трещал и грохотал, все судно дрожало. С левой стороны, шагах в тридцати от «Фрама», образовалась целая ледяная гора, которая надвигалась на судно. Тотчас же стали делать приготовления на случай, если бы пришлось оставить корабль. Сани и каяки расставили на палубе так, чтобы их легко было спустить вниз в минуту опасности; на лед вынесли ящики и мешки с съестными припасами, выкатили также несколько бочек керосина. Весь следующий день и всю ночь продолжался напор льда. Рано утром 5 января раздался около корабля страшный шум и треск. Свердруп вбежал в каюту Нансена и объявил, что ледяная гора подошла к «Фраму» и что она сильно давит на судно. Нансен разбудил всех остальных товарищей, и все стали выносить на палубу вещи и припасы. Однако весь день лед не двигался, но в восьмом часу вечера снова раздался оглушительный треск и грохот,—глыбы снега и льда повалились на палубу. Все поняли, что опасность близка. Вся ночь прошла в сильной тревоге. Однако 6 января напор льда не возобновлялся, и «Фрам», сильно наклоненный на левую сторону, был невредим. После усиленной работы кирками и лопатами Нансену и его товарищам удалось сколоть часть ледяной горы и таким образом освободить переднюю часть «Фрама». Когда опасность для «Фрама» миновала, все снова принялись за приготовление к экспедиции.

Между тем полярная ночь близилась к концу. В средине января на горизонте стало немного светлеть, а в начале февраля над горизонтом на короткое мгновение показалось солнце. Отъезд Нансена и Иогансена был назначен на 26 февраля 1895 г. Последняя неделя перед отъездом прошла для всех в лихорадочной деятельности. Нансен передал начальство над «Фрамом» Свердрупу и написал экипажу подробные инструкции.

V.

Экспедиция к полюсу.—Путешествие Нансена и Иогансена пешком по полярным льдам.— Встреча с Джексоном.— Прибытие в Европу.

Утром 26 февраля 1895 г. Нансен и Иогансен, после трогательного прощания с остающимися товарищами, отправились с санями и собаками на север. Однако выступление Нансена было неудачно. В этот же день при подъеме почти на отвесную ледяную скалу сломались сани, и путешественники вынуждены были вернуться обратно на «Фрам».

Вторичное выступление состоялось, наконец, 14 марта. Вначале лед был довольно ровный, так что трое саней, запряженных собаками, быстро подвигались в неведомые области севера. Погода стояла ясная, мороз доходил до 44°. Дней через десять после отъезда на пути начали часто попадаться ледяные горы и утесы, так что передвижение стало медленнее. 24 марта Нансен отмечает в своем дневнике: «Лед опять испортился. Вчера мы с трудом прошли пятнадцать километров. От постоянного поднимания тяжело нагруженных саней мы еле разгибаем теперь спину. Холод также чувствителен и вчера усилился еще более, благодаря северо-восточному ветру».

Вследствие тяжелого пути Нансен и Иогансен скоро совершенно выбились из сил. После самых коротких переходов приходилось делать остановки, разбивать палатку и отдыхать. В это время, дав собакам корм, Нансен и Иогансен разводили аппарат для варки пищи и влезали в меховой мешок, чтобы оттаять свою одежду; но это было сделать не легко. Во время ходьбы испарина тела превращала шерстяную одежду в настоящий ледяной панцырь, столь твердый, что платье стояло, как говорят, «колом». Этим мерзлым платьем Нансен натер себе глубокую рану на руке; рана делалась все глубже и глужбе и дошла почти до кости. Она зажила только с наступлением тепла, но шрам остался навсегда. Когда путешественники залезали в мешок, платье начинало медленно оттаивать. Они прижимались друг к другу как можно плотнее и лежали так час или полтора, стуча от холода зубами. Наконец, платье становилось мокрым и гибким, но утром, через несколько минут после того, как путешественники вылезали из мешка, оно замерзало и снова становилось жестким. О том, чтобы высушить платье как следует не могло быть и речи, так как у путешественников не было большого запаса топлива.

«Как мы мерзли—пишет Нансен,—когда лежали в мешке и дрожали от мороза, в ожидании ужина! Мне, в качестве повара, нужно было следить за варкой пищи, и дремать не полагалось.

Наконец, ужин был готов и разделен: он всегда казался нам замечательно вкусным. Это были лучшие моменты нашего существования... Иногда, однако, мы бывали до того утомлены, что засыпали, не донеся ложки до рта. Рука безжизненно падала, и пища из ложки выливалась в мешок; после еды мы выпивали горячую воду, в которой была распущена молочная мука. Напиток этот напоминал молоко и действовал на нас необыкновенно оживляющим образом. После еды мы закрывали клапаном спальный мешок над головой и, прижавшись друг к другу, засыпали сном праведников. Но и в сновидениях наших мы продолжали наш трудный путь на север, мучились с санями, погоняли собак».

Обратно на юг.

С каждым днем путь становился все труднее и труднее. Нужны были страшные усилия, чтобы перетаскивать сани с припасами через ледяные скалы. Наконец, после двадцатипятидневного путешествия, Нансен, окончательно выбившись из сил, решил повернуть назад и итти к мысу Флигели, крайнему северному пункту Земли Франца-Иосифа. К этому решению Нансена привело и то убеждение, что вся масса льда, по которому они шли, двигалась на юг, и поэтому все их усилия пропадали даром; при таком положении дела было ясно, что им никогда не достигнуть полюса. «Мне становится все удивительнее—пишет Нансен в своем дневнике 3 апреля,—почему мы так медленно приближаемся к северу. Во время пути я много раз складывал и просчи-

тывал наши маршруты и все приходил к тому заключению, что мы должны бы находиться уже далеко за 86°, если бы лед был неподвижен. Скоро, однако, мне стало ясно, что лед двигается на юг».

8 апреля, достигнув 86°13′36″ сев. шир., Нансен и Иогансен повернули на юг, держа курс на мыс Флигели. В последний раз Нансен взобрался на ледяной бугор, чтобы взглянуть на север в подзорную трубу, но не увидел впереди ничего, кроме бесконечного хаоса ледяных глыб, которые, громоздясь друг на друга, тянулись до горизонта.

Наступила весна; в воздухе становилось теплее. С каждым днем солнце поднималось все выше и выше над горизонтом. Но теплая погода имела и свою невыгодную сторону. Тонкий лед и снег в трещинах таяли, и эти трещины нередко превращались в широкие реки и даже в целые озера, переправа через которые с каждым днем становилась все труднее и труднее. В конце апреля вышел весь корм для собак и приходилось убивать их одну за другою, чтобы мясом убитой накормить остальных. Сначала собаки упорно не хотели есть мясо своих товарищей и предпочитали мучиться голодом, но потом, когда голод их, вероятно, становился невыносимым, они с жадностью набрасывались на свои порции.

Целых три с половиной месяца Нансен и Иогансен шли на юг по ледяной пустыне, но перед ними на горизонте не показывалось никакой земли. Лишь 7 августа лед кончился, и перед путешественниками было открытое море, на котором далеко на юге виднелся какой-то остров. У путешественников оставались в это время только две собаки. Нансен и Иогансеп вынуждены были помогать оставшимся собакам тащить сани, которые, впрочем, стали совсем легкими: провизия была съедена почти вся, а что можно было бросить—было брошено. Нансен и Иогансен питались сами, главным образом, мясом морских чаек и белых медведей, которые изредка стали появляться на льдинах.

Достигнув открытого моря, Нансен и Иогансен решили переплыть на своих парусинных каяках на видневшийся вдали остров. Занятый спуском каяка в воду, Нансен вдруг услыхал крик Иогансена: «Скорей бери ружье!».—«Я обернулся — говорит Нансен—и увидел, что товарищ мой лежит на спине, а над ним стоит медведь. Я бросился доставать ружье, но оно было спрятано в чехле, и каяк был уже спущен на воду. Нечеловеческим усилием, как можно скорее, вытащил я каяк на край льдины и начал вынимать ружье дрожащими руками, стоя на коленях и не оглядываясь. В это время я слышал, как Иогансен спокойно сказал мне: «Стреляй скорее, а то будет поздно». Как торопился я в эту минуту! Наконец, ружье было вытащено, я обернулся и, сидя на льду, прицелился. Медведь стоял в трех шагах от меня. Нельзя было терять ни минуты. Заряд попал медведю в го-

лову, и он упал мертвым возле Иогансена. Это была огромная голодная медведица. По ее следам на снегу мы заметили, что она давно кралась за нами, как кошка, прячась за льдинами. Потом она внезапно явилась возле Иогансена. Этот последний, не подозревая опасности, покосился и подумал, слыша шорох, что это собака. Прежде, чем он мог сообразить, что зверь слишком велик для собаки, он получил сильный удар по голове, от которого у него посыпались искры из глаз, и он упал навзничь. Иогансен старался, как мог, защитить свою голову руками, и схватил медведицу за глотку. Когда он произнес с таким изумительным спокойствием слова: «Стреляй, а то будет поздно», медведица была уже совсем готова схватить его зубами за голову».

Приключение с Иогансеном.

15 августа путешественники достигли, наконец, земли. Что это был за остров, Нансен не знал. Он назвал его островом Евы, в честь своей жены, а другой, бывший рядом, назвал островом Лив—по имени дочери. Дальше виднелись еще острова, покрытые снегом и глетчерами. Перебираясь с острова на остров то по льду, то водою, путешественники двигались к юго-западу, среди неведомого архипелага, который был, как оказалось потом, частью земли Франца-Иосифа.

Наступила осень 1895 года. Дальнейшее путешествие сделалось невозможным. Необходимо было остановиться на зимовку. Выбрав наиболее удобное место под обрывом скалы, на берегу моря, Нансен и Иогансен принялись за постройку хижины и стали заготовлять на зиму медвежьего мяса и сала. Жилище путешественников представляло собою жалкую землянку в 3 метра длины, $1^1/_2$ метра ширины и в 2 метра высоты. Стены хи-

жины были построены из камней, переложенных мхом, а крыша была сделана из моржовых кож.

Невыразимо скучна была зимовка вдвоем на пустынном острове. Медленно погасал полярный день и постепенно воцарялась полярная ночь. Все кругом опустело. Не было больше ни птиц, ни белых медведей, ни моржей. Только полярные лисицы по временам подходили к хижине и печально выли. Они таскали куда-то в свои норы решительно все, что им попадалось на глаза; один раз утащили даже термометр. Жизнь двух путешественников шла крайне однообразно. Они почти не вылезали из мехового мешка. Проснувшись, они принимались варить на завтрак медвежье мясо, которое составляло их единственную пищу. После еды опять ложились спать, так как делать решительно было нечего. Сон был для них теперь единственной отрадой, единственным утешением. За стенами хижины почти все время свирепствовала буря. Нансен пробовал было писать свои дневники, но это ему не удавалось: приходилось писать лежа на спине, на камне, при тусклом свете лампочки с жиром и при сильном холоде, так как в землянке было постоянно холодно. Вдобавок, руки, одежда и все кругом в землянке было так закопчено дымом лампы и так просалено ворванью, что Нансену стоило больших трудов заносить в дневник самые коротенькие заметки; бумага становилась вскоре такой сальной и черной, что на ней можно было с трудом прочитать написанное. Сами путешественники сделались за зиму черны, как негры; несколько раз они пробовали смыть с себя грязь и копоть, но без мыла сальная грязь только растиралась по телу, но не смывалась...

Наконец наступила долгожданная весна; появилось солнце, и стало несколько теплее. Нансен и Иогансен могли теперь выходить из своей душной темной землянки, чтобы подышать свежим воздухом. Вынужденному бездействию также пришел конец: нужно было приниматься за приготовления к дальнейшему путешествию.

19 мая вечером Нансен и Иогансен покинули свою землянку и направились на юго-восток. Больше месяца оба путешественника блуждали в царстве льдов, не видя конца своим лишениям. В половине июня Нансен и Иогансен пустились на своих каяках, связанных вместе, по морю. Во время одной остановки, когда Нансен и Иогансен вышли на лед, чтобы размять свои затекшие ноги, каяки вдруг были подхвачены ветром, который погнал их вдаль от льдины. Нансен бросился прямо в одежде в воду и поплыл вдогонку за каяками. Вода была холодна, как лед. Было трудно плыть в платье, а каяки быстро неслись все дальше и дальше. «Мне казалось—пишет Нансен—более чем сомнительным, чтобы я мог догнать их. Но на каяках находилось все наше имущество; у нас не осталось при себе даже ножа. Было бы почти

безразлично,—окоченел ли бы я от холода в воде и пошел бы ко дну или вернулся бы без каяков,—а потому я напрягал до крайности свои силы. Когда я уставал, то переворачивался и плыл на спине... Постепенно я стал чувствовать, как мои члены начали коченеть и терять чувствительность. Я знал, что близок момент, когда я больше не в состоянии буду ими двигать. Но было уже недалеко, мне нужно было выдержать еще немного, и мы будем спасены. Все слабее становились мои взмахи, но и расстояние до каяков все уменьшалось. Наконец, мне удалось протянуть руку и схватить конец лыжи, высовывавшейся за борт каяка: я притянулся к борту каяка; мы были спасены.

«Я пробовал взобраться на каяк, но напрасно; мое тело совершенно окоченело от холода. Было мгновение, когда мне казалось, что несмотря ни на что—мы погибли. Но потом мне удалось

Нансен и Иогансен в своей землянке.

все же закинуть одну ногу за борт и вскарабкаться таким путем в каяк. И вот я сидел в каяке, но до того окоченел от холода, что грести было нелегко...».

Наконец, с громадными усилиями Нансен добрался до льдины, на которой был Иогансен. Тот еле вытащил Нансена из каяка, тут же, на льду, снял с него мокрое платье и надел сухое; потом он завернул его в спальный мешок, накрыл парусами и всем, чем мог, чтобы скорее согреть полузамерзшего товарища. Только через несколько часов Нансен пришел в себя и немного согрелся. Только ноги долго еще оставались нечувствительными.

Прошло шесть дней со времени этого происшествия, и все это время путешественники боролись то со льдом, то с морем, то с моржами, преследовавшими их в воде. Наступило 23 июня. Нансен и Иогансен плыли возле одного из самых южных островов Земли Франца-Иосифа; они не хотели делать оста-

новки на этом острове и решили плыть дальше, но огромный морж напал на каяк Нансена и своим бивнем пробил борт; вследствие этого путешественники вынуждены были высадиться на берег, чтобы починить пробитый каяк. Вечером они расположились на берегу на ночлег. На следующий день утром, когда Нансен проснулся, он увидал, что густой туман, окутывавший остров, поднялся. С острова дул слабый ветерок, доносивший крики тысячи чаек. Внезапно, среди этого шума послышался отдаленный лай собаки. Нансен весь вздрогнул. Он стал прислушиваться, но ничего не было слышно, кроме птичьих голосов. Он уже стал думать, что ослышался, как вдруг лай раздался снова, на этот раз вполне ясно. Нансен разбудил Иогансена и сказал ему, что недалеко от них лает собака. Пораженный Иогансен выскочил из мешка и стал прислушиваться. Но лай больше не повторялся. Иогансен уверял Нансена, что он ошибся. Но Нансен настаивал на своем и решил пойти на лыжах в ту сторону, откуда доносился лай.

Вскоре Нансен напал на следы собачьих лап. В сильном волнении он пошел вперед, придерживаясь этих следов и через несколько минут услыхал лай собаки и голос человека. «Как забилось мое сердце, как бросилась кровь мне в голову при звуке человеческого голоса!—пишет Нансен. — Ничего не видя вокруг, не помня себя, несся я на лыжах между глыбами льда и скоро заметил живое существо, которое подвигалось ко мне. То была собака, но дальше шло другое живое существо, и то был человек. Мы быстро приближались друг к другу. Я махнул шапкой, он сделал то же. Кто мог бы это быть? Англичанин? Норвежец? Вот он говорит собаке, я стал прислушиваться. Он говорит по-английски, и когда мы приближались друг к другу, я узнал Джексона, которого когда-то видел.

«Я снял шапку, и мы протянули руки, сердечно приветствуя друг друга. Над нами было туманное небо, под нашими ногами лежал бугристый лед, а вдали виднелась земля. Всюду лед, глетчеры и туман. С одной стороны, цивилизованный европеец в изящном английском костюме и в высоких резиновых сапогах, тщательно выбритый, причесанный; с другой стороны, дикарь, одетый в лохмотья, весь грязный от жира и сажи; ни один человек в мире не мог бы узнать, кто был этот дикарь и откуда он взялся.

— Душевно рад вас видеть,—сказал Джексон.

— Благодарю, я тоже.

— Есть у вас здесь корабль?

— Нет, мой корабль не здесь.

— Сколько вас?

— Со мной один товарищ, он там за льдинами.

«Я был убежден, что Джексон узнал меня, или хоть догадывается, кто скрыт под моей личиной; я не воображал, что совсем незнакомый человек может быть принят с таким радушием. Вдруг Джексон остановился, пристально посмотрел мне в лицо и быстро спросил:

— Да вы не Нансен ли?

— Да, это я.

Встреча Нансена с Джексоном.

— Какая радость!—Он схватил мою руку и стал сильно трясти ее, между тем как в глазах, в улыбке, во всем лице его выражалось бесконечное удовольствие перед этой неожиданной встречей.

— Куда же вы теперь идете?

— Я оставил «Фрам» под 84° с. ш. после двухлетнего плавания на нем; я дошел пешком до 86° и повернул к Земле Франца-Иосифа. Мы были вынуждены перезимовать где-то к северу отсюда и теперь идем на Шпицберген.

— Поздравляю вас от всего сердца! Вы сделали смелое путешествие, и я бесконечно счастлив, что мне выпало на долю первому поздравить вас».

Так разговаривая, Джексон и Нансен подошли к хижине, грубо сколоченной из бревен—это была станция Джексона на мысе Флора. Джексон представил Нансена всем членам англий-

Портрет Нансена, снятый Джексоном в том виде, в каком он встретил Нансена.

ской экспедиции; все радушно приветствовали его, потом послали и за товарищем Нансена, Иогансеном. Вскоре Нансен и Иогансен смыли с себя всю грязь, переменили свою рваную одежду и приобрели снова вид цивилизованных людей. Они не верили себе, что их голодная жизнь кончилась, и им более не угрожает гибель в полярных пустынях.

26 июля к месту зимовки Джексона пришел корабль «Виндвард», на котором все путешественники и отправились в Европу. 14 августа «Виндвард» прибыл в Вардё, откуда Нансен послал телеграммы о своем возвращении. 20 августа Нансен прибыл в Гаммерфест, куда выехала встречать Нансена и его жена. В этот же день Нансен получил телеграмму от Свердрупа с «Фрама». «Фрам» пришел благополучно в Тромсе. 9 сентября «Фрам» входил в гавань Христиании, где возвратившимся морякам была устроена торжественная встреча.

Трехлетние скитания были кончены. «Льды и полярная ночь,— говорит Нансен,—казались нам теперь отдаленным сном, видением из другого мира, сном, который возник и снова рассеялся. Но какой смысл имела бы наша жизнь без таких сновидений?..».

VI.

Плавание «Фрама» после ухода Нансена.— Научные результаты экспедиции Нансена.

После отъезда Нансена и Иогансена 14 марта 1895 г. на север, жизнь на «Фраме» продолжалась попрежнему. Дни, недели, месяцы проходили в томительном однообразии, не принося с собою никаких перемен. Каждый из путешественников был занят своим делом. От времени до времени под наблюдением капитана Свердрупа производились измерения морской глубины. Много было работы и со льдинами, нагромождавшимися иногда вокруг «Фрама» в таком огромном количестве, что всему экипажу приходилось работать целыми днями для того, чтобы ослабить их давление на борты корабля. Не раз приходилось взрывать льдины при помощи динамита и пороха.

Придерживаясь инструкции, данной Нансеном, капитан Свердруп отдал весною 1895 г. приказание приготовить сани и каяки на случай, если бы пришлось покинуть «Фрам» и отправиться на юг по льду. Но никто не хотел верить, что придется бросить «Фрам» во льдах, и с наступлением лета все члены экспедиции преследовали одну цель—вывести «Фрам» в открытое море. Поэтому, когда лед разрыхлялся под лучами солнца, весь экипаж «Фрама» прилагал все усилия, чтобы оторвать судно от примерзших к нему льдин и подвинуть его вперед. Но эти усилия не приводили ни к чему, и «Фраму» и его экипажу пришлось пробыть в полярной области еще одну зиму.

С наступлением весны 1896 г. снова закипела работа по освобождению «Фрама» из ледяного плена. В ожидании этого освобождения паровой котел, машина и винт были приведены в исправность; затем во льду была пробуравлена дыра, куда был заложен

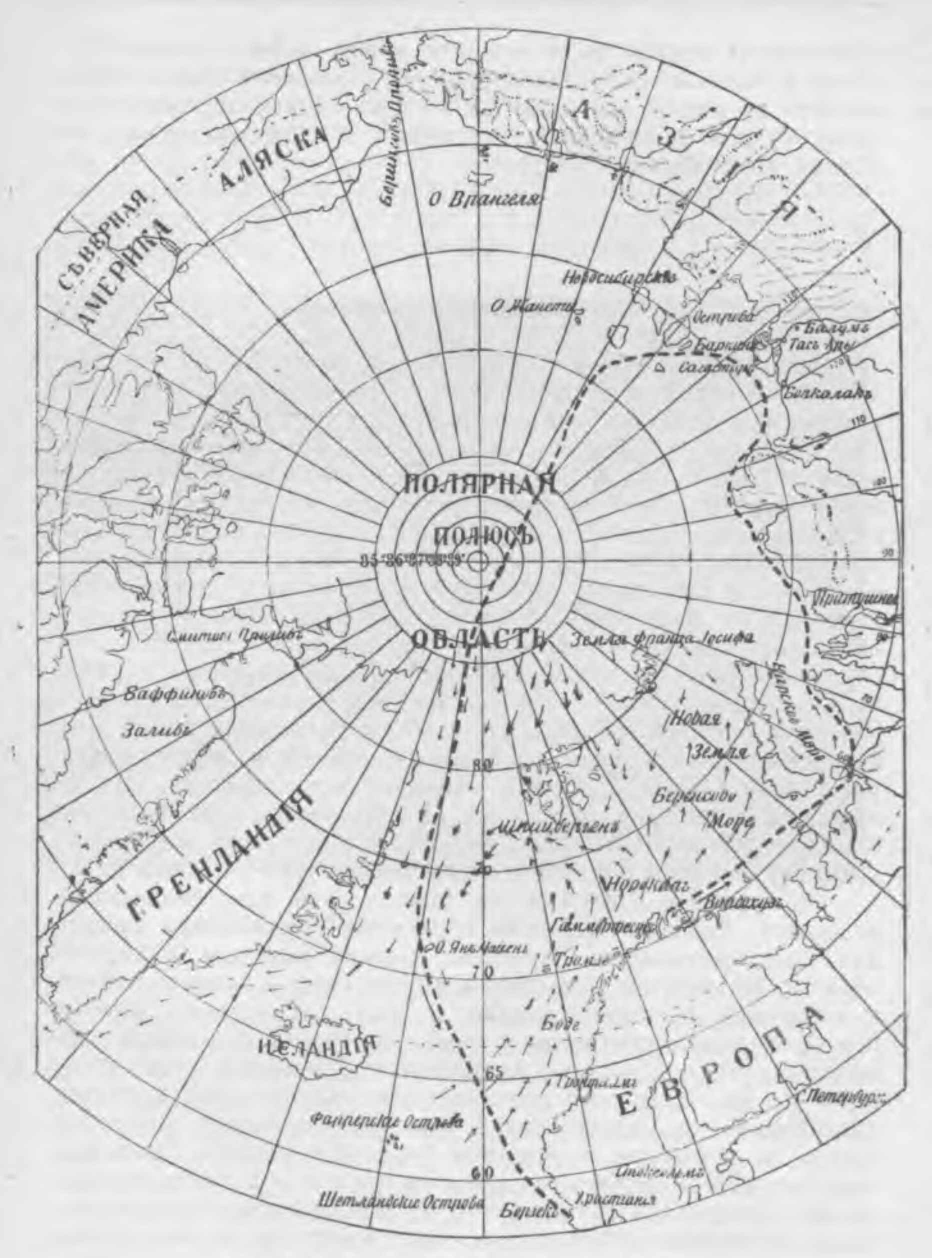
большой заряд пороха. После этого был произведен взрыв, благодаря которому лед под «Фрамом» был расколот, и корабль стал на воду. В июне месяце винт «Фрама» был приведен в движение, и судно медленно пошло вперед среди хаоса плавающих льдин. Весь июнь и июль прошли в борьбе со льдами, и лишь 13 августа «Фрам» вышел из области льдов и очутился в открытом море.

«Мы были свободны — пишет Свердруп — позади нас лежали три года работы и мучительных сомнений во время долгих ночей, а впереди нас ожидало свидание с друзьями и родными нам людьми... Мы взяли курс на Шпицберген, где предполагали остановиться и привести «Фрам» в должную исправность для путешествия на родину».

Каковы же были результаты полярной экспедиции Нансена? В этом отношении экспедиция Нансена оказалась очень плодотворной. Во-первых, Нансен открыл несколько островов в Ледовитом океане и выяснил, что море близ северного полюса очень глубоко, а не мелко, как предполагали ранее. Во-вторых, плавание «Фрама» доказало, что полярные льды постоянно движутся с одной стороны полярного бассейна севернее Берингова пролива и сибирского берега на запад по направлению к Атлантическому океану. Там,где географы помещали крепкую, неподвижную массивную ледяную кору, покрывающую северную оконечность земной оси, Нансен встретил вечно движущийся и ломающийся пловучий лед. Движение полярных льдов доказывает существование подо льдом океанического течения с востока на запад, а это открытие является очень важным для науки. Кроме того, гидрографические наблюдения, сделанные во время экспедиции, также внесли много нового в науку. Так, эти наблюдения установили, что под холодной поверхностью верхнего слоя воды в полярном океане находится слой более теплой воды; вода полярного бассейна оказалась более соленой, чем полагали раньше и т. д.

В общем, можно сказать, что экспедиция Нансена хотя и не разрешила всех вопросов, связанных с полярной областью, но тем не менее сделала очень много для уничтожения таинственности, окружавшей до того времени полярную область. Подвиг Нансена и его товарищей облегчил дальнейшее завоевание северного полюса. Ниже мы увидим, что опыт Нансена и уроки, вынесенные им во время его экспедиции, послужили на пользу многим полярным исследователям.

Не менее велик был и моральный результат экспедиции Нансена. Нансен показал миру возвышающий душу человека пример бескорыстного служения идее и науке. Своим подвигом он лишний раз доказал, что в мире существуют высокие цели,

Северная полярная область и путь «Фрама».

благородные задачи, ради которых можно забыть личные выгоды и мелкие интересы. Такие примеры оказывают благотворное влияние на людей, заставляя их хоть на минуту отрываться от серых будней обыденщины, отрешаться хоть на мгновение от мелких эгоистических интересов.

VII.

Экспедиция Фредерика Джексона.

Фредерик Джексон, которого так неожиданно встретил Нансен на одном из островов Земли Франца-Иосифа, принадлежит также к числу выдающихся исследователей полярных стран. Еще мальчиком Джексон сильно заинтересовался полярными экспедициями и стал мечтать сделаться знаменитым путешественником. В 1887 г. он поступил на службу на одно китоловное судно. В 1892 г. Джексон напечатал в английских газетах свой план полярной экспедиции и обратился к английскому обществу с воззванием помочь ему осуществить этот план. Цель предполагавшейся им экспедиции заключалась в том, чтобы постепенно исследовать полярные страны, и таким образом облегчить доступ к полюсу. По плану Джексона такая экспедиция должна была продолжаться 3—4 года. Прежде чем отправиться к полюсу, Джексон предполагал устроить на пути к полюсу целый ряд складов провианта, расположенных на известном друг от друга расстоянии. Благодаря этим складам, исследователи, отправившиеся к полюсу, могли бы не обременять себя большим багажом, а итти к полюсу налегке, везя с собою лишь самое необходимое. Это дало бы возможность значительно ускорить путь.

Опубликовав в английских газетах свой план экспедиции к полюсу, Джексон отправился на север Европейской России для предварительного изучения условий природы полярной области. Он посетил Большеземельскую тундру, остров Вайгач и побережье Ледовитого океана. В этом путешествии Джексон приобрел много опытности и научился бороться с невзгодами полярных стран. Приехав в Архангельск, Джексон получил известие, что на его призыв о помощи откликнулся один крупный английский капиталист, некто Альфред Гермсворт. Джексон тотчас же поспешил в Англию. Гермсворт открыл Джексону неограниченный кредит на издержки и просил его при снаряжении экспедиции сообразоваться только с требованиями науки и техники, не обращая внимания на сумму издержек. Благодаря такому щедрому жертвователю, экспедиция Джексона была обставлена лучше всякой другой полярной экспедиции.

1 июля 1894 года судно «Виндвард», купленное Джексоном и специально приспособленное для плавания в полярных морях, вышло из Лондонского порта и направилось на север. Только после двухнедельного крейсирования «Виндварду» удалось бросить якорь у берегов Земли Франца-Иосифа, где он скоро и был окружен льдами. Еще до наступления сильных холодов у мыса Флоры был построен деревянный дом для зимовки. Летом 1895 г. «Виндвард» ушел в Европу, оставив Джексона и его товарищей

Пароход Джексона «Виндвард» во льдах.

на вторую зиму на Земле Франца-Иосифа. Благодаря превосходным мерам предосторожности, Джексон и его спутники вполне благополучно провели в полярных странах целых 3 зимы. Среди них не было даже серьезного случая заболевания. В летние месяцы экспедиция Джексона обследовала западную часть архипелага Земли Франца-Иосифа и сделала много ценных наблюдений относительно климата, флоры и фауны этой области. Экспедиция Джексона способствовала, как мы видели выше, спасению Нансена и Иогансена, так как если бы Нансен не встретил Джексона на Земле Франца-Иосифа, то, несомненно, он и его товарищ погибли бы от голода и истощения среди полярной пустыни.

VIII.

Экспедиция Андрэ к северному полюсу на воздушном шаре.

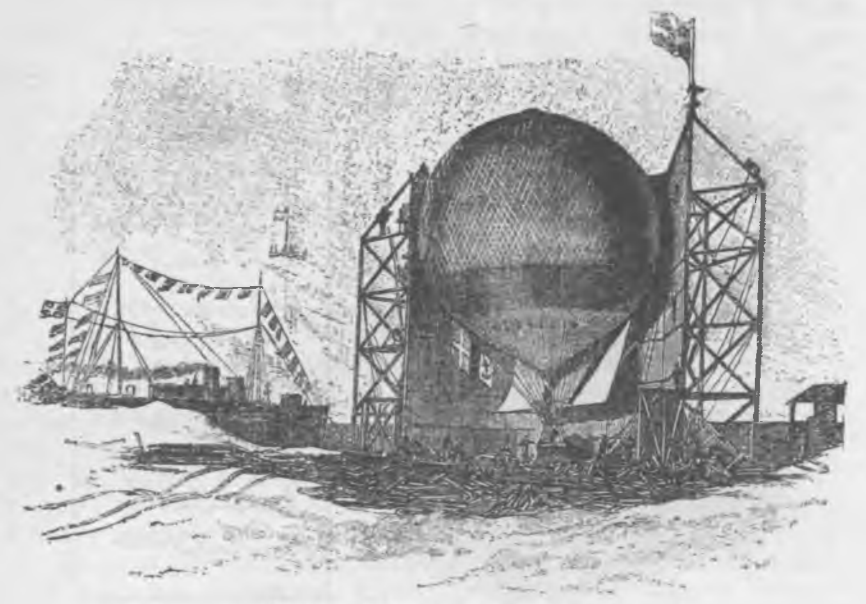
Трудность путешествия к северному полюсу на судне и пешком по льду натолкнула исследователей на мысль достигнуть северного полюса при помощи воздушного шара. Еще в 1876 году американец Чайн пропагандировал эту идею; позднее капитан Тейсон, помощник начальника американской экспедиции на пароходе «Полярис», предлагал также полет к полюсу на воздушном шаре. Но все эти проекты не встретили в свое время отклика среди полярных исследователей, и проекты полетов на воздушном шаре к полюсу были забыты. Но в 1895 году шведский инженер Соломон Август Андрэ выступил, в свою очередь, с планом путешествия к полюсу на воздушном шаре; на этот раз этим проектом заинтересовались многие ученые и исследователи, так как Андрэ был специалистом в области воздухоплавания. Андрэ уже до этого времени совершал неоднократные полеты на воздушных шарах и перелетел даже через Балтийское море.

Планом Андрэ заинтересовались шведский король и известный шведский богач Диксон, которые и дали ему средства для покупки воздушного шара и для снаряжения экспедиции. По плану Андрэ аэростатная мастерская Анри Лашамбра во Франции изготовила большой воздушный шар, имевший около двадцати метров в поперечнике. Шар должен был поднять Андрэ и его двух спутников, а также необходимые инструменты, лодки, сани и съестные припасы, заготовленные на 4 месяца. При помощи 3 гайдропов, волочащихся по земле, Андрэ рассчитывал сделать шар управляемым и держать его приблизительно на высоте 250 метров. Верхняя часть оболочки шара была покрыта непромокаемой материей, которая должна была замедлять быстрое изменение температуры газа, меняющейся в зависимости от изменения нагревания шара солнцем.

Андрэ рассчитывал наполнить свой шар газом на одном из островов Шпицбергена для того, чтобы быть возможно ближе к цели своего путешествия. В конце мая 1896 г. Андрэ и его спутники Нильс Стриндберг, фотограф, и Френкель выехали из гавани Гетеборга на военном судне «Вирго» к Шпицбергену. На этом же судне находился в разобранном виде и шар, который сопровождал сам строитель Лашамбр.

10 июня «Вирго» бросил якорь около островка Амстердама, лежащего у северного берега Шпицбергена. Тотчас же по высадке экспедиции на этот остров было приступлено к сооружению навеса для помещения шара и к постройке здания для добывания

газа. Однако предполагавшийся летом 1896 г. полет к полюсу не мог состояться, вследствие постоянно дувших противных северных ветров. Только 11 июля 1897 г. Андрэ, Стриндбергу и Френкелю удалось подняться, и ветер понес их на север. По необъяснимой случайности, половина гайдропов, на действие которых Андрэ так рассчитывал, была в последнюю минуту оставлена. Шар, освобожденный от привязи, понесся на север со скоростью 40 километров в час и навсегда скрылся за горизонтом... Три смелых воздухоплавателя пропали без вести...

Воздушный шар Андрэ в ангаре.

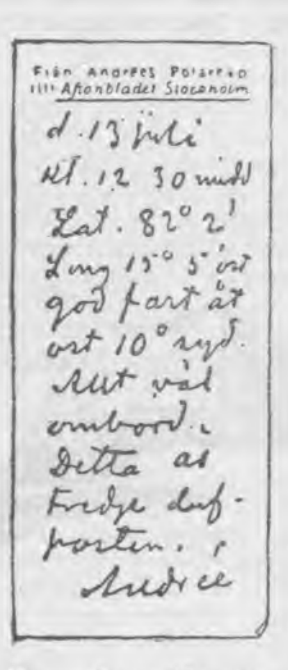
Только одно известие было получено от Андрэ; это известие принес почтовый голубь, взятый им с собою. Депеша Андрэ, снимок с которой мы здесь помещаем, была помечена 13 июля и гласила следующее: «13 июля, 12 часов пополудни, 82°2′ с. ш. 15°5′ в. д. Хорошо идем на Восток. 10° Ю. Все благополучно. Это мой третий почтовый голубь. Андрэ».

После этого прошло почти 2 года без всяких вестей от Андрэ, и лишь в мае месяце 1899 г. к северному берегу Исландии был прибит буй-поплавок, брошенный Андрэ в море; в этом буе нашли записку следующего содержания: «Поплавок № 7. Брошен из шара Андрэ 11 июля 1897 г. (следовательно, в день подъема), в 10 ч. 55 мин. вечера по гринвичскому среднему времени, под

82° с. ш., 25° з. д. Мы летим на высоте 600 метров. Все благополучно. Андрэ, Стриндберг, Френкель». После этого прошел еще год. Наконец 31 августа 1900 г. был найден у Скэрво, в северной Норвегии, другой буек с известием: «Буй № 4, выброшенный первым, 11 июля в 10 ч. пополудни по гринвичскому времени. Наш полет идет пока хорошо. Мы находимся, приблизительно, на высоте 250 метров, направление вначале С. 10° В., компас без отклонения, потом С. 45° В., компас без отклонения. В 4 часа 55 мин. пополудни выпущены были 4 почтовых голубя, полетевших на запад. Мы находимся теперь над очень неровным льдом. Погода прекрасная, настроение отличное. Андрэ, Стриндберг, Френкель».

Воздухоплаватель Андрэ.

Från Andrées Polarexp.
till Aftonbladet Stockholm

d. 13 juli
kl. 12 30 midd
Lat. 82° 2'
Long 15° 5' öst
god fart åt
ost 10° syd.
Allt väl
ombord.
Detta är
tredje duf-
posten.
Andrée

Депеша Андрэ. (Фотографический снимок.)

Кроме этих двух буев, в разное время было найдено в море еще 3 буя, в том числе так называемый «полярный» буй, который должен был быть выброшен на полюсе. Но все эти буи оказались пустыми и без замков, так что нельзя установить, были ли в них вообще записки или же они были выброшены как балласт, чтобы облегчить все более опускавшийся шар.

По всей вероятности, злополучные воздухоплаватели попали в полосу урагана, свирепствовавшего между 11 и 15 июля, и их шар был отнесен бурей к северо-восточному берегу Гренландии. Вероятно также, что шар, все больше и больше обмерзая, покры-

ваясь снегом и льдом и теряя с каждым днем газ, не мог долгое время держаться в воздухе, и через несколько дней после начала экспедиции где-нибудь спустился на землю или на море. Место гибели Андрэ и его спутников не удалось определить, и только случай может открыть нам некоторые следы этой несчастной экспедиции. Все вспомогательные экспедиции, посланные на Шпицберген, к Земле Франца-Иосифа (экспедиция Вельманна), в восточную Гренландию (экспедиция Нахтгорста), к проливу Смита (экспедиция Пири) и к северному берегу Сибири (экспедиция Штадлинга), не могли найти ни малейших следов погибших воздухоплавателей.

Несчастный исход опыта Андрэ не мог служить поощрением к дальнейшим попыткам в этом направлении. Лишь в 1907 г. американский журналист Вельмани решил, в свою очередь, достигнуть полюса по воздуху, на дирижабле, но эта попытка окончилась также неудачно, хотя и без человеческих жертв.

IX.

Экспедиция к северному полюсу герцога Абруццского.

Из экспедиций к северному полюсу, снаряженных после путешествия Нансена, по ценности научных результатов заслуживает внимания итальянская экспедиция герцога Людовика Абруццского. Молодой герцог Абруццский после экспедиции Нансена сильно заинтересовался вопросом об открытии полюса и решил лично отправиться во главе полярной экспедиции с целью попытаться достичь северного полюса.

По возвращении Нансена из его экспедиции, герцог Абруццский поехал в Норвегию, чтобы познакомиться лично с знаменитым путешественником и спросить у него некоторых советов. План путешествия, составленный герцогом, заключался в том, чтобы постараться проникнуть на судне как можно ближе к полюсу, в область архипелага Земли Франца-Иосифа; затем на одном из самых северных островов этого архипелага устроить зимнюю стоянку, откуда с наступлением весны двинуться к полюсу на собаках.

12 июня 1899 г. экспедиция герцога Абруццского выехала из Христиании на специальном судне «Полярная Звезда». 30 июня «Полярная Звезда» была уже в Архангельске, где были взяты некоторые припасы и 120 собак. Из Архангельска «Полярная Звезда» взяла курс к Земле Франца-Иосифа. 17 июля, на широте 74°, были встречены первые льды. На следующее утро при густом тумане восходящее солнце осветило безотрадную картину: все

море было сплошь покрыто плавающими льдинами. Однако, когда солнце поднялось выше, и туманная завеса стала понемногу рассеиваться, судно без особых затруднений прошло через льды и вскоре попало снова в открытое море.

Вечером 20 июля впереди показались неопределенные очертания скалистого острова Нортброка, высоты которого, увенчанные вечными снегами, ярко блестели под лучами солнца. Остров Нортброк составляет южную оконечность архипелага Земли Франца-Иосифа. По мере приближения к Нортброку своеобразные красоты этой первой из полярных стран, встреченных нашими путешественниками, все более и более выступали в своем диком величии. Сверкающие ледяные вершины мыса Флоры в неопределенных очертаниях отражались на небе и в волнах омывающего их моря. Когда «Полярная Звезда» подошла ближе к острову, с берега был слышен неумолкаемый крик бесчисленных птиц, гнездящихся на прибрежных скалах.

При ясной погоде мыс Флоры показался путешественникам очень красивым. «Полярная Звезда» бросила якорь, и экипаж немедленно приступил к выгрузке части съестных припасов и снаряжения. На мысе Флоры по плану герцога должен был быть устроен запасный склад. Герцог с несколькими спутниками посетил хижину Джексона, которая сохранилась в прекрасном состоянии. В хижине на столе лежали газеты, фотографические снимки и пачки писем для экспедиции Андрэ и Вельманна; казалось, что хижина лишь несколько часов тому назад была оставлена своими обитателями.

26 июля «Полярная Звезда» покинула бухту у мыса Флоры и направилась дальше на север. На море все время стоял непроницаемый туман. Когда же через несколько дней туманный покров рассеялся, перед глазами путешественников открылась картина настоящего ледяного царства. Повсюду на окружающих пролив островах вздымались дикие скалы, обнаженные на крутых гребнях и остроконечных вершинах и покрытые льдом во всех остальных местах; берега были также покрыты льдом и снегом. На море всюду виднелись плавающие льдины. При входе в Британский канал льды скопились в таком количестве, что «Полярная Звезда» вынуждена была повернуть обратно и взять курс вдоль берега Земли Александра с целью попытаться проникнуть в море королевы Виктории через Кембриджский пролив. Но и здесь судно встретило сплошную массу льда. Продолжая свои попытки проникнуть дальше к северу, «Полярная Звезда» снова направилась к Британскому каналу.

5 августа сильный ветер разогнал туман, и на небе засияло солнце, осветившее восхитительную картину ледяного царства. При ясной погоде борьба со льдами продолжалась успешнее,

и «Полярная Звезда» хотя и медленно, но все-таки подвигалась вперед. Днем 6 августа путешественники заметили впереди какой-то корабль, который оказался «Капеллой»; на нем годом раньше отправилась к полюсу экспедиция Вельманна. Когда корабли сблизились, Вельманн поднялся на палубу «Полярной Звезды» и сообщил, что все члены его экспедиции живы и здоровы, и что «Капелла» направляется обратно, не достигнув своей цели.

Через несколько часов корабли разошлись в разные стороны, один на юг, а другой продолжал свой путь на север. 9 августа «Полярная Звезда» находилась на широте 82°4′ и продолжала итти на север. Но вскоре льды преградили путь судну. Ввиду того, что судно не встретило на широте 82° никакого острова, где бы можно было остановиться на зимовку, герцог решил повернуть обратно к югу и остановился на зимовку в бухте Теплиц на западном берегу острова кронпринца Рудольфа.

Капитан Умберто Каньи.

Зимовка во льдах протекла вполне благополучно, и в феврале месяце, когда стало показываться над горизонтом солнце, путешественники приступили к снаряжению экспедиции к полюсу на собаках. Начальство над этой экспедицией было вверено капитану Каньи, так как сам герцог Абруццский сильно обморозил себе руки. Экспедиция к полюсу по плану герцога должна быть состоять из трех групп по три человека в каждой. Все эти три партии первые две недели должны были итти вместе, питаясь провиантом, который везла первая группа. После того как эти припасы будут съедены, первая группа должна была возвратиться обратно на место зимовки «Полярной Звезды». Точно так же через следующие две недели должна была возвратиться назад и другая группа, так что к полюсу, в конце концов, должна была отправиться только одна третья группа. Эту группу составляли сам капитан Каньи и два матроса.

Капитан Каньи выступил в путь со своими товарищами 24 февраля рано утром. Сани, запряженные собаками, быстро сколь-

зили по льду, и вскоре «Полярная Звезда» скрылась в тумане. Когда стемнело, и мрак окутал ледяную пустыню, Каньи отдал приказ остановиться на ночлег. Наскоро приготовив ужин, усталые путешественники расположились прямо на льду, разместившись на ночь по-трое в спальные меховые мешки.

Среди ночи Каньи и спавшие с ним в мешке лейтенант Керини и доктор Кавалли были вдруг разбужены внезапно раздавшимся треском. Казалось, вся масса льда ломается на тысячи кусков, и каждую минуту можно было ожидать, что бездонная пучина Ледовитого океана поглотит несчастных путешественников со всеми их собаками и багажом. В ужасе все трое вскочили и стали напряженно прислушиваться. Лед попрежнему трещал и под мощным напором бури колебался. Вскоре встали и все остальные члены экспедиции и, не зная, что делать, решили продолжать путь, хотя до рассвета было еще далеко. Ощупью, при свете тусклых фонарей, экспедиция двинулась вперед. Когда наступило утро и взошло солнце, то путешественники увидали, какие большие перемены произошли со вчерашнего вечера. Вместо гладкой ледяной равнины перед ними расстилалась исковерканная поверхность, похожая на застывшее волнующееся море. По неровной ледяной поверхности передвижение сделалось гораздо затруднительнее и медленнее, и путники на второй день своего путешествия к вечеру чувствовали себя крайне утомленными. При таких условиях итти дальше было очень рискованно, и Каньи решил возвратиться, чтобы через некоторое время со свежими силами снова пуститься к полюсу. Оправившись от перенесенных трудностей, Каньи снова выступил к полюсу 11 марта. Первое время путешественники проходили километров по 12 в день. 23 марта была отправлена обратно первая группа из трех человек, 31 марта Каньи отослал назад и вторую группу. Теперь он остался только с двумя спутниками. Несмотря на конец марта, температура стояла очень низкая; ночью термометр показывал 45—48° ниже нуля.

7 апреля, сделав наблюдение с инструментами, Каньи убедился, что он перешел уже 84° сев. шир. 17 апреля итальянский отряд перешел 85° с. ш. В полдень 22 апреля путешественники были под 85° 40′ с. ш., а к вечеру этого же дня достигли 86°. Между тем съестные припасы приходили к концу, и благоразумие требовало вернуться обратно. Однако заманчивая возможность приблизиться к полюсу ближе, чем это сделал Нансен, заставляла Каньи итти вперед. Нансен достиг с Иогансеном 86° 30′, и поэтому Каньи оставалось сделать всего лишь десятка три километров, чтобы побить рекорд. 25 апреля рано утром Каньи поспешно отправился в дальнейший путь. К вечеру путешественники увидали перед собою широкий канал воды. Каньи

вынужден был остановиться. С лихорадочным нетерпением принялся он за вычисление широты; оказалось, что путешественники находились на 86° 33′49″ с. ш., то-есть ближе к полюсу, чем был Нансен. Каньи водрузил на вершине одного ледяного холма итальянский флаг и в трех запаянных жестянках оставил свои записки. Вечером маленький отряд Каньи стал собираться в обратный путь. Зимовка самого герцога и оставшихся с ним спутников прошла вполне благополучно, если не считать того, что герцог сильно обморозил себе руки во время исследований острова Рудольфа. 28 марта герцог с двумя спутниками отправился навстречу первой группе (лейтенанта Керини), которая по расчету должна была возвратиться в первых числах апреля. На самом краю высокого мыса Флигели они поставили палатку и стали ожидать отряда Керини. Однако дни проходили за днями, а среди ледяной пустыни не было видно ни одного человека. Только 18 апреля на горизонте была усмотрена черная точка... В сильном волнении герцог следил в подзорную трубу за этой точкой и вскоре мог различить, что это был человек, ехавший в санях на собаках. Через несколько часов одинокий человек был уже близко, и герцог не дождавшись, когда он подъедет, крикнул:

— Первая группа? Лейтенант Керини?

— Нет, вторая,—послышался ответ,—доктор Кавалли, я и Савойя. А разве Керини еще не возвращался? Он оставил экспедицию 20 марта...

Приехавший оказался матросом Карденти; он объяснил, что его спутники, доктор Кавалли и Савойя, остались в крайнем изнеможении на мысе Германии и ждут помощи. Герцог немедленно отправился туда с тремя санями и к вечеру привез несчастных путешественников. На следующий день была снаряжена особая экспедиция на поиски Керини и его спутников. Через 18 дней эта экспедиция возвратилась без всякого результата. В безуспешных поисках прошло время до 10 мая. Настроение у всех было угнетенное, так как беспокоились и за участь самого Каньи и его спутников.

Вечером 22 июня герцог увидал быстро приближающиеся сани со стороны стоянки «Полярной Звезды». Это ехал посланный с «Полярной Звезды» с известием, что сам Каньи возвратился, и что он достиг 86° 33′ 49″ с. ш. Герцог тотчас же отправился на место зимовки, где и встретил Каньи. Потеряв надежду найти Керини и его спутников, герцог отдал приказ готовиться к отплытию на юг. «Полярную Звезду» с большим трудом очистили ото льда и при помощи динамита пробили во льду канал для выхода судна в открытое море. 12 августа «Полярная Звезда» покинула бухту Теплиц. Плаванье по проливам между островами группы Франца-Иосифа было совершено с большими затруд-

нениями в 18 дней, и 31 августа судно подошло к острову Нортброк. Дальнейший путь уже не представлял трудностей. Ледяные горы хотя и встречались довольно часто, но скоплений ледяных глыб уже не было, так что «Полярная Звезда» беспрепятственно шла полным ходом к юго-западу, и 5 сентября перед путешественниками показались вдали скалистые берега Норвегии...

Научные результаты экспедиции герцога Абруццского заключаются, главным образом, в том, что благодаря этой экспедиции было опровергнуто господствовавшее раньше мнение, будто Земля Франца-Иосифа простирается далеко к северу от острова кронпринца Рудольфа. Кроме того, экспедиция своими наблюдениями в течение целого года расширила наши познания о климате полярной области и о земном магнетизме. В течение целого года ежедневно производились регулярные наблюдения над температурой, состоянием атмосферы, над силой и направлением ветров и т. д.

Лейтенант Керини, погибший в полярной области.

Опыт итальянской экспедиции показал, что и при помощи езды на собаках достижение полюса является делом крайне трудным. За все время поездки Каньи средний дневной переход был равен только 11 километрам. Пройденное, в общем, за все 104 дня пути расстояние не превышало 1.280 километров, считая по прямой линии. От пункта, которого достиг Каньи, до полюса оставалось еще около 380 километров, а в оба конца — 760 километров, на что требовалось бы, по крайней мере, еще 70 дней, тогда как потраченные Каньи 104 дня и так являются уже высшим пределом срока путешествия. Достижение полюса на собаках, быть может, было бы возможно, если бы отправиться с пункта, лежащего севернее Земли Франца-Иосифа. Таким пунктом и является северная оконечность Гренландии, оканчивающаяся под 84° сев. шир. На этот факт и обратили внимание, как мы увидим ниже, позднейшие исследователи полярной области.

X.

Экспедиция к северному полюсу Отто Свердрупа.— Экспедиции Балдвина и Фиала.

Неудачи, преследовавшие путешественников, стремившихся к северному полюсу, не только не убивали интереса к полюсу, а еще настойчивее заставляли исследователей стремиться достигнуть этой таинственной точки. Неудачи экспедиций, отправлявшихся к полюсу с востока, заставили исследователей обратить внимание на Гренландию, простирающуюся далеко на север. Одним из первых исследователей, наметивших путь к полюсу через Гренландию, является Отто Свердруп, один из спутников и ближайших товарищей Нансена.

Свердруп, прославившийся в качестве капитана «Фрама» в экспедиции Нансена, решил обогнуть Гренландию с севера и, достигнув крайней северной ее оконечности, предпринять оттуда поездку к полюсу на собаках. Он решил отправиться в экспедицию на том же «Фраме», который был перестроен согласно опыту предыдущего путешествия 1893—1896 г.г. В июне 1898 г. Свердруп на «Фраме» отправился из Христиании, держа курс вдоль западного берега Гренландии на север. На широте 78°47′ у западного берега пролива Смита «Фрам» был затерт льдами и вынужден был стать на зимовку. Когда на следующее лето корабль освободился из ледяного плена и мог двинуться к северу, Свердруп переменил свой план и, вместо того чтобы пробиваться к полюсу, занялся подробным исследованием стран, лежащих к востоку от пролива Смита. Три зимы под-ряд оставался Свердруп в этой области, предпринимая продолжительные санные поездки по окружающим островам; самый отдаленный пункт, достигнутый им на севере, лежал под 81°40′ с. ш. Это— западная оконечность земли Гранта, названная Свердрупом Землею Локка.

Таким образом экспедиция Свердрупа не подвигалась к полюсу ближе, чем предыдущие экспедиции, и не могла претендовать на какое-нибудь особое к себе внимание; поэтому возвращение Свердрупа летом 1902 г. после четырехлетнего отсутствия прошло незаметным образом. Тем не менее эта поездка для науки оказалась очень важной и плодотворной в гораздо большей степени, чем экспедиция герцога Абруццского.

Результаты своих четырехлетних наблюдений в полярной области Свердруп изложил в своем двухтомном сочинении под заглавием «Новая Страна». Свердруп исследовал неизвестные до того времени страны, занимающие около 340 тысяч квадр.

километров, и нанес их на карту. Для геологии важным результатом была находка отпечатков папоротника в девонских отложениях; это открытие Свердрупа доказывает, что еще до каменноугольного периода в близких к полюсу областях господствовала почти субтропическая температура. Сочинение Свердрупа изобилует любопытными рассказами из охотничьей жизни; Свердруп дает, кроме того, описание нравов полярных животных и т. п.

В 1901 г. к северному полюсу была снаряжена американская экспедиция под начальством Балдвина. Экспедиция эта была снаряжена на средства американского миллионера Циглера;

Капитан Отто Свердруп.

для путешествия был построен специальный пароход «Америка». В состав экспедиции входило 45 человек белых и 6 человек остяков. Для езды на корабль было взято 420 сибирских собак и 15 пони. Но уже в следующем году экспедиция неожиданно вернулась. Весь результат ее сводился к тому, что заготовлены были три склада запасов, найдена была зимняя хижина Нансена 1895—1896 г.г. и открыто несколько небольших островов. Главной причиной неудачи предприятия служили, повидимому, раздоры между Балдвином и капитаном - норвежцем. Эти раздоры разделили весь экипаж на два лагеря—норвежский и американский. При таких условиях дальнейшее путешествие было невозможно, и поэтому Балдвин решил отправиться обратно.

Эта неудача нисколько, однако, не повлияла на самого Циглера, и он уже в 1903 г. отправил к северному полюсу вторую, так же хорошо снаряженную экспедицию. На этот раз в состав экспедиции входили только американцы, а так как жалобы на

Балдвина были, вероятно, не без основания, то на его место был назначен начальником экспедиции товарищ его по прежнему путешествию, А. Фиала.

Экспедиции пришлось с самого начала встретиться с большими препятствиями. Оставив Вардё и дойдя до пояса льдов, «Америка» пошла вдоль края льдов на восток, к Новой Земле. Лишь с большим трудом прокладывала она себе путь вперед, при чем неоднократно приходилось прибегать к пироксилиновым минам, чтобы пробить проход через льды. К концу августа 1903 г. была достигнута самая северная гавань на Земле Франца-Иосифа, бухта Теплиц, где «Америка» и остановилась на зимовку. Уже в ноябре месяце судно было совершенно разрушено страшным напором льда, а в конце января, во время сильной бури, оно исчезло подо льдом, и таким образом путешественники остались совершенно отрезанными от мира. О достижении полюса нечего было и думать, необходимо было спешить перебраться на южную оконечность Земли Франца-Иосифа, куда летом могло зайти какое-нибудь судно. Однако летом 1904 г. ни один корабль не появился около Земли Франца-Иосифа, и путешественники вынуждены были остаться здесь на вторую зиму.

Только летом 1905 г. сюда прибыло, наконец, судно «Новая Земля», которое уже в предшествовавшее лето дважды пыталось пробраться на север, чтобы спасти путешественников, но оба раза благодаря туманам и льдам вынуждено было возвратиться обратно. Только в третий раз ему удалось добраться до цели и захватить с собою всех членов злополучной экспедиции. Достигнутые этой экспедицией результаты были очень незначительны и далеко не соответствовали затраченным на нее средствам.

XI.

Экспедиция доктора Кука к северному полюсу.

Неудачи многочисленных экспедиций к северному полюсу несколько охладили в начале XX столетия интерес исследователей к полюсу, и многие исследователи пришли к заключению, что достижение северного полюса невозможно. Но вдруг осенью 1909 г. в Европе была получена из Гренландии телеграмма следующего содержания: «Нам, наконец, улыбнулось счастье. Американский флаг развевается на северном полюсе. Апреля 21 1908 г. Фредерик Кук».

Это краткое известие всколыхнуло не только специалистов-географов, но и самые широкие круги Европы и Америки. От-

крытие было тем более неожиданным, что об экспедиции Фредерика Кука очень мало были осведомлены не только в Европе, но и в самой Америке. Доктор Фредерик Кук принимал уже и прежде участие в нескольких полярных экспедициях. Он дважды ездил с капитаном Робертом Пири для исследования северной Гренландии и, кроме того, участвовал в бельгийской экспедиции 1898 г. к южному полюсу. Возвратившись из этой экспедиции, Кук решил было организовать собственную экспедицию к южному полюсу, но не мог достать для этого нужных средств. Поселившись в Бруклине, доктор Кук, пристрастившийся к полярным путешествиям, не мог жить покойной жизнью и летом 1907 г. неожиданно исчез из Бруклина, не предупредив даже своих знакомых, которые только гораздо позже получили от него известие, что он предпринял новую попытку пробраться к северному полюсу в сопровождении лишь двух спутников-эскимосов.

После того, как доктор Кук летом 1907 г. отправился в северную Гренландию, сообщения от него получались только до октября 1908 г. В этом месяце сопровождавший его Рондольф Франке вернулся в Америку на пароходе «Эрик», принадлежащем Роберту Пири. Франке передал, что Кук в феврале 1908 г. отправился на север, намереваясь достигнуть полюса. После этого о Куке не было никаких известий, вплоть до получения от него вышеприведенной телеграммы об открытии им полюса.

Сам доктор Кук описывает так свою экспедицию: «Я решил добраться из эскимосского селения Аннутока в Гренландии на Землю Гриннеля, откуда и направиться уже к полюсу. 19 февраля 1908 г. с восходом солнца наша небольшая экспедиция двинулась в путь. Моя экспедиция состояла из 11 человек эскимосов и 103 собак, которые тащили 11 саней с припасами и инструментами. Тьма полярной ночи рассеивалась только на несколько часов в сутки. Все время царил жестокий холод, и морозы особенно давали себя чувствовать при переходах через высоты, которыми окаймлен Эллесмерский пролив [1]). Несколько дней температура стояла 68° по Цельсию. Несколько собак замерзли от холода, и люди очень сильно страдали. Но скоро мы наткнулись на следы, проложенные крупным зверем, которые облегчили наше движение по Маузенскому проливу [2]) вплоть до Лэнд-Энда. 18 марта мы вступили на льды Полярного моря с северной оконечности острова Гейберга. Оттуда часть эскимосов отправилась обратно. Миновав замерзшую почву, экспе-

---

[1]) Между землею Эллесмера и Гриннеля.

[2]) Пролив, отделяющий земли Гранта и Гейберга.

диция 30 марта оказалась на широте 84°. Далее на север шло сплошное море льдов. 8 апреля до полюса оставалось 320 километров. Полыньи попадались реже. 14 числа экспедиция находилась приблизительно в 160 километрах от полюса. Термометр показывал 40° ниже нуля. Наконец, наблюдения 21 апреля 1908 г. показали, что мы находимся на широте 89°59′46″; полюс, значит, находился в виду. Мы прошли недостававшее расстояние в 14″ и занялись дополнительными исследованиями».

Не получив, как врач, достаточной астрономической подготовки, доктор Кук не мог определить положение крайней, достигнутой им на севере точки, полагая лишь, что полюс должен находиться там, где, на-глаз, солнце в течение суток не меняет своей высоты над горизонтом. Наблюдая такое явление, доктор Кук решил, что северный полюс достигнут, и направился в обратный путь 23 апреля.

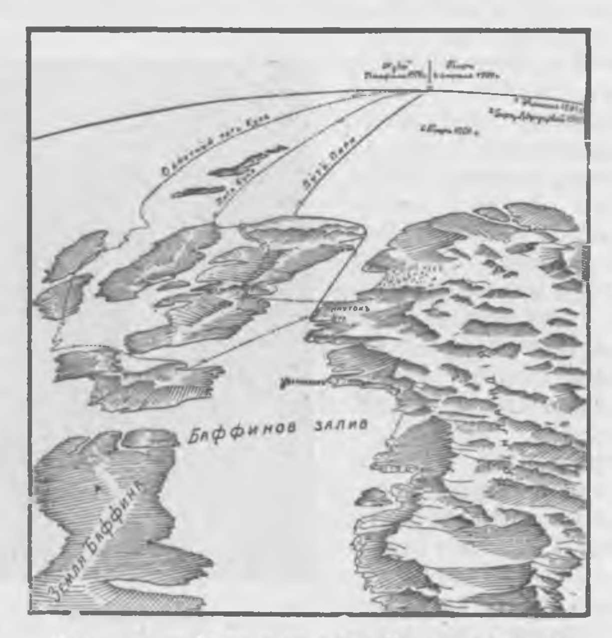

Доктор Фредерик Кук.

Обратный путь оказался более трудным. Пришлось бороться с туманами, так что ориентировка стала невозможной. Течение относило льды далеко на запад, так что доктору Куку не удалось попасть к заготовленным складам провизии. Взятые с собою припасы уже приходили к концу, когда, наконец, добравшись до острова Норд-Девон, путешественники могли охотиться за полярными птицами и животными. Но здесь обнаружился недостаток патронов. Пришлось изготовить первобытные орудия, какими пользуются эскимосы, и с этими орудиями охотиться на мускусных быков и на белых медведей Зиму 1909 г. пришлось провести в хижине, сооруженной из саней, снега и льда. Только 18 февраля 1909 г. Кук вернулся к проливу Смита, откуда направился в Упернивик и затем в Европу.

Едва успел доктор Кук вернуться в Европу, как в первых числах сентября 1909 г. весь мир облетела телеграмма капитана Роберта Пири: «Наконец добился успеха. Полюс достигнут мною 6 апреля 1909 г. Американский флаг водружен на северном полюсе. Роберт Пири».

Когда вернулся сам Пири в Америку, он заявил, что доктор Кук не был на полюсе. Между обоими исследователями разгорелась борьба. После подробного рассмотрения документов доктора Кука, большинство ученых пришло к заключению, что Кук при своих наблюдениях допустил некоторые неточности и ошибки, и поэтому его определение местоположения полюса было неверно. Без сомнения, доктор Кук находился по-

Путь доктора Кука и капитана Пири к северному полюсу.

близости от этой математической точки, и в вину ему можно было поставить лишь то, что он не сделал более тщательных наблюдений. Но это, однако, не может послужить к обвинению исследователя во лжи или в фальсификации его путевого журнала.

Впрочем, вопрос о том, открыл ли доктор Кук северный полюс или нет, сам по себе и не важен. Культурный мир преклоняется перед исследователями, главным образом, не потому, что тот или иной сделал то или другое открытие, а за их энергию, самоотвержение и преданность идее. Пусть доктор Кук заблуждается, утверждая, что он открыл северный полюс, но тем не менее мы должны признать его одним из выдающихся исследователей нашего времени. За его прежние экспедиции

в полярные страны и за участие в экспедиции Жерлаша к южному полюсу доктор Кук получал неоднократно почетные награды от различных европейских географических обществ. Доктор Кук обладал вполне достаточным опытом для путешествия к северному полюсу. Уже одно то, что в сопровождении всего лишь нескольких эскимосов он отважился пуститься в необъятные ледяные пустыни севера—а это вполне установлено,—дает право доктору Куку, чтобы и его путешествия нашли себе место на страницах истории географических исследований.

XII.

Экспедиция к северному полюсу Роберта Пири.— Открытие Пири северного полюса 6 апреля 1909 г.

Выше мы говорили уже о путешествиях американского исследователя Роберта Пири по северной Гренландии. Все эти экспедиции Пири имели своей главной целью отыскание наилучшего пути к северному полюсу. В 1908 г. Пири, после 20-летних полярных исследований, решил предпринять новое путешествие к полюсу. Ему было в это время уже 53 г. Он сам говорил, что, за исключением Джона Франклина, ни один человек не рисковал в этом возрасте отправиться в полярную область. «Но это была моя последняя ставка!—говорит Пири.—Я должен был или выиграть ее, или же навсегда признать себя побежденным»...

Пири сравнивает усилия к достижению северного полюса с шахматной игрой, где до начала игры нужно тщательно обдумать и взвесить все ходы, могущие доставить победу над противником. «Для меня это была привычная игра, в которой я упражнялся 23 года. Я каждый раз терпел поражение, но каждое новое поражение научало меня чему-нибудь, я приобретал новые познания, полезные для будущих экспедиций, я изучал все причины моих неудач, стараясь избежать их на будущий раз. Но если правда, что открытие северного полюса по плану и методу можно сравнить с шахматной игрой, то между ними есть и очень существенная разница. В шахматной игре человеческий ум борется с человеческим умом, здесь же идет борьба человеческого ума и настойчивости против слепых и диких сил природы. Я мог обдумать все свои ходы, но не мог предусмотреть всех ходов моего великого противника. Если бы это было возможно, то я достиг бы северного полюса уже во время моего предыдущего путешествия, когда я добрался до 87°6′. Но те, кто знаком с подробностями этой экспедиции, знают, что успех ее

был расстроен непредвиденным ходом моего великого противника. Необычайно сильные и продолжительные ветры разломали полярные льды, разъединили меня с моими вспомогательными отрядами, так что в тот момент, когда цель казалась совсем близкой, мне пришлось повернуть вспять под угрозой голодной смерти»...

Экспедиция Пири, отправившаяся к полюсу на специально построенной для полярных плаваний яхте «Рузвельт», состояла из 21 человека. Пири отплыл на «Рузвельте» 6 июня 1908 г. из Нью-Йорка, а 26 июля «Рузвельт» пересек уже полярный круг. Пробираясь вдоль западного берега Гренландии, «Рузвельт» остановился близ эскимосского селения Ита, где Пири нанял двадцать пять эскимосов и купил 250 собак для езды. Пири намеревался добраться до северного полюса, следуя тем же путем, которым он шел в 1905—1906 г.г. Он надеялся проникнуть на «Рузвельте» до мыса Колумбии [1]), где рассчитывал зимовать. С мыса Колумбии Пири в феврале 1909 г. намеревался отправиться на санях к полюсу. Однако льды помешали «Рузвельту» дойти до мыса Колумбии, и Пири вынужден был остановиться на зимовку у мыса Шеридана [2]).

Перезимовав у мыса Шеридана, Пири 1 марта 1909 г. отправился на север. Его сопровождали 7 человек белых, негр Генсон и 17 эскимосов с 17 санями и 133 собаками. Вся экспедиция разбилась на несколько партий, которые шли друг за другом с определенными промежутками. Через известное время часть участников отправлялась обратно на место зимовки «Рузвельта», оставляя на льду свои запасы для того, чтобы последняя партия могла воспользоваться этими припасами на обратном пути.

Под конец путешествия с Пири остались только негр Генсон и 4 эскимоса. 26 марта Пири и его 5 спутников достигли 87°. 29 марта экспедиция была задержана полыньей, 2 апреля Пири был уже под широтою 88°, а 4 апреля достиг 89°. Последний переход кончился 6 апреля в 10 ч. утра. 5 дней экспедиция двигалась с усиленной скоростью, проходя иногда по 45 километров в день. По расчету Пири он должен был находиться поблизости полюса утром 6 апреля. Действительно, когда он сделал вычисление и определил положение своего лагеря, то оказалось, что они находились на 89°57′ сев. шир. Но Пири так устал от чрезмерного напряжения, что даже близость полюса не действовала на него ободряющим образом. Он так сильно

---

[1]) На северной оконечности земли Гранта.

[2]) На северо-восточном берегу земли Гранта.

нуждался в отдыхе, что, как только эскимосы выстроили из снега хижину, он тотчас же залез в нее, надеясь хорошенько вы-

Последнее приветствие Пири с «Рузвельта».

спаться. Однако он не мог долго спать и вскоре проснулся. Он встал и записал в своем дневнике:

«Наконец у полюса! Три столетия люди добивались этого! Моя мечта и моя цель в течение 20 лет! Наконец-то он мой!

Я еще не мог полностью охватить эту мысль. А между тем это кажется так просто и понятно».

Небо было обложено тучами, когда Пири с негром Генсоном и двумя эскимосами на маленьких легких санках отправились к полюсу. «Мы прошли 18 километров,—говорит Пири,—в это время небо прояснилось и можно было произвести астрономические наблюдения и определить наше положение. Оказалось, что мы уже находимся *по ту сторону* полюса!

«Как все это было странно. И всего страннее было то, что, пройдя лишь несколько часов, я в самом деле был на верхушке земли и перешел из западного полушария в восточное. Как-то трудно было постигнуть, что мы первый километр нашего короткого перехода шли по направлению к северу, а следующие километры уже шли к югу, не изменяя, однако, своего направления... Ни востока, ни запада, ни севера для нас уже не существовало, когда мы стояли у полюса. Существовал только один юг. С какой бы стороны горизонта ни дул ветер, он всегда должен был дуть с юга. На том месте, где мы находились, один день и одна ночь составляют год, сто таких суток составляют столетие. Если бы мы стояли на полюсе во время 6-месячной полярной ночи, то могли бы видеть полярную звезду в самом зените».

Сделав еще несколько поверочных наблюдений, чтобы с наибольшей точностью определить положение полюса, Пири водрузил на полюсе пять флагов. Первый из этих флагов был шелковый национальный американский флаг, подаренный Пири его женой 15 лет тому назад. Этот флаг совершил с ним несколько путешествий на север. Пири в каждую экспедицию оставлял кусочек этого флага на крайнем северном пункте, которого он достигал. И, наконец, теперь этот флаг достиг полюса! Рядом с этим флагом Пири водрузил флаг братства, членом которого был Пири, когда он учился в университете. Это был флаг «свободы и мира». Затем были водружены флаги Морского Союза и Красного Креста и, наконец, американский флаг «Рузвельта». Когда все флаги были укреплены во льду, Пири пожал каждому из своих спутников руку и поздравил их с успехом.

После этого Пири засунул в щель между льдинами стеклянную бутылку, в которую положил обрезок флага и следующую записку:

«90° северн. широты, северный полюс, 6 апреля 1909 г.

«Сегодня пришел сюда. От мыса Колумбии 28 дневных переходов. При мне находятся 5 человек: негр Мэтью Генсон, Атэ, Эгчингвэ, Зиглу и Аквиэ—эскимосы, а также 5 саней и 38 собак. Мое судно «Рузвельт» стоит у мыса Шеридана, 162 километра к востоку от мыса Колумбии.

«Экспедиция, находившаяся под моим начальством, на долю которой выпало счастье достигнуть полюса, состоит под покровительством Арктического клуба Пири в Нью-Йорке и была снаряжена и отправлена па север друзьями и членами этого клуба с тою целью, чтобы, если возможно, достигнуть полюса и одержать эту победу к чести и славе Соединенных Штатов Америки.

Роберт Пири.

«Завтра возвращаюсь назад».

В другой записке капитан Пири написал, что, достигнув, согласно своим наблюдениям, северной оконечности земной оси, он объявляет всю эту область владением Северо-Американских Штатов, в знак чего он и водрузил американский флаг.

После этого Пири, как он сам сознается, почувствовал упадок сил и испытывал только одно желание — спать! Но уже через 2 часа он опять был на ногах. Сильное душевное волнение опять овладело им при мысли, что он находится у полюса; это было его восьмое путешествие в полярную пустыню. В этой пустыне он провел в общем 12 лет; почти столько же лет провел Пири в приготовлениях к этим экспедициям, так что целую четверть века он посвятил на осуществление своей задачи. Сколько раз он ставил на карту свою жизнь и жизнь своих спутников!

Пири оставался у полюса 30 часов. Он сделал еще несколько вычислений и 7 апреля в 4 часа пополудни пустился в обратный путь. Впереди предстоял длинный путь: 795 километров по ледяному полю, быть может, перерезанному во многих местах полыньями и проливами. И невольно счастливому завоевателю полюса приходила в голову мысль: полюс достигнут, но удастся ли благополучно вернуться назад, чтобы рассказать о своем открытии?

Однако счастье благоприятствовало Пири, и он без особых приключений совершил обратный переход. Когда показалась твердая земля, Пири и его спутники были страшно рады; они могли считать себя спасенными. 23 апреля Пири достиг мыса Колумбии. В этот день он записал в своем дневнике: «Дело моей жизни закончено. То, что я с самого начала поставил себе целью, достигнуто. После 23 лет упорного труда, разочарований, лишений и страданий, я дошел до полюса, я завоевал этот последний географический трофей—северный полюс—для Соединенных Штатов... Я доволен!».

Все путешествие Пири к северному полюсу от мыса Колумбии и обратно заняло 53 дня. Трудности этого путешествия были так велики, что сам Пири и его спутники эскимосы считали благополучное окончание этого путешествия чудом. Эскимос

Вота, один из спутников Пири к полюсу, рассказывая об этом путешествии, выразился так: «Должно быть, когда мы ходили к полюсу, дьявол спал или ругался со своей женой, иначе мы никогда не вернулись бы обратно так легко».

Радость Пири была омрачена по прибытии его на «Рузвельт» известием о гибели одного из членов экспедиции, профессора Марвина, утонувшего в полынье, когда он возвращался с научной экскурсии. В память несчастного исследователя его товарищи сложили из камней памятник на берегу Земли Гранта. Марвин погиб под 86° сев. шир., на расстоянии 81 километра к северу от мыса Колумбии, и увеличил своим именем список героев, нашедших свою могилу в полярной пустыне.

В июле месяце «Рузвельт» освободился из ледяного плена и покинул мыс Шеридан, взяв курс на юг. 21 сентября «Рузвельт» благополучно достиг гавани небольшого городка Сиднея (в Сев. Америке), откуда Пири выехал ровно 14 месяцев тому назад. Сколько раз возвращался Пири в этот маленький городок после своих неудачных попыток печальный и разочарованный! Но на этот раз, рядом с другими флагами, на главной мачте «Рузвельта» развевался новый флаг, никогда еще не появлявшийся ни в одной гавани и не красовавшийся ни на одном из кораблей. Это был флаг *Северного полюса!* Великая географическая задача была разрешена, и покров таинственности с северного полюса был снят отважным исследователем.

XIII.

Русская экспедиция к северному полюсу капитана Г. Я. Седова.

Хотя северный полюс и был открыт Робертом Пири, но для исследователей на полюсе оставалось еще много научной работы. Дополнить научные сведения, добытые Пири на полюсе, и водрузить рядом с американским флагом русский флаг—поставил своей задачей молодой русский исследователь капитан Г. Я. Седов, сын рыбака-крестьянина. Капитан Седов, принимавший неоднократно участие в гидрографических экспедициях вдоль северных берегов Восточной Сибири и исследовавший, по поручению правительства, фарватер реки Колымы, зарекомендовал себя как энергичный и смелый путешественник. Решив организовать *первую* русскую экспедицию к северному полюсу, Седов обратился со своим планом к правительству, но получил отказ. Тогда он собрал необходимые средства по подписке и приобрел небольшое китобойное судно «Фок» (Морж), которое переименовал по-русски, назвав его «Св. Фока».

Спешно набрав экипаж в количестве 27 человек, Седов 14 августа 1912 г. отправился из Архангельска на север, рассчитывая добраться до осени к северной оконечности Земли Франца-Иосифа. На одном из островов этого архипелага Седов предполагал перезимовать с тем, чтобы ранней весною 1913 г. на санях и лодках отправиться к северному полюсу.

Но с самого начала экспедицию стали преследовать неудачи. Еще не выйдя в океан, «Фока» был встречен сильным штормом, который заставил его укрыться у побережья Кольского полуострова. Здесь «Фока» простоял до 19 августа, дожидаясь более спокойной погоды. 19 августа «Фока» вышел в море, но 22 августа у берегов Новой Земли он был застигнут снова бурей. 25 августа Седов с трудом добрался до Маточкина шара, а 28 августа «Фока» остановился в Крестовой губе. Здесь Седов высадил на берег 5 человек больных и сделал запас хлеба. 31 августа «Фока» покинул Крестовую губу и направился к Земле Франца-Иосифа, идя вдоль берегов Новой Земли. У северного Крестового острова «Фока» встретил первые льды. Вскоре Седов вынужден был повернуть на запад, рассчитывая найти где-нибудь свободный проход через льды. Однако плавающие льдины покрывали море всюду сплошною массой, и «Фока» вынужден был вернуться назад к Крестовому острову. Подходя к Панкратьевым островам, «Фока» попал на мель. Несколько дней команда билась, чтобы стащить судно с мели,— но все попытки были тщетны. Между тем, в трюме стала накапливаться вода. Сильный ветер и волнение грозили судну гибелью, и капитан Седов, чтобы снять свое судно с мели, решил пожертвовать частью груза, чтобы облегчить судно. Прежде всего выбросили за борт лес, заготовленный для избы, в которой хотели провести зиму на Земле Франца-Иосифа. Только после этой героической меры, которая была чревата весьма печальными последствиями, облегченный «Фока» сошел с мели.

Капитан Г. Я. Седов.

Капитан Седов еще раз сделал попытку продвинуться на север, а затем, убедившись, что попытки бесполезны, 20 сентября 1912 г. объявил зимовку. Место зимовки было выбрано довольно неудобное, так как бухту, где стал «Фока», окружали высокие скалы, круто поднимавшиеся прямо над водою. За отсутствием избы экипажу пришлось жить на судне, только баню на льду выстроили из заготовленного в Архангельске сруба.

Началась зимовка. Потянулись скучные, утомительные дни, или, вернее, ночи, прерываемые на несколько часов в сутки коротким днем. Между командой «Фоки» была распределена работа. Большая часть работы заключалась в собирании плавника, который привозили к судну на собаках. Некоторые из экипажа охотились на медведей, которые во множестве бродили по льду. Условия жизни в помещении судна зимою были непривлекательны: стенки кают сырели, и с них постоянно текла вода. Несмотря на все это, ни мрак ни чувство оторванности от цивилизованного мира не страшили участников экспедиции. Капитан Седов старался разнообразить жизнь на судне и устраивал часто различные развлечения, чтение вслух и т. п. 28 января им был устроен праздник «Встреча Солнца». Вот как описывает этот праздник один из экипажа «Фоки», матрос Катарин:

«28 января мы встали раньше, чем всегда. Слишком велико было наше нетерпение видеть солнце. Долгая, томительная, трехмесячная ночь изнурила нас. В две нарты запрягли собак, взяли провизии, палатку, флаги и отправились на дикую, лишенную растительности, скалистую гору. На вершине горы раскинули палатку, украсили ее флагами и стали ждать. Наши взоры, не отрываясь, были прикованы к горизонту, мы считали минуты. И вот... в туманной дали льдов вспыхнула едва заметная пурпурная полоска. Полоска с каждой минутой разгоралась, и скоро золотом залился небосвод.

«Дружным «ура» мы встретили вестника света, громко повторило его эхо и замерло где-то во льдах. Условным выстрелом мы дали знать товарищам, оставшимся там, внизу, на пароходе, о встрече солнца, и в ответ оттуда загрохотали пушки. Всколыхнулся воздух, дрогнули горы, и мертвая пустыня наполнилась гулом торжества ликующего человека, радующегося солнцу.

«А золотая полоска уже бледнела, точно таяла в туманной дали, и умерла так же скоро, как народилась».

Тяжелые условия жизни, холод и однообразно тянущееся время отразились на здоровьи плохо подобранной команды. Весною 1913 г. пятеро из участников заболели, и Седов вынужден был отправить их на собаках по льду на Заячьи острова.

Отсюда эти 5 человек с большим трудом добрались в лодке до Новой Земли, где они были подобраны пароходом «Ольга».

Здоровье самого Седова также сильно пошатнулось за зиму, но он, несмотря на это, решил отправиться на санях к полюсу. В первой половине февраля 1914 г. Седов, взяв с собою двоих матросов, на трех нартах отправился в путь. Все члены экспедиции уговаривали Седова оставить свое решение, но он был непреклонен и говорил, что иначе он поступить не может, так как это его долг. Участники экспедиции считали его шаг безумством, но все уговоры были тщетны.

«Св. Фока», судно полярной экспедиции Г. Я. Седова.

Во время пути болезнь Г. Я. Седова все более и более обострялась, и силы падали. На второй неделе пути Седов занемог совсем. Спутники умоляли его вернуться. Опасаясь, что они могут самовольно повернуть на юг, Седов, лежа на нартах, все время держал в руках компас и следил за направлением.

Наконец Седов и его спутники достигли 81° 40′. Здесь на пути, в проливе, отделяющем землю Франца-Иосифа от острова кронпринца Рудольфа, перед путешественниками развернулась большая полынья. Путники разбили на льду палатку. Седов уже впадал в беспамятство. С ним были припадки, и он задыхался. Приходя же в сознание, Седов жаловался на свои страдания и чувствовал, что развязка приближается. Спутники Се-

дова, желая хоть сколько-нибудь облегчить его страдания и согреть его холодеющее тело, все время держали у груди умирающего зажженную керосинку. Но все было напрасно.

20 февраля 1914 г. Г. Я. Седов скончался. Товарищи решили доставить его тело к месту зимовки судна и тотчас же двинулись в обратный путь. Благодаря темноте и непогоде, путешественники часто сбивались с пути. Вьюги были очень жестоки и продолжались почти беспрерывно.

Истощенные и полуживые, двое спутников капитана Седова, видя, что у них почти не остается никаких запасов провизии, решили повернуть к месту зимовки итальянской экспедиции герцога Абруццского, где были оставлены им запасы провизии и керосин. Однако силы обоих путешественников падали, и вскоре у одного из них пошла кровь горлом.

Вследствие этого, они решили похоронить тело Седова, и налегке, как можно быстрее, отправиться к месту зимовки «Фоки». На берегу острова кронпринца Рудольфа спутники капитана Седова вырыли с большим трудом яму и в ней похоронили тело своего несчастного начальника. Затем, бросив двое саней и весь остаток багажа, они на собаках отправились к месту стоянки «Фоки».

6 марта оба путешественника прибыли на место зимовки, принеся печальную весть о смерти Г. Я. Седова. Это известие произвело на всех потрясающее впечатление, хотя попрежнему члены экспедиции продолжали свои научные занятия и исследования. С наступлением лета стали готовиться к отплытию. Для отопления паровых котлов разобрали на судне надпалубные борты, среднюю палубу и запасные мачты. Но вскоре весь запас топлива вышел. Решено было зайти к мысу Флоры, где некогда зимовала английская экспедиция Джексона, который и оставил на мысе Флоры свою хижину. Разобрав эту хижину и распилив ее на дрова, экспедиция направилась далее на юг. Неожиданно на мысе Флоры были встречены экспедицией Седова два человека. Это были двое из участников экспедиции Г. Л. Брусилова (об этой экспедиции см. стр. 272). Взяв на борт несчастных путешественников, судно направилось в дальнейший путь. С большим трудом, употребив для топки паровых котлов всю внутреннюю обшивку судна, каюты и канаты, экспедиция добралась в августе 1914 года до Архангельска. Так неудачно кончилась эта первая русская экспедиция к северному полюсу. Неудача этой экспедиции зависела не столько от неумения и неопытности самих участников экспедиции, сколько от того, что у Седова не было достаточно средств для наилучшего снаряжения экспедиции. Благодаря недостатку средств, Седову пришлось удовлетвориться старым китобойным судном,

на котором нельзя было без риска пускаться через льды; вследствие этого приходилось избегать встречи со льдами и обходить их, а это замедляло продвижение к северу.

XIV.

Экспедиция к северному полюсу Роальда Амундсена на корабле «Мод».— Попытки Амундсена достигнуть полюс на аэроплане.— Проект Нансена-Брунса полета на северный полюс на дирижабле.

Заканчивая наш обзор северо-полярных экспедиций, мы не можем не сказать еще несколько слов об экспедиции к северному полюсу знаменитого норвежского путешественника-исследователя Роальда Амундсена, которому суждено было в 1911 г. открыть южный полюс [1]).

Возвратившись в Европу из южно-полярной экспедиции, Амундсен решил организовать экспедицию к северному полюсу. Он задумал повторить попытку Нансена пересечь с востока на запад весь Северный Ледовитый океан. По расчетам Амундсена это плавание должно было продолжаться около пяти лет. Главная цель экспедиции — производство наблюдений над магнитными и метеорологическими явлениями в Северной полярной области, а также исследование морских полярных течений.

Амундсен отправился в эту экспедицию летом 1914 г. на корабле «Фрам». Пробыв в плавании два года, Амундсен должен был вернуться в Норвегию, так как не рискнул продолжать плавание на «Фраме» среди полярных льдов ввиду того, что судну в это время было уже более двадцати лет.

Амундсен решил построить по типу «Фрама» новое судно, особенно прочной конструкции; это судно было сделано на верфях Христиании и было готово к 1918 г. Амундсен дал ему название «Мод». Судно имело 36 метров длины, 12 метров ширины; при полной нагрузке осадка судна—5 метров. На судне имеется радиостанция, но только приемная — отправительного аппарата нет.

Амундсен отправился из Христиании 24 июня 1918 г. на восток; зайдя в Югорский Шар, он взял на свое судно русского радио-телеграфиста Олонкина и направился затем на остров Диксона, откуда намеревался пробраться к Берингову проливу.

План Амундсена состоял в следующем: пройдя Ледовитым океаном до Берингова пролива, он намеревался подняться оттуда возможно севернее и, зайдя в полярные льды, начать «дрей-

---

[1]) Об экспедиции Амундсена к южному полюсу сказано дальше, в главе «Завоевание южного полюса».

фовать» вместе со льдами; по расчетам Амундсена полярное течение должно провести судно через северный полюс или вообще тем путем, каким были отнесены остатки яхты «Жанетты» от места ее крушения к берегу Гренландии.

Однако во время лета 1918 г. Амундсену не удалось пройти вдоль всего северного берега Азии: льды затерли «Мод» у мыса Челюскина, и Амундсен был вынужден стать там на зимовку. Только 12 сентября следующего 1919 г. Амундсену удалось освободиться из ледяного плена и продолжать дальнейшее плавание на восток. Но, дойдя до Чаунской губы «Мод» снова встретила сплошной лед, и Амундсен должен был остановиться на вторую зимовку близ острова Айон, при входе в Чаунскую губу. Летом 1920 г., как только море освободилось ото льда, Амундсен направился дальше, но ввиду того, что запасы провизии и топлива значительно уменьшились, он для пополнения их, летом 1921 г., направился в порт Ном на Аляску. Кроме того, «Мод» нуждалась в некотором ремонте, и поэтому летом 1921 г. Амундсен не мог начать свое плавание к полюсу.

Только летом 1922 г. «Мод» вышла снова в плавание. На этот раз Амундсен несколько изменил свой план. Он решил начать плавание к полюсу не от Берингова пролива, а от мыса Барроу, наиболее северной оконечности Аляски. Но и на этот раз Амундсена преследовала неудача: «Мод» была затерта льдами в заливе Коцебу, и Амундсен вынужден был остановиться на зимовку в бухте Вейрахт, в 100 морских милях к юго-западу от мыса Барроу.

Огорченный четырехлетней неудачей, Амундсен решил летом 1923 г. достичь северного полюса на аэроплане. Свой полет Амундсен предполагал совершить от мыса Барроу до мыса Колумбии, на северном берегу земли капитана Гранта. Для этой экспедиции Амундсен выбрал аппарат системы Ларсен, который может держаться в воздухе 32 часа. По расчетам Амундсена перелет через полюс от мыса Барроу до мыса Колумбии можно сделать на Ларсене в 16 часов; таким образом у исследователя остается еще 16 часов в запасе для остановки на полюсе. Аэроплан Амундсена был снабжен радио-телеграфом; своим спутником Амундсен взял норвежского летчика Омдаля, совершавшего уже смелые полеты через горы Норвегии. Остальные спутники Амундсена на корабле «Мод» должны были отправиться через Северный Ледовитый океан. Однако, несмотря на все усилия, Амундсену не удалось достигнуть полюса. При пробных полетах выяснилось, что спуск аэроплана вблизи полюса невозможен вследствие того, что ледяной покров океана вблизи полюса не представляет одной сплошной массы. После нескольких попыток Амундсен вернулся в Сан-Франциско.

В общем, вся экспедиция шла благополучно, и Амундсен потерял только двух своих спутников, погибших в ледяных пустынях севера — это были молодые сотрудники экспедиции Кнутсен и Тессем. Амундсен отправил этих сотрудников с почтой еще в 1919 г. с места своей зимовки близ мыса Челюскина. Кнутсен и Тессем должны были дойти побережьем Ледовитого океана до острова Диксона, а оттуда при первой возможности отправиться на каком-нибудь проходящем судне в Норвегию. Однако Кнутсен и Тессем на остров Диксон не попали.

Когда весною 1920 г. от Амундсена из Нома с Аляски были получены известия об уходе Тессема и Кнутсена, норвежское правительство снарядило шхуну «Хеймен» для розыска пропавших. Шхуна пришла на остров Диксона в конце августа 1920 г., пыталась неудачно пройти дальше и вынуждена была остаться на зимовку на острове Диксона.

В 1921 г. русским советским правительством была снаряжена сухопутная поисковая партия под командой Н. А. Бегичева, участника нескольких русских полярных экспедиций, хорошо знающего все побережье Северного Ледовитого океана. В конце июня 1922 г. партия вышла на оленях по направлению к мысу Челюскину. На пути к нему, у мыса Вильда, партия Бегичева нашла записку спутников Амундсена, где сообщалось, что склады провианта, которые устроил в этом месте еще в 1915 г. капитан Свердруп, разыскивавший экспедиции Русанова и Брусилова, оказались полуразрушенными, и что они, с запасом провизии на 20 дней, отправляются дальше (расстояние от мыса Вильда до острова Диксона около четырехсот километров). Повернув обратно и идя побережьем партия нашла у мыса Приметного сожженные останки одного из норвежцев. По предположению Бегичева один из норвежцев вскоре по выходе с мыса Вильда заболел и умер. Оставшийся товарищ, не имея возможности вырыть могилу в мерзлой земле, сжег труп на костре из плавника, сам же пошел дальше один. Следов последнего Бегичеву обнаружить не удалось.

Только летом 1922 г. экспедиции геолога Н. Н. Урванцева, производившего геологические исследования по реке Пясине (впадает в Ледовитый океан, восточнее Енисея), удалось найти на берегу разбросанные в беспорядке почту Амундсена и ряд других предметов. Наконец, вблизи острова Диксона, на материке, 27 августа был найден скелет человека без кистей рук и ступней, видимо отъеденных песцами. Скелет был найден лежащим навзничь, на отлогом берегу, у самого пролива. По предположению Урванцева, погибший спутник Амундсена, подойдя уже почти к цели, то-есть к острову Диксона, спускаясь к проливу по обледенелому склону, поскользнулся и упал и вследствие общего бессилия уже не был в состоянии подняться. Судя по росту, это

должен быть труп Тессема. Он похоронен сотрудниками русской радио-станции на острове Диксона—Н. Н. Ежовым и Н. В. Ломакиным на том же месте, где был найден. Почта и другие вещи погибшего были доставлены в Москву и вручены Норвежской миссии. Все эти неудачи не сломили, однако, энергию Амундсена, и он в 1924 г. разработал новый проект полета на полюс на гидроплане или «летающей лодке». На средства, данные Амундсену американским миллионером Эльсвордом (200.000 рублей на русские деньги), Амундсен заказал два специальных гидроплана. Весной 1925 г. гидропланы были готовы и переправлены на Шпицберген.

21 мая 1925 г. Амундсен, в сопровождении одного художника - фотографа, двух журналистов - корреспондентов и двух пилотов, вылетели со Шпицбергена к полюсу.

Однако и на этот раз, несмотря на все усилия, Амундсену не удалось достигнуть полюса. Он долетел только до 87° сев. шир. Здесь Амундсен спустился для исследований на океан, и неожидано грянул сильный мороз и оба гидроплана замерзли во льду. С огромным трудом исследователям удалось вырубить один гидроплан и на нем все шесть человек добрались 15 июня обратно до Шпицбергена.

Все попытки Амундсена показали, что при современной конструкции ни аэропланы, ни гидропланы для полетов на полюс не пригодны. Опыты Амундсена заставили обратить серьезное внимание на воздушные корабли «дирижабли». Весною 1925 г., когда поднялся вопрос об отправке экспедиции для поисков улетевшего на полюс Амундсена, Фритиоф Нансен и немецкий капитан дирижаблей Вальтер Брунс разработали проект полета на полюс на дирижабле.

Как показал опыт перелета на дирижабле из Германии в Нью-Йорк, когда дирижабль в 81 час покрыл расстояние 8.500 километр., воздушные корабли могут быть более удобны для достижения полюса, чем аэропланы.

Вероятно, летом 1926 г. проект Нансена - Брунса будет осуществлен. Нансен предлагает такой маршрут: Мурманск—Северный полюс — Аляска (город Ном). Обратный путь — Чукотский полуостров—вдоль берегов Сибири—Земля Ленина (бывш. Николая II)—Новая земля и Мурманск.

Экспедиция Нансена-Брунса займется исследованием всей полярной области и выяснением вопроса о возможности регулярного воздушного сообщения между Европой и Америкой. Если исследования дадут благоприятные результаты, то перед человечеством откроются широкие перспективы международных сообщений через полюс. Быть может, в недалеком будущем северная полярная область станет оживленным перекрестком народов.

Насколько будет сокращено время сообщения между Европой и Америкой, если будут установлены рейсы через полюс, можно видеть из того, что по расчетам Брунса воздушный перелет через полюс из Гамбурга в Сан-Франциско или Иокогаму потребует не более семи дней, тогда как самый быстроходный пароход совершает рейс между Гамбургом и Сан-Франциско приблизительно в 30 дней.

II.

Завоевание южного полюса.

I.

Борьба за южный полюс до начала XX столетия.— Учение о существовании «австрального материка».

Выше мы видели, что главной причиной снаряжения первых экспедиций в северные полярные области послужило стремление отыскать «северо-западный морской проход» из Европы в Азию. Для исследования южной полярной области такую же роль сыграло учение о существовании неизвестного «австрального материка». Мы уже говорили выше, что еще великий географ древности Птоломей высказал, основываясь на более древних воззрениях, мысль о существовании большой неизвестной части света, ограничивающей с юга Индийский океан и по своим размерам соответствующей суше северного полушария. В XVI и XVII в.в. это учение разделялось многими космографами, между ними—Меркатором и Ортелиусом. Теория о большом австральном материке получила особенно широкое распространение в начале XVIII века, когда многочисленные путешественники действительно открывали то там, то сям в южной части Великого океана земли, которые и считались ими за крайние выступы предполагаемого «австрального материка».

Однако при более тщательном исследовании предполагаемые материковые пространства оказывались незначительными островными группами, и постепенно границы великого австрального материка все дальше и дальше отодвигались на юг. К концу XVIII века берега таинственного антарктического материка были отодвинуты географами уже за пределы южного полярного круга, так как знаменитый путешественник этого столетия, Джемс Кук, проник за южный полярный круг и нигде не встретил берегов большого материка. По мнению Кука, если антарктический материк и существует, то он лежит близко к полюсу и окружен

сплошными льдами, так что совершенно недоступен. Описание Куком трудностей и опасностей плавания по Южному полярному океану и утверждение, что антарктический материк недостижим, на долгое время прекратили снаряжение экспедиций в Южный полярный океан.

Новый период южно-полярных экспедиций начался лишь в начале XIX столетия. Английские охотники за тюленями, Вилльям Смит и Брэнсфильд, первые в XIX ст. проникли за южный полярный круг и открыли совершенно обледенелые Новые Южно-Шотландские острова и лежащий к югу от них архипелаг, названный ими архипелагом Дирка Герритца. Когда стало известно, что в южных полярных морях в изобилии встречаются ценные тюлени, южно-полярную область ежегодно стали посещать английские и американские промышленники. Многие из этих промышленников, как, например, Джемс Веддель, Пальмер, Поуэлль, сделали важные открытия за южным полярным кругом.

Первой экспедицией, снаряженной в XIX в. в южно-полярную область с чисто научными целями, является русская экспедиция 1819—1821 г. г. под начальством Беллингсгаузена и Лазарева. Беллингсгаузену и Лазареву удалось открыть целый ряд островов и островных групп, в том числе остров Петра I, Землю Александра I и т. д.

Одновременно с русской экспедицией в южную полярную область совершил плавание промышленник Веддель; встретив к югу от Южно-Оркнейских островов свободное ото льда море, он проник до 74°15′ южн. широты. В 1831—1832 г.г. Джон Биско объехал на двух судах, при самых неблагоприятных условиях, вокруг южного полюса. При этом он открыл лежащую на долготе Мадагаскара Землю Эндерби. Затем он подошел к Земле Грагама и к архипелагу островов Биско. Китобой Кэмп открыл в 1834 г. лежащую восточнее Землю Кэмпа, а в 1838 г. китобой Баллени открыл группу вулканических островов, названных позднее в честь его островами Баллени.

С 1838 г. исследование южно-полярных стран принимает вполне научный характер. В это время, по предложению Александра Гумбольдта и математика Гаусса, было приступлено к наблюдениям над земным магнетизмом в южной полярной области. С этою целью три государства—Франция, Соединенные Штаты Сев. Америки и Англия, почти одновременно снарядили экспедиции в южно-полярные области. Выше мы уже говорили о плаваниях французской экспедиции под начальством Дюмон Дюрвилля.

Открытия в южных полярных морях, сделанные французской экспедицией Дюмон-Дюрвилля в 1839—1840 годах, побудили и английское правительство снарядить в южные полярные

области научную экспедицию. Для этой цели были построены два паровых судна «Террор» и «Эребус». Начальство над экспедицией было поручено Джемсу Кларку Россу, племяннику знаменитого Джона Росса; Джемс Росс принимал участие в экспедициях своего дяди и уже прославился открытием северного магнитного полюса. Джемс Росс отправился в плавание 30 сентября 1839 года. 16 августа 1840 года он прибыл в Гобарт-Тоун на Тасмании. В средине ноября Росс покинул берега Тасмании и направился кАуклэндским островам, откуда он поплыл на юг. 28 декабря Росс увидал на море первые льдины, а 1 января 1841 года корабли его были уже на полярном круге, у границы сплошного льда. Целых восемь дней корабли Росса боролись с льдами, пробивая себе дорогу, пока, наконец, 9 января не выбрались в свободное пространство. Это открытое море получило впоследствии название моря Росса. Вечером в тот же день на юго-западе показалась земля, а на следующее утро можно было различить на берегу высокий горный хребет, покрытый сверху донизу снегом. По долинам спускались к морю гигантские ледники, которые далеко вдавались в море, обрываясь исполинскими ледяными утесами. Этот остров Росс назвал островом Владения.

22 января экспедиция достигла 74° 20′ южн. шир. 28 января мореплаватели заметили на горизонте белую линию очень странной формы, простиравшуюся на восток на беспредельное расстояние. Вскоре перед кораблями Росса показался ледяной берег какой-то неизвестной земли. Белая линия оказалась огромной ледяной степой, поднимавшейся почти отвесно над поверхностью моря метров на 60. Стена эта была настолько правильна и ровна, что можно было подумать, что перед мореплавателями находится возведенное какими-то титанами искусственное укрепление. Недалеко от ледяной стены на берегу поднимались две горы, из которых одна оказалась действующим вулканом. Росс назвал первую гору «Террором», а вторую—«Эребусом» по имени своих кораблей.

Желая сделать наблюдения на берегу, Росс приказал плыть вдоль ледяного барьера, надеясь где-нибудь встретить хоть небольшую гавань с менее крутыми берегами. Опасаясь быть разбитым о ледяные утесы, Росс все время держался на известном расстоянии от берега, ежеминутно борясь с ветром. 9 февраля 1841 года Росс увидел гавань, образовавшую значительное углубление в сплошной ледяной стене. Однако и здесь высадиться на берег не было никакой возможности, и 14 февраля Росс решил повернуть на север.

Перезимовав в Тасмании, Росс 30 ноября 1841 года, с наступлением южного полярного лета, снова направился на юг, и уже в половине декабря его корабли были у границы сплошного плавучего льда. На этот раз он держался к юго-востоку и только

20 февраля снова увидал ледяную стену. Здесь она имела несколько иной вид, чем близ вершин Эребуса и Террора и была гораздо ниже. Однако высадку и здесь было невозможно произвести. Росс измерил лишь широту места, где находится эта стена. Оказалось, что Росс достиг 78° 10′ южной широты. Таких широт не достигал ни один мореплаватель. Росс хотел было плыть дальше к востоку, но это оказалось тоже невозможно, так как

Исследователи южно-полярной области — Жерлаш, Шарко и Мата.

на море всюду был сплошной лед, и, кроме того, лето приходило к концу. Вследствие этого Росс поплыл на север, намереваясь перезимовать на Фальклэндских островах в Атлантическом океане.

На следующую весну Росс снова отправился в третье полярное путешествие, на этот раз к югу от Огненной Земли. Он задумал проплыть вдоль восточных берегов Земли Луи-Филиппа и проникнуть как можно дальше на юг, в море Ведделя. 17 декабря 1842 года Росс находился уже в море и 1 января 1843 года был у берегов Земли Луи-Филиппа, открытой Дюмон-Дюрвиллем. Исследовавши, насколько было возможно, берега Земли Луи-

Филиппа, Росс направился далее на юг и вскоре попал в сплошной пловучий лед, среди которого попадались большие ледяные горы. Корабли Росса оставались во льду целый месяц, и матросы уже решили, что им придется погибнуть в этих льдах. Однако Россу удалось выбраться из ледяного плена.

Видя, что у берегов Земли Луи-Филиппа к югу нельзя проникнуть, Росс решил продолжать плавание на юго-восток вдоль границы пловучих льдов, надеясь встретить между льдами свободный проход к югу. Но этого прохода не встречалось, и Россу удалось проникнуть на этот раз лишь до $71^1/_2°$ южной широты. Так как лето в южном полушарии уже кончалось, то Росс поспешил взять курс на север, и 25 марта 1843 года «Эребус» и «Террор» прошли мимо последней ледяной горы. 2 сентября 1843 года Росс прибыл благополучно в Англию, пробыв в плавании целых 4 года.

Несмотря на блестящий успех Джемса Росса, после него не нашлось ни одного исследователя, который продолжал бы его дело, и в истории антарктических исследований мы наблюдаем некоторый перерыв. Объясняется это отчасти тем, что внимание большинства исследователей привлекал в это время северный полюс. Лишь в самом конце XIX века снова пробуждается интерес к южно-полярной области. Только в 1892 г. норвежец Ларсен, по поручению одного гамбургского торгового общества, отправился в антарктические моря исследовать, насколько они богаты тюленями и китами. В этот же год антарктический океан посетила шотландская китобойная флотилия, на судах которой находились художник и писатель Бёрн-Мурдох, врачи и натуралисты Вилльям Брюс и Чарльз Дональд.

В 1894 г. в южно-полярную область отправился норвежский китобойный пароход «Антарктик» под начальством капитана Булля. На этот пароход поступил в качестве простого матроса молодой норвежский натуралист К. Эгеберт Борхгревинк, мечтавший с юности увидеть далекую Антарктику. Чтобы осуществить эту мечту, Борхгревинк и поступил на «Антарктик» матросом. «Помню первую мою ночь — говорил он — на старом китобойном судне: она была ужасна. Единственная койка, которую отвели мне, оказалась свободной только потому, что накануне ее прежний владелец, возвращаясь с берега, оступился с мостков и утонул. Койка была загорожена со всех сторон, как гроб, и помещалась как раз над складом сала, которое портилось от жары. Запах его, смешанный с испарением тел спавших матросов, наполнял тесное помещение невыносимой вонью».

«Антарктик» направился через море Росса к земле Виктории, так как это море—самое доступное место для прохождения через пояс льдов, за которым расстилается свободное море до 78° южн.

шир. Все свое свободное время Борхгревинк не сходил с наблюдательного пункта на вершине мачты. Оттуда ему удалось увидеть плоский, свободный от льдов выступ берега, недалеко от мыса Адар, который составляет западную оконечность земли Виктории. Здесь Борхгревинку представилась возможность высадиться на сушу; таким образом он был *первым человеком, который ступил на берег «шестой части света».*

Возвратившись в Европу, Борхгревинк стал деятельно пропагандировать мысль о снаряжении научной южно-полярной экспедиции, которая имела бы главной целью выдержать зимовку на южном материке. После долгих усилий, Борхгревинку удалось, наконец, найти щедрого покровителя в лице лондонского книгоиздателя Ньюнса, который дал Борхгревинку 350 тысяч рублей на наши деньги. В конце 1898 г. Борхгревинк отплыл из Лондонского порта на корабле «Южный Крест», имея на борту экипаж из 31 человека и до 90 упряжных собак. Пока Борхгревинк был занят отысканием средств для своей экспедиции в Антарктику, молодой бельгийский моряк Адриан де-Жерлаш выступил в конце 1894 г. с собственным планом южно-полярной экспедиции. Благодаря поддержке Бельгийского Географического Общества, а также субсидии в 100 тысяч франков со стороны правительства, Жерлаш имел возможность уже в 1896 г. приступить к снаряжению экспедиции. Экспедиция Жерлаша вышла на корабле «Бельгия» 23 августа 1897 г. Придерживаясь хронологического порядка, мы, прежде чем говорить об экспедиции Борхгревинка, должны будем сказать несколько слов об экспедиции Жерлаша.

II.

Экспедиция Жерлаша на корабле «Бельгия».

В январе 1898 г., пройдя через Магелланов пролив, «Бельгия» направилась прямо на юг мимо островов Штатов и Шотландских. Экипаж «Бельгии» состоял из 19 человек: самого Жерлаша, его помощника Лекуэнта, геолога Арктовского, его помощника студента-естественника Добровольского, геофизика Данко, зоолога и ботаника Раковица, врача и фотографа Фредерика Кука [1]) и 12 человек матросов, в числе которых находился молодой норвежец Роальд Амундсен, которому, как мы увидим ниже, и суждено было открыть позднее южный полюс.

---

[1]) Тот самый, который прославился в 1909 г. своим путешествием к северному полюсу (см. выше).

19 февраля «Бельгия» встретила первые плавающие льдины. На следующий день на море показался густой туман, и во мгле то с той, то с другой стороны корабля слышался от времени до времени грохот падающих в море льдин. 21 февраля «Бельгия» в тумане натолкнулась на огромную ледяную гору. 28 февраля льды окружили «Бельгию» со всех сторон и отрезали путь к северу. Между тем лето уже кончилось, и приближалась южная полярная ночь. 15 марта «Бельгия» вынуждена была стать на зимовку. Это был первый случай зимовки в южно-полярной области.

Зимовка в общем протекала благополучно. Только к концу зимы многие члены экспедиции стали хворать, и один из них, натуралист Данко, умер. Все с нетерпением ждали наступления весны. Когда вернулось солнце, вернулись и силы людей. Жерлаш стал готовиться к отплытию на родину. Но наступившее лето принесло мало радости путешественникам. Льды попрежнему продолжали держать «Бельгию» в плену, так что Жерлаш и его спутники стали опасаться того, что им придется провести в льдах и вторую зиму, уже против своего желания. Чтобы избегнуть такой печальной участи, путешественники принялись пробивать во льду канал для выхода в открытое море. Почти месяц весь экипаж «Бельгии» энергично трудился над этим; лед распиливали, взрывали динамитом, разбивали натиском судна и были уже близки к благополучному окончанию своего труда, как однажды ночью сильный мороз сковал снова прорытый канал, и поутру путешественники с отчаянием увидели, что весь их тяжелый месячный труд пропал, все надежды их рухнули. На их счастье, 11 февраля разразилась сильная буря, которая в одну ночь взломала лед, и дня через три «Бельгия» благополучно освободилась от ледяных оков. 16 марта «Бельгия» прибыла в Пунта-Аренас, откуда и направилась в Европу. Экспедиция Жерлаша пробыла в Антарктическом океане целых 15 месяцев и собрала за это время много ценных научных наблюдений.

III.

Экспедиция Борхгревинка на корабле «Южный Крест».

Экспедиция Борхгревинка на корабле «Южный Крест» имела еще более важное научное значение, чем экспедиция Жерлаша. Борхгревинк зимовал на мысе Эдера на самом антарктическом материке и собрал много образцов горных пород и антарктической флоры — мхов и лишайников. Он и его спутники делали неоднократно большие экскурсии в глубь страны, взбирались на вершины соседних гор и впервые познакомили научный мир

с природой антарктического материка. Магнитные и метеорологические наблюдения, производившиеся почти целый год, послужили также весьма ценным материалом для науки. Кроме того, Борхгревинк подробно нанес на карту берег Земли Виктории, от мыса Эдера вплоть до ледяной стены Росса.

Борхгревинк в полярной одежде.

«Южный Крест» счастливо выдержал в течение 48 дней борьбу с пловучими льдами и, высадив Борхгревинка и 9 человек его товарищей на мысе Эдера, отправился на зимовку в Новую Зеландию. Борхгревинк распорядился, чтобы «Южный Крест» пришел обратно в Антарктику на следующее лето. Таким образом

Борхгревинк и его 9 спутников добровольно осудили себя на целый год одиночного заключения на неведомом материке, скованном льдами.

Оставшись одни в Антарктике, Борхгревинк и его товарищи выстроили небольшую хижину, обив стены снаружи и внутри тюленьими шкурами. Зима, наступившая в марте месяце, была страшно холодная, почти все время свирепствовали бури. В июне месяце холода доходили до 35—40° Цельсия. Путешественники почти все время проводили в хижине, разнообразя время чтением, игрой в шахматы, музыкой и т. д. 27 июля, после трехмесячной сплошной ночи, показалось на несколько минут солнце. В следующие дни солнце поднималось над горизонтом все выше и выше, и дни начали прибывать.

14 октября путешественников постигло несчастье: умер препаратор Гансон. На вершине мыса Эдера, с помощью динамита, взорвали кусок скалы и в образовавшуюся яму положили тело умершего товарища. В половине октября на берегу показались первые пингвины; они шли по льду откуда-то с севера, медленно, длинными вереницами, один за другим, по одной и той же тропинке, которую пингвины протоптали скоро до того, что она окрасилась кровью, так как птицы резали себе ноги об острые выступы льдин. Бесконечными вереницами шли пингвины к мысу Эдера. Одни из них располагались тут же на берегу, другие поднимались на вершину горы и там устраивали свои гнезда, а третьи уходили куда-то вдаль, в глубь материка.

Пингвины, оставшиеся на берегу моря, немедленно же занялись постройкой гнезд, выкапывали в мокром гуано ямку, выстилали ее окружность камнями и галькой, и самки садились на яйца, которых обыкновенно было два. Между самцами-пингвинами часто возникала борьба из-за гнезд, и крики пингвинов оглашали с утра до вечера пустынное побережье. В половине ноября лед начал таять, и близ мыса Эдера образовалась широкая полынья. Наступило полярное лето. Путешественники с нетерпением ждали прибытия «Южного Креста». От томительного ожидания они не могли почти ничего делать. Однако длинный полярный день начинал склоняться, а «Южного Креста» не было заметно. Наконец, 28 января, утром, когда все еще спали, матрос Эванс, вышедший за углем, вдруг увидал возле хижины человека. Это был капитан Иенсен с «Южного Креста».

2 февраля путешественники покинули мыс Эдера и отправились на «Южном Кресте» вдоль берега Земли Виктории. Борхгревинк несколько раз делал высадки на берег и производил исследования. Высадка у мыса Крозье едва не стоила жизни самому Борхгревинку и капитану Иенсену. Когда они находились на берегу, от соседнего ледника оторвалась огромная глыба

льда, которая упала в море и вызвала такое волнение, что вода достигла Борхгревинка и Иенсена и едва не унесла их в море; они еле удержались, зацепившись за камни. Борхгревинк совершал экскурсии на санях в глубь материка до 78° 45' южн. широты. До него ни одному исследователю не удавалось проникнуть так далеко на юг. Он хотел было продолжать свой путь еще далее, но приближалась уже снова зима, и Борхгревинк побоялся рисковать. 21 марта «Южный Крест» с большим трудом достиг острова Оклэнда к югу от Новой Зеландии и лишь в июле 1900 года путешественники вернулись в Англию.

IV.

Экспедиция Дригальского на корабле «Гаусс».

Пока «Бельгия» и «Южный Крест» находились в южно-полярной области, вопрос об исследованиях Антарктики подвинулся далеко вперед. На седьмом международном географическом конгрессе, бывшем в 1899 г. в Берлине, был выработан общий план исследования антарктической области, и Германия и Англия изъявили согласие снарядить в южно-полярные моря две экспедиции. Англичане выбрали для своих исследований Землю Виктории, а германцы — область Земли Эндерби к югу от острова Кергелен. Путь через Кергелен немцами был избран потому, что в этом направлении до того времени не было сделано ни одной попытки проникнуть к южному полюсу.

Начальником германской южно-полярной экспедиции был назначен известный исследователь Гренландии Эрих Дригальский. В помощники ему был приглашен целый ряд специалистов—биолог Вангефен, геолог Филиппи, метеоролог Бидлингмайер, врач и бактериолог Гацерт. Для путешествия было построено специальное судно, названное в честь знаменитого немецкого ученого, исследователя земного магнетизма, «Гауссом».

11 августа 1901 г. «Гаусс» вышел из Киля и направился в Капштадт. Так как, превосходное в других отношениях, судно шло медленнее, чем ожидали после пробного плавания, то оно прибыло в Капштадт с значительным опозданием. В Капштадте непредвиденный ремонт снова задержал «Гаусса», вследствие чего экспедиция прибыла на остров Кергелен значительно позднее, чем предполагалось. Благодаря этому «Гаусс» лишь 31 января 1902 г. отправился с Кергелена на юг. Было уже позднее лето, количество плавающих льдин с каждым днем увеличивалось, и судно с трудом пробиралось между ними вперед. Тем не менее экспедиции удалось сделать открытие: на

широте 66° 48' был открыт неизвестный, покрытый льдом остров, который был назван Землею Вильгельма II. Из-под ледяного покрова, обрывавшегося в море вертикальной стеной в 30—40 метров, возвышался, как было установлено позднее, базальтовый потухший вулкан — гора Гаусса, высотою в 336 метров. Благодаря, очевидно, еще достаточной собственной теплоте, вулкан был свободен ото льда, но от сильного выветривания покрылся слоем щебня. В 85 километрах к югу от этого острова «Гаусс»

Корабль «Гаусс» во льдах.

в ночь с 21 на 22 февраля был окружен льдами и вынужден остановиться на зимовку. В соседстве с пароходом на льду были построены здания для производства научных наблюдений; работа на этих станциях, несмотря на ужасные вьюги, производилась все время беспрерывно, различными сменами ученых.

Только ровно через год «Гаусс» освободился от ледяных оков и, с трудом прокладывая себе дорогу через льды, направился на запад, пытаясь пройти к Земле Кемпа и Эндерби, чтобы выполнить главнейшую из возложенных на него задач—исследование берегов Антарктики. Однако масса плавающего льда совершенно преградила «Гауссу» путь, и Дригальский отдал приказ повернуть на север. 30 мая 1903 г. «Гаусс» прибыл на остров Кергелен, откуда направился в Европу. В общем экспе-

дицию «Гаусса» нужно признать неудачной; она не дала никаких новых сведений об Антарктике и не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

V.

Экспедиция капитана Скотта на корабле «Дисковери».

Более удачной в научном отношении была английская экспедиция, отправленная в южно-полярную область почти одновременно с экспедицией «Гаусса». Для экспедиции было построено специальное судно «Дисковери» (Открытие), по своему типу довольно близко подходившее к Гауссу, но значительно больше его по размерам и быстроходнее. Точно так же на «Дисковери» были лучше оборудованы, чем на «Гауссе», каюты и лаборатории.

Начальником экспедиции и в то же время капитаном корабля был назначен молодой моряк Роберт Скотт, помощниками его были избраны лейтенанты Е. Ройдс, Эрмитедж и Э. Шекльтон, принимавшие участие и в научных работах экспедиции. Кроме того, в состав ее входили: врач—доктор Коттлиц и четверо ученых — Вильсон и Феррар—зоологи, Ходгсон—биолог и Луи Берначчи—специалист по земному магнетизму и метеоролог, спутник Борхгревинка во время его последнего путешествия на «Антарктике».

«Дисковери» вышло в августе 1901 г. из Англии в Капштадт, откуда ранее «Гаусса» направилось в Южный Ледовитый океан, к Земле Виктории. 25 декабря 1901 г. «Дисковери» было уже под 67° южн. шир. и вступило в область сплошного пловучего льда. Однако, несмотря на это, 9 января 1902 г. «Дисковери» достигло мыса Эдера и направилось вдоль берега до того места, где великая ледяная стена Росса примыкает к гористому берегу Земли Виктории близ вулканов Эребус и Террор. Здесь у края ледяной стены оказался свободный проход в восточном направлении, и «Дисковери» могло проникнуть по этому проходу гораздо дальше, чем в свое время могли пройти Росс и Борхгревинк. Подвигаясь далее на восток, капитан Скотт добрался, наконец, до восточного края ледяной стены Росса и открыл здесь землю, которую назвал Землею короля Эдуарда.

Так как дальнейший путь на восток был прегражден льдом, а на Земле короля Эдуарда не нашлось удобного для зимовки места, то капитан Скотт вынужден был повернуть назад к Земле Виктории, к вулканам Эребусу и Террору. Оказалось, что вулканы эти находятся не на материке, как предполагал Росс, а на острове, который на западе отделен от материка заливом

Мак-Мюрдо; капитан Скотт и решил стать на зимовку в этом заливе.

Зима прошла вполне благополучно. С наступлением весны в октябре месяце члены экспедиции начали устраивать экскур-

Полярная экспедиция капитана Скотта.

сии внутрь страны. 1 ноября 1902 г. капитан Скотт с Шеклытоном, Вильсоном и несколькими матросами, на собаках, предприняли большую поездку на юго-запад. Через месяц трудного путешествия они достигли 81° южной шир., а 29 декабря 1903 г. были на 82° 11′. Это был самый южный пункт, который до этого времени был достигнут исследователями. Капитан Скотт хотел

было продолжать путь далее к полюсу, но у них почти не было припасов, и поэтому пришлось вернуться обратно. Прежде чем пуститься в обратный путь, капитан Скотт поднялся на взятом им с собою привязном воздушном шаре. С высоты нескольких сот метров он увидел кругом себя бесконечную ледяную пустыню, в некоторых местах прорезанную вулканическими горами. На юге, повидимому между 83° и 84° южн. широты, возвышался высокий горный хребет.

После крайне трудного месячного пути капитан Скотт и его спутники вернулись 3 февраля 1903 г. на «Дисковери», где их ожидала большая радость. Несколько дней перед тем в бухту Мак-Мюрдо прибыло вспомогательное судно «Морнинг» под командой капитана Кольбека, бывшего спутника Борхгревинка. «Морнинг» привез обильный груз съестных припасов, научных инструментов и т. п. Ввиду этих обстоятельств капитан Скотт решил остаться на антарктическом материке еще одну зиму. Так как он не был, подобно руководителю экспедиции Гаусса, связан предписаниями и приказами начальства, то тотчас же объявил о своем решении всему экипажу, заявив, что кто не хочет оставаться с ним, тот может ехать на «Морнинге» на родину. Большинство экипажа осталось, однако, с капитаном Скоттом.

Вторая зима протекла также благополучно, и весною 1903 г. капитан Скотт снова предпринял большую экспедицию в глубь материка. Эта экспедиция собрала много ископаемых растений, найденных на краю одного большого глетчера. В начале 1904 г. «Дисковери» освободилось ото льда, и капитан Скотт со всеми своими спутниками, после двухлетнего пребывания в Антарктике, покинул, наконец, ее берега. 11 сентября 1904 г. «Дисковери» прибыло в гавань Портсмута, где отважным исследователям была устроена торжественная встреча.

Из всех южно-полярных экспедиций, снаряженных до того времени, экспедиция капитана Скотта оказалась наиболее важной по своим результатам. Кроме ценных магнитных и метеорологических наблюдений и богатых коллекций по геологии и зоологии антарктической области, эта экспедиция сделала и целый ряд крупных географических открытий: капитан Скотт открыл Землю короля Эдуарда и внес существенные поправки в карту Земли Виктории. Кроме того, после исследований капитана Скотта стало вполне известно, что южный полюс окружен большим материком суши, на котором находятся горные хребты и обширные равнины. Капитан Скотт проник также дальше к югу, чем все его предшественники, дойдя до 82° 17′ После него дорога на южный полюс была, так сказать, открыта, и достижение южного полюса стало лишь вопросом времени.

VI.

Экспедиция Отто Норденшельда на корабле «Антарктик».— Экспедиция Брюса.— Экспедиция Шарко.

Почти одновременно с названными выше английской и германской экспедициями в южный полярный океан отправилась еще шведская экспедиция. Эта экспедиция, снаряженная по инициативе и под начальством шведского ученого Отто Норденшельда, племянника знаменитого путешественника Адольфа-Эрика Норденшельда, отплыла на юг 15 октября 1901 г. Местом исследования Отто Норденшельд выбрал область Западной Антарктики, или Землю Граама, не входившую в пределы исследования немецкой и английской экспедиций.

Так как Отто Норденшельд снарядил экспедицию отчасти на свои личные средства, а отчасти на средства, собранные им по подписке, то он не мог оборудовать свою экспедицию так же роскошно, как были оборудованы экспедиции Дригальского и Скотта. Норденшельд приобрел для плавания небольшое китобойное судно, назвав его «Антарктиком»; капитаном «Антарктика» Норденшельд пригласил Ларсена, бывавшего уже в Южном Ледовитом океане.

«Антарктик» 11 января 1902 г. направился из Буэнос-Айреса к Южно-Шотландским островам, а отсюда прошел вдоль западного берега Земли Луи-Филиппа. Так как указанного в этих местах на прежних картах непрерывного водного пути в действительности не оказалось, то экспедиция вынуждена была повернуть обратно и высадилась на вулканическом острове св. Павла, у восточного берега Земли Луи-Филиппа. Отсюда Норденшельд с пятью спутниками переправился на остров Сно-Хилл (Снежный холм), а «Антарктик» вернулся к Фалькленд-ским островам, чтобы, перезимовав здесь, на следующее лето зайти за оставшимися в Антарктике спутниками.

Зима прошла для поселившихся на Сно-Хилле вполне благополучно. Норденшельд с двумя спутниками предпринял весною большую поездку на юго-восток от станции и прошел более трехсот километров; дурная погода и недостаток провианта заставили путешественников вернуться обратно. Все лето прошло в ожиданиях прибытия «Антарктика», но судно не появлялось. Между тем короткое полярное лето приходило к концу, и снова приближалась полярная зима. Норденшельд распорядился заготовить на вторую зиму мяса пингвинов и тюленей. К счастью для путешественников, вторая зима стояла очень теплая, и они благополучно пережили и ее. С наступлением по-

лярной весны в октябре месяце Норденшельд снова начал предпринимать научные экскурсии на санях. В одну из таких экскурсий он встретил неожиданно среди ледяной пустыни трех человек. Это были три товарища с «Антарктика», направлявшиеся на Сно-Хилл к Норденшельду. Оказалось, что в декабре 1902 г. «Антарктик» вышел за Норденшельдом и его спутниками, но не мог дойти до Сно-Хилла вследствие большого скопления льдов. Тогда трое из экипажа решили высадиться на лед и пробраться на Сно-Хилл пешком по льду. Однако передвижение по льду было крайне затруднительно, и три путника были застигнуты наступившей полярной зимою среди пути. Они вынуждены были остановиться в ледяной пустыне на полную лишений зимовку. Ранней весною полуистощенные путешественники снова направились па Сно-Хилл и неожиданно были встречены Норденшельдом.

Небольшая колония шведов на Сно-Хилле снова с нетерпением стала ожидать прихода «Антарктика». Двухлетнее пребывание в полярной области начинало уже угнетать путешественников. Между тем в это время с «Антарктиком» случилась катастрофа. Не добравшись в 1902 г. до Сно-Хилла, «Антарктик» был затерт льдами и 12 февраля 1903 года затонул близ острова св. Павла. Опытный капитан Ларсен во-время распорядился вынести на лед все необходимые припасы и предметы снаряжения. Затем весь экипаж «Антарктика», состоявший из 20 человек, с большим трудом добрался в шлюпках до острова Павла. Здесь путешественники из обломков базальтовых скал построили небольшую хижину, в которой и провели полярную зиму.

В это время шведское правительство, не получая в течение двух лет никаких известий о Норденшельде, решило послать вспомогательную экспедицию в южно-полярную область. Одновременно с этим к южному полюсу отправились французская экспедиция под начальством доктора Шарко и аргентинская экспедиция на канонерской лодке «Уругвай». Все три экспедиции решили соединиться вместе, чтобы выработать совместно план розысков Норденшельда и его спутников. Однако шведское и французское судно не прибыли своевременно к условленному сборному пункту, и поэтому «Уругвай» под командой капитана Иризара отправился на поиски один.

Между тем в Антарктике события шли своим чередом. Прождав все лето 1903 г. прихода «Антарктика», Норденшельд, предполагая, что судно не могло пробиться через льды к Сно-Хиллу, решил со своими спутниками покинуть Сно-Хилл и итти к острову Павла, где надеялся встретить ожидающее их судно. Вдруг 8 ноября 1903 г., к изумлению и величайшей радости путешественников, на Сно-Хилле высадился капитан

Иризар, по удивительной случайности встретивший уже двух членов отряда Норденшельда у острова Сеймура. В эту же ночь на Сно-Хилл прибыл и капитан погибшего «Антарктика» Ларсен с четырьмя спутниками, отправившийся с острова Павла на поиски Норденшельда. Три дня спустя на борт «Уругвая» были взяты и остальные члены экипажа с «Антарктика», так что снова соединившаяся экспедиция могла отправиться на родину.

Отто Норденшельд в одежде полярного исследователя.

Хотя шведская экспедиция и не была, как мы видели, в особенно благоприятных условиях, но, тем не менее, она вполне выполнила возложенную на нее задачу. По важности научных результатов экспедицию Норденшельда следует поставить на первое место после английской экспедиции Скотта. Помимо важных исследований в области океанографии, шведская экспедиция привезла богатый материал по метеорологии и земному магнетизму, а также коллекции по палеонтологии, по фауне

и флоре южно-полярных областей. Но самыми важными были географические результаты экспедиции: Норденшельд, окончательно выяснив связь между Землей Луи-Филиппа, Землей Данко и короля Оскара, установил, что Земля Граама представляет собой довольно узкий полуостров, окруженный со всех сторон архипелагами и островами.

Вскоре после возвращения шведской экспедиции, в Европу вернулась из южно-полярной области шотландская экспедиция под начальством В. Т. Брюса, вышедшая в плавание 26 января 1903 г. на китобойном судне «Скотия». Брюс, прибыв на Фалькленские острова, взял затем курс на юг в море Ведделя. Через несколько дней после пересечения полярного круга судно достигло 70° 25′ ю. ш., нигде не встретив ни одного островка. Так как в это время южно-полярное лето уже кончалось, то Брюс поспешил к Южно-Оркнейским островам и стал на зимовку в бухте острова Лори.

В феврале 1904 г. Брюс вторично отправился в море Ведделя, где на широте 72° 18′ натолкнулся на ледяную стену, напоминавшую своим видом ледяную стену Росса и составлявшую, вероятно, также и здесь край материковых ледников. Несколько дней «Скотия» следовала на запад вдоль этой гигантской ледяной стены. Неизвестная земля, лежащая за этой стеной, была названа Брюсом, по имени главного покровителя экспедиции, Землею Котса. Пройдя 280 километров, «Скотия» на 74° ю. ш. во время снежной бури была остановлена пловучими льдами. Только через неделю судно с трудом освободилось из ледяного плена и направилось к северу. 21 июля 1904 г. «Скотия» благополучно прибыла в Глазго.

Из трех вспомогательных экспедиций, отправленных на поиски Норденшельда в 1903 г., как мы видели выше, спасти несчастных путешественников выпало на долю аргентинской экспедиции капитана Иризара. Шведская экспедиция, посланная под начальством капитана Натгорста, придя на Сно-Хилл, нашла здесь лишь письма Норденшельда и его товарищей. Не имея приказа производить самостоятельные научные работы в южно-полярной области, капитан Натгорст тотчас же отправился в обратный путь. Начальник же французской экспедиции, доктор и натуралист Шарко, узнав, что Норденшельд и его спутники спасены, решил, наоборот, остаться в западной части антарктической области, чтобы продолжать здесь исследования своих предшественников. В январе 1904 г. Шарко вышел на пароходе «Француз» из Буэнос-Айреса и прошел мимо архипелага Пальмера до островов Биско. Так как здесь не было подходящего места для зимовки, то Шарко вынужден был вернуться к острову Ванделя, у западного входа в пролив Жерлаша,

где «Француз» и простоял целых девять месяцев, затертый льдами. Предпринятые во время зимовки поездки на санях выяснили рельеф этой области и внесли некоторые исправления в карты.

Корабль Шарко «Француз» в Южном полярном океане.

Когда «Француз» освободился из ледяного плена, Шарко направился к Земле Александра I, на которую, однако, высадиться не удалось, так как она оказалась окруженной льдами. Экспедиция поэтому опять повернула к Земле Граама, где судно наскочило на камень и получило течь. Хотя пароходу и удалось скоро сойти с камня, но так как вода в трюме все при-

бывала, то положение его стало критическим, и Шарко поспешно направился в Буэнос-Айрес. Однако, несмотря на все трудности плавания, Шарко продолжил исследование бельгийской экспедиции Жерлаша вдоль западного берега Земли Граама.

Экспедиция Шарко открыла также новую землю за южным полярным кругом — Землю Лубэ и несколько других островов.

Экспедицией Шарко заканчивается новейший период исследования южно-полярных стран. Этот период может быть назван подготовительным периодом для окончательного завоевания южного полюса. Благодаря всем вышеупомянутым экспедициям было установлено существование в южно-полярной области обширного материка; были также выяснены очертания этого материка и приблизительные его размеры. Все эти завоевания и открытия поставили на очередь новые задачи. Для более продуктивного разрешения этих задач и вообще для более тщательного и подробного исследования новой части света — Антарктики, на всемирном конгрессе экономистов, бывшем в Монсе (Бельгия) в 1905 г., было предложено организовать международный союз для содействия полярным экспедициям. В сентябре 1906 г. в Брюсселе состоялся первый международный конгресс по исследованию полярных областей. Конгресс этот, состоявший из путешественников и делегатов научных учреждений, положил основание «Международной ассоциации для содействия полярным исследованиям». Целью союза было поставлено объединить все отдельные исследования полярных стран и выработать общий план изучения полярного мира, чтобы таким образом противодействовать бессистемной трате сил к средств и облегчить разрешение наиболее дорого стоящих и трудных задач, одной из которых является окончательное достижение полюсов. На этом же конгрессе доктор Шарко представил свой план новой антарктической экспедиции.

VII.

Экспедиция в южно-полярную область Эрнеста Шекльтона.

После Брюссельского конгресса по исследованию полярных областей в исследовании антарктических стран наступил перерыв, продолжавшийся целых 3 года. Возобновить период исследований в Антарктике выпало на долю молодого английского лейтенанта Эрнеста Шекльтона, одного из помощников капитана Роберта Скотта, сопровождавшего его в экспедицию 1901—1904 г.г.

Блестящие результаты английской экспедиции Скотта ясно показали, откуда скорее всего можно рассчитывать достигнуть

полюса. Лейтенант Шекльтон и решил попробовать пройти к полюсу по намеченному уже Скоттом пути. Не найдя материальной поддержки со стороны правительства, лейтенант Шекльтон собрал в долг у частных лиц капитал в 200 тысяч рублей и на собственный риск снарядил экспедицию. Он купил старое тюленебойное судно «Нимврод» и подобрал себе спутников. 7 августа 1907 г. «Нимврод» отправился из Англии, а 28 ноября он уже был в гор. Литтльтоне в Южной Зеландии. В конце южно-полярной осени 1908 г., 22 февраля, лейтенант Шекльтон с 14 спутниками прибыл на «Нимвроде» на один из южно-поляр-

Судно Шекльтона «Нимврод».

ных островов около мыса Ройс, почти у подошвы вулкана Эребуса. Все участники экспедиции были добровольцы и все поочередно исполняли черные работы.

Мы не будем описывать всех перипетий зимовки, странствований и лишений Шекльтона и его спутников—они обычны. Голод, холод, борьба с природой, болезни, тяжелые переходы, потрясающие минуты, когда все или отдельные члены экспедиции бывали на краю гибели,—все это повторяется с роковой регулярностью со всеми полярными исследователями. Мы отметим здесь лишь наиболее выдающиеся моменты этого путешествия.

Ранней весной 1908 г. (в октябре месяце) вся экспедиция сгруппировалась в несколько отрядов. В состав первой партии, отправлявшейся к южному географическому полюсу, вошли: лейтенант Шекльтон, доктор Маккэй, лейтенант Адамс и Уайльд; в состав второй партии, имевшей целью открытие ма-

гнитного полюса, вошли профессор Дэвид, Дуглас Маусон и доктор Маршалль. Третья группа в составе семи человек— Эрмитеджа, Пристлея, Дэ, Брокльхерста, Джойса, Марстона

Два портрета Шекльтона. Внизу — Шекльтон, каким он поехал в экспедицию; наверху — Шекльтон, каким он вернулся из Антарктики.

и Муррея—осталась на зимовке для производства метеорологических, геологических и биологических работ.

5 октября 1908 г. тронулась в путь магнитная партия, направившись вдоль берега на север. 28 октября вышел сам Шекльтон с тремя товарищами на юг, взяв с собою несколько манч-

журских пони, запряженных в сани с провизией. Через 23 дня трудного путешествия по ледяной пустыне среди вьюги и метели отважные исследователи перешли уже крайний пункт, достигнутый Скоттом в 1902 г. (82° 17′ южн. шир.). Дальше путь сделался еще труднее: дорогу преграждали то высокие горы, то широкие зияющие трещины. В довершение всего начались холода, доходившие до 40°. Тем не менее Шекльтон шел еще целый месяц вперед и 9 января 1909 г. достиг 88° 25′ ю. ш. Таким образом он находился всего в 210 километрах от южного полюса, то-есть на расстоянии 5—6 дней пути. Впереди экспедиции расстилалось обширное плоскогорье, и путь к полюсу казался легким.

Но как ни заманчива была близкая цель экспедиции, Шекльтон предпочел возвратиться обратно. Он сам и его спутники были совершенно без сил; провизия почти вся была съедена, и впереди витал уже призрак голодной смерти. С тяжелым сердцем исследователи повернули назад и 4 марта вернулись на место зимовки, куда в это время прибыл уже «Нимврод». Всего Шекльтон и его товарищи пробыли в путешествии 126 дней.

Главнейшими результатами этой экспедиции были: знакомство со строением рельефа внутренности антарктического материка, находка залежей каменного угля на 85°, показывающая, что южно-полярные страны имели когда-то более теплый климат. Не менее важными в научном отношении оказались результаты и южно-магнитной партии. Этот отряд, под начальством проф. Дэвида, открыл магнитный полюс под широтою 72° 25′ и долготою 154° Е. Помимо выполнения этой главной задачи южномагнитная партия сделала значительные наблюдения над жизнью пингвинов и тюленей. Были найдены также многочисленные эрратические валуны, исчерченные и отшлифованные льдами, принесенные, повидимому, из глубины материка.

Оставшаяся на зимовке биологическая партия произвела также много наблюдений над жизнью полярных животных. Между прочим, был открыт новый микроскопический вид коловраток, которые могли выносить морозы в 70°. Члены этого отряда сделали также много интересных наблюдений над жизнью пингвинов, гнезда которых находились возле зимовки. Пингвины, эти странные птицы южно-полярной области, совершенно не боялись людей и обнаруживали большое любопытство; они всегда с большим интересом следили за фотографической съемкой и другими работами членов экспедиции. Иногда для пингвинов устраивали концерт; на лед выносили граммофон и заводили его; пингвины с любопытством окружали граммофон и сосредоточенно прислушивались к раздававшимся в полярной пустыне чуждым звукам.

В первых числах марта 1909 г. «Нимврод» оставил берега Антарктики и направился на север. На обратном пути в Новую Зеландию Шекльтон произвел исследование берега между Землей Виктории и Землею Уилькса и открыл здесь высокую горную цепь, тянущуюся километров на 75 и, по всей вероятности, соединяющую Землю Виктории с Землею Уилькса. 25 марта 1909 г. «Нимврод» был уже в гавани Литтльтона, в Новой Зеландии, откуда вся экспедиция благополучно вернулась в Англию.

VIII.

Экспедиция Шарко.

Почти одновременно с экспедицией Шекльтона в южно-полярную область отправилась французская экспедиция доктора Ж. Шарко. Не удовлетворенный результатами своей первой экспедиции в 1905 г., Шарко по своем возвращении во Францию решил снарядить новую экспедицию. Для научных исследований в южно-полярных морях Шарко построил специальный пароход, который он назвал «Pourquoi pas?» («А почему бы нет?»). На этом пароходе доктор Шарко отправился в ноябре 1908 г. в южное полушарие.

Миновав побережье Огненной Земли, Шарко взял курс к острову Обманов в Южно-Шотландском архипелаге. Отсюда он направился в пролив Жерлаша (между архипелагом Пальмера и Землею Данко), но так как здесь не было ни одной удобной бухты, то Шарко решил с двумя спутниками высадиться на берег и пешком исследовать пролив Бельгии, чтобы узнать, может ли здесь пройти его пароход. Во время этого путешествия Шарко и его товарищи едва не погибли, так как пловучие льды отрезали было их совершенно от корабля. Затем пароход Шарко направился вдоль берегов Земли Граама, производя точную съемку материка и близлежащих островов. Во время этого плавания Шарко открыл новую землю, названную им в честь президента Франции Землею Фальера. Достигнув берегов Земли Александра I, Шарко намеревался было продолжать свой путь далее, но встретил сплошной лед и вынужден был повернуть назад, к острову Петермана, где и стал на зимовку. Перезимовав благополучно на острове Петермана, в октябре 1909 г. Шарко направился в обратный путь и, пробившись с большим трудом через ледяные поля, в ноябре месяце достиг острова Обманов. Здесь экспедиция встретила китобоев, у которых купила значительное количество провианта; благодаря этому оказалось возможным продержаться в южно-полярном океане еще неко-

торое время. Доктор Шарко отправился снова к югу, обследовав попутно все южные берега Южно-Шотландских островов. На этот раз, несмотря на обилие пловучих льдов и чрезвычайно неблагоприятную погоду, Шарко удалось проникнуть еще южнее, чем в первый раз, и открыть несколько островов и берегов материка. Однако, в конце концов, сплошной пловучий лед вынудил экспедицию повернуть к северу.

Пингвины южно-полярной области, слушающие граммофон.

Выйдя из пояса пловучих льдов, Шарко направился на запад, к Земле Александра I, намереваясь исследовать западные берега Антарктики. Но недостаток угля заставил Шарко повернуть на север, и «Pourquoi pas?» благополучно вернулся во Францию.

IX.

Экспедиция к южному полюсу Роальда Амундсена.— Открытие Амундсеном южного полюса 16 декабря 1911 г.

После возвращения из Антарктики экспедиции лейтенанта Шекльтона, не дошедшего, как мы видели, около двухсот километров до полюса, интерес к южному полюсу сильно поднялся.

Героический поход Шеклтона на завоевание южного полюса привлек внимание не только одних ученых кругов, но и всего цивилизованного мира. Многие исследователи решили продолжать план Шеклтона и принялись за разработку проектов экспедиций к южному полюсу. В числе этих исследователей на первом месте следует поставить капитана Роберта Скотта и Роальда Амундсена. Роберт Скотт, возвратившись из своей экспедиции в Антарктику в 1904 г., стал тогда же обдумывать план новой экспедиции к южному полюсу. Летом 1910 г. капитан Скотт снарядил специальный корабль «Терра Нова»(Новая Земля) и отплыл на нем из Англии в Новую Зеландию, чтобы оттуда направиться в южный полярный океан. Осенью этого же года в южно-полярные моря отправился и норвежский мореплаватель Роальд Амундсен на корабле «Фрам».

Выше, говоря об экспедиции Жерлаша на корабле «Бельгия» в южно-полярную область, мы упомянули, что в числе экипажа на этом судне находился молодой норвежец Роальд Амундсен. После возвращения этой экспедиции в Европу Амундсен стал мечтать о самостоятельной экспедиции. В 1903 г. Амундсен на маленьком парусном судне, снабженном небольшим мотором, всего с шестью человеками экипажа, открыл давно искомый «северо-западный проход», то-есть проехал мимо северных берегов Америки из Атлантического океана в Великий. Этот проход, как мы видели выше, тщетно искали десятки смелых мореплавателей, и многие из них, как например Франклин, поплатились за это жизнью.

Возвратившись из этой экспедиции, Амундсен приобрел в научных кругах громкую известность, как смелый полярный путешественник и серьезный научный исследователь. Вскоре Амундсен стал готовиться к новой, более трудной задаче: он хотел продолжить дело Нансена и задумал предпринять путешествие к северному полюсу. Амундсен решил еще раз повторить путешествие Нансена. На знаменитом корабле Нансена «Фрам» Амундсен предполагал отправиться возможно далее на север, затем предоставить льдам и течению нести корабль на северо-запад. Вся экспедиция была рассчитана на семь лет.

Однако план экспедиции вдруг совершенно изменился. Амундсен, находясь уже в пути к северу, узнал об открытии северного полюса американцем Пири и, решив, что после этого незачем ехать на север, переменил маршрут и направился к южному полюсу. 14 января 1911 г. он был уже в бухте Баллени, у подножия Ледяной стены Росса, на берегу антарктического материка. Здесь Амундсен предполагал устроить зимовку, отослав «Фрам» в Буэнос-Айрес. В начале февраля «Фрам» оставил путешественников в Антарктике, а 10 февраля Амундсен стал

готовиться к путешествию на полюс. Предварительно путешественники устроили несколько складов провизии; это заняло у них весь остаток полярного лета.

22 апреля солнце показалось последний раз над горизонтом, и наступила беспросветная длинная южно-полярная ночь. Благодаря умелой организации четырехмесячная зима прошла благополучно, и когда 24 августа солнце снова показалось над горизонтом, оно застало всех путешественников бодрыми и здоровыми. С наступлением южно-полярной весны установилась температура в 20—30° мороза; путешественники стали гото-

Члены экспедиции Амундсена.

виться к путешествию. Вся экспедиция разделилась на две группы: одна из них должна была отправиться для исследования Земли короля Эдуарда, а другая с Амундсеном во главе — к южному полюсу. Эта группа состояла всего из пяти человек и имела в своем распоряжении четверо саней и 52 собаки. 20 октября 1911 г. Амундсен со своими четырьмя товарищами отправился в путь. В первые дни они проходили от 20 до 30 километров в день, вечером на снегу разбивали палатку, готовили себе ужин и ложились на отдых. На пути своего следования путешественники воздвигали снеговые пирамиды, чтобы обозначить направление и облегчить себе обратную дорогу.

9 ноября путешественники увидали перед собою цепь снежных гор; в этот же день они достигли 83° южной широты, где

устроили четвертый склад провианта. 15 ноября был пересечен 84°, а 17 ноября путешественники достигли того пункта, где ледяная стена соединяется с материком. «Земля, перед которой мы находились,—говорит Амундсен—представляла собою гористую местность, и некоторые вершины достигали не менее пяти километров высоты».

На следующий день путешественники начали свое восхождение на горы. Первая половина пути была нетрудной. Почва поднималась равномерно в виде гигантских волн, и собаки без труда взбирались на их склоны. «Два дня мы подвигались вперед без особых затруднений,—говорит Амундсен—но на третий нам пришлось спуститься на ледник, отделявший северную часть гор от южных. Здесь начались наши мытарства, нам приходилось делать большие обходы, чтобы миновать несколько широких трещин и взбираться вверх по ледяной коре. На следующий день мы достигли высоты в 5.600 метров и остановились здесь на ночлег. Ночью разразился сильнейший буран, так что на другой день путешествие пришлось прервать. Однако буран продолжался и на третий день. С общего согласия решено было не ждать окончания бурана, а итти вперед. Между тем провиант как для людей, так и для собак быстро таял. С целью экономии корма решено было из 52 собак оставить только 18, а остальных убить».

26 ноября путешественники достигли 86° и спустились в обширную долину, лежащую на высоте 242 метров над уровнем моря. 29 ноября погода улучшилась, и солнце снова заблистало на небе. Направляясь все время на юг, Амундсен с товарищами перешел долину и снова увидал перед собою новую горную цепь. Подъем на эти горы был очень труден; склоны гор были очень круты, и часто приходилось втаскивать сани с провизией на себе. Трудность увеличилась еще тем, что путешественники встретили на этих горах обширный ледник, названный Амундсеном «ледником дьявола». Целых три дня пришлось карабкаться на этот ледник, при чем один из спутников и две собаки попали раз в глубокую трещину и с большим трудом были спасены; продолжать путь приходилось с большой осторожностью и не торопясь.

3 декабря экспедиция находилась на высоте 2.775 метров, а 8 декабря она достигла 88° 16′, т.-е. той широты, которой достиг Шекльтон в 1909 г. Здесь Амундсен зарыл в лед часть своих припасов, чтобы взять их на обратном пути.

Начиная с 88° ш. горы кончились, и перед глазами путешественников открылось довольно ровное плоскогорье, границы которого сливались с горизонтом. Дорога по плоскогорью стала легче, и экспедиция делала в день километров по 30—35. 11 декабря Амундсен с товарищами достигли 89° 15′ ю. ш., а 15 де-

Роальд Амундсен, открывший южный полюс.

кабря они находились на 89° 45′. «После полудня этого дня— пишет Амундсен,—погода была прекрасная, термометр показывал всего 23° мороза. День прошел без всяких приключений, и в 3 часа мы остановились на отдых. По нашим вычислениям, мы достигли полюса. Водрузив роскошный шелковый флаг, мы торжественно остановились вокруг него. Всю местность, где находился полюс, мы назвали плоскогорьем короля Гакона VII. Во время ночи мы исследовали приблизительно 13 квадратных километров этого плоскогорья. На следующий день мы произвели новые вычисления, при чем оказалось, что флаг был нами водружен на 89° 45′. Тогда мы перенесли его еще на девять миль к югу и снова стали делать наблюдения. Наблюдения продолжались беспрерывно круглые сутки, при чем каждый час записывались изменения положения солнца на небосклоне. Полюс оказался лежащим на высоте 3.201 метра над уровнем моря».

Амундсен провел на полюсе три дня; он поставил на месте нахождения самого полюса небольшую палатку, которую привез с собою, и водрузил на ней норвежский флаг и вымпел с «Фрама». Первое жилище человека на южном полюсе Амундсен назвал «Польгейм», т.-е. «полярное жилище». Все время пребывания Амундсена на полюсе погода стояла тихая и ясная, холод достигал 25°, несмотря на то, что в это время стояла середина южно-полярного лета.

Сделав в течение трех дней многочисленные наблюдения, экспедиция 17 декабря отправилась в обратный путь, оставив на полюсе палатку с норвежским флагом и с запиской о своем пребывании. От места зимовки путешественников отделяли 1.500 километров, которые Амундсен и его спутники прошли в 38 дней, делая в среднем почти 40 километров в день. 25 января 1912 г. Амундсен с товарищами благополучно достигли места зимней стоянки, где встретили остальных членов экспедиции. «Фрам» уже пришел в это время в бухту, и все с волнением ожидали возвращения Амундсена. Всего Амундсен с товарищами был в пути 97 дней, от 20 октября 1911 г. до 25 января 1912 г. В эти 97 дней путешественники прошли по льду и снегу около 3.000 километров.

28 января 1912 г. «Фрам» покинул берега Антарктики и 6 марта благополучно прибыл на остров Тасманию, в гавань Гобарт-Тоуна. Остюда весть об открытии Амундсена скоро облетела весь мир.

Кроме открытия южного полюса, экспедиция Амундсена ознаменовалась и важными научными результатами. Благодаря произведенным Амундсеном многочисленным наблюдениям на полюсе при ясной погоде (чего не удалось сделать Пири на се-

Амундсен на южном полюсе.

верном полюсе), Амундсен внес в науку большой вклад. Экспедиция Амундсена доказала также, что море Росса и в восточной своей части ограничено материком, а не простирается поперек всей Антарктики к морю Ведделя. Кроме того Амундсен открыл на антарктическом материке высокую горную цепь, названную им горами королевы Мод; эти горы составляют как бы продолжение американских Анд, и их вершины поднимаются на высоту до пяти километров. В довершение всего экспедиция Амундсена привезла с собою из Антарктики ценные геологические и зоологические коллекции. Вообще наблюдения Амундсена на полюсе и в южно-полярной области помогут осветить многие вопросы географии, метеорологии и геологии.

X.

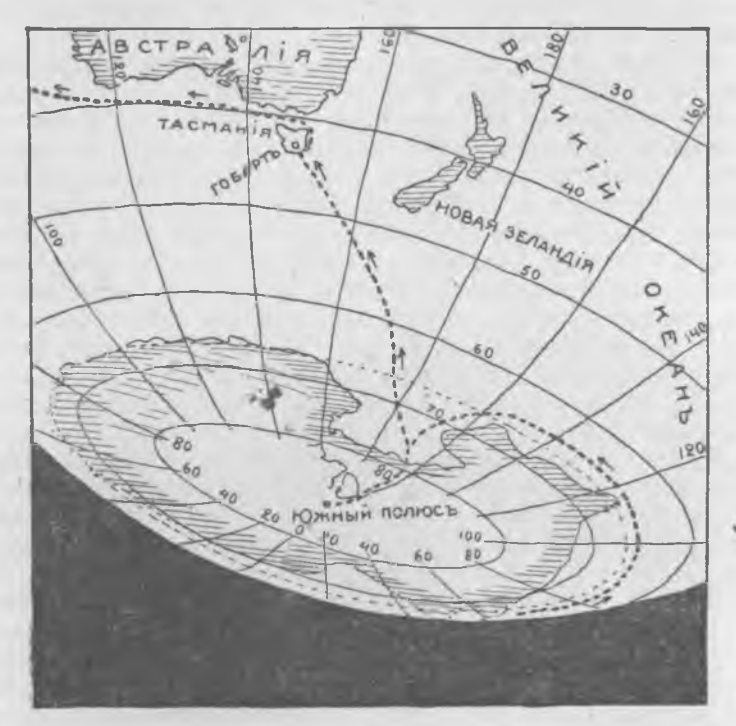
Экспедиция в Антарктику капитана Роберта Скотта.—Гибель капитана Скотта.

Судьба экспедиции капитана Скотта сложилась совершенно иначе, чем судьба экспедиции Амундсена. Капитан Скотт, прибыв благополучно в начале 1911 г. на своем корабле «Терра Нова» в Антарктику, высадился со своими спутниками в заливе Мак Мюрдо, на острове Росса, у подножия вулкана Эребус. «Терра Нова» должна была уйти на зимовку в Новую Зеландию, причем было условлено, что в январе 1913 г. «Терра Нова» возвращается за путешественниками.

Оставшись в Антарктике, капитан Скотт с 13 своими товарищами решили использовать остаток южно-полярного лета для устройства запасных складов провианта на пути к полюсу. Затем экспедиция устроила на мысе Эванс дом для зимовки и помещение для собак и лошадей. Вся зима прошла за приготовлениями к будущему путешествию на полюс. Скотт предполагал отправиться на полюс ранней весной (в октябре месяце 1911 г.). Однако в октябре капитан Скотт выступить не успел и мог отправиться в путешествие лишь 2 ноября. Путь был крайне трудный, так как почти все время свирепствовали вьюги. 4 декабря экспедиция была на 83° 24′ южн. шир. Снежная буря достигла здесь своего апогея и буквально заваливала путешественников и их лошадей с ног до головы. В конце концов лошади совершенно выбились из сил, и их пришлось застрелить, тем более, что корм для них весь вышел; дальнейший путь экспедиция продолжала уже на одних собаках.

Вьюга и глубокий снег сильно задерживали движение вперед. 21 декабря экспедиция достигла Бэрдморского ледника, под 85° 7′ ю. ш. Глубокие трещины ледника были засыпаны

снегом, и члены экспедиции, шедшие пешком, ежеминутно проваливались; сани тоже приходилось часто вытаскивать из снега. Так боролись путешественники целых четыре дня, еле-еле подвигаясь по десяти километров в день. Только 26 декабря снег сделался более твердым, и можно было воспользоваться лыжами. 3 января капитан Скотт и его товарищи были уже на 87° 32′ ю. ш., на расстоянии около 290 километров от полюса.

Путь Амундсена.

Благодаря тому, что путешествие к полюсу затянулось, и провизия подходила к концу, капитан Скотт решил часть своих спутников отослать обратно на место зимовки; 4 января лейтенант Эванс, механик Лесли и Крин, к их великому сожалению, вынуждены были отправиться в обратный путь, а сам капитан Скотт с четырьмя товарищами (доктором Вильсоном, Боверсом, Оатсом и другим Эвансом) отправился дальше на юг, к полюсу. Капитан Скотт, при расставании с лейтенантом Эвансом, обещал вернуться с полюса в конце февраля или, во всяком случае, не позднее первой половины марта 1912 г. Однако в условленный

срок капитан Скотт и его спутники не возвратились. Предчувствуя несчастье, оставшиеся на зимовке товарищи отправились в конце февраля на поиски к югу; однако близость наступавшей полярной зимы заставила прекратить поиски, и вспомогательная экспедиция вернулась в половине марта на место зимовки. Дальнейшие попытки поисков пришлось отложить до весны (октября-ноября 1912 г.). Вся зима прошла в томительной неизвестности о судьбе капитана Скотта и его товарищей. Было очевидно, что все они погибли.

Наконец, долгая зима прошла, и как только наступила весна, врач экспедиции, доктор Аткинсон, во главе отряда в девять человек отправился на поиски. После месячного путешествия по ледяной пустыне путешественники увидели полузанесенную снегом палатку и нашли в ней трупы самого капитана Скотта, доктора Вильсона и лейтенанта Боверса. Около трупов было найдено лишь немного чаю: это было все, что у них осталось. Капитан Скотт был найден в сидячем положении, прислонившись спиной к мачте, поддерживавшей палатку; около него находились дневник и другие документы. Вильсон и Боверс были найдены в спальных мешках. Вероятно, Скотт и его товарищи умерли от холода и истощения. Жуткую полярную драму мы постараемся передать словами самого капитана Скотта, как он записал ее в своем дневнике.

Простившись с лейтенантом Эвансом и его двумя товарищами, капитан Скотт с четырьмя спутниками пошли далее на юг. 5 января он занес в свой дневник: «Ужасно утомительный день! Дорога очень плоха. Мы делаем не более двух километров в час, но и для этого требуются неимоверные усилия»...

Однако, несмотря на это, путешественники решили итти вперед к цели. 15 января в полдень были сделаны астрономические вычисления, показавшие, что экспедиция находится от полюса всего километрах в тридцати. На другой день капитан Скотт рассчитывал достигнуть полюса. 16 января в своем дневнике он пишет:

«16 января. 68 лагерь. Высота 2.928 метров. Температура — 30,8°. Утром мы прошли 12 километров. В полдень наблюдения показали 89° 42′. При мысли, что завтра мы будем у цели, мы с чувством подъема тронулись в путь. Через два часа Боверс увидал далеко впереди что-то вроде путевого знака. В безмолвном напряжении мы быстро шли вперед... у меня сердце стучало так, что, казалось, готово было разорваться. Прошло еще полчаса,—Боверс стал ясно различать впереди какое-то черное пятно... Мы пошли прямо на него... и скоро мы могли различить, что это пятно было черным флагом... Рядом с ним брошенное место стоянки—следы саней и лыж, ведущие в ту и другую сто-

рону, ясные следы собачьих лап,—много следов,—нам стало ясно: норвежцы нас опередили! Амундсен первый достиг полюса!..

«17 января. Лагерь 69. Температура утром—30°. Как ждали мы целый месяц этого момента, но как наше настоящее положение

Капитан Скотт. На заднем плане его судно «Терра Нова».

разнится от того, чего мы ожидали! Сегодня был ужасный день: во-первых, разочарование, во-вторых, отчаянный ветер, дующий нам в лицо, при 30° мороза. Мы встали в $7^1/_2$ час. утра—никто из нас не спал в эту ужасную ночь,—и мы шли некоторое время по следам норвежцев... Затем внезапно погода испортилась, и, так как следы стало заносить снегом и, кроме того, эти следы далеко поворачивали на запад, мы решили итти прямо в сто-

рону, где, по нашим расчетам, лежал полюс... Мы прошли $13^1/_2$ километров. Наблюдения показывали 89° 53′ 57″ ю. ш. Затем мы тронулись дальше и прошли еще 12 километров прямо к югу... Вокруг ничего не видно, ничего, что хотя бы немножко вносило разнообразие в монотонность пейзажа. И в это ужасное место притащились мы с таким трудом и не имеем в награду даже сознания, что мы сделали это первые!..

«18 января. Сделавши наблюдение, мы установили, что нам до полюса осталось еще около 6 километров; приблизительно в этом направлении Боверс увидел впереди палатку. Вскоре мы дошли до нее... В палатке мы нашли документ, гласивший, что здесь были 5 норвежцев—Роальд Амундсен, Олаф Биаланд, Гельмер Гансен, Сверре Гассель и Оскар Вистинг—16 декабря 1911 г. Палатка хороша: маленькая, крепкая, подпертая единственной бамбуковой палкой. В записке, оставленной Амундсеном на мое имя в палатке, он просит меня передать королю Гакону письмо от него; я кладу его в карман. Кроме записки и письма в палатке были найдены: три маленьких мешочка из оленьей шкуры с варежками и толстыми шерстяными чулками; затем секстант, искусственный горизонт, гипсо-термометр без градусника, еще секстант и еще гипсо-термометр английской фабрики.

«Я оставил в этой палатке записку с сообщением, что я с моими товарищами был здесь. Боверс фотографирует, а Вильсон делает эскизы карандашом. После второго завтрака мы прошли еще $1^1/_2$ километра. Наблюдения в полдень показали, что мы находимся в $1^1/_2$ *км* от полюса... Здесь мы воздвигли, в свою очередь, палатку, подняли наш флаг, наш бедный, слишком поздно пришедший флаг, и снялись... Затем мы заметили на юге, на расстоянии почти километра, полоз от саней, торчащий из снега; повидимому, он должен был обозначать точное положение полюса, как его удалось определить норвежцам. Прикрепленная к полозу записка гласила, что палатка находится от полюса в $3^1/_2$ километрах. Вильсон берет записку с собой. Несомненно, наши предшественники основательно позаботились об определении места и в точности выполнили намеченную программу. Теперь, мне кажется, я могу сказать: южный полюс лежит приблизительно на высоте 2.900 метров; характерно, что на 88° высота была приблизительно 3.200 метров. Мы взяли свой флаг и пронесли его с собою приблизительно $^1/_4$ километра к северу и оставили его там, воткнувши древко в снег и укрепивши его насколько возможно. Очевидно, норвежцы 15 декабря достигли полюса и 17 ушли назад,—значит, даже раньше 21 декабря — числа, которое я в Лондоне назначил, как идеальное.

«Мы должны теперь повернуться спиной к изменившей нам цели нашего честолюбия. Перед нами лежит пространство в 1.500 километров трудного пути—1.500 километров неизбежно тащить на себе сани,—1.500 километров лишений, голода и холода. Что делать! Мечта моей жизни, прощай!»

Оатс, Боверс, Скотт, Вильсон и Эванс.

Так как южно-полярное лето подходило к концу, то нужно было спешить. Скотт в душе надеялся, что обратное путешествие от полюса совершится скорее; однако чрезмерное напряжение и утомление начинали давать себя знать, и ежедневные переходы становились с каждым днем все короче. Кроме того частые снежные бури задерживали движение, заставляя путешественников останавливаться нередко на целые сутки. Несколько раз экспедиция сбивалась с пути, так как вьюга замела все их прежние следы. Между тем съестные припасы с каждым днем уменьшались. Приходилось уменьшать порции, что, в свою очередь, вызывало упадок сил; ко всему этому присоединились

страшные холода, причинявшие жестокие обмораживания. Начинается длинный мартиролог. «Оатс жестоко страдает от холода—пишет Скотт.—У Эванса обморожено лицо, а Вильсон почти ослеп вследствие сильнейшего воспаления глаз...».

Записи в дневнике становятся все печальнее и ясно указывают на возрастающее истощение сил. 30 января Вильсон повредил себе ногу, а 2 февраля Скотт ушиб себе плечо. Боцман Эванс чувствовал себя плохо, так что из пяти человек только двое были пока здоровы. Но, несмотря на все, путешественники храбро продолжали итти, утешая себя мыслью, что они вскоре достигнут склада провианта.

Однако на Бэрдморском леднике их ожидала новая беда. 4 февраля Скотт и Эванс свалились в трещину. Они с большим трудом выбрались на поверхность ледника, но вскоре Эванс снова поскользнулся и на этот раз так ушиб себе голову, что получил сотрясение мозга. С этой минуты его можно было считать уже «выбывшим из строя». Он плохо понимал и двигался машинально, в мрачном унынии; едва волоча ноги, Эванс невольно задерживал товарищей, которые, конечно, не могли его бросить в ледяной пустыне. Наконец, дело кончилось катастрофой. Капитан Скотт пишет:

«14 февраля... нечего себя обманывать, наши силы быстро тают. У Вильсона все еще болит нога, и он с большим трудом может пользоваться лыжами; но самое тяжелое положение у Эванса; он сильно беспокоит нас... Я боюсь, что дело пойдет все хуже и хуже...

«16 февраля. Положение очень серьезное: Эванс, кажется, помешался... Сегодня несколько раз утром и после полудня он заставлял нас всех останавливаться по самым пустячным поводам. Мы существуем, питаясь самыми ничтожными порциями, но нашего провианта должно нам хватить только до завтрашнего дня...

«17 февраля. Ужасный день. После хорошего сна Эванс имел несколько лучший вид. Как всегда, он заявил, что чувствует себя хорошо и, отправляясь, впрягся в сани; однако через полчаса у него развязались лыжи, и он оставил упряжку. Дорога была ужасна, только что выпавший мягкий снег прилипал большими комками к ногам и к полозьям саней, сани скрипели при каждом повороте; небо было покрыто облаками, по земле стлался туман. Пройдя час, мы остановились. Эванс нас догнал, но очень, очень медленно. Через час он опять отстал и попросил Боверса дать ему веревочку. Я крикнул ему, чтобы он догонял нас скорее, и он обещал, как мне показалось, бодрым голосом. Пройдя мимо горы «Памятника», мы увидели Эванса далеко

позади. Вначале мы совсем не беспокоились; остановившись на привале, вскипятили чайник и принялись за еду. Но так как Эванса все еще не было, мы выглянули из палатки и увидели, что он все еще очень далеко. Нас охватило беспокойство, и мы все четверо на лыжах бросились к нему. Я первый добе-

Капитан Скотт в каюте «Терра Нова».

жал до него и пришел в ужас от вида нашего товарища: он стоял на коленях, с разорванным платьем, с голыми обмороженными руками, с диким блуждающим взглядом. Когда я спросил его, что с ним случилось, он медленно ответил, что не знает, что с ним, но что был, вероятно, обморок. Мы подняли его, но, пройдя два или три шага, он опять опустился на снег; он окончательно обессилел. Вильсон, Боверс и я побежали за санями, а Оатс остался при Эвансе.

«Когда мы вернулись, Эванс был уже без сознания, а когда его внесли в палатку, он впал в совершенное беспамятство; в половине первого он умер...».

После смерти Эванса измученные путешественники пошли некоторое время быстрее. Была уже половина февраля; через две недели должна была наступить южно-полярная осень со своими ужасными бурями, а отряд был уже обессилен голодом и трудностями пути. Между тем еще 700 километров отделяли путешественников от зимней стоянки. С большим трудом прошли еще несколько десятков километров. Наконец достигли первого склада провианта. Обильная пища подкрепила гаснувшие силы. Но запасы опять скоро иссякли и приходилось сильно экономить. Между тем стояли сильные холода. Ночью термометр падал до 40° ниже нуля, а днем держался на 35°. Вьюга, заметавшая все прежние следы, заставляла путешественников часто сбиваться с дороги. 2 марта положение стало критическим. Оатс сильно обморозил себе ноги и с трудом мог итти. «Он совсем изнемогает — пишет Скотт.— Ноги Вильсона также очень беспокоят меня. Этот превосходный доктор ухаживает за своими больными товарищами, совершенно забывая о себе. Каждый день, сидя на корточках в снегу, он перевязывает Оатса, не обращая внимания на то, что и его самого не пощадил мороз!».

Дальнейшие записи в дневнике Скотта становятся уже обрывистыми и краткими,—но как красноречивы эти краткие строки!..

«10 марта. Оатс очень плох.

«11 марта. Запасов у нас хватит только на семь дней, а остается еще 88 километров до склада «Одной тонны»—главного склада на нашем пути. Мы двигаемся так медленно, что, если даже положение не ухудшится, и нас ничто не задержит в пути, нам все-таки придется пройти двадцать километров без всякой пищи...

«14 марта. Несмотря на сильный ветер и температуру 41° ниже нуля, мы все-таки пускаемся в путь. Надо бороться до конца!..

«16 марта. Наша трагедия в полном разгаре. Третьего дня за завтраком бедняга Оатс заявил, что он не может больше итти, и предложил нам оставить его в спальном мешке. Об этом, конечно, не могло быть и речи, и мы просили его проводить нас хотя бы до вечернего лагеря; должно быть, для него это было очень мучительно, тем не менее он поплелся за нами, и мы с трудом прошли еще несколько километров.

«Ночью ему сделалось хуже, и мы видели, что его конец близок. Если эта моя книжка будет когда-нибудь найдена, то я прошу передать следующий факт: последние мысли Оатса

были об его матери. Перед этим он с гордостью говорил, что его полк должен быть доволен его поведением. Он, действительно, шел храбро навстречу смерти. Целыми неделями он без жалоб переносил невыразимую боль... До конца он не терял надежды— не хотел ее терять. Вот каков был его конец: он заснул прошлую ночь в надежде, что он больше не проснется; но он все-таки проснулся утром вчера. В это время кругом нашей палатки бушевала буря. «Я выйду —сказал он —и, может быть, некоторое время пробуду наружи». Он вышел и исчез навсегда в вихрях снега,и мы больше его не видали...

«Мы знали, что Оатс ушел на смерть, мы пробовали его удерживать, но он поступил как герой и как истинный джентльмен. Мы—трое оставшихся—желаем иметь столько же мужества перед лицом смерти, которая, повидимому, близка...».

Поступок Оатса был действительно геройским поступком. Оатс сознавал, что он является обузой для своих товарищей, замедляя их движение, поэтому ради их спасения он решил избавить их от себя. Из пяти человек, отправившихся к полюсу, теперь осталось только трое. Они продолжали свой путь, хотя и с большим трудом, так как у всех троих были отморожены ноги. 19 марта разразилась страшная буря, при чем мороз достигал 40^0. Итти дальше было невозможно, а припасов оставалось только на два дня. От склада «Одной тонны» путешественников отделяло еще 27 километров. Скотт и его товарищи все-таки решили переждать, пока буря утихнет, но дни проходили за днями, а вьюга свирепствовала с прежней силой вокруг их палатки, представлявшей маленькую темную точку среди необъятной белой пустыни. Буря продолжалась почти целую неделю без перерыва. 23 и 24 марта у путешественников уже не оставалось ничего для утоления голода, кроме нескольких обломков сухарей. Итти вперед не было сил... Приходилось на месте ждать смерти. 25 марта Скотт уже слабеющей рукой написал в своем дневнике:

«С 21-го беспрерывно была буря с ю.-з. и ю.-з.-з. 20-го у нас было еще топливо, чтобы приготовить каждому по две чашки чаю, и сухой провизии на два дня. Каждый день мы были готовы итти к нашему складу, находящемуся на расстоянии 20 километров. Но наружи перед дверью палатки все представляет один сплошной снежный вихрь. Я не думаю, чтобы мы могли надеяться на какое-нибудь улучшение. Но мы выдержим до конца; конечно, мы становимся все слабее, и смерть не должна быть далеко.

«Это ужасно, мне кажется, я не могу больше писать.

Р. Скотт.

«Позаботьтесь о наших близких».

Агония несчастных путешественников продолжалась еще четыре дня после этого. Вильсон и Боверс первые перестали страдать. Умирающий начальник экспедиции отдал последний долг своим верным товарищам. Напрягая остатки своих сил, он прикрыл их тела спальными мешками. Исполнив это, он сел посредине палатки и, прислонившись к столбу, спокойно стал ждать смерти...

Капитан Оатс со своими лошадьми.

Прежде чем наступила трагическая развязка, капитан Скотт написал несколько писем своей жене, жене доктора Вильсона и некоторым родным и знакомым. На последней странице своей записной книжки капитан Скотт написал «Обращение к обществу». Вот этот потрясающий душу документ:

«Катастрофа нашей экспедиции вызвана не ошибками в организации, а неудачей целого ряда рискованных действий, без которых, однако, нельзя было обойтись.

«1. Гибель наших лошадей в марте 1911 г. принудила меня выступить в путь позднее, чем я предполагал первоначально; эта же гибель лошадей заставила меня сократить количество провианта, который мы намеревались взять с собою.

«2. Плохая погода во время всего похода к полюсу, особенно сильный ураган на 83° ю. ш. сильно препятствовали нашему передвижению.

«3. Слишком мягкий снег в нижних частях Бэрдморского ледника точно также замедлял наше движение.

«Мы превозмогли эти препятствия, но наши запасы сократились, хотя вся наша организация по снабжению пищей и одеждой была безукоризненна на расстоянии 700 миль до полюса и обратно.

«Мы вернулись бы обратно к Бэрдморскому леднику в полном порядке, имея еще некоторый запас провизии, если бы нас не постигло несчастье: самый сильный человек в нашем отряде, боцман Эдгар Эванс, при падении на льду получил сотрясение мозга... Он умер вскоре естественной смертью, но его кончина сильно расстроила нас; между тем время было уже позднее.

Заход солнца на южном полюсе.

«Но все эти перечисленные обстоятельства не имели бы никакого значения, если бы на дальнейшем пути мы не встретили других препятствий.

«Я повторяю, что наши подготовительные меры для обратного пути с полюса были вполне правильны, но никто из нас не мог предвидеть, что в такое время года мы встретим в этих местах такой страшный холод.

«Тогда как на самых высоких местах, на широте 85—86° температура была не более 30 градусов холода, на обратном пути мы встретили на 82° ю. ш. температуру днем слишком в 30°,

а по ночам доходившую до 47° мороза. Во время дневных переходов дул беспрерывно встречный ветер.

«Эти обстоятельства были для нас полной неожиданностью, и наша неудача, без сомнения, вызвана внезапным ухудшением погоды.

«Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь еще когда-либо пережил такой ужасный месяц, какой пережили мы. Но все-таки нам удалось бы добраться до места зимовки нашей экспедиции, если бы этому не помешала смерть второго нашего товарища, капитана Оатса, а также убыль горючих материалов в наших запасах, которой я не в состоянии объяснить, и, наконец, если бы не буря, которая нас застигла на расстоянии 11 миль от нашего пищевого склада, где мы надеялись в последний раз пополнить свой провиант.

Путевой дневник капитана Скотта.

«Большей неудачи нельзя себе представить. На расстоянии 11 миль от нашего старого лагеря—«Одна тонна»—мы имели горючих материалов на одну топку и муки на два дня. Между тем в течение четырех дней мы не могли покинуть нашу палатку из-за сильного ветра.

«Мы ослабли, писать тяжело, но что касается меня, то я не жалею об этих днях, которые показали, что англичане умеют героически переносить удары судьбы, помогать своему ближнему и встречать смерть с такой же бодростью духа, как и в прежние времена.

«Мы знали, на что шли, и рисковали жизнью. Обстоятельства сложились против нас, у нас нет основания жаловаться, и поэтому мы решаемся до последней минуты выполнить наш долг.

«Но если мы готовы отдать нашу жизнь за это предприятие, которое послужит к славе нашего отечества, то, вместе с тем, я призываю своих соотечественников позаботиться о наших семьях.

«Если бы мы вернулись живыми, я много бы рассказал о твердости, выносливости и смелости моих товарищей, и этот

рассказ тронул бы сердце каждого англичанина. Но теперь пусть эти краткие заметки и наши бренные останки расскажут вам остальное.

«Я уверен, глубоко уверен, что наша богатая страна позаботится о наших близких.

Р. Скотт.

25 марта 1912 г.».

Ледяной холм с крестом в память погибших членов экспедиции капитана Скотта.

Таково последнее завещание капитана Скотта. К нему нечего прибавлять: каждый, прочитавший его, поймет весь героизм этих людей и невольно должен преклониться перед железною волей и мужеством погибших. Это были истинные герои!

Отряд Аткинсона, нашедший палатку с погибшими своими товарищами, пробовал было отыскать и тело Оатса, но кругом палатки его нигде не было. Вероятно, несчастному Оатсу удалось отойти от палатки на несколько километров, прежде чем он упал от изнеможения и замерз. Аткинсон похоронил тела Скотта, Вильсона и Боверса на том месте, где они были найдены. Палатку Скотта засыпали кругом снегом и превратили ее, таким образом, в большой могильный холм. Наверху этого холма водрузили крест с краткой надписью.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, научные результаты экспедиции капитана Скотта были весьма значительны. Роберт Скотт был серьезный ученый и исследователь, преданный науке; он пользовался большим уважением в ученых кругах Англии. Немногие из полярных путешественников обладали такими обширными научными познаниями, как погибший капитан Скотт. Главнейшей заслугой Скотта перед наукой является его экспедиция 1901—1904 г. г. Эта экспедиция дала

такие богатые научные результаты, что, без сомнения, навсегда останется одним из наиболее важных событий в истории исследования антарктических стран. Материалы и документы этой экспедиции составили несколько больших томов.

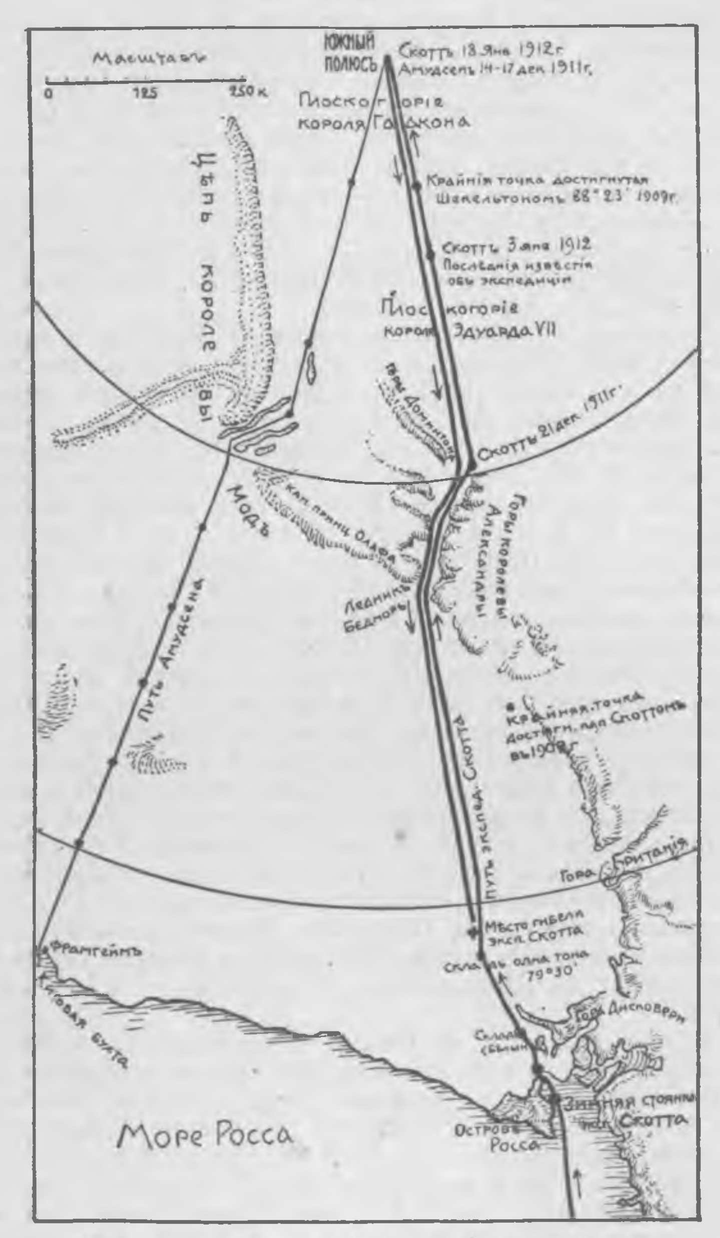
XI.

Японская экспедиция к южному полюсу.— Германская экспедиция в Антарктику.— Австралийская антарктическая экспедиция Дугласа Маусона.

Говоря об экспедициях Скотта и Амундсена, следует сказать хотя несколько слов и об японской экспедиции к южному полюсу. Япония, не желая отставать от западноевропейских государств, снарядила в 1910 г. также экспедицию в южно-полярную область. Начальство над этой экспедицией было вверено лейтенанту Ширафе. Для плавания по южно-полярным морям был снаряжен специальный корабль «Кайнан-Мару». Главной целью экспедиции было возможно скорейшее достижение южного полюса. Лейтенант Ширафе имел намерение опередить капитана Скотта и прибыть на полюс первым.

Однако эта экспедиция не достигла своей цели. «Кайнан-Мару» 14 марта 1911 г. достиг только островов Кульмана, лежащих у берегов Земли Виктории под 70° ю. ш. Дальше корабль не мог пройти, благодаря льдам. Прождавши тщетно несколько дней, экспедиция возвратилась в Австралию и 1 мая была уже в Сиднее, где кораблю пришлось стать в док для исправления повреждений. В это время пришло известие об открытии южного полюса Амундсеном, и поэтому путешествие к полюсу для японцев потеряло всякий смысл.

Одновременно с экспедицией капитана Скотта для исследования антарктических стран отправилась и германская экспедиция под начальством Вильгельма Фильхнера. Эта экспедиция отправилась на китобойном судне «Германия». Фильхнер намеревался исследовать море Ведделя. «Германия» прибыла в декабре 1911 г. в южно-полярные моря и вскоре попала в сплошной плавающий лед, вместе с которым она и носилась по морю сначала к западу, потом к северо-западу, далее к северу и, наконец, была отнесена к востоку. Только 26 ноября 1912 года, т.-е. почти через год после начала экспедиции, «Германии» удалось выбраться из ледяного плена, после чего она направилась к берегам Южной Георгии, откуда Фильхнер прибыл в Буэнос-Айрес. Таким образом эту экспедицию также можно назвать неудавшейся.

Путь капитана Скотта и Амундсена к южному полюсу.

Более ценной в научном отношении была так называемая «австралийская антарктическая экспедиция» Дугласа Маусона. Доктор Дуглас Маусон, один из участников экспедиции Шеклтона в 1908 г., решился исследовать подробно часть Антарктики, известной под общим названием Земли Уилькса. Он пригласил к себе в помощники другого спутника Шекльтона—Франка Вильда—и организовал при помощи австралийского правительства, Лондонского Географического Общества и газеты «Дэйли-Мэйль» экспедицию в составе 17 человек на китобойном судне «Аврора». Экспедиция Маусона отправилась в Антарктику 2 декабря 1911 г. с острова Тасмания.

Достигнув в конце декабря острова Маккари и устроив на нем станцию беспроволочного телеграфа, Маусон направился далее на юг. Вскоре «Аврора» встретила плавающие ледяные поля, через которые она с трудом пробиралась вперед. 3 января льды стали менее плотными, и вдали на юге выступила таинственная Земля Адели. Когда «Аврора» подошла к этой обледеневшей земле, она была подхвачена сильной бурей, и только благодаря хладнокровию Маусона и всего экипажа судно не разбилось о ледяные утесы. После долгих поисков среди ледяных берегов была найдена бухта, куда Маусон и ввел свой корабль. Тотчас же началась высадка на берег и выгрузка припасов. Маусон решил здесь остановиться на зимовку. Приходилось торопиться. Южнополярное лето уже подходило к концу, а «Авроре» нужно было сделать еще не менее 1.900 километров, чтобы высадить вторую партию экспедиции на Земле императора Вильгельма II.

Через несколько дней «Аврора» ушла к Земле Вильгельма II, куда и прибыла 13 февраля. Здесь прямо на льду вторая партия экспедиции под начальством Уайльда устроила свой зимний лагерь. «Аврора» ушла на зимовку в Тасманию. Обе партии—Маусона и Уайльда, находясь друг от друга на расстоянии 2 000 километров, все время производили научные работы. Лето 1912 г. все прошло в экскурсиях. Сам доктор Маусон в компании с лейтенантом Ниннисом и швейцарцем доктором Мерцом отправились вдоль берега по неисследованной еще стране—Земле короля Георга V.

Маусон удалился со своими спутниками на расстояние 530 километров от места зимовки. Все время приходилось итти по белоснежной плоской равнине. Погода стояла великолепная, небо было безоблачно. Впереди всех шел доктор Мерц на лыжах без груза; он исследовал дорогу. В 400 метрах за ним шел Маусон с санями, запряженными собаками. Позади него подвигался лейтенант Ниннис также с собаками. На его санях были наиболее важные для путешественников предметы. Это было сделано в том расчете, что наибольшей опасности провалиться

в трещины подвергаются идущие впереди. Если прошел благополучно первый, то больше вероятия, что так же пройдет и идущий за ним. Все шло хорошо. В одном месте Мерц прошел по снежному прокрову, не заметив, что он прикрывает трещину. Маусон с санями также благополучно перебрался через опасное место, крикнув Ниннису: «Осторожнее, трещина!» Слегка повернувшись назад, Маусон видел, что Ниннис поворачивает своих собак несколько в сторону, чтобы кратчайшим путем догнать своих спутников. Что произошло затем, Маусон не видел. Но когда он через минуту снова обернулся, то на равнине никого уже не было: и Ниннис, и сани, и все собаки исчезли. Перед Маусоном расстилалась лишь гладкая снежная равнина. Остановив собак, он побежал назад и оказался вскоре перед зияющей снежной пропастью. Он осторожно подполз к краю пропасти и стал звать Нинниса. Очевидно, под тяжестью вторых саней снежный покров не выдержал и рухнул, увлекая в бездонную пропасть несчастного путешественника со всей его кладью, со всеми собаками. Вскоре прибежал к Маусону и Мерц; тщетно оба путешественника в течение целых девяти часов звали Нинниса. Из бездны не раздавалось ни звука ни стона. Вероятно, Ниннис был сразу погребен под снегом...

Положение оставшихся в живых Маусона и Мерца было не менее ужасно. Вместе с Ниннисом погибла почти вся провизия, ночные меховые мешки для спанья и многие другие вещи, а до зимовки оставалось еще более 500 километров. Провизии у путешественников было лишь дней на десять; кроме того у них осталось шесть истощенных собак. Маусон и Мерц повернули немедленно к месту зимовки. Приходилось делать огромные переходы и питаться вначале умиравшими собаками, а затем, когда собаки были съедены, маленьким кусочком пеммикана и небольшим сухарем в день. С каждым днем силы путешественников слабели.

С наступлением нового 1913 г. Мерц окончательно ослаб. Маусон, несмотря на протесты Мерца, положил его на сани и тащил день и ночь. Подвигаться пришлось очень медленно; силы Маусона падали. 7 января 1913 г. Мерц впал в беспамятство; скоро у него начался бред, а ночью он скончался. Маусон остался среди ледяной пустыни совершенно один, без помощи, почти без пищи, обессиленный и истощенный...

С трудом передвигался Маусон по снежной равнине. Несколько раз он проваливался в трещины. Один раз он повис на веревке от саней над глубокой пропастью. «Когда я повис над пропастью—говорит Маусон—у меня мелькнуло желание отвязать веревку от саней и падением в пропасть прекратить свои мучения. Но затем я отогнал эти малодушные мысли

и сделал попытку подняться на веревке. Два раза поднимался я почти до края трещины и два раза срывался обратно. Наконец, в третий раз с нечеловеческими усилиями мне удалось выкарабкаться из отверстия»...

Только 29 января 1913 г. несчастному путешественнику удалось добраться до склада с провизией, и это было его спасением. Подкрепив свои силы и несколько отдохнув, Маусон остальной путь до места зимовки прошел уже с меньшим трудом. 7 февраля он увидал, наконец, океан и на нем черную дымящуюся точку. Это была «Аврора». Но несчастному Маусону пришлось пережить еще одно тяжелое разочарование. «Аврора» постепенно исчезала за горизонтом. Не дождавшись возвращения Маусона, капитан «Авроры», опасаясь замерзнуть во льдах (так как лето кончалось), поспешил покинуть Землю Адели. К счастью для себя, достигнув зимовки Маусон встретил здесь семь человек своих товарищей, оставшихся на вторую зимовку, чтобы ждать возвращения Маусона и его товарищей. В начале 1914 года «Аврора» вернулась за путешественниками и доставила их в Австралию.

Научные результаты экспедиции Маусона состоят прежде всего в съемке целых 2.000 километров неизвестного до этого времени берега Антарктики между Землею Адели и Землею Вильгельма II, а также в съемке внутренних областей Земли Уилькса, самое существование которой подвергалось сомнению. Кроме того экспедиция привезла около трех тысяч различных фотографий исследованных местностей и множество ценных метеорологических наблюдений. Промерами, которые все время производились на «Авроре», были установлены некоторые интересные данные: оказалось, что у Земли королевы Мэри подводный материковый пьедестал простирается очень недалеко, а затем морское дно круто обрывается. Подобное же явление замечено было и у берегов земли Адели.

XII.

Экспедиция Шекльтона в Антарктику.— Проект Шекльтона пересечь антарктический материк.— Последняя экспедиция Шекльтона и его смерть.

Открытие Амундсеном южного полюса не прекратило, как мы видели, снаряжения научных экспедиций в Антарктику. После открытия Амундсена изменились лишь цели южно-полярных экспедиций. Теперь перед исследователями ставились задачи более скромные, но требовавшие от исследователей не меньше силы воли и энергии.

Едва успели возвратиться из Антарктики экспедиции Фильхнера и Маусона, о которых мы говорили выше, как неутомимый полярный исследователь Эрнест Шекльтон, в свою очередь, стал готовиться к новой антарктической экспедиции. На этот раз он поставил своей целью пересечь через полюс весь антарктический материк. План экспедиции состоял в следующем: Шекльтон с несколькими спутниками намеревался высадиться на берегу антарктического материка со стороны моря Ведделя. Отсюда он хотел направиться к полюсу, производя попутно метеорологические и магнитные наблюдения. От полюса он предполагал итти на север к морю Росса, где его будет ожидать уже корабль, чтобы доставить путешественников в Новую Зеландию. Длина всего пути Шекльтона по суше через антарктический материк предположена приблизительно в 3.000 километр. Шекльтон рассчитывал, что все это путешествие займет около двух лет.

В конце 1914 г. капитан Шекльтон на пароходе «Эндьюренс» выехал из Англии и 5 декабря был уже на острове Новой Георгии. Отсюда он направился далее на юг. 7 декабря «Эндьюренс» встретил первые пловучие льдины; это были настоящие ледяные горы, высотою в 30—40 метров, имевшие в окружности 1 — 2 километра. Чем дальше судно подвигалось на юг, тем чаще и чаще встречались эти ледяные горы. Вскоре все море от горизонта до горизонта было покрыто исполинскими льдинами—обломками гигантских антарктических ледников. После тридцатишестидневного плавания среди льдов впереди показалась Земля Котса—крайний мыс антарктического материка, отмечающий вход в море Ведделя. Шекльтон стал уже готовиться к высадке, но дальнейший путь был прегражден сплошной массой ледяных гор, так что кораблю не было никакой возможности пробиться вперед. Оставалось только одно: ждать, пока буря или сильный ветер разгонит в разные стороны ледяные горы и таким образом очистит путь. Однако надежда на это не оправдалась. Вскоре начались морозы, сковавшие ледяные массы еще сильнее. Все ледяное поле кругом «Эндьюренса» превратилось в одну гигантскую льдину, и «Эндьюренс» был заперт. У путешественников оставалась последняя надежда: под напором течения ледяное поле медленно двигалось к югу, увлекая вместе с собою и корабль. Таким образом экспедиция хотя очень медленно, но все-таки приближалась к Земле принца Луитпольда, где намеревался высадиться Шекльтон.

Но и этой надежде не суждено был оправдаться; не дойдя километров 200—250 до Земли принца Луитпольда, лед внезапно изменил свое движение. Вместо того, чтобы попрежнему двигаться к югу, ледяное поле повернуло на северо-запад. С каждым днем льды все дальше и дальше уносили Шекль-

тона и его товарищей от Земли принца Луитпольда. В то же самое время их положение становилось опасным. Путешественники были теперь обречены на зимовку среди пловучих льдов, а это было самое опасное, что могло случиться.

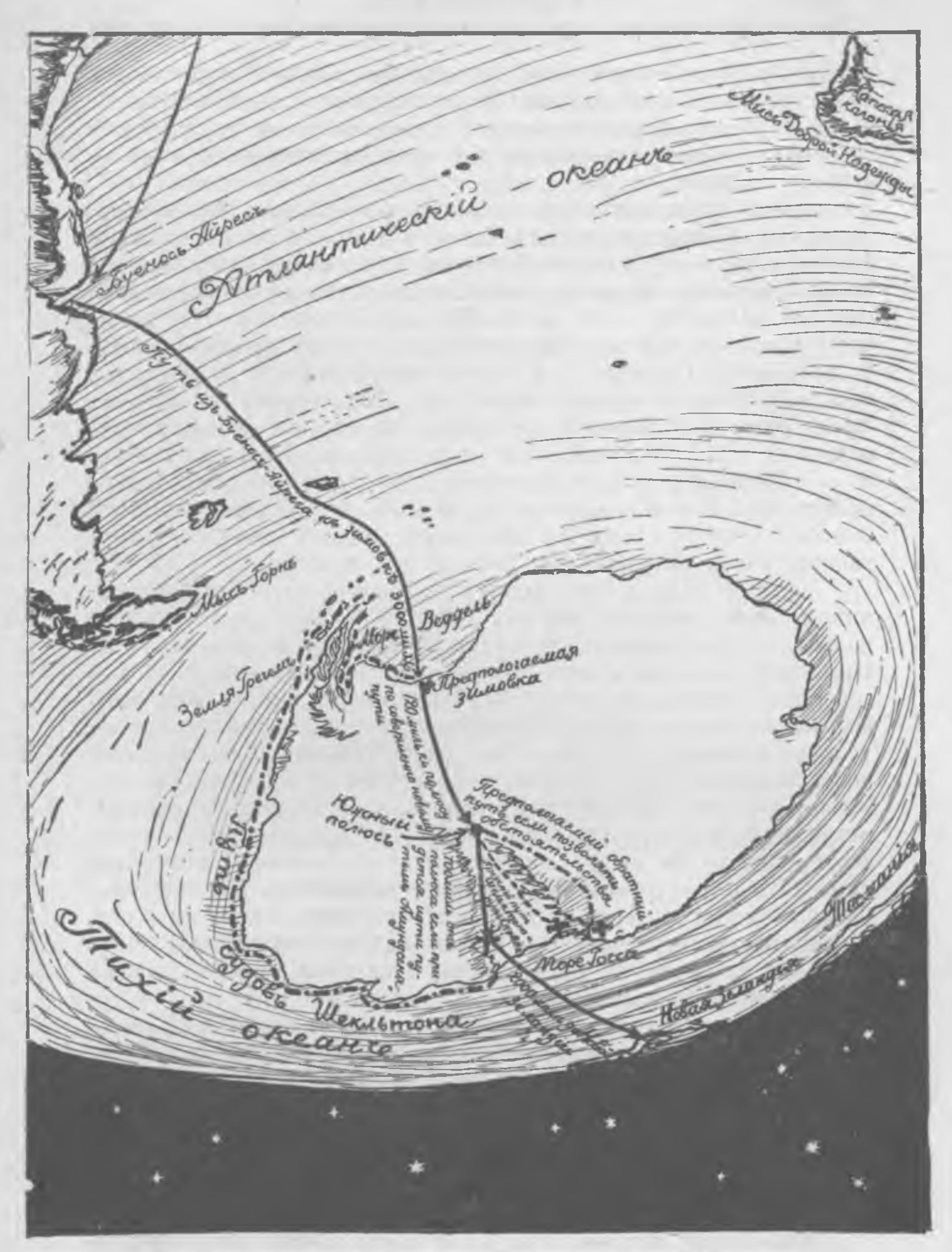
Однако первое время плавание совершалось благополучно. Но в половине июня, в средине антарктической зимы, путешественники почувствовали первые подледные толчки, предвестники грядущих конвульсий льда. С этого дня в течение нескольких месяцев путешественники не имели ни одной спокойной минуты. Каждое мгновение сильные толчки сотрясали огромное ледяное поле, лед трещал, ломался, и одни льдины часто выпирались другими на поверхность. Несчастный «Эндьюренс» вскоре превратился среди этого хаоса в жалкое ободранное судно; от натисков и нажимов льда на пароходе показалась течь, так что все время приходилось откачивать воду.

Эрнест Шеклтон.

18 октября напор льда достиг необычайной силы. «Менее чем в 10 секунд — пишет Шекльтон — судно было выкинуто льдом на поверхность и положено на бок, как смертельно раненое животное». Через неделю — новая атака, еще более яростная. Под непреодолимым напором льда корпус треснул во многих местах. С минуты на минуту можно было ожидать, что дело разрушения будет закончено. Чтобы обеспечить спасение экипажа, Шекльтон отдал приказ перенести на лед лодки, сани и запас провианта. Эта мера была принята как раз во-время. На следующий день лед стиснул корму и продавил в бортах несколько брешей; весь трюм наполнился водой...

Все участники экспедиции перешли на лед, к лодкам и саням; но и здесь опасность была не меньше: каждую минуту

Путь предполагавшейся экспедиціи Шекльтона через Антарктику.

можно было опасаться, что льдина, на которой приютились несчастные путешественники, будет раздавлена. Действительно, вечером раздался адский грохот, и льдина треснула. Путешественники спешно перетащили все припасы и свои палатки на другую льдину.

Гибель судна поставила экспедицию в ужасное положение. Путешественники находились более чем в 2.000 километрах от ближайшего порта Южной Америки, а у них не было ничего, кроме 3 шлюпок. По расчету Шекльтона, к северу от того места, где они находились, на расстоянии приблизительно 600 километров должен был находиться островок Поле, расположенный у восточной границы той части антарктического материка, которая обращена к мысу Горну. На этом острове нет ничего, кроме обширной колонии пингвинов, но для потерпевших крушение и это было немало: это спасло бы их, по крайней мере, от голодной смерти. Поэтому через 2 дня после гибели «Эндьюренса» Шекльтон и его товарищи отправились по ледяному полю к этому острову, таща на себе лодки, между тем как собаки тащили сани, нагруженные провиантом и вещами.

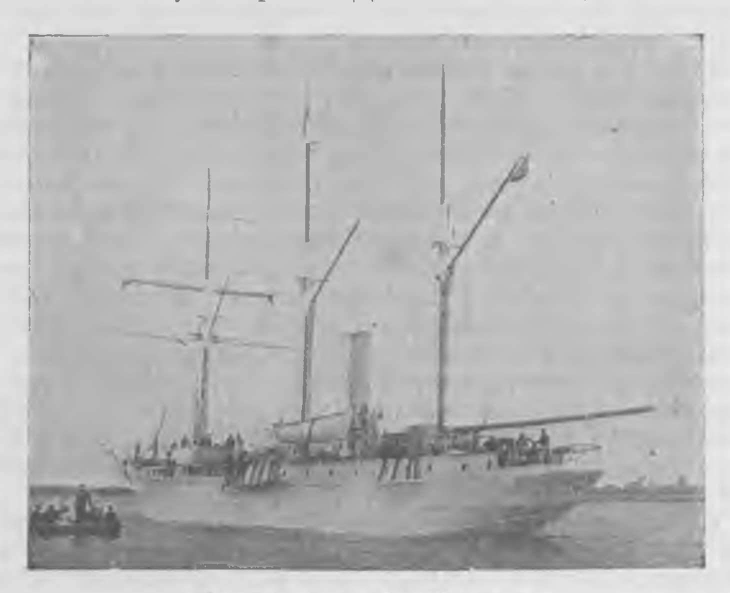
Ледяное поле, по которому приходилось итти путешественникам, было страшно неровно. Всюду возвышались ледяные холмы, утесы, а иногда встречались проливы и каналы воды. При таких условиях постоянно приходилось по нескольку раз совершать один и тот же путь взад и вперед, чтобы доставить весь багаж на одно место. Какие нечеловеческие усилия приходилось прилагать, чтобы перетаскивать тяжелые шлюпки через ледяные холмы! К концу первого дня путешествия результаты были таковы: путешественники прошли только 2 километра, а все еле держались на ногах. Продолжать такое путешествие значило бы скоро довести всех до полного изнеможения. Вследствие этого было решено прекратить путешествие, расположиться лагерем на льдине и терпеливо ждать, куда эту льдину принесет течением. Однако льдина подвигалась очень медленно к северу: за весь ноябрь месяц она подвинулась не более чем на 100 километров.

Между тем начиналось южно-полярное лето. Путешественникам необходимо было добраться до твердой земли до наступления зимы. Ввиду этого было решено снова отправиться по льду на север. Эта вторая попытка была не более удачна, чем первая. Нагроможденные друг на друга льдины представляли такие непреодолимые преграды, что приходилось часто прорубать для прохода коридоры в ледяных холмах, чтобы протаскивать лодки. Шли пять дней, а прошли всего 18 километров.

После этой неудачи Шекльтон опять решил остановиться и ждать, пока течение не донесет их ледяного плота до границы

открытого моря. Но как медленно подвигается льдина! Январь и февраль прошли в томительном ожидании. Положение с каждым днем становилось все более критическим. Антарктическое лето подходило к концу. В марте снова начались морозы и вьюги. В это время запасы провианта у путешественников сильно уменьшились, а охота на тюленей почти прекратилась. Постепенно съели всех собак. Вскоре пришлось сократить порции пищи.

Наконец, когда будущее казалось особенно безнадежным, неожиданно наступил просвет. Движение льда сделалось более

«Эндьюренс», корабль Шекльтона.

быстрым, и 23 марта показался остров Жуанвилль. Но между островом и льдиной, где приютились путешественники, море было покрыто сплошь небольшими льдинами. Пуститься пешком через эти льдины—это значило бы рисковать на каждом шагу утонуть; а попытаться проехать между льдинами в лодках—лодки неминуемо были бы раздавлены. Спустя 12 дней показался другой остров. Это был остров Кларанс, самый восточный из Южно-Шотландских островов. Все сознавали, что нужно, во что бы то ни стало, попытаться достигнуть этого острова, так как ледяной плот с каждым днем все более и более таял.

8 апреля Шекльтон отдал приказ спустить лодки на воду. В этот же день на лодки были погружены самые необходимые

вещи, и путешественники пустились в море, рискуя ежеминутно быть раздавленными плавающими льдинами. 9 апреля на море поднялся сильный шторм, и путешественники с трудом добрались обратно до большой льдины и снова были вынуждены высадиться на нее. Наконец, 11 апреля буря стихла. Немедленно же снова пустились в море. В течение целых 36 часов путешественники беспрерывно ехали на веслах. Но все их усилия не привели ни к чему: в то время, как они выбивались из сил, чтобы приблизиться к острову, течение отбрасывало их в открытое море. Ночью наступил сильный мороз, и поднялась снова буря, ежеминутно грозившая захлестнуть лодки.

13 апреля, видя невозможность достигнуть острова Разочарования (один из Шетландских островов, где норвежские китоловы устроили свою станцию), Шекльтон решил направиться к Слоновому острову. На следующее утро измученные мореплаватели увидели впереди, наконец, Слоновый остров. Для этих людей, истощенных 10 месяцами борьбы и лишений, он явился обетованной землей. Но как еще было далеко до него, хотя он и был так близко! Ветер сильно замедлял движение и относил лодки прочь от берега. К вечеру разразился шторм. Брызги воды, падая на лодки, замерзали и покрывали все ледяной корой. Чтобы лодки не погрузились в море, приходилось ежеминутно сбивать с них ледяную кору. В результате некоторые из членов экспедиции сильно отморозили пальцы на руках. Все чувствовали страшную усталость, но поддаваться слабости было нельзя, ради своего же спасения, и поэтому все старались превозмочь свою усталость.

На следующий день лодки с измученными путешественниками были уже около острова. Но здесь несчастных мореплавателей ожидало новое разочарование: не было никакой возможности пристать к берегу. Нигде не было видно ни залива, ни бухты, ни отлогого берега; всюду возвышались зубчатые горные утесы, покрытые льдом и снегом. В конце концов, после долгих поисков, путешественники отыскали небольшой клочок низкого берега, но, как оказалось, этот берег во время прилива весь заливался водою, и поэтому нельзя здесь было разбить палатки. Кругом этого берега возвышались неприступные отвесные скалы. Вследствие этого пришлось перебраться в другое место. Положение экспедиции казалось почти безнадежным. Провианта имелось всего на 5 недель, одежда была вся в лохмотьях, жестокая зима скоро должна была наступить. Китоловы, посещавшие Шетландские острова, несомненно, уже давно покинули эти места, и ожидать их возвращения можно было не раньше будущего сентября. Таким образом в ближайшем будущем путешественникам грозила голодная смерть.

Сознавая всю серьезность положения, Шеклтон составил смелый план действий: он решил отправиться с 5 спутниками в лодке через океан в Южную Георгию за помощью! На этом острове существовали постоянные станции норвежских китоловов, и поэтому Шеклтон мог с уверенностью рассчитывать, что найдет там какое-нибудь судно, на котором он сможет вернуться на Слоновый остров за своими товарищами.

Чтобы понять всю рискованность такого путешествия, мы должны сказать, что Слоновый остров находится от острова Южной Георгии па расстоянии 1.500 километров. Эти 1.500 километров бурного моря Шеклтон намеревался переплыть в небольшой шлюпке на веслах! Это значило — итти почти на верную смерть. Но разве жертвовать собою ради спасения своих спутников не долг начальника экспедиции? И 24 апреля 1915 года Шеклтон с пятью добровольцами пустился в свое опасное плавание.

Вскоре после начала путешествия, когда Слоновый остров скрылся за горизонтом, поднялась буря, которая не ослабевала две недели; на море почти все время стоял густой туман. Иногда на море свирепствовали снежные бури. «Южный океан словно хотел оправдать перед нами свою дурную славу» — пишет Шеклтон, говоря об этом путешествии. Страдания, которые переносили смелые мореплаватели, превосходят всякое воображение. Только одна мысль, что им, быть может, удастся спасти своих товарищей, оставшихся на Слоновом острове, поддерживала мужество Шеклтона и его спутников.

Температура воздуха все время была очень низкая; в то же время в лодку падал непрерывный дождь брызг которые, замерзая, покрывали борта лодки толстым слоем льда; день и ночь приходилось отбивать этот лед и выбрасывать его за борт. Измокшие, усталые и истощенные путешественники все время питались впроголодь только сухарями и консервами; у них не было никакой возможности напиться хотя бы горячего чаю.

После двух недель плавания, сопровождавшегося борьбой и лишениями, превосходившими всякую человеческую выносливость, отважные мореплаватели начали было уже поддаваться чувству отчаяния, как вдруг вечером 8 мая на горизонте показалась, наконец, Южная Георгия. Но на другой день, когда берег уже казался таким близким, разразился новый шторм. Гонимая ветром, лодка неслась к берегу с головокружительной быстротой... Вдруг сквозь туман Шеклтон увидал впереди лодки что-то белое... Прямо перед лодкой были буруны! Нужно было во что бы то ни стало повернуть в сторону, ибо иначе гибель была неминуема. Долгое время все усилия мореплавателей оставались

тщетными, и лодка стремительно неслась на буруны. Гибель казалась неизбежной, но в самый критический момент внезапный каприз ветра отнес лодку прочь от опасности.

10 мая на море разразился снова шторм. Но, тем не менее, Шеклытону удалось ввести свою лодку в одну небольшую защищенную бухту. Нечего говорить о том, как велика была радость храбрецов, добравшихся до цели! Спасение товарищей казалось им теперь обеспеченным. И эта уверенность придавала им силы для дальнейшей борьбы.

Но испытания Шеклытона и его спутников еще не кончились. Норвежские китоловные станции находились на противоположной стороне острова. Чтобы добраться до них, нужно было совершить длинное и опасное путешествие кругом острова. На море все время свирепствовала буря, и пускаться в плавание около берегов на маленькой лодке в такую погоду было бы безумием. Прождав два дня и видя, что буря не стихает, Шеклытон решил пройти через остров пешком пятьдесят один километр сплошных гор и ледников... Взяв с собою двоих наиболее крепких из своих спутников и провизии на три дня, Шеклытон 19 мая отправился в путь. После тридцати шести часов тяжелого пути, во время которого приходилось перебираться через высокие горы и огромные ледники, Шеклытон и его два товарища 20 мая, к вечеру, достигли, к своей величайшей радости, поселка китоловов.

Рассказав о бедственном положении, в котором находились на Слоновом острове 22 человека с «Эндьюренса», Шеклытон просил дать ему один пароход для спасения товарищей. Норвежцы немедленно же снарядили пароход, и 23 мая Шеклытон отправился за своими товарищами. Но южно-полярная зима уже вступила в свои права и на океане показался в большом количестве лед. Китобойные суда, употребляемые норвежцами в этих водах, не предназначёны для плавания среди льдов, потому и данный Шеклытону пароход не обладал достаточной крепостью, чтобы попробовать преодолеть преграду. Следовательно Шеклытону приходилось возвратиться обратно.

Но он не хотел признать себя побежденным. Он попробовал подойти к Слоновому острову с другой стороны. Но и там льды преградили ему путь. Шеклытон был в отчаянии. Товарищи на острове к этому времени должны были уже израсходовать последние остатки своих припасов, а он так близок к ним— и не может им помочь... Видя, что он ничего не может сделать для спасения своих товарищей, Шеклытон просил норвежцев доставить его на Фальклендские острова, откуда он переехал в Южную Америку. Здесь ему удалось выпросить у правительства Уругвайской республики в свое распоряжение ледокол, и с новой

надеждой в душе Шекльтон, не медля ни одного дня, опять направился в Антарктику. Но и эта попытка не привела ни к чему. И все-таки никакие неудачи не могли сломить энергию Шекльтона.

В начале июля 1915 г. он снова направился к Слоновому острову на английском судне, и после неимоверных усилий ему

Медаль, выбитая в память роковой экспедиции капитана Скотта.

удалось, в конце концов, спасти всех своих товарищей, остававшихся на Слоновом острове.

В августе 1916 г., только что доставив в Южную Америку своих товарищей с Слонового острова, Шекльтон отправился в Новую Зеландию, чтобы оттуда снова совершить плавание в Антарктику, к противоположному берегу, где была оставлена другая партия исследователей в десять человек во главе с капитаном Макинтошем. За этой партией должен был зайти пароход «Аврора», но он потерпел аварию и вернулся в Новую Зеландию без путешественников. Шекльтон стал настаивать, чтобы ему дали немедленно же пароход для спасения товарищей в Ан-

тарктике. Но губернатор Новой Зеландии отказался дать пароход в распоряжение Шеклытона и назначил командиром на этот пароход не Шеклытона, а другое лицо. Шеклытон, однако, чувствуя свою моральную ответственность за жизнь оставленных в ледяной пустыне товарищей, не мог оставаться в Новой Зеландии и поступил на посланный для спасения его спутников пароход простым матросом.

В январе 1917 г. Шеклытону удалось доставить в Америку и вторую партию своих спутников, проведших в Антарктике целых два года. Но из десяти человек в живых остались только семь. Погибли от тягостей полярной жизни сам начальник отряда капитан Макинтош, пастор Спенсер-Смит и матрос Хейвуд.

После окончания мировой войны 1914—1918 г.г. Шеклытон, служивший в армии в качестве офицера, снова почувствовал непреодолимое влечение в страну вечного льда. Он составил план экспедиции в неисследованные области Бофортова моря в Северном Ледовитом океане, но эта экспедиция не могла состояться, и тогда Шеклытон решил совершить новое путешествие в Антарктику.

В сентябре 1921 г. Шеклытон приобрел небольшой пароход «Квест» и, собрав некоторых из своих старых товарищей, отплыл в Южную Америку, откуда направился к Южной Георгии. 4 января 1922 г. «Квест» был уже в бухте Гритвикен на Южной Георгии. Еще в пути из Южной Америки в Георгию Шеклытон стал чувствовать недомогание, и когда «Квест» прибыл на Южную Георгию, Шеклытон стал жаловаться на невралгические боли в спине. Утром 5 января Шеклытон почувствовал полный упадок сил и через несколько минут скончался. Шеклытон умер всего только 48 лет, в полном расцвете своих сил и способностей. После Шеклытона командование на «Квесте» принял капитан Уайльд. Тело Шеклытона было отправлено в Монтевидео на норвежском китобойном судне, откуда оно в феврале месяце 1922 г. было переправлено для погребения в Англию. Так закончил свою жизнь один из наиболее замечательных полярных путешественников наших дней.

Все, знавшие Шеклытона, отзываются о нем как о человеке с сильной волей и непреклонной энергией. Нужно заметить что все его экспедиции были его частными предприятиями и снаряжались на средства, которые добывал Шеклытон в долг и которые он затем аккуратно выплачивал. Только те, которые близко знакомы с историей экспедиций Шеклытона, знают, с какой затратой энергии Шеклытон организовывал эти экспедиции. Шеклытон умел заражать людей своим энтузиазмом, умел покорять их своим обращением. и лучшим доказа-

тельством этого служат его спутники и товарищи по полярным путешествиям; эти люди, побывав раз с Шекльтоном в стране мрака и холода, шли за ним снова и снова, как только Шекльтон звал их за собой. Они разделяли с ним длинные, мрачные, темные и холодные зимы на полюсе—и это является неопровержимым доказательством большой моральной силы Шекльтона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

С открытием полюсов закончилась великая эра в истории «завоевания Земли». С момента открытия этих двух таинственных областей земного шара человечество приобрело общее познание о всей поверхности своей планеты.

Охватывая умственным взором весь длинный ход истории «завоевания Земли», о главнейших этапах которого рассказано кратко в нашей книге, мы видим, как неустанно исследователи всех времен и народов шаг за шагом проникали во все уголки мира и постепенно снимали покров тайны с неизвестных стран. Мы видели, с какими затратами энергии совершалось «завоевание Земли»; на своем пути исследователи встречали тысячи различных препятствий, но ничто не могло остановить волю человека, и никакие жертвы не страшили отважных пионеров.

Сколько путешественников, иногда почти без всяких средств, направлялись в неведомые страны, вверяя свою жизнь таинственному бурному океану или пускаясь бесстрашно в необозримые тропические леса и в беспредельные ледяные пустыни полярных областей. Наука имеет своих «мучеников», и географическая наука едва ли не больше всех других наук награждала венком мученика ученых и исследователей, посвящавших ей свой ум и энергию. Правда, очень многие путешественники предпринимали далекие экспедиции движимые целью наживы. Стоит вспомнить хотя бы Дрэка, «пирата королевы Елизаветы», о котором мы говорили во втором томе нашего произведения. У многих путешественников цель была — обогащение, а средство для достижения—меч. Результаты таких путешествий были — смерть и разрушение. Золото и кровь—вот что, к сожалению, красной нитью проходит в описании многих путешествий; но тем не менее, несмотря на такие отрицательные стороны, все великие путешествия, с какой бы целью они ни предпринимались, способствовали расширению наших познаний о земле.

Тысячи и тысячи исследователей, ученых и путешественников трудились над созиданием науки о Земле, и благодаря этим трудам в течение веков перед взором человечества развертывались постепенно, одна за другою, картины новых областей

земного шара с их неведомой до того времени природой и чуждыми племенами...

Вспоминая с признательностью всех великих исследователей, о трудах и подвигах которых мы говорили на страницах нашей книги, мы не должны также забывать и той бесчисленной армии безыменных героев, которые способствовали и помогали исследователям в осуществлении их задач, и имена которых остались навсегда неизвестны. Колумб, Васко-де-Гама, Магеллан, Кук, Нансен, Скотт, Амундсен, Шекльтон и другие выдающиеся исследователи и путешественники были бы бессильны осуществить все свои планы, если бы они не находили самоотверженных и преданных им спутников и сотрудников.

Роль этих невидных героев и «чернорабочих» науки, имена которых не сохранила история, не менее важна и почетна в истории землеведения, чем роль самих великих исследователей. Без труда и помощи этих рядовых великой армии «завоевателей Земли» не удалось бы осуществить многих и многих географических открытий...

Охватывая одним общим взглядом всю историю «завоевания Земли» человеком и постепенное расширение географического горизонта человечества, мы должны признать громадный прогресс, совершонный человечеством на этом пути. При начале истории мы видели, что горизонт, окружавший каждое племя или народ, считался этим народом границами всего мира— «краем земли». В настоящее же время горизонт современного культурного человечества охватывает весь земной шар.

В первом томе нашей книги мы уже указывали, как под влиянием расширения географического горизонта человека раздвигается и его общий умственный горизонт. Благодаря этому факту географические открытия имеют влияние и на обще-культурный уровень человечества. Отчасти благодаря прогрессу географической науки мировоззрение современного человека и его психология глубоко разнятся от мировоззрения людей прошлых веков.

В наше время, благодаря расширению географического горизонта, охватывающего, как мы сказали, весь земной шар, благодаря также усовершенствованию путей и средств сообщения, жизнь всех культурных народов на земном шаре становится как бы единой, и цивилизованный человек постепенно начинает сознавать себя «гражданином всего мира». В наше время национальные и политические границы между народами все более и более утрачивают свое прежнее значение, и современное человечество вступает в эпоху *интернационализма* и сближения народов между собою. Отныне история человечества в полном смысле слова становится *всемирной* или *всеобщей*. Эта новая эра мировой истории в значительной мере была подготовлена

трудами и усилиями, пусть иногда несознательными, многочисленных исследователей земного шара и ученых всех времен и народов. Наука, в том числе и наука географическая, по своей сущности *международна* (интернациональна) и никогда не знала узких, национальных границ.

К сожалению, новый период мировой истории ознаменовался великой социальной катастрофой—войной, разрушившей на много лет живую социальную ткань единого культурного человечества. Человечество еще не изжило предрассудков узкого национализма, и этими предрассудками пользуются еще те группы правящих классов, которым война выгодна и приносит барыши.

Но войны ложатся большой тяжестью на трудящиеся массы, которые несут не только все материальные тягости войны, но и уплачивают страшный «налог крови». Мировая война воочию показала трудящемуся человечеству, что, пока поверхность нашей планеты будет оставаться предметом хищнических и империалистических захватов, до тех пор народные массы не освободятся от этого «налога крови» и до тех пор они будут орудием в руках мировых хищников капитализма.

Народам нужно понять, что, пока поверхность земли будет являться *частной* собственностью отдельных лиц, групп или обществ, до тех пор войны между народами будут неизбежны. При таком разделе земного шара на более или менее мелкие части, составляющие частную собственность тех или иных лиц или групп, трудно будет *планомерное* и действительно научное исследование земного шара и его богатств, которые должны были бы служить на пользу всему человечеству, а не только привилегированному меньшинству.

А между тем перед современным человечеством стоит еще целый ряд сложных географических вопросов. Человечество, познав Землю в ее целостности, еще очень мало знает жизнь своей планеты во всех ее проявлениях. Хотя за последние пятьдесят лет было сделано много открытий и наблюдений в области климатологии, геологии, географии растений и животных и океанографии, но тем не менее мы все еще далеки от полного познания жизни земного шара. Каждая разрешенная задача ставит перед нами новые вопросы, и каждый разрешенный вопрос выдвигает новые задачи. И если даже истина становится известной в своих общих чертах, то от исследователя требуется еще огромная работа, чтобы вывести из общего положения правильные выводы для каждого отдельного случая.

Современная география, несмотря на весь прогресс, заключает в своей области еще тысячи неразрешенных задач. Одной из таких задач является составление более детального, чем это имеется теперь, картографического изображения земной поверх-

ности. В настоящее время мы еще очень далеки от обладания подробными картами всех населенных стран. Лишь Европа от Финляндии до Португалии и от Шотландии до Черного моря, Северная Африка от Орана до Красного моря, Индия и Соединенные Штаты Северной Америки имеют подробные так называемые карты генерального штаба, на которых полностью нанесены все реки и речки, леса, обработанные пространства и заселенные пункты. Но сколько еще пробелов на картах других стран! Без сомнения, рано или поздно будут составлены подробные карты всех областей земной поверхности, так что перед глазами человека предстанет действительно полная и детальная картина поверхности земного шара. В борьбе за те несметные богатства, которые таят в себе необъятные пространства материков, географические исследования и подробные географические карты являются фундаментом и предпосылкой для всей дальнейшей работы. В настоящее время в области картографии начинают с успехом пользоваться воздушными съемками, которые, комбинированные с соответствующими геодезическими, позволят выполнить большинство географических задач в значительно более короткий срок, с большей точностью и с значительной экономией сил и средств.

Когда человек познакомится со всею поверхностью Земли, властелином которой он себя считает, тогда он с полным правом сможет повторить слова Колумба: «el mundo es poco» — «мир невелик!», и тогда задача исследователей и путешественников будет состоять уже не в открытии новых стран, а в подробном и всестороннем изучении каждой данной местности, в исследовании каждой реки, каждой горы и долины для того, чтобы определить роль каждой части земного организма в общей жизни планеты. Уже теперь, на ряду с географами, геологами, ботаниками, зоологами и метеорологами, изучением жизни земного шара во всех ее проявлениях заняты тысячи ученых, исследующих физические, химические, климатические и биологические явления, происходящие на Земле. Все эти исследования пополняют наши познания о Земле, и люди с каждым новым поколением все более и более узнают свою общую родину-мать и научаются обращать в свою пользу неисчислимые богатства земного шара.

Постепенное и подробное изучение всей жизни Земли и выяснение общих законов, управляющих нашей планетой, даст людям возможность, в конце концов, превратить весь земной шар в гигантский организм, неустанно работающий своими воздушными и морскими течениями, паром, электричеством и другими силами на пользу всего человечества.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(для всех трех томов).

(Римские цифры обозначают том, арабские — страницы.)

В.

Г.

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н.

О

Т.

У.

Ф

Х.

